

Е. И. КЫЧАНОВ

О Ч Е Р К
И С Т О Р И И
Т А Н Г У Т С К О Г О
Г О С У Д А Р С Т В А

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Е. И. КЫЧАНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ТАНГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1968

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Ц. МУНКУЕВ

250 лет (X—XIII вв.) существовало тангутское государство Си Ся. Оно вело бурную политическую жизнь и играло видную роль среди народов Центральной Азии и Дальнего Востока. Тангуты создали оригинальную письменность, своеобразную и весьма высокую культуру.

Впервые в советской литературе систематически излагается история тангутского народа — от его возникновения до трагической гибели, характеризуется социально-экономический строй и культура тангутов, рассказывается об их судьбах после гибели государства. Работа написана на основе изучения многочисленных китайских и тангутских источников.

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к написанию «Очерка истории тангутского государства», автор надеялся представить советскому читателю относительно полную и связную историю тангутского народа от его далеких истоков до исчезновения. До сих пор мы не располагаем ни одним исследованием, достаточно полно характеризующим историю тангутского народа. Исключения составляют блестящие для своего времени и не утратившие значения и по сей день переводы из китайских источников, выполненные более ста тридцати лет назад Н. Я. Бичуриным¹. Однако круг использованных Н. Я. Бичуриным источников не охватывал всех сведений о тангутах, имевшихся в династийных историях; его книга не может полностью удовлетворить потребность в связном и достаточно полном изложении истории тангутского народа. Не считая китайских публикаций источников, литература по истории Си Ся ограничивается полутора десятком японских статей и единичными статьями на русском, китайском, французском, немецком и английском языках. Все они посвящены частным вопросам и не дают полного представления о прошлом тангутского государства. А между тем знание истории тангутского народа, несомненно, имеет немалое значение для изучения прошлого Центральной Азии в домонгольскую эпоху. Тангутский народ сыграл некогда заметную роль в жизни этого района и оказал влияние на культуру соседних народов. Изучение его прошлого поможет исследовать процессы становления государственности у соседних с Китаем народов, а также весьма актуальные вопросы взаимовлияния китайской культуры и местных самобытных культур народов Дальнего Востока и Центральной Азии.

Мы не вправе, как это делают некоторые историки², рассматривать прошлое соседних с Китаем народов, проживавших или проживающих ныне на территории КНР, лишь как «подго-

---

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х.*, СПб., 1833.

² Ван Чжун, *Лунь Си Ся ды синци*, — «Лиши яньцзю», 1962, № 5, стр. 20.

товительный этап» к созданию единого государства. Признавая плодотворное влияние китайской цивилизации на культуру соседних племен и государств, мы не должны ни отрицать самостоятельного значения прошлого этих народов, ни пытаться оправдывать и такие методы их объединения, как завоевательные войны Чингисхана, приведшие к истреблению целых народов.

На советских ученых ложится особая ответственность в деле изучения истории и культуры тангутского народа. Благодаря неустанным поискам замечательного русского исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, обнаружившего в развалинах мертвого города Хара-Хото и сохранившего мировой науке ценную коллекцию памятников тангутской культуры, советские исследователи располагают уникальным собранием тангутских письменных источников.

Работы советского ученого проф. Н. А. Невского над этими памятниками получили всеобщее признание и удостоены высшей награды — в 1962 г. ему посмертно присуждена Ленинская премия.

Исследование и интерпретация памятников тангутской письменности уже сейчас требуют по возможности детального знакомства с прошлым тангутского народа³. И если китайские источники не в состоянии дать ответ на многие интересующие нас вопросы прошлого тангутского народа, то, используя их, мы постараемся расшифровать тангутские письменные памятники, которые откроют новые перспективы в изучении культуры тангутского государства и, возможно, сопредельных стран и народов.

Исходя из этого, автор «Очерка» старался изложить по возможности полнее всю историю тангутского государства. Однако не все важные проблемы истории Си Ся освещены в равной степени. К огромному сожалению, это прежде всего относится к вопросам внутривосточной жизни и характеристике социально-экономических отношений тангутского общества. Часто приходилось сознательно удовлетворяться лишь подборкой и перечислением фактов и не делать преждевременных выводов, ибо мы зачастую имеем возможность указать на проблему, но не решать ее. Но автор надеется, что появление «Очерка» послужит стимулом к дальнейшему исследованию проблемных вопросов прошлого тангутов.

---

³ В 1930 г. на майской сессии АН СССР акад. В. М. Алексеев выступил с докладом «Об организации изучения тангутского фонда Азиатского музея в связи с новейшими успехами китайской историографии». Он предлагал перевести основные китайские источники о тангутах на русский язык, справедливо полагая, что в работе над тангутским фондом «без знания истории Западных Ся нельзя ничего предпринимать», что «лингвист без исторической подготовки будет слеп» (Архив АН СССР, оп. 820, разд. 2, ед. хр. 153, стр. 9, 10).

Несколько слов об основных китайских источниках по истории тангутского государства.

Официальные истории предшествовавших династии Юань государств Сун, Ляо, Цзинь начали составляться в 40-х годах XIV в. Предварительно при монгольском дворе велись длительные споры о правомочности той или иной династии и, следовательно, о необходимости составления ее официальной истории. Споры завершились тем, что наряду с историей сунской династии было признано необходимым составить истории киданьской династии Ляо и чжурчжэньской — Цзинь, а историю тангутского государства, незначительного по размерам и считавшегося младшим по отношению к трем названным династиям, не составлять. Для написания этих династийных историй был привлечен большой коллектив ученых во главе с монголом Токто. В состав коллектива наряду с китайскими учеными Чэнь Сы-ляном, Кунь Сы-лином, Ван Цзэ-минем и другими вошли и тангуты по происхождению — Ва Юйлуьнду и Юй Цюэ. Все сведения о тангутском государстве Си Ся, имевшиеся в распоряжении ученых, были помещены в крайне сокращенном виде среди описаний иноземных народов в «Сун ши», «Ляо ши», «Цзинь ши». Это подтверждается простым фактом — даже имевшиеся в то время китайские материалы, не говоря уже о тангутских, не были полностью учтены. Конечно, авторы историй могли бы использовать и тангутские источники, так как среди этих историков были люди, знавшие тангутский язык, или тангуты по происхождению. Однако не полностью были использованы даже и дошедшие до нас сунские источники, составленные еще в период существования Си Ся и до наших дней являющиеся одним из главных пособий при изучении истории тангутского государства.

К их числу в первую очередь относится «Сюй цзы чжи тун цзянь чан бянь», автором которого был Ли Дао (1115—1184 гг.). Ли Дао завершил свое сочинение в 1174 г., представив читателю многотомное собрание источников как официальных, так и неофициальных. Оно было предназначено для подготовки династийной истории Северной Сун. Материал был размещен в хронологическом порядке.

К сожалению, труд Ли Дао сохранился с большими лакунами. Позднее он был почти полностью включен в минское собрание сочинений различных писателей «Юн-лэ да дянь» и в настоящее время является важнейшим источником по истории Северной Сун. В нем содержится много очень важных сведений о тангутском государстве, особенно о его взаимоотношениях с Сун.

Весьма ценны сведения о Си Ся, изложенные в гл. 25 известного сочинения Шэнь Ко «Мэнци би тань». Шэнь Ко (1031—1095 гг.) был видным сунским сановником, сторонником Ван

Ань-ши, участником китайских посольств в Ляо и переговоров с киданями. В конце 70-х — начале 80-х годов XI в. он занимал пост сунского пограничного военачальника в Яньчжоу (современный Яньань) и участвовал в войнах с Си Ся. Часть сведений Шэнь Ко собрал непосредственно на границах тангутского государства. Его сочинение, написанное, вероятно, после 1088 г.⁴, состоит из кратких очерков различного содержания. Сведения о Си Ся охватывают время правления трех тангутских государств — Юань-хао, Лян-цзо и Бин-чана,— и особенно ценны тем, что содержат сообщения о жизни тангутского двора тех лет.

Богатые сведения о Си Ся имеются и в другом важном сунском источнике XII в. — в труде Ван Чэна «Дун ду ши люе», представляющем собой полное изложение истории правления девяти северосунских императоров и составленное по образцу официальной династийной истории. Истории тангутского государства посвящены 127—128 цзюани. В них излагается история Си Ся с момента его возникновения до завоевания чжурчжэнями Северного Китая. Описание Си Ся, взятое из этого сочинения, издано отдельно под названием «Си Ся ши люе».

Сведения о Си Ся можно найти и в таком сунском источнике, как «Лунпин цзи», автором которого считают Цзэн Гуна. В «Лунпин цзи» кратко изложены события, относящиеся ко времени правления пяти первых сунских императоров (до 1068 г.).

Интересные и очень важные известия о тангутском государстве содержатся фрагментарно во многих других сунских сочинениях, в частности в трудах многих известных государственных деятелей и военачальников Северной Сун, часто непосредственно причастных к сунской политике в отношении тангутского государства.

Таким образом, далеко не все сообщения о тангутах в известных нам сунских источниках были использованы при составлении описаний Си Ся в династийных историях Сун, Ляо и Цзинь. Тем не менее даже имеющиеся в этих сочинениях сведения о Си Ся являются весьма важными при рассмотрении его истории, так как авторы источников опирались в своей работе на китайские сочинения о Си Ся, которые позднее были утеряны. Это, прежде всего, «Ся го шу яо» Сунь Сюня, на которое ссылаются авторы описания Си Ся, помещенного в «Сун ши». В заключительной его части говорится: «Все записанное в этой истории — посмертные имена императоров, их храмовые имена и наименования их могил — отобрано из сочинения „Ся го шу яо“ и других книг. Если же были несоответствия со старыми историями, то авторы в сомнительных местах оставляли пропуски, чтобы подождать тех, кто знает»⁵. Краткая характеристика «Ся го шу яо» сохранилась и в сунской библиографии XII в. «Цзюнь

⁴ См. D. Holzman, *Shen Kua and his Meng-ch'i pi t'an*, — *T'oung Pao*, vol. 46, 1958, № 3—5, p. 277.

⁵ СШ, гл. 486, стр. 3797.

чжай ду шу чжи» Чао Гун-у. Книга состояла из двух цзюаней и содержала важнейшие сведения о военных лагерях «мятежников Ся», о плодородных и бесплодных землях, существующих и пересохших колодцах и источниках, о складах зерна, о знатных старшинских родах и семьях, о наименовании и статусе существующих органов управления, об исправных и неисправных городских стенах и рвах с водой, о нравах и обычаях тангутов⁶. Можно только сожалеть об утрате столь ценного источника по истории Си Ся.

В старых каталогах упоминаются и другие сунские сочинения о Си Ся: «Си Ся сюй чжи», «Си Ся цза цзи», «Цидань Сячжоу ши цзи» и «Юань-ю фын цзян лу». Все эти книги, вероятно, послужили источниками для составления описания Си Ся в «Сун ши»⁷, являющегося самым полным. С небольшими сокращениями оно переведено на русский язык Н. Я. Бичуриным⁸.

Описание государства Си Ся, содержащееся в «Сун ши», по своей структуре представляет копию династийной истории. Большую его часть занимает политическая история Си Ся, изложенная в хронологическом порядке — по времени правления государей, что соответствует разделу «Бэнь цзи» династийных историй. В конце, в разделе, соответствующем «Чжи» — «Описаниям» династийных историй, приводятся краткие сведения о территории Си Ся, административном делении тангутского государства, о тангутской армии, обычаях и обрядах тангутов, их жилищах. Обычные для династийных историй разделы «Биографии» и «Таблицы» отсутствуют. Текст сопровождается авторским введением и заключением, в самой общей форме описывающими взаимоотношения династии Сун с соседними народами, а также указывающими значение тангутского государства в истории Китая X—XII вв. и его фактически самостоятельную роль. Описание Си Ся в «Сун ши» имеет одну существенную особенность: оно повествует главным образом об отношениях Си Ся и Сун.

Взаимоотношения тангутского государства с Ляо и Цзинь изложены в соответствующих разделах «Ляо ши» (гл. 115) и «Цзинь ши» (гл. 134). Оба эти описания являются органическим дополнением описания истории Си Ся в «Сун ши»; помимо характеристики отношений Си Ся с каждой из указанных династий они содержат также сведения о Си Ся, отсутствующие в других источниках. Особенно это относится к «Ляо ши», в которой приведены важные свидетельства об обрядах и обычаях тангутов.

---

⁶ «Чжао Дэ сяньшэн цзюнь чжай ду шу чжи», Сы бу цун кань, Сань бянь, Ши бу, цзюань 7, стр. 21а—22б.

⁷ Дэн Янь-линь, *Чжунго бяньцзян ту цзи лу*, Шанхай, 1958, стр. 19—20; Сатоси Накадзима, *Сэйка ни окэру сэйкёку но суйи то бунка*, — «Тохо гакухо», Токио, 1936, № 6, стр. 737.

⁸ Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. II.

В «Сун ши» и «Ляо ши» имеются некоторые расхождения в описании тех или иных событий истории Си Ся (например, в описании истории создания тангутского письма). «Ляо ши», написанная всего за одиннадцать месяцев (1343—1344 гг.), отличается большой фрагментарностью; записи из раздела «Бэнь цзи» и описания Си Ся в гл. 115 часто буквально совпадают. Возможно, в спешке были допущены некоторые неточности, но тем не менее «Ляо ши» содержит оригинальные, неизвестные из других источников характеристики тангутов, почерпнутые из более ранних материалов, собранных киданями и сохранившихся в Цзинь в изложении цзиньских авторов. Известно, что в государстве Ляо существовал запрет на вывоз книг за границу. Поэтому гибель киданьских библиотек в огне пожаров чжурчжэньского завоевания была безвозвратной гибелью их оригинальной литературы. Только те крохи, которые удалось собрать цзиньским авторам, и дошли частью до наших дней в изложении «Ляо ши». Разделы «Ляо ши» об обычаях и обрядах тангутов, написанные, как можно думать, на основе материалов киданей, некогда тесно связанных с Си Ся, именно поэтому заслуживают доверия.

В истории династии Цзинь, основывающейся на большом документальном материале, содержится весьма подробная характеристика взаимоотношений государства Си Ся и чжурчжэней, по-видимому также заслуживающая доверия. В этом описании имеются и некоторые сведения о внутренней жизни тангутского государства, не встречающиеся в других источниках.

Следует заметить, что помимо общей критической оценки ранних китайских источников потребуются особо оценить содержащиеся в них сведения о Си Ся и сопоставить их в конечном итоге с материалами тангутских источников.

Значительные материалы о Си Ся и тангутах имеются и в «Юань ши»: здесь следует указать не только на описание завоевания Си Ся монголами, но и на большое число жизнеописаний государственных деятелей монгольского времени, тангутов по происхождению. Эти биографии очень важны для изучения судеб тангутов после гибели Си Ся.

Отсутствие единой истории тангутского государства побудило китайских авторов создать произведения, в которых было представлено все, что знали тогда о тангутском государстве. Первые попытки были предприняты еще при династии Мин. Однако работы того времени известны нам лишь по упоминаниям. Этот труд продолжили цинские ученые. В 1826 г. вышла в свет книга У Гуан-чэна «Си Ся шу ши». В 42 главах автор собрал и расположил в строгом хронологическом порядке все, что смог найти в других источниках, к сожалению, не названных им. Тем не менее сличение текста «Си Ся шу ши» с более ранними китайскими источниками показывает полную достоверность и точность

информации У Гуан-чэна. Даже в том случае, когда для некоторых приводимых им данных о тангутском государстве трудно найти ранний источник информации, они подкрепляются другими сообщениями. Например, интереснейшие сведения об отправке тангутами во время западного похода Чингисхана послов в Монголию с целью поднять восстание среди подвластных Чингисхану племен, подтверждаются материалами, которые мы находим у персоязычного автора XIII в. Джувейни.

Во второй половине XIX в. была издана новая работа о Си Ся, в которой собранный материал был расположен иначе, по принципу «бэнь мо», «изложение хода каждого события от начала до конца». Чжан Цзянь — автор «Си Ся цзи ши бэнь мо» добавил к своей истории хронологические таблицы и ценные карты Си Ся, одна из которых является воспроизведением древней сунской карты Си Ся XI в.

В 1924 г., после упорного десятилетнего труда, китайский ученый Дай Си-чжан издал свою работу «Си Ся цзи». 28 глав этой книги стали подлинной энциклопедией китайских знаний о тангутском государстве. В этом труде, включившем в качестве источника и две предыдущие работы, в хронологическом порядке изложено почти все, что известно по китайской литературе об истории тангутского государства. Книга содержит богатую библиографию (около трехсот наименований). Эти три сочинения наряду с описаниями Си Ся в династийных историях и вышеуказанными сунскими источниками являются основными собраниями материалов о тангутском государстве.

К названным выше работам близко примыкает труд Ло Фучана «Сун ши Ся го чжуань цзи чжу», изданный в 1937 г. Книга представляет собой пространные дополнения к 485-й и 486-й главам «Сун ши», составленные путем простого добавления цитат из других источников. В ней указана старая китайская литература, содержащая сведения о Си Ся (45 наименований). По своей полноте работа Ло Фучана уступает предыдущим.

Нужно заметить, что «Си Ся шу ши», «Си Ся цзи ши бэнь мо», «Си Ся цзи» и «Сун ши Ся го чжуань цзи чжу» являются трудами компилятивными, с завидной добросовестностью передающими буквально все, что написано о Си Ся в том или ином более раннем сочинении. Несмотря на позднее составление, эти своеобразные антологии могут быть отнесены к разряду китайских источников о Си Ся. Имеющиеся в них авторские комментарии вынесены за пределы основного информационного текста, воспроизводящего первоисточник. Считать эти труды литературой о Си Ся нет никаких оснований.

Все указанные выше источники и легли в основу нашего «Очерка». Материалы по истории тангутских племен до создания ими государства Си Ся взяты из династийных историй, а также географических сочинений и энциклопедий танской и сунской эпох.

Тангутские источники коллекции ЛО ИНА АН СССР использованы в данной работе в незначительном количестве, главным образом в разделах о государственном устройстве и культуре Ся. Основная трудность, возникающая при их чтении, — нехватка известных по значению знаков тангутского письма. Круг тангутских источников, которые смогут быть полезны при историческом исследовании, весьма обширен и овладение ими — задача первостепенной важности⁹. Представляя читателям свой «Очерк», составленный прежде всего по китайским источникам, автор надеется, что эти материалы помогут овладеть ценнейшими памятниками письма Си Ся.

---

⁹ См. Е. И. Кычанов, *Тангутские письменные памятники из Хара-Хото как исторический источник*, — «Историография и источниковедение стран Азии», вып. 1, Л., 1965, стр. 44—49.

Г Л А В А I

ТАНГУТСКИЕ ПЛЕМЕНА ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА СИ СЯ

ПРЕДКИ ТАНГУТОВ

Предки тангутов¹ — цяньские племена — известны с глубокой древности. Они населяли западные области Китая, пограничные с Тибетом. Верховья реки Хуанхэ и степи, окружающие озеро Кукунор, были территориальным центром, где на протяжении многих столетий проживали цяньские племена².

В период правления в Китае династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в степях Кукунора складывался западноцяньский племенной союз. На рубеже нашей эры в результате войн цянов и Хань часть западноцяньских племен переселилась на юг, в Сычуань. В начале IV в. н. э. район Кукунора был завоеван сяньбийцами, основавшими здесь свое государство Тугухунь (Тогон). Не подчинившиеся завоевателям цяны откочевали в горные районы Амдо. В IV—V вв. из среды этих племен выделились два племени — данчан и дансян, с которыми уже связана древняя история самого тангутского народа. Непосредственными предками тангутов были дансяньские племена³.

В VII в. складывается группа старшинских семей: Сифын, Фэйтин, Ванли, Почао, Еци, Фандан, Мицинь и Тоба. Эти семьи из поколения в поколение руководят дансяньскими племенами.

---

¹ В настоящей работе наименование «тангуты» применяется только к народу, основавшему государство Си Ся (982—1227 гг.).

² О ранней истории предков тангутов см. Е. И. Кычанов, *Государство Си Ся (982—1227 гг.)*, автореферат диссертации, Л., 1960; Е. И. Кычанов, *К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам)*, — в кн.: «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 148—160.

³ Об истории дансянов см. Сумико Ямамото, *Тодай ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, — «Сикан», т. 26—27, стр. 70—90; Окадзаки Сэйро, *Тодай ни окэру токо но хаттэн*, Тохоси ронсо, т. 1, [б. м.], 1947, стр. 56—86; Р. Olbricht, *Die Tanguten und ihre Geschichte bis zur Gründung von Si Hia*, — CAJ, vol. II, 1956, № 2, pp. 142—154.

Самым могущественным было объединение дансянских племен, возглавленное семьей Тоба ⁴.

С конца VI в. некоторые дансянские роды стали вступать в контакт с китайскими властями. В 593 г. более тысячи дансянских семейств признали себя подданными суйского двора ⁵. На следующий год несколько дансянских старшин во главе с Тоба Нин-цун перешли на китайскую службу в округе Сюйчжоу (уезд Линьтань, пров. Ганьсу) и получили звания командиров. В 605 г. дансяны совершили большой набег на пограничные районы Китая, но потерпели поражение. После этого многие дансянские племена признали свою зависимость от Китая, а некоторые дансянские старшины были вынуждены отправить к суйскому двору в качестве заложников своих сыновей и младших братьев ⁶.

В 629 г. в китайское подданство перешел дансянский старшина Сифын Булай со всем своим родом. Танский император Тай-цзун подарил ему грамоту с императорской печатью, а когда Булай прибыл лично ко двору, щедро одарил его. На землях рода Булая был учрежден округ Гуйчжоу, управлять которым назначили его самого. Сифын Булай был первым дансянским старшиной, получившим китайскую административную должность, а земли его рода — первой дансянской территорией, формально ставшей территориально-административной единицей Тан.

Следуя примеру Булая, многие дансянские старшины также приняли китайское подданство. Так на дансянских землях появились танские округа Цзюйчжоу, Фынчжоу, Яньчжоу и Юаньчжоу (в западных районах современной пров. Сычуань). В сочинении Ли Цзи-фу «Описание уездов и областей в годы правления Юань-хэ» (806—820 гг.) сообщается, что население этих округов состояло из дансянов и поэтому, «хотя в пределах их владений и были утверждены наименования уездов, там не было ни городов, ни селений» ⁷. На все административные должности в этих округах были назначены дансянские старшины.

Однако китайским властям никак не удавалось добиться подчинения сильнейшего старшинского дансянского дома — дома Тоба. Глава его — Тоба Чи-цы — считал себя союзником государства Тугухунь. В 634 г. во время войны Тан с Тугухунь Тоба Чи-цы выступил на стороне Тугухунь, но был разбит. После этого поражения родственники Чи-цы, в том числе и его

---

⁴ По вопросу о возможной связи дансянских Тоба с сянбийскими Тоба см. Е. И. Кычанов, *К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо)*, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.), М., 1964.

⁵ См. «Суй шу», гл. 83, стр. 592.

⁶ См. ЦТШ, гл. 198, стр. 1651; СТШ, гл. 221, стр. 1683—1684. Последующее изложение истории дансянов приводится в основном по материалам гл. 198 «Цзю Тан шу» и гл. 221 «Синь Тан шу».

⁷ Ли Цзи-фу, *Юань-хэ цзюнь сян ту чжи*, серия «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1936, гл. 39, стр. 91.

племянник Тоба Сы-тоу, признали себя вассалами Тан. Чи-цы, видя, что он постепенно лишается всех своих сторонников, покинулся. Он получил должность правителя области Сижун (современный Цинъян, пров. Ганьсу) и фамилию танских императоров Ли⁸. Так впервые предки правящего дома Ся приняли фамилию китайских императоров, а дансянский старшина получил должность правителя округа в том районе, где через 350 лет его потомки создадут свое государство.

Китайский двор стремился привлечь на свою сторону дансянов, так как в то время на западе появился грозный враг Тан — тибетское государство Туфань. Нападения тибетцев были одной из причин уступчивости Тоба Чи-цы. В 634 г. тибетский государь Сонг-цэн-гам-по напал на дансянов⁹. В 663 г. тибетцы подчинили Тугухунь.

Остальные старшины из дома Тоба, притесняемые тибетцами, обратились с просьбой к танскому императору разрешить дансянам переселиться в пределы китайского государства. Танский двор охотно откликнулся на их просьбу, и объединенные вокруг дома Тоба дансянские племена перекочевали в округ Цинчжоу (Цинъян, пров. Ганьсу). Одновременно в районах, соседних с Цинчжоу, танские власти создали дополнительно два округа для размещения дансянов¹⁰. Таким образом, во второй половине VII в. часть дансянских племен оказалась значительно северовосточнее первоначального места их обитания, на южной окраине Ордоса, ставшей впоследствии центром тангутского государства. Прежние их земли и оставшиеся там дансянские племена надолго попали под власть тибетцев.

Во время мятежа Ань Лу-шаня (755—763 гг.) тибетцы начали новое наступление на Китай и захватили области к востоку от озера Кукунор. Это вызвало новое переселение дансянов, проживавших в этих районах. «Во время мятежа Ань Лу-шаня, — сообщается в «Синь Тан шу», — туфаньцы захватили Хэ-лун. Тогда уцелевших дансянов переселили в пределы округов Линчжоу, Цинчжоу, Иньчжоу и Сячжоу»¹¹. Ямамото Сумико считает, что второе переселение произошло в 763 г.¹²

Дансяны оказались весьма беспокойными соседями. Через несколько десятилетий они в союзе с тибетцами и другими племенами стали выступать против Китая, создавая угрозу танской

---

⁸ См. там же. О времени подчинения Тоба Чи-цы см.: Сумико Ямамото, *Тодай ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, стр. 75.

⁹ См. Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. I, стр. 231.

¹⁰ ЦТШ, гл. 198, стр. 1651; СТШ, гл. 221, стр. 1683—1684. По мнению Окадзаки Сэйро, первое переселение дансянов на север произошло в годы правления танского императора Гао-цзуна (650—684). См. Окадзаки Сэйро, *Тодай ни окэру токо но хатэн*, стр. 73; Сумико Ямамото полагает, что переселение произошло в 678—680 гг. См. Сумико Ямамото, *Тодай ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, стр. 76.

¹¹ СТШ, гл. 43, стр. 329—330.

¹² См. Сумико Ямамото, *Тодай ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, стр. 83.

столице Чанъянь, расположенной не очень далеко от места расселения дансянских племен. В VIII в. полководец Го Цзы-и представил двору проект переселения дансянов в более удаленный от столицы район. Проект был принят, дансянские племена оказались еще севернее, в самом центре Ордоса.

В результате этих переселений к концу VIII в. в районе современного г. Цинъян жили дансяны племен Елиюеши, Елилунэр, Елицюелюй, Эрхуан, Ехай и Есу, известные как «племена Восточных гор». Дансянские племена, переселенные в центральные области Ордоса (Сячжоу и сопредельные округа), были известны как «племена Пинся»). Постепенно дансяны проникли на север до Хуанхэ и за ее пределы, на западе — в Алашань. Большое переселение дансянов на запад происходило в начале IX в.

В VIII—IX вв. постоянно происходило усиление могущества дома Тоба. Дансяны все больше втягивались в водоворот политической жизни Китая. Сила и влияние дома Тоба неуклонно возрастали, в то время как власть центрального китайского правительства постепенно ослабевала.

В середине IX в. Сы-гун — глава дома Тоба — захватил округ Сячжоу и объявил себя его правителем. В 880 г. танский император Си-цзун, спасаясь от крестьянских войск Хуан Чао, бежал в Сычуань и оттуда обратился за помощью к дансянам. Тоба Сы-гун охотно оказал правительственным войскам помощь в борьбе с повстанцами¹³. За эту услугу танский двор назначил Сы-гуна цзедуши (командующим войсками района) армии Диннань — трех округов центрального и юго-восточного Ордоса: Сячжоу, Суйчжоу и Иньчжоу¹⁴. После разгрома основных сил повстанцев в 884 г. Тоба Сы-гун получил титул вана Ся и фамилию Ли¹⁵.

С конца IX в. управление тремя областями и фамилия Ли стали передаваться в семье Тоба по наследству. Оказывая помощь танской династии, представители дома Тоба получали новые чины и земли. Дальнейшая политическая история дансянов до образования государства Си Ся — это история постепенного усиления власти дома Тоба.

ДАНСЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В X в.

В «Цзю у дай ши» мы находим описание дансянского общества в X в.:

«Все дансяны ведут оседлый образ жизни и живут в домах, которые покрывают шерстяными тканями. Дансяны любят военное дело. Живут они до 150—160 лет. Дансяны не занимаются хозяйством, а предпочитают грабить. Самые большие и сильные роды (цзу) дансянов в годы правления Тун-гуань (923—926 гг.);

¹³ См. ЦУДШ, гл. 132, стр. 583.

¹⁴ См. СТШ, гл. 221, стр. 1684; ЦЧТЦ, гл. 254, стр. 3088.

¹⁵ См. СТШ, гл. 221, стр. 1684.

послали ко двору своих послов с данью. При правлении императора Мин-цзуна (926—933) было приказано вдоль границы устроить рынки для торговли лошадьми. Все иноземцы приезжали торговать в Китай. Много лошадей пригоняли уйгуры и дансяны. Прибывших издалека Мин-цзун приглашал к себе и хорошо принимал. Лошади, пригоняемые на продажу, были породистыми, сильными и [китайцы], покупая их, всегда расплачивались справедливо. Приезжим иноземцам предоставлялось подворье. Дорога [ко двору] удваивала расходы, и поэтому каждого прибывшего в столицу Мин-цзун принимал в зале Юйдянь и угощал вином и различными кушаньями. Опьянев, гости, взявшись за рукава одежды, пели песни, а аккомпанирующие им музыканты исполняли их народные мелодии. Когда они уезжали, их щедро награждали. Ежегодно на такие приемы и награды уходило несколько миллионов. Танские сановники (династия Поздняя Тан, 923—934 гг. — *Е. К.*) были очень озабочены этим и несколько раз обращались с докладами к императору. В результате был отдан приказ, в котором предписывалось, чтобы чиновники по справедливым ценам покупали лошадей на пограничных рынках и прекратили допуск иноземцев ко двору. Однако дансянам было выгодно получать при дворе подарки и они продолжали приезжать в столицу¹⁶. Дансяны, жившие между городами Линчжоу и Цинчжоу, несколько раз нападали на границы и грабили их. Они перехватывали дань, посылаемую уйгурами из Хэси (т. е. районов, лежащих к западу от реки Хуанхэ. — *Е. К.*), забирали в плен уйгурских послов и обменивали их другим племенам на быков и лошадей... Остальные дансянские племена, рассеянные вдоль границы и живущие на самой границе, очень многочисленны. Однако все они не имеют государства, областей и начальников. Поэтому и нет ничего такого, что можно было бы записать о них»¹⁷.

«Синь у дай ши» дополняет эти сведения: «У дансянов нет ни городов, ни областей, но есть жилища, которые они покрывают шерстяными тканями... Дансянские племена состоят из больших фамилий (да син), но [у дансянов] нет начальников, и они не подчиняются друг другу. Дансяны рассеяны в округах Фынчжоу, Нинчжоу, Фучжоу, Яньчжоу, Линью и в Хэси, а на востоке — вплоть до округов Линьчжоу и Фучжоу (китайские области западной части провинции Шэньси и восточной части провинции Ганьсу. — *Е. К.*)»¹⁸.

Данные «Синь у дай ши» свидетельствуют о том, что в X в. дансянские племена уже полностью заселили территории, где вскоре сложилось государство Си Ся.

Таким образом, центром расселения тангутских племен в

¹⁶ Прекратить торговлю с дансянами оказалось невозможным, так как Китай «постоянно ощущал недостаток в лошадях» (УДХЯ, гл. 29, стр. 354).

¹⁷ ЦУДШ, гл. 138, стр. 612.

¹⁸ СУДШ, гл. 74, стр. 319.

IX—X вв. был район Ордоса, прилегающий к Великой китайской стене. Важнейшими округами этого района были Сячжоу, Иньчжоу, Яньчжоу, Ючжоу, Шичжоу и Суйчжоу. Резиденцией дома Тоба, под контролем которого в той или иной степени находились все тангутские племена, был город Сячжоу¹⁹.

В середине X в. в округе Сячжоу проживало 19 290 тангутских и 2096 китайских семей. Таким образом, по официальной китайской статистике, тангуты составляли подавляющее большинство населения своего «столичного» округа.

Аналогичная картина была и в других округах. В округе Суйчжоу (Суйдэ) проживало 20 885 человек, и соотношение тангутов и китайцев было такое же, как и в Сячжоу²⁰. Подобное же соотношение тангутов и китайцев было и в округе Иньчжоу (район современного г. Юйлинь, у слияния рек Юйлинь и Удинхэ), и в округе Ючжоу. Округ Яньчжоу «издавна был заселен иноземцами (фанями и жунами)». На севере Ордоса, в округе Фынчжоу, в 812—824 гг. проживало 1739 семей иноземцев²¹.

То, что дансянские племена составляли подавляющее большинство населения в этом районе, способствовало сплочению племен и объединению их под главенством одного правящего дома — дома Тоба, содействовало образованию дансянской (тангутской) народности, сложение которой, вероятно, началось именно в X в.

Упомянутые области представляли собой единое целое и в экономическом отношении. Это были районы развитого скотоводства, обработки продуктов скотоводства, центральные районы соледобычи северо-западного Китая. Земледелие здесь было развито слабо. По сведениям энциклопедии «Цэ фу юань гуй», «в пустынных землях Сячжоу не занимаются хлебопашеством и шелководством»²².

Китайские источники сообщают, что дансяны вели оседлый образ жизни. Однако часть племен после переселения в степные районы Ордоса и Алашаня в VIII в. перешла к кочевому образу жизни. В нескольких источниках встречаются упоминания о племенах дансянов, «которые кочевали в зависимости от наличия

¹⁹ Округ Сячжоу находился на территории Ханьской области Шофанцзюнь. В конце IV в. н. э. он стал столицей государства Да Ся, основанного потомком гуннов Хэлянь-бобо. В то время город назывался Тунваньчэн (см. Ли Цзи-фу, *Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи*, гл. 4, стр. 88—90). При закладке Сячжоу Хэлянь-бобо сказал: «Я объездил много разных мест, но от хребта Малин на севере и до великой реки на юге нет места, прекрасней этого» («Тай-пин юй лань», Пекин, 1960, стр. 802). Стены города были высокими и крепкими. По данным некоторых источников, такую стену можно было рубить мечом или топором, сверлить буровом, но она все равно не поддавалась (см. Гу Цзу-юй, *Ду ши фан юй цзи ло*, Шанхай, 1956, гл. 61, стр. 2658; Ли Цзи-фу, *Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи*, гл. 4, стр. 99; ЦЧТЦ, гл. 278, стр. 3394). В 487 г. город был назван Сячжоу (см. Юе Ши, *Тай-пин хуаньюй цзи*, цз. 37, Шанхай, 1936, стр. 66).

²⁰ Там же, стр. 8а.

²¹ Там же, стр. 5б, 12б, 13б; гл. 38, стр. 3а, 6б; гл. 39, стр. 1а, 2б.

²² ЦФЮГ, гл. 453, стр. 5375.

воды и пастбищ»²³. Однако данные, относящиеся к первым годам XI в., свидетельствуют о том, что часть дансянов не только сохранила оседлый образ жизни, но и стала заниматься земледелием²⁴.

Для характеристики экономики районов, позднее вошедших в состав государства Си Ся, большое значение имеет изучение поставок этих районов танскому двору. Эти поставки были скорее символическим даром, нежели налоговым обложением. По-сылались они лишь по инициативе местных властей. Обычно подношения двору делались во время ежегодных визитов представителей этих властей в столицу. Присылались продукты местного производства: войлок, ткани, власяницы из верблюжьего волоса, войлок для седел, плети, луки из рога, каймак, мускус, соль различных сортов, киноварь, сульфаты, квасцы, воск, мед, оленьи шкуры, ремень, белая пшеница, целебные травы, пряности, кроме того, присылались также лошади и охотничьи соколы²⁵.

В округе Яньчжоу (получил свое название из-за обилия на его территории соляных озер²⁶), по сведениям «Тай-пин хуаньюй цзи», «основное занятие жителей — разведение коров и лошадей, так как земля пропитана солью и малопродуктивна. Выращивают лишь коноплю и тутовник. Из соляных озер добывают соль»²⁷. В округе Лянчжоу добывали так называемую голубую соль очень высокого качества²⁸. Ордос был скотоводческой северо-западной окраиной Китая, районом со слабо развитым земледелием, который во многом зависел от лежащих к югу плодородных долин реки Вэй и ее притоков и который был важным поставщиком соли для всей страны.

Такова материальная, природная база, на которой в конце X в. возникло тангутское государство. Эти данные помогут нам понять истоки экономики Си Ся и те успехи, которых она добилась.

Еще в 841 г. области, заселенные дансянами, были поделены на три района, во главе каждого из них был назначен чиновник танского двора для управления племенами²⁹. Далеко не все дансяны подчинялись китайским властям, а один из трех районов — район Сячжоу и прилегающих округов в конце IX в. перешел в полное управление дома Тоба. Дансяны двух других районов — Яньчжоу и прилегающих округов (современный

²³ ЦТШ, гл. 198, стр. 1652; см. также СШ, гл. 491, стр. 3831.

²⁴ См. там же, стр. 3831, 3832.

²⁵ См. E. H. Schafer, B. E. Wallacker, *Local Tribute Products of the Tang Dynasty*, — «Journal of Oriental Studies», vol. IV, 1957—1958, № 1—2, pp. 213—248.

²⁶ См. Ли Цзи-фу, *Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи*, гл. 4, стр. 97.

²⁷ Юе Ши, *Тай-пин хуаньюй цзи*, гл. 37, стр. 5а—5б, 8а; гл. 38, стр. 3а; гл. 39, стр. 2б.

²⁸ См. «Тай-пин юй лань», гл. 4, стр. 3810.

²⁹ См. СШ, гл. 491, стр. 3830.

Яньань, Линъу и Ганьсу) до XI в. оставались под китайским управлением, а проживавшие в районе Яньчжоу остались в составе сунского Китая и в период существования государства Си Ся.

Зависимые дансянские старшины кроме собственного старшинского звания имели различные китайские чины и титулы как военные, так и гражданские. Чины давались либо за заслуги перед китайским двором, либо с целью привлечь старшин на **свою сторону** и подчинить их своему влиянию. В 1015 г. китайский чиновник предложил даже специальный регламент для определения чинов подчинившимся Китаю старшинам. Регламент был принят правительством: старшины, у которых было более 100 кибиток (семей) подданных, получали титул да цзю цзюнь чжу — военачальник большого рода, а те старшины, у которых было менее 100 кибиток, получали титул чжи хуй ши — командир небольшого воинского подразделения³⁰.

Эти данные позволяют думать, что среднее дансянское кровнородственное объединение состояло из 100 семей. Это предположение подтверждается и следующими данными: когда дансяны Саньзучжай сдались китайским властям, их было 125 родов, или 16 189 семей, т. е. в среднем на каждый род приходилось около 130 семей³¹. Однако есть сведения и о более крупных родах. Род Хуанме насчитывал более 700 семей, а род Уни — 1500 дворов³².

Трудно судить о том, сколько родов было в племенных объединениях. Есть лишь одно сообщение, в котором говорится, что на границе «подчинилось 8 племен (25 родов) иноземцев»³³. В данном случае в состав одного племени в среднем входило три рода. Главы родов по-разному именовались в китайских источниках. Для независимого старшины указывалось его имя и имя его рода. О подчиненных старшинах говорилось: старшина такого-то округа.

Дансяны, зависимые от китайской администрации, не во всем подчинялись китайским законам. Спорные вопросы между родами решались на основе обычного права. Когда в 1007 г. возник конфликт между двумя зависимыми от Китая старшинами, то к ним был послан представитель китайских властей с задачей «помирить их по их собственным законам и обычаям»³⁴.

На всем протяжении X в. власть многих старшин все еще основывалась на кровнородственных связях и обычаях, на родовых институтах управления. Именно так мы понимаем сообщение «Синь у дай ши» о том, что у дансянов есть лишь «большие фамилии» (т. е. сильные и знатные роды, дома), но нет началь-

³⁰ См. там же, стр. 3832.

³¹ Там же, стр. 3830.

³² Там же, стр. 3830, 3831.

³³ Там же, стр. 3832.

³⁴ Там же.

ников³⁵. Не было еще собственно дансянских органов власти, отделенных от народа и поставленных над народом. Не было собственно дансянских специальных управленческих учреждений, гражданских и военных, какие привыкли видеть у себя китайцы. Именно поэтому китайские авторы и писали, что у дансянов нет ни государства, ни начальников и о них попросту нечего писать.

Таким образом, к концу X в. дансяны окончательно заселили районы, ставшие через несколько десятилетий центром тангутского государства. Потомки Тоба Сы-гуна — цзедуши Сячжоу прочно осели на этих землях.

После смерти Сы-гуна к власти пришел его брат Сы-лянь, а затем внук И-чан. В 909 г. сын (?) И-чана Тоба Жэнь-фу³⁶ признал себя зависимым от государства Лян (907—923 гг.). В том же году Жэнь-фу одержал победу над 50-тысячной армией под командованием будущего государя династии Поздняя Тан. Поражение китайской армии привело к резкому усилению дома Тоба³⁷.

«С этого времени, — сообщается в „Цзы чжи тун цзянь“, — правители Сячжоу стали пренебрежительно относиться к китайскому двору. Они вступали в тайный сговор с каждым мятежным сановником»³⁸.

После прихода к власти династии Поздняя Тан (923—936 гг.) Жэнь-фу получил титул вана Шофан³⁹.

Начиная с X в. дансяны перестали беспрепятственно пропускать уйгурские посольства в Китай. Они грабили их, и китайцы были вынуждены высылать конвой для сопровождения и охраны уйгурских посольств при переезде их через территорию, заселенную дансянами⁴⁰.

В годы правления Жэнь-фу дансянские старшины сильно разбогатели на торговле с Китаем. Китайцы делали массовые закупки скота у дансянов и тугухунь; «овцы и лошади иноземцев непрерывно двигались по дорогам Китая»⁴¹.

Сын Жэнь-фу Тоба И-чао (933—935 гг.) сразу после смерти отца разделил свои войска на три армии, а себя объявил главнокомандующим. Китайские власти страшились растущей независимости дома Тоба. Поэтому они воспользовались сменой тангутского правителя и отдали приказ И-чао покинуть центр тангутских владений — город Сячжоу — и занять пост главнокомандующего в китайском пограничном городе Яньчжоу (Яньань). В свою очередь, яньчжоуский главнокомандующий Ань

³⁵ СУДШ, гл. 74, стр. 319.

³⁶ Был ли Жэнь-фу сыном И-чана, точно не установлено.

³⁷ См. ЦЧТЦ, гл. 278, стр. 3394.

³⁸ Там же.

³⁹ См. ЦУДШ, гл. 132, стр. 583.

⁴⁰ См. ЦФЮГ, гл. 168, стр. 2029, гл. 987, стр. 11595.

⁴¹ ЦФЮГ, гл. 170, стр. 2057.

Цзун-цзун был назначен командующим войсками города Сячжоу, т. е. фактическим правителем тангутов.

Трудно было рассчитывать на то, что И-чао согласится принять новый пост. Приказ нужен был только как повод для того, чтобы силой ликвидировать власть дома Тоба. При этом китайцы рассчитывали также на помощь того незначительного по числу китайского населения, которое жило на землях тангутов. Однако если в начале китайское население этих территорий приветствовало приход китайских войск, то позже, видя что надеяться на скорую победу невозможно, заколебалось. Это еще заранее предвидели некоторые советники китайского двора. Один из них — Фань Тин-гуань предупреждал, что следует учитывать тот факт, что эти китайцы «живут среди иноземных племен и их настроения часто меняются то в ту, то в другую сторону»⁴². Его предвидение сбылось. Напуганное бедствиями войны китайское население тангутских земель перестало поддерживать китайские войска.

Ни войска Ань Цзун-цзуна, ни две посланные ему на помощь армии не помогли яньчжоускому главнокомандующему вступить в Сячжоу. Дансянская конница перерезала пути подвоза продовольствия⁴³, и китайские войска были вынуждены отступить. В итоге И-чао получил право на наследственный пост цзе-души. В 935 г. он скончался.

Преемником И-чао оказался его младший брат Тоба И-син (935—967 гг.). И-син лояльно относился к китайскому двору, который рассматривал его как возможного союзника для борьбы с киданями. В годы правления Сянь-дэ династии Чжоу (954—959) И-син получил титул вана Сипин (князь — усмиритель Запада). Он признал себя вассалом Сун (960—1279 гг.) и помогал сунским войскам в наведении порядка на северо-западных границах империи. После смерти И-сина сунский двор посмертно пожаловал ему титул вана Ся⁴⁴.

Сын И-сина Тоба Кэ-жуй наследовал должность и звание цзедуши. В 976 г. он помогал сунским войскам в борьбе с небольшим северокитайским государством Северная Хань, разгромил крепость Убаочжай, взял в плен ее коменданта и прислал его в дар сунскому двору. В 978 г. Кэ-жуй скончался и его должность по наследству перешла к его сыну Цзи-юню. Как и отец, Цзи-юнь продолжал помогать сунским войскам в войне с Северной Хань. Дансянские войска разграбили город Тайюань. В 980 г. Цзи-юнь умер и его место занял его младший брат Тоба Цзи-пэн. С именем Цзи-пэна и его младшего брата Цзи-цяня — первого государя Ся — связана история возникновения самостоятельного тангутского государства.

⁴² ЦФЮГ, гл. 389, стр. 4625.

⁴³ См. ЦЧТЦ, гл. 278, стр. 3394.

⁴⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3783.

Но прежде чем перейти к изложению этих событий, мы остановимся кратко на истории появления этнонима тангут и его применении.

О НАИМЕНОВАНИИ «ТАНГУТ»

Время появления этнонима «тангут» и его происхождение остаются неясными. Первое известное нам употребление этого этнонима в форме «тан-ут» встречается в орхонских надписях и относится к самому началу VIII в.⁴⁵ Зафиксированное в сохранившихся документах упоминание народа *tanuwt* также, по-видимому, относится к тангутам⁴⁶. Этот же этноним в форме *Ttägutta* встречается в хотанских текстах⁴⁷.

Большинство исследователей считают, что слово «тангут» произошло от китайского названия этого народа «дансян», где «дан» перешло в «тан», а «ут» является суффиксом множественного числа в монгольском языке⁴⁸.

Окадзаки Сэйро свидетельствует, что, по мнению японского ученого Тэрамото Онга, китайское наименование тангутов — дансян произошло от тибетского словосочетания (тханг скуд), что значит «орошать степь», поскольку дансяны проживали в местности Тхангскуд. Название этой территории и было перенесено на наименование племени. Другой японский исследователь, Аоки Бункё, сопоставлял китайское «дансян» с тибетским «тханг ргод» — «дикая степь»⁴⁹.

Каково бы ни было происхождение этого имени, китайское «дансян» не является самоназванием тангутов Си Ся. В настоящее время точно установлено, что тангуты сами себя называли «ми»⁵⁰. Тибетское наименование тангутов «миняг» близко отражало подлинное самоназвание этого народа, так как в тангутских текстах наряду с самоназванием тангутов «ми» распространены и вариант «минья»⁵¹.

Китайское «дансян», видимо, было связано с наименованием определенной части племен тибето-бирманской языковой группы. В тибетских легендах, касающихся племен тибето-китайско-

---

⁴⁵ См. С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 16, 20; П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-тегина*, СПб., 1899, стр. 140.

⁴⁶ См. J. R. Hamilton, *Les ouighours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinoise*, Paris, 1955, p. 50.

⁴⁷ Н. W. Bailey, *Ttägutta*, — BSOS, vol. X, 1941, pt 3, pp. 599—605.

⁴⁸ См. Н. А. Невский, *Тангутская филология. Исследование и словарь*, кн. 1, М., 1960, стр. 74; В. П. Васильев, *История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.*, СПб., 1856, стр. 86; Ц. Дамдинсүрэн, *Исторические корни Гэсэриады*, М., 1957, стр. 210; P. Poucha, *Mongolische Miszellen*, — SAJ, vol. I, № 4, p. 285.

⁴⁹ См. Окадзаки Сэйро, *Тодай ни окэру токо но хаттэн*, стр. 131.

⁵⁰ А. I. Ivanov, *Си Ся го шу шо* — «Го сюе цзикань», т. 1, вып. 1, стр. 677; Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, стр. 39—40, 75.

⁵¹ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 39—40, 75.

го пограничного района, упоминается группа «дон» (l'don, 'don, sdon), которая рассматривается как племенное объединение, этнически отличное от собственно тибетцев Центрального Тибета — «бод», и основное ядро которой локализуется в верховьях Хуанхэ. Р. Штейн, исследовавший древнетибетские легенды о племенах тибето-китайской границы, пришел к следующему выводу: «То, что этническое наименование l'don, могло охватывать аборигенные племена (тибето-бирманские по языку) китайско-тибетской границы, подтверждается целой серией фактов». Связь тангутов (дансянов, миняг) с дон несомненна. Миняг, отмечает Р. Штейн, «эпитет которых l'don», заселяют большую территорию от Синина на севере до Дацзянлу на юге. И далее: «Миняг, которые также связаны с l'don, были одним из племен Си Ся»⁵².

В свете этих данных мы вправе поставить вопрос о связи тибетского «дон» с китайским «дансян». Любопытно, что тибето-язычное племя дан, проживающее в Амдо, упоминается еще в XVIII в. как одно из могучих племен этой местности⁵³.

Х. В. Бэйли убедительно доказывает возможность происхождения согдийско-хотанских вариантов этнонима «тангут» от арабско-персидского наименования Тибета, которое, в свою очередь, было связано с самоназванием тибетцев — «бод», «бод-па»⁵⁴. Полученные им результаты заставляют предположить, что и тюрко-монгольское «тангут», позднее широко вошедшее в обиход, также в действительности могло происходить из этого же источника. В таком случае все параллели между китайским «дансян» и тюрко-монгольским «тангут» не имеют под собой никакой реальной основы.

Употребление этнонима «тангут» также довольно многообразно. В хотанских текстах этот этноним совершенно определенно относится к тибетцам⁵⁵. В орхонских надписях под «тангутами» подразумеваются дансянские племена, так как тибетцы в этих текстах упоминаются отдельно.

В. Рокхил и Н. В. Кюнер на основании позднейшего китайского источника «Сицзан фу» считали, что этноним «тангут» первоначально относился к племенам тюркского происхождения, жившим на Алтае⁵⁶. Это утверждение, основанное на шаткой аналогии⁵⁷, противоречит всему другому имеющемуся материа-

⁵² R. A. Stein, *Les tribus anciennes des Marches sino-tibetaines*, Paris, 1959, pp. 32, 40, 48.

⁵³ См. Ц. Дамдинсурэн, *Исторические корни Гэсэриады*, стр. 193.

⁵⁴ См. H. W. Bailey, *Tiāgutta*, pp. 604—608.

⁵⁵ См. *Ibid.*

⁵⁶ W. W. Rokkhill, *The Origin of the word «Tangutan»*, — JCHBRAS, vol. XX, Shanghai, [1885] 1886, pp. 278—279; Н. В. Кюнер, *Описание Тибета*, ч. 1, вып. 1, Владивосток, 1907, стр. 5.

⁵⁷ «Тангуты, — излагает Н. В. Кюнер текст „Сицзан фу“, — суть потомки тангуцзюэ, последнее же название произошло от слова гуцзюэ, обозначавшего железные шлены, изготовлявшиеся в древности (тюрками) на Алтае» (Н. В. Кюнер, *Описание Тибета*, стр. 5).

лу об этнониме «тангут» и является, на наш взгляд, совершенно необоснованным.

В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) под «тангутами» понимается непосредственно население Си Ся⁵⁸. Позднее слово «тангут» стало часто использоваться, в особенности монголами и маньчжурами, для названия Тибета. Можно говорить о преимущественном употреблении этого термина по отношению к племенам северо-восточных районов Тибетского нагорья и прилегающих к нему китайских провинций, т. е. к тем племенам, которые позднее, в основном в минскую эпоху (1368—1644 гг.), были известны у китайцев под именем сифань (западные инородцы).

В этой связи уместно вспомнить очень интересное и, по нашему мнению, соответствующее действительности толкование понятия «тангуты», которое дал тибетский лама В. Рокхилу. Лама считал, что «тангуты, амдосцы и сифань были чередующимися терминами», т. е., по сути дела, представляли собой различные наименования одних и тех же родственных групп племен северо-востока Тибета и Ганьсу. Несмотря на то что, по свидетельству В. Рокхила, «географические познания ламы были довольно смутными», он был гораздо ближе к истине, чем сам В. Рокхил, выведивший тангутов с Алтая⁵⁹.

О судьбе этнонима «тангут» и его применении после гибели Си Ся будет рассказано в заключительной главе «Очерка».

В настоящее время о происхождении этнонима «тангут» и его употреблении можно сказать лишь следующее:

1. Этноним «тангут» по своему происхождению связан с самоназванием тибетцев или с китайским названием племен северо-восточного Тибета, названием, вероятно, уходящим в глубь веков и имеющим автохтонное происхождение.

2. Этноним «тангут» употребляется у центральноазиатских народов для обозначения родственных тибетских и дансянских племен.

---

⁵⁸ См. «Divani lügat — it — türk tercümesi», Istanbul, 1914, vol. III, p. 138.

⁵⁹ См. W. W. Rokkhill, *The Origin of the word «Tangutan»*, pp. 278—279.

Г Л А В А II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. УХОД В ПУСТЫНЮ

Борьба дансянов за создание самостоятельного государства тесно связана с именем первого тангутского государя Цзи-цяня.

Цзи-цянь был младшим братом правителя Сячжоу Цзи-пэна. Он родился в 963 г. в округе Иньчжоу на реке Удинхэ¹. По преданию, у Цзи-цяня еще до рождения прорезались зубы. Этот вполне допустимый факт был истолкован позднее как предвестие великого будущего основателю тангутского государства.

Предание также гласит, что еще в детстве Цзи-цянь выделялся среди сверстников храбростью и умом. Он много занимался военными упражнениями и страстно любил охоту, был отличным наездником и метким стрелком. Сохранился рассказ о том, как однажды Цзи-цянь в сопровождении десяти всадников выехал на охоту. Вдруг из-за склона горы появился тигр. Цзи-цянь приказал своим спутникам укрыться в близлежащей роще, а сам, взяв лук и стрелы, спрятался за стоявшим на вершине горы деревом и стал поджидать зверя. Как только тигр вышел из зарослей, первая же стрела, пущенная Цзи-цянем, поразила зверя наповал. Этот поединок создал Цзи-цяню широкую популярность среди соплеменников. Правитель Сячжоу Ли Гуан-жуй, восхищенный храбростью мальчика, в 974 г. взял его к себе на службу².

Предки Цзи-цяня издревле занимали видное место в семье Тоба. Его прапрадед — Тоба Сы-чжун — был младшим братом знаменитого Тоба Сы-гуна. Сы-чжун постоянно сопровождал

---

¹ См. СШ, гл. 485, стр. 3784. Другие источники сообщают, что Цзи-цянь родился в 966 г., так как в 982 г., когда его брат Цзи-пэн подарил дансянские земли Сун, Цзи-цяню было 17 лет (ЧБ, гл. 26, стр. 136—14а); ДДШЛ, гл. 126, стр. 16.

² См. ССШШ, гл. 3, стр. 66.

брата в походах и участвовал в подавлении восстания Хуан Чао. Прадед, дед и отец Цзи-цяня служили фаньюйши (чиновник, ведавший обороной округа) в Иньчжоу. Округ Иньчжоу был наследственной вотчиной ветви семьи Тоба, к которой принадлежал Цзи-цянь.

В 980 г. власть над пятью округами перешла в руки младшего брата Цзи-юня — Тоба Цзи-пэна, так как сын Цзи-юня был в это время еще малолетним ребенком³.

Однако многие дансянские старшины считали приход Цзи-пэна к власти нарушением традиционного обычая наследования от отца к сыну. В результате в первые же дни правления Цзи-пэн столкнулся с сильной оппозиционной группировкой, возглавленной правителем округа Иньчжоу — Ли Кэ-юанем. В 981 г. Ли Кэ-юань напал даже на Сячжоу, но не смог взять город. Вскоре после этого Цзи-пэн, чувствуя, что он не сможет сам противодействовать своим родственникам, решил передать территорию пяти округов в полное ведение китайской администрации и лишить тангутских старшин и дом Тоба всякой самостоятельности⁴.

В 982 г. вместе со своими ближайшими родственниками Цзи-пэн прибыл к сунскому двору. Вскоре туда было предложено явиться и всем его родственникам⁵.

В течение столетия, с момента подавления восстания Хуан Чао, старшины Тоба были фактически независимыми правителями пяти округов. Самостоятельность их сильно возросла в X в. в период пяти династий. Между тем периодически старшины Тоба получали оформление права на власть из Китая, а многие из них даже прямо зависели от китайских властей. С укреплением власти династии Сун права старшин Тоба стали ограничиваться.

К концу X в. в дансянском обществе созрели объективные условия для создания собственного государства. Это и вызвало появление в среде дансянских старшин сильной группировки противников политики Цзи-пэна, направленной на сближение с Китаем. Раскол еще более усугубился после отъезда Цзи-пэна к сунскому двору. Те старшины Тоба, которые были прочно связаны с Китаем полученными чинами и постоянными подарками, поддерживали Цзи-пэна. Другие же, и среди них молодой Цзи-цянь, восприняли предложение явиться ко двору как угрозу ликвидации самостоятельности, которой добились тангуты со времени падения династии Тан. Двадцатилетний Цзи-цянь твердо решил не подчиняться и начать борьбу за сохранение земель, на которых уже триста лет жили его предки.

³ См. СШ, гл. 485, стр. 3784.

⁴ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 36; ССШШ, гл. 3, стр. 96.

⁵ См. СШ, гл. 485, стр. 3783, 3784. По сведениям «Лунпин цзи», сунский император приказал занести фамилии Цзи-пэна и его родственников в «списки вассалов» (см. ЛПЦ, гл. 20, стр. 4а).

Младший брат Цзи-цзяня юный Цзи-чун предлагал напасть на Сячжоу, убить сунского эмиссара, доставившего императорский указ о явке ко двору, а затем завладеть остальными городами. Против этого плана выступил друг и советник Цзи-цзяня китаец Чжан Пу⁶. Чжан Пу предложил покинуть Иньчжоу, бежать на север в пустынные районы, заключить брачный союз с сильными тангутскими родами, собрать войска и начать длительную войну за овладение наследственными землями. Недостаток сил делал план Цзи-чуна нереальным, поэтому Цзи-цзянь согласился с Чжан Пу. Под предлогом похорон своей кормилицы Цзи-цзянь вместе со своими сторонниками, сложив в гроб оружие и доспехи, бежал к тангутским родам на север Ордоса в местность Дицзиньцэ⁷. Этот район стал базой Цзи-цзяня; отсюда он начал длительную и упорную борьбу за создание независимого тангутского государства.

Большинство дансянских старшин с готовностью присоединились к Цзи-цзяню, особенно те, которые не были тесно связаны с Китаем и все свое благополучие строили на эксплуатации соплеменников. Они были кровно заинтересованы в сохранении независимости и в создании собственного государства, ибо оно закрепило бы их исключительные права законодательным порядком.

Не следует забывать и о чувстве тангутов, осознававших себя единым народом, которое было очень сильным в период сложения тангутской народности. Тангуты видели в Цзи-цзяне героя, вождя-соплеменника, который выступил на борьбу за независимость своего народа. Вызов Китаю был брошен, он был поддержан соплеменниками Цзи-цзяня и означал войну.

Китай не желал примириться с потерей контроля над западными территориями. Эти земли были важны для него прежде всего как единственный удобный путь для торговых связей с Западом. Они представляли определенную экономическую ценность, так как здесь китайцы покупали лошадей и соль. Наконец, они имели и важное стратегическое значение на путях из Китая в Центральную Азию. Поэтому начиная с 982 г. сунский Китай начал длительную и упорную борьбу с дансянскими племенами за обладание территорией пяти округов. К 982 г. положение центральной государственной власти в Китае было прочным. С 963 по 979 г. первые императоры династии Сун (960—

---

⁶ Чжан Пу был уроженцем округа Миньчжоу. Он получил хорошее образование и был тонким политиком. Всю свою жизнь Чжан Пу преданно служил Цзи-цзяню и его сыну Дэ-мину. Когда в 1014 г. Чжан Пу умер, Дэ-мин объявил при дворе траур. А когда внук Цзи-цзяня Юань-хао официально принял императорский титул, он посмертно дал Чжан Пу почетный титул (см. ССШШ, гл. 9, стр. 156).

⁷ Местность Дицзиньцэ находилась в 300 ли к северо-востоку от Сячжоу (см. СШ, гл. 485, стр. 3784; ЧБ, гл. 25, стр. 14а; ССШШ, гл. 3, стр. 13а, 13б; ЛПЦ, гл. 20, стр. 4а). Ли равно 576 м.

1279 г.) положили конец политической раздробленности страны, объединив почти всю территорию Китая⁸.

Первые же месяцы борьбы показали, что силы противников были равны. Хотя китайцы имели сильную армию, но они боялись выходить в степи и очень неохотно отправляли туда свои отряды. Зато плохо вооруженные, но легкие и подвижные отряды кочевников чувствовали себя в степи, как дома. Вопрос кто кого мог быть решен лишь в упорной борьбе. Однако война началась не сразу.

Получив известие о том, что сдавшиеся старшины осыпаны милостями китайского двора, Цзи-цян, стремясь придать своим действиям видимость законности и покорности, весной 983 г. отправил сунскому двору в подарок лошадей и верблюдов.

В ответ на это сунский император призвал Цзи-цян присоединиться к подчинившимся родственникам и сменить жизнь среди песков пустыни на жизнь в китайской столице⁹. Призыв был подкреплен расквартированием сильных китайских гарнизонов в городах Сячжоу, Ючжоу, Иньчжоу и Суйчжоу. Однако Цзи-цян не думал ехать в Китай. Он атаковал китайские гарнизоны, но ни одна из его попыток овладеть китайскими крепо-

⁸ После того как в 979 г. было уничтожено государство Северная Хань, сунскому двору не удалось объединить под своей властью лишь земли, занятые киданями. История киданей уходит далеко в глубь веков, к племенам дунху — древнему населению, занимавшему в первом тысячелетии до н. э. районы к востоку от монгольских степей. Разгромленные гунами, кидане разделились на две большие племенные группы — ухуань и сяньби. Позднее из сяньбийской ветви дунху, в свою очередь, выделились племена си, кидань и тугухунь (кидане) — от сяньбийской ветви юйвэнь (см. К. Wittfogel and Feng, *Ch'ia-sheng history of Chinese Society Liao*, Philadelphia, 1949, pp. 1—2, п. 9). Верховья реки Шара-мурэн были главным районом расселения киданьских племен вплоть до создания государства Ляо в 916 г. (см. Л. И. Думан, *К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, 1956, стр. 15—16; В. С. Таскин, *Термин сунмо в ранней истории киданей*, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 4, стр. 151—154). Этническая принадлежность киданей в настоящее время установлена. Это было одно из древнемонгольских племен, испытывавшее на себе в значительной степени влияние тунгусов (см. Л. И. Думан, *К истории государства Тоба Вэй и Ляо...*, стр. 15; Е. М. Залкинд, *Кидане и их этнические связи*, — «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 62; Wl. Kotwicz, «*Les Khitais*» et leur «*écriture*», — «Rocznik Orientalistyczny», 1914—1924, Lwow, 1925; p. 249; M. Honda and E. B. Ceadll, *A survey of japanese contributions to Manchurian studies*, — «Asia Major», vol. II, 1955, pt 1, p. 87). Наименование «кидань» происходит от названия одного из киданьских родов, давших потом имя всему племени (см. Л. И. Думан, *К истории государства Тоба Вэй и Ляо*, стр. 15). Вероятней всего, оно произносилось «кита» или «китай» в форме, вошедшей позднее в русский язык для обозначения всего Китая. (См. Wl. Kotwicz, «*Les Khitais*» et leur «*écriture*», pp. 248—249). К концу IX в. у киданей завершился процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классов. Кидане «перешли от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческую формацию» (Л. И. Думан, *К истории государства Тоба Вэй и Ляо*, стр. 19—20). О киданьской письменности см. В. С. Таскин, *Опыт дешифровки киданьской письменности*, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 127—147.

⁹ См. ССШШ, гл. 3, стр. 156—16а.

стями в 983 г. не увенчалась успехом. Более того, китайскому управляющему тангутскими землями Цао Гуан-ши удалось внезапно напасть на ставку Цзи-цяня в Дацзиньцзэ и взять в плен его мать и жену. Сам Цзи-цянь едва спасся бегством¹⁰.

Дансянские старшины быстро пришли на помощь Цзи-цяню. Ему удалось собрать большую армию. А для того чтобы еще прочнее скрепить свой союз с родовыми старшинами, Цзи-цянь взял себе в жены дочь старшины древнего и могущественного дансянского рода Ели и других девушек из знатных и влиятельных родов¹¹.

Следуя старинному дансянскому обычаю, Цзи-цянь решил прежде всего отомстить своему обидчику. В 985 г. тангуты заманили Цао Гуан-ши в засаду и он погиб. Воспользовавшись растерянностью китайцев, отряды Цзи-цяня быстрым маршем подошли к Иньчжоу и овладели городом¹².

Если 982 г., когда Цзи-цянь начал борьбу за свою независимость, был годом рождения тангутского государства, то 985 г. стал годом начала формирования тангутского государственного аппарата. После того как Цзи-цянь одержал первую победу, число признавших его верховную власть дансянских родов возросло со дня на день. Постоянный рост числа перешедших на его сторону соплеменников и расширение земель вызвали необходимость создания специальных органов управления. Этого хотели и окружавшие Цзи-цяня старшины. Каждый из них стремился получить должности и титулы в тангутском государстве. Чжан Пу предложил Цзи-цяню «прежде всего учредить чины и пожаловать должности, с тем чтобы точно определить высших и низших и установить порядок, при котором каждый старшина управлял округом или областью»¹³.

Следуя советам Чжан Пу, Цзи-цянь объявил себя люхоу (временным командующим) армии Диннань, которой раньше командовали цзедуши Сячжоу, и создал свой аппарат управления. Он назначил Чжан Пу и китайца Лю Жэн-цяня на должности левого и правого дуяя (управляющий императорского дворца), тем самым фактически заявил о создании собственного двора, а своего младшего брата Янь-синя определил на должность командующего армией. Старшина Чуньюйгуэй, глава древнейшего дансянского рода Почоу, был утвержден в должности фань ло ши — комиссара по управлению местными племенами, а четверо других старшин — в должностях чжу чжоу — управляющих округами¹⁴. Таким образом, ключевые посты в администрации Цзи-цяня — управление армией и племенами — были переданы в ру-

¹⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 3784.

¹¹ См. ССШШ, гл. 4, стр. 36.

¹² См. СШ, гл. 485, стр. 3784; ССШШ, гл. 4, стр. 26, 3а — 3б.

¹³ См. ССШШ, гл. 4, стр. 46.

¹⁴ См. там же, стр. 4б—5а.

ки тангутских старшин, представителей молодого господствующего класса тангутского общества.

Торжество Цзи-цяня было недолгим. Китайцам удалось разгромить отдельные роды, увести в плен жең и детей воинов, но основные силы противника, как и всегда, уклонились от удара.

В 986 г. китайцы начали карательный поход, возглавляемый полководцами Ли Цзи-луном, Тянь Жэн-ланом и Ван Сянем. 14 дансянских родов были разгромлены, округа Иньчжоу, Сячжоу и Линьчжоу на время покинуты Цзи-цянем, но сам он с основными силами своей армии укрепился в степях Ордоса¹⁵.

Метод ведения войны, к которому прибегали тангуты, хорошо охарактеризовал полководец Тянь Жэн-лан в своем обращении к командирам вверенных ему войск: «Враги в зависимости от наличия воды и травы живут рассеянно по ущельям. Как стая ворон, они собираются и совершают набеги. Если побеждают, то наступают, если терпят поражение, то исчезают. И невозможно искоренить их логова»¹⁶. В этих словах и лаконичная характеристика войны степных кочевников с китайскими войсками: стремительных и неуловимых конников, вместе со скотом, юртами и семьями кочующих по степи, и признание полного бессилия китайских войск одержать полную победу и предотвратить нападение. Китайская тактика строилась обычно в расчете на оборону городов и блокаду степи, в расчете на удобный случай, который позволит заманить врага в засаду и уничтожить, в расчете на подрыв сил врага изнутри посредством подкупа и шантажа.

В конце 985 г. дансяны дважды осаждали город Сячжоу¹⁷. Поняв тщетность своих усилий овладеть территорией пяти округов, Цзи-цянь решил воспользоваться удачно сложившейся международной обстановкой и признать себя зависимым от киданей. Тем самым Ляо становилось покровителем тангутских территорий, на которые, в свою очередь, претендовали китайцы.

До 986 г. отдельные дансянские роды признавали верховную власть киданей и жили на киданьской территории. Однако подвляющее большинство тангутов еще продолжало считать более могущественным сунское государство. Но 986 г. убедил тангутов в могуществе киданей. В 986 г. сунский император Тайцзун отправил войска в большой поход против Ляо, чтобы вернуть территории 16 округов, занятых ранее киданями¹⁸. Восточная китайская армия, наступавшая на Янь, была разбита ки-

---

¹⁵ См. СШ, гл. 257, стр. 2285.

¹⁶ СШ, гл. 275, стр. 2408.

¹⁷ См. СШ, гл. 250, стр. 2247, 2248.

¹⁸ Кидане овладели территорией 16 округов в 936 г. Эта территория включала все северные области провинции Хэбэй и Шаньси от Пекина до Датун. Эти земли были естественным рубежом, который предохранял Центральный Китай от набегов кочевников. Их потеря создавала постоянную угрозу Китаю, и поэтому китайцы не раз пытались вернуть их обратно. В 959 г. был предпринят большой поход под командованием Чай Жуна (династия Чжоу), который закончился неудачей.

данями. Две другие армии, наступавшие в центральном и западном направлениях, испытывали нехватку продовольствия. Китайские полководцы действовали очень нерешительно. После разгрома армии восточного направления центральная и западная армии вынуждены были отступить. Война закончилась полной неудачей для Сун. Эти события повысили авторитет киданей и натолкнули Цзи-цзя на мысль о подчинении Ляо.

Не исключено, что кидане и раньше поддерживали Цзи-цзя в борьбе с Сун. Видимо, не случайно, посылая послов к киданьскому двору, Цзи-цзянь упоминает о том, что его полководцы пользуются помощью киданей¹⁹.

Еще в конце династии Тан Тоба Сы-гун установил связи с киданями²⁰. Однако признание Цзи-цзянем сюзеренитета киданей было не просто восстановлением старых отношений. Оно лишний раз подчеркивало полную самостоятельность его действий. Цзи-цзянь продемонстрировал китайцам, что в своих поступках он не зависит от сунского двора, который рассматривал его прежде всего как мятежного вассала.

В 986 г. кидане назначили Цзи-цзя на должность цзедуши армии Диннань, т. е. признали его правителем пяти округов²¹. В благодарность за это Цзи-цзянь в конце года послал киданям подарки²² и попросил в жены киданьскую принцессу. Киданьский государь отдал в жены Цзи-цзяню дочь одного из князей правящего дома Елюй и подарил ему 3 тыс. коней²³.

Заключение союза с киданями имело для Цзи-цзя большое значение. Из мятежного дансянского старшины он превратился в союзника могущественного государства Дальнего Востока. Получив должность от двора Ляо, он, как и Цзи-пэн, признанный в этой должности Сун, приобрел право на законное притязание управлять пятью округами. А главное, он обеспечил себе тыл, добился благосклонного отношения киданей к своей борьбе с китайцами. Если он не мог рассчитывать на деятельную помощь киданей, все же настороженно относившихся к усилению его могущества, то, используя их вражду с Сун, он мог теперь рассчитывать на их невмешательство в его дела.

В 987 г. Цзи-цзянь снова совершил нападение на Сячжоу. Китайские войска, встретившие тангутов у крепости Вантингуань, были разбиты. Преследуя противника, тангуты подошли вплотную к стенам Сячжоу, но взять город не смогли²⁴. В этом же году китайское правительство выслало из столицы Цзи-пэна и его родственников, так как некоторые китайские чиновники счита-

---

¹⁹ См. ССШШ, гл. 4, стр. 86—9а.

²⁰ См. там же, стр. 86.

²¹ См. ЛШ, гл. 11, стр. 47.

²² См. там же, гл. 115, стр. 420.

²³ Там же, гл. 11, стр. 49.

²⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3784.

ли, что именно он информирует Цзи-цяня о всех предполагаемых действиях двора ²⁵.

Чувствуя полную невозможность подчинить Цзи-цяня силой, группа высших китайских чиновников во главе с Чжао Пу думала, что Цзи-цяня можно привлечь на сторону Китая милостями и подарками. Для выполнения своего решения китайские сановники решили прибегнуть к помощи Цзи-пэна и предложили императору «возвратить» ему территорию пяти округов и добиться того, чтобы не мятежный Цзи-цянь, а покорный Китаю Цзи-пэн стал тем лицом, вокруг которого группировались бы тангутские племена. Здесь был тонкий расчет на постепенную изоляцию Цзи-цяня и подчинение Китаю тангутских племен через посредничество Цзи-пэна.

Накануне вступления в должность правителя пяти округов Цзи-пэн был принят императором. Ему пожаловали фамилию Чжао (фамилию сунских императоров), имя Бао-чжун (хранящий верность), богато одарили и «передали» в его полное распоряжение все доходы, получаемые с пяти округов ²⁶.

Цзи-пэну не удалось отколоть от Цзи-цяня его сторонников. Стремление к независимости у тангутских старшин оказалось сильнее китайского золота. Чтобы создать видимость плодотворности своей миссии, Цзи-пэн вынужден был послать двору несколько ложных докладов, в которых сообщал о появившемся у Цзи-цяня желании подчиниться. Поверив этим докладам, сунский двор назначил Цзи-цяня правителем Иньчжоу ²⁷. Но вновь назначенный правитель Иньчжоу в конце 990 г. атаковал Сячжоу, разгромил Цзи-пэна, который снова вынужден был просить помощи у китайского двора ²⁸. По некоторыми данным, Цзи-цяню на время удалось даже овладеть округами Линьчжоу и Фучжоу, о чем он сообщил киданям ²⁹.

Связи Цзи-цяня с киданьским двором были подкреплены в 989 г. новым брачным союзом. Кидане прислали в жены Цзи-цяню принцессу И-чэн ³⁰, на что последний ответил в начале 990 г. большим посольством с богатыми подарками. С этого года Цзи-цянь стал регулярно посылать киданьскому двору подарки. Ответное киданьское посольство привезло Цзи-цяню грамоту на титул вана государства Ся ³¹. Вручая Цзи-цяню грамоту на титул вана, киданьский двор тем самым признавал его полноправным правителем тангутского государства. Выдача киданьским двором свидетельства на титул означала, что Цзи-цянь соглашался быть вассалом более могущественного киданьского

²⁵ См. там же, гл. 485, стр. 3783.

²⁶ См. СШ, гл. 485, стр. 3783; ЧБ, гл. 29, стр. 76.

²⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3784.

²⁸ См. ССШШ, гл. 4, стр. 166—17а.

²⁹ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

³⁰ См. там же, гл. 12, стр. 52; в гл. 115 это событие отмечено под 986 г.

³¹ См. там же, гл. 13, стр. 53.

государства, как это требовали нормы дипломатических взаимоотношений между государствами в то время.

В седьмом месяце (25 июля — 23 августа) 990 г. Цзи-цянь доложил киданям о взятии тангутскими войсками городов Иньчжоу и Суйчжоу³².

Если три года назад установление тесного союза с киданями помогло Цзи-цяню приобрести много сторонников в лице тангутских старшин, то теперь этого не произошло. Внутри дансянских племен возникли взаимные распри. Причины их точно неизвестны. Возможно, что они были результатом подрывной деятельности Цзи-пэна или неумеренных поборов и жестокостей Цзи-цяня. Как бы там ни было, «все подчиненные племена роптали»³³, и Цзи-цянь не мог положиться на своих полководцев.

Опасаясь предательства изнутри и полного разгрома, Цзи-цянь решает временно изменить тактику своей борьбы — подчиниться сунскому двору. В 991 г. сунский двор принял Цзи-цяня, дал ему должность в округе Иньчжоу. Император пожаловал Цзи-цяню фамилию Чжао и имя Бао-цзи (охраняющий счастье)³⁴. Возмущенные двуличным поведением своего вассала, кидане в этом же году послали против Цзи-цяня отряд войск, который, по-видимому, взял и разграбил Иньчжоу³⁵.

982—990 гг. можно считать первым этапом борьбы Цзи-цяня за создание независимого тангутского государства. Итоги этой борьбы были незначительны. Цзи-цяню не удалось вернуть территорию пяти округов. Он вынужден был, хотя бы для вида, подчиниться Сун. Однако, с другой стороны, эти годы борьбы показали, что основная масса тангутского народа идет за Цзи-цянем, а не за Цзи-пэном.

Опираясь на поддержку тангутских старшин, Цзи-цянь сумел заложить основы тангутской государственности и в 986 г. создал свой аппарат управления. Используя вражду Сун и Ляо, он добился международного признания со стороны киданьского двора, от которого получил титул вана Ся.

ОСАДА ЛИНЧЖОУ

Как тангуты, так и китайцы понимали, что перемирие временное и держались настороженно. Каждый пытался извлечь максимальную выгоду из создавшегося положения. Сунское правительство, наложив запрет на торговлю солью³⁶, старалось тем самым восстановить против Цзи-цяня дансянские племена,

³² См. там же, гл. 115, стр. 420.

³³ См. СШ, гл. 5, стр. 16. ССЦ, гл. 1, стр. 146.

³⁴ См. СШ, гл. 5, стр. 16.

³⁵ См. ЛШ, гл. 13, стр. 53. В тексте «Ляо ши» указан город Линчжоу. По справедливому мнению Дай Си-чжана, в данном случае в «Ляо ши» допущена ошибка. «Следовало указать не Линчжоу, а Иньчжоу, — пишет он в комментарии, — так как в то время Линчжоу еще принадлежал Китаю, а Цзи-цянь владел Иньчжоу» (ССЦ, гл. 1, стр. 1а).

³⁶ См. СШ, гл. 485, стр. 3784.

так как последние лишились доходов от продажи соли в Китай. В свою очередь, Цзи-цянь послал ко двору послов с просьбой вернуть ему округа Ючжоу и Сячжоу, но получил отказ. Тогда тангуты напали на Цинчжоу³⁷.

Начало 993 г. принесло Цзи-цяню большую неудачу. Видимо, желая укрепить свой тыл, он решил переселить несколько дансянских родов из Суйчжоу в глубь своих владений. Известие о переселении вызвало недовольство. Двое дансянских старшин, руководимые китайскими чиновниками, подняли восстание против Цзи-цяня, разгромили его гарнизон в Суйчжоу и овладели городом³⁸. Потеря Суйчжоу нанесла большой урон Цзи-цяню и была крупной победой сунского двора. В руках тангутов оставался только Иньчжоу. Остальные центры пяти округов удерживались китайцами. Все это вынудило Цзи-цяня перенести военные действия на запад.

В 993 г. тангуты впервые напали на г. Линчжоу; это нападение положило начало целому периоду войн тангутов за овладение этим важным стратегическим центром на пути из Китая на запад.

Поход на Линчжоу закончился неудачно. Ободренные успехами, китайцы решили начать новую кампанию против тангутов. Цзи-пэн, узнав об этом, вывез свою семью из Сячжоу и объявил, что он прекратил вражду с Цзи-цянем и просит китайские власти отложить поход. Недовольный его поступком, сунский император приказал китайским войскам напасть на Цзи-пэна. Узнав об этом, Цзи-пэн открыто восстал против сунского двора и предложил Цзи-цяню объединить армии для борьбы с Китаем. Однако один китаец, находившийся в стане Цзи-пэна, собрал небольшой отряд и ночью напал на его шатер. Цзи-пэну удалось бежать в Сячжоу, но там он сразу же был арестован местными китайскими властями.

Цзи-цянь, так и не дождавшись прибытия своего брата, отступил. Китайцы лишили Цзи-цяня пожалованных ранее чинов, титулов, фамилии и имени. С тем чтобы окончательно подорвать власть дома Тоба и тем самым самостоятельность тангутов, сунский двор принял решение разрушить стены города Сячжоу, а жителей его переселить в города Иньчжоу и Суйчжоу³⁹.

Цзи-пэн был привезен в столицу, предан суду, но прощен. Китайское правительство еще надеялось использовать его для подчинения тангутов. Обрадованный таким исходом дела, Цзи-цянь послал к сунскому двору своего младшего брата Янь-синя с просьбой о прощении. Китайский император «простил» и Цзи-цяня, повелев по-прежнему именовать его Чжао Бао-цзи⁴⁰. Чтобы

³⁷ См. ССШШ, гл. 5, стр. 56.

³⁸ См. СШ, гл. 485, стр. 3784; ССШШ, гл. 5, стр. 7а — 7б.

³⁹ См. СШ, гл. 485, стр. 3784; гл. 5, стр. 79; ЧБ, гл. 36, стр. 96; ССЦ, гл. 2, стр. 2а—3б.

⁴⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 3784; ССЦ, гл. 2, стр. 5а—5б.

доказать свою верность сунскому двору, Цзи-цянь даже совершил небольшое нападение на киданьскую границу⁴¹. Признательный сунский двор прислал к Цзи-цяню посла с подарками и вновь назначил его правителем Иньчжоу⁴². В послании двора, обращенном к Цзи-цяню, в частности, говорилось: «Наш путь заключается в том, чтобы пойти навстречу выражению искренних чувств покорности, чистосердечно простить все прошлые проступки, назначить на предусмотренную должность, щедро увеличить награды и милости и пожаловать имя и фамилию»⁴³.

В ответ Цзи-цянь послал в Китай с подарками своего ближайшего советника Чжан Пу. Император лично принял его и во время приема советовал Чжан Пу убедить Цзи-цяня в том, что «подчинившись, он навечно обеспечит себе богатство и знатность»⁴⁴. Цзи-цянь просил китайского императора вернуть ему Сячжоу. Но китайское правительство предоставило ему лишь почетный пост цзедуши в Фучжоу, пост, который мог принести ему славу и богатство, но изолировал его от тангутов и лишал фактической власти. Естественно, что Цзи-цянь не принял назначения. Обиженный император не позволил все еще находившемуся в Китае Чжан Пу возвратиться и оставил его жить в почетном плену в столице. Так поступить посоветовали ему его ближайшие сановники, считавшие, что в настоящее время лучше всего лишить Цзи-цяня поддержки изнутри, разлучив его с умным и преданным советником, и извне, привлекая милостями и подарками подчиненные Цзи-цяню роды. Эта тактика, по мнению китайских сановников, приведет к тому, что «воровское гнездо не сможет существовать и погибнет»⁴⁵.

Во второй половине 995 г. Цзи-цянь совершил несколько нападений на китайские пограничные гарнизоны, а в начале 996 г. перехватил громадный китайский обоз с хлебом и фуражом, направлявшийся в Линчжоу.

В 996 г. Цзи-цянь вновь начал наступление на Линчжоу и сопредельные территории.

Захват Линчжоу привел бы к распространению власти Цзи-цяня на районы к югу от Китайской стены в излучине Хуанхэ. Кроме того, в случае успеха тангутам почти полностью удалось бы прервать связь между сунским Китаем и Западом.

Осада Линчжоу, начатая Цзи-цянем в пятом месяце (20 мая — 19 июня) 996 г., длилась более года. Хотя голод и землетрясения подорвали силы осажденных, однако удачная вылазка китайского гарнизона вынудила утомленных долгой осадой тангутов отступить⁴⁶.

⁴¹ См. ЛШ, гл. 85, стр. 353.

⁴² См. СШ, гл. 485, стр. 3784; ССЦ, гл. 2, стр. 5а—5б.

⁴³ ССЦШБМ, гл. 4, стр. 16.

⁴⁴ СШ, гл. 485, стр. 3784; ССЦ, гл. 2, стр. 6а.

⁴⁵ ССЦ, гл. 2, стр. 76.

⁴⁶ См. СШ, гл. 466, стр. 3668.

Активизация военных действий со стороны Цзи-цзяня требовала от сунского двора решительных мер для борьбы с тангутами. Китайские войска пятью колоннами двинулись с востока, юго-востока и юга, рассчитывая расчленив заселенную тангутами территорию, нарушить единство племен и уничтожить главные силы Цзи-цзяня. Сунские войска выступили из Хуаньчжоу, Цинчжоу, Яньчжоу, Сячжоу и Фучжоу⁴⁷. О действиях каждого из этих отрядов ничего не известно, но в целом эта грандиозная и заранее продуманная операция провалилась. По видимому, тангуты прибегли к тактике уклонения от решительных встреч с противником, мелких налетов и изматывания китайских войск. Лишь армии, возглавляемой Ли Цзи-луном, удалось вынудить тангутов принять бой и нанести им поражение в Убочи⁴⁸. А в общем, тангутская тактика уклонения от сражений оказалась столь эффективной, что «все полководцы в итоге не добились больших успехов»⁴⁹.

При сунском дворе постоянно обсуждался вопрос, какой тактике отдать предпочтение в борьбе с Цзи-цзянем. В конце концов выделились две группировки. Первая из них считала необходимым послать отряды легкой кавалерии в степь и уничтожить Цзи-цзяня. Вторая возражала против этого, мотивируя тем, что оторванные от баз войска останутся без воды и продовольствия и станут легкой добычей кочевников. Поэтому вторая группировка предлагала укрепить города, в особенности Линчжоу, накопить в городах и крепостях запасы продовольствия, расположить в них сильные гарнизоны и тем самым сковать действия тангутов, не выпуская их за пределы степи. В зависимости от того, чья группировка получала перевес при дворе, менялась и тактика китайских войск. Однако сунские войска не смогли все же уничтожить армию Цзи-цзяня.

После сражений 996 г. мелкие стычки на границе продолжались. Всем сунским гарнизонам на западе был отдан приказ «строго следить за сигнальными огнями на крепостных валах», отражать нападения тангутов, когда они приближаются к границе, и не преследовать их, когда они отступают⁵⁰.

В начале 997 г. Цзи-цзянь сообщил киданьскому двору о своих победах над китайскими войсками. Кидане, желая поощрить Цзи-цзяня, пожаловали ему титул Сипин вана⁵¹. В конце 997 г. Цзи-цзянь вторично пытается овладеть Линчжоу, но и на этот раз терпит поражение⁵². Это заставило Цзи-цзяня направить послов к сунскому двору и заявить о своей покорности. Сунский двор, довольный этим, назначил Цзи-цзяня цзедуши армии Дин-

⁴⁷ См. там же, гл. 485, стр. 3784.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ ССЦ, гл. 2, стр. 146.

⁵⁰ См. там же, стр. 166.

⁵¹ См. ЛШ, гл. 13, стр. 55.

⁵² См. СШ, гл. 6, стр. 83.

нань, а значит, правителем Сячжоу и всей территории пяти округов⁵³. По некоторым данным, полученная Цзи-цянем территория составляла 25 почтовых перегонов с востока на запад и 10 почтовых перегонов с севера на юг, общей площадью в несколько тысяч квадратных ли⁵⁴.

Так Цзи-цянь после 15 лет борьбы получил старые земли предков. Передача Цзи-цяню пяти округов не была вызвана добротой сунского двора. Китайцы поняли, что они не могут удержать эти земли, ставшие театром непрерывных военных действий. При сунском дворе решили попробовать еще раз милостями купить мятежного соседа и тем самым обеспечить мир на западной границе.

В начале 998 г. Цзи-цянь сообщил киданям о получении пяти округов — Иньчжоу, Сячжоу, Суйчжоу, Ючжоу и Цзиньчжоу⁵⁵. Всем жителям округов Иньчжоу и Суйчжоу, бежавшим во время войны в глубь территории Китая, китайские власти предложили возвратиться обратно. Каждой вернувшейся семье выдавалось по одному доу зерна⁵⁶.

Получение Цзи-цянем в управление территории пяти округов означало завершение второго этапа борьбы за создание независимого тангутского государства. Этот этап, принесший тангутам немало поражений, в конце концов завершился для них большим успехом. Вынужденная уступчивость сунского двора — официальная передача в управление Цзи-цяня старой территории дансянских племен — создала этнотерриториальное ядро тангутского государства. Те дансянские роды, которые раньше выступали на стороне Сун⁵⁷, отныне вынуждены были прекратить борьбу и подчиниться.

Цзи-цянь не был намерен довольствоваться достигнутым. Летом 999 г. десяти тысячная тангутская армия вновь вторглась в пределы Китая и ограбила пограничные районы Сун⁵⁸, а затем напала на Линчжоу. Направленные против них китайские войска потерпели поражение⁵⁹.

Однако, несмотря на одержанную победу, тангутам не удалось взять Линчжоу, и через месяц, сняв осаду, тангутская армия двинулась на Фучжоу. На этот раз сунские войска успешно отразили нападение⁶⁰. Через некоторое время десяти тысячный корпус тангутов напал на Яньань и разграбил окрестности этого города⁶¹. Во время своих походов тангуты пользовались

⁵³ См. там же, гл. 485, стр. 3784.

⁵⁴ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

⁵⁵ См. ССШШ, гл. 6, стр. 106.

⁵⁶ См. СШ, гл. 6, стр. 84. 1 доу — 10,35 л.

⁵⁷ Подробнее о всех перипетиях этой борьбы см. СШ, гл. 491, раздел «Дансянские племена».

⁵⁸ См. ЧБ, гл. 45, стр. 9а—9б, 10а.

⁵⁹ См. СШ, гл. 253, стр. 2259.

⁶⁰ См. там же.

⁶¹ См. там же, гл. 326, стр. 2755; ССЦ, гл. 3, стр. 26.

поддержкой дансян, проживавших в западных областях Китая. Среди этих племен «было очень много родов и кибиток, которые подумывали о том, чтобы возвратиться к Цзи-цяню»⁶².

В 999 г. Цзи-цянь перенес свою столицу из Инчжоу в Сячжоу⁶³.

В начале 1000 г., предлагая укрепить армию, расположенную на южной границе владений тангутов, близ Юаньчжоу, китайский полководец Ли Цзи-хэ указывал, что «все земли в Хэси, кроме округов Линчжоу, Хуаньчжоу, Цинчжоу, Фучжоу, Яньчжоу, Шичжоу, Цзычжоу, Линьчжоу и Фучжоу, принадлежат мятежникам»⁶⁴, т. е. к началу XI в. тангуты уже владели территорией будущих центральных областей тангутского государства, за исключением двух округов — Линчжоу и Шичжоу.

Тангутские войска продолжали беспокоить китайские границы и не пропускали обозы с продовольствием в Линчжоу. Вторжение в 1000 г. армии полководца Ли Цзи-чжоу в глубь территории тангутов⁶⁵ с целью ее опустошения, не остановило тангутов. Поэтому в конце 1000 г. «сунский двор расквартировал свои войска в Хуаньцин (на южной границе владений тангутов.— Е. К.)»⁶⁶. Тангутская же армия переправилась на западный берег Хуанхэ и опустошила прибрежные округа Юнчжоу, Хуайюань и Динчжоу. Было совершенно очевидно, что Цзи-цянь стремился изолировать город Линчжоу, который китайцы продолжали удерживать и который сковывал любые действия тангутских войск в западном направлении. Осенью 1001 г. Цзи-цянь овладел Цинъюаньцзюнь и тем самым продвинул границы своих владений на юг до округа Хуаньчжоу⁶⁷, отрезал Линчжоу от областей Центрального Китая, кроме того, опустошил районы к северу и западу от Линчжоу, что лишило город поддержки с тыла.

Как только Цзи-цянь взял Цинъюаньцзюнь, тангутская армия осадила Линчжоу. Китайцы любыми усилиями стремились удержать в своих руках этот важный стратегический район. В одном из докладов императору китайский чиновник Чэнь Вэй изложил свои соображения, почему Китай должен отстаивать Линчжоу. Во-первых, потеря Линчжоу даст в руки тангутам территорию площадью в 1000 кв. ли с горами, реками и богатыми пастбищами. Во-вторых, захват тангутами Линчжоу позволит всем народам Запада объединиться, а это увеличит опасность для Китая. В-третьих, Китай потеряет связь с районами, где он веками покупал боевых коней⁶⁸. В 1001 г. сунский двор послал

⁶² ССЦ, гл. 3, стр. 3а.

⁶³ См. там же, стр. 2б.

⁶⁴ Там же, стр. 3б.

⁶⁵ См. СШ, гл. 253, стр. 2261; ЧБ, гл. 47, стр. 6б, 12б, 16а.

⁶⁶ ССЦ, гл. 3, стр. 5а.

⁶⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3785.

⁶⁸ См. ЧБ, гл. 44, стр. 16а—20а.

для обороны города 60-тысячную армию под командованием полководца Ван Чао⁶⁹.

Усилением тангутов были обеспокоены тибетские старшины. Создание тангутского государства ставило под угрозу их самостоятельность. Еще в 989 г. Цзи-цяннь препятствовал установлению регулярных отношений между тибетскими старшинами и китайским двором. Он грабил тибетские посольства, угонял табуны коней, отправляемые тибетцами в Китай. В 989 г. для охраны лошадей, которых тибетцы гнали в Китай, был выслан отряд китайских войск под командованием Чжоу Жэнь-мэя⁷⁰.

В начале 90-х годов X в. Цзи-цяннь, по-видимому, подчинил все мелкие тибетские роды, жившие вперемежку с дансянами в районе гор Хэланьшань и городов Линчжоу и Хуаньчжоу. В 995 г. из всех сифаньских (т. е. тибетских) и дансянских родов этого района «не было ни одного непокорного»⁷¹. Войска Цзи-цяння постоянно нападали на тибетцев. Поэтому в 996 г. тибетский старшина Чжансань из рода Чжэпин обратился к китайскому императору, заявив, что тибетцы «долго терпели набеги и грабежи и желают собрать войска в Линчжоу, чтобы помочь в карательном походе против Цзи-цяння»⁷². Прослышав о сговоре тибетцев с китайцами, Цзи-цяннь напал на Силянфу (Лянчжоу), но тибетские войска сумели отстоять город⁷³.

В конце 1001 г. в Китай прибыло посольство от тибетского старшины Фаньлочжи, управлявшего тибетскими племенами области Силянфу и шести долин (Люгу — шесть долин в горах Наньшань в провинции Шэньси). Фаньлочжи предложил Китаю свою помощь в борьбе против Цзи-цяння. Тибетские войска направились в район Линчжоу для соединения с китайской армией⁷⁴.

Уйгуры также были недовольны усилением тангутов. Тангутские племена оттесняли их на Запад, отрезали путь к выгодным китайским рынкам. Тангутско-уйгурская вражда началась, по-видимому, еще в IX в. В сочинении «Хуй-чан и пин цзи» (гл. 14, годы правления Хуй-чан, 841—846) сообщается, что «дансяны излучины [Хуан]хэ питали кровную вражду к уйгурам»⁷⁵. В «Цэ фу юань гуй» под 841 г. имеется следующая запись: «Тугухуныцы, шато и дансяны из поколения в поколение находились в кровной вражде с уйгурами»⁷⁶. Поэтому в 1001 г.

⁶⁹ См. СШ, гл. 278, стр. 2433.

⁷⁰ См. СШ, гл. 279, стр. 2440.

⁷¹ ССШЦ, гл. 5, стр. 156; ССЦ, гл. 2, стр. 8а.

⁷² ССЦ, гл. 2, стр. 116; Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. II, стр. 128.

⁷³ См. СШ, гл. 492, стр. 3836; Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. II, стр. 129; ССЦ, гл. 2, стр. 14а.

⁷⁴ См. СШ, гл. 492, стр. 3836.

⁷⁴ См. СШ, гл. 492, стр. 3836.

⁷⁵ Цит. по кн. Окадзаки Сэйро, *Тодай ни окэру токо но хаттэн*, стр. 136.

⁷⁶ ЦФЮГ, гл. 246, стр. 2976.

к сунскому двору прибыло посольство от уйгурского хана Люй-шэна, который просил чтобы и ему «позволили внести вклад в обуздание Цзи-цяня»⁷⁷.

По старой традиции не слишком доверяя своим иноземным союзникам, китайцы довольно сдержанно отнеслись к предложению тибетцев и уйгуров, но не отказались от их помощи.

Так, к началу XI в. тангуты оказались с трех сторон окруженными врагами. При сунском дворе разрабатывались планы совместных действий китайских, тибетских и уйгурских войск против тангутов⁷⁸. Сунский двор одновременно издает указ, обещающая каждому, кто схватит Цзи-цяня и доставит живым китайским властям, должность цзедуши и 60 тыс. лан серебра, 60 тыс. кусков ткани и 60 тыс. цзинь чаю. А тот, кто убьет его и представит двору его голову, получит должность правителя округа и подарки, соответствующие его рангу⁷⁹.

Цзи-цянь был осведомлен о действиях врагов и понимал, что разрушить их замыслы можно, только быстро овладев Линчжоу. Все силы тангутов были сконцентрированы для наступления на Линчжоу. Город был блокирован. Китайский гарнизон остался без продовольствия и фуража и лишился поддержки извне. Правитель Линчжоу Пэй Цзи собственной кровью написал доклад двору, прося незамедлительной поддержки. Однако посланные на выручку города войска не успели еще выйти за пределы китайской территории, как город пал⁸⁰ (в 1002 г.).

Тангуты переименовали Линчжоу в Сипинфу (область Западного спокойствия или умиротворения Запада)⁸¹. Перед тангутскими войсками был открыт путь на запад. Специально высланное тангутское посольство торжественно оповестило киданей о взятии Линчжоу⁸².

Падение Линчжоу парализовало деятельность китайских армий. Постоянную угрозу для Цзи-цяня представляли теперь лишь сильные тибетские племена. Тангуты решили внести раскол в среду тибетских старшин и отправили посольство к одному из них — Чжэбуую лунбо с предложением перейти на их сторону⁸³. Но тибетцы жестоко расправились с послами. Один был убит, второй — захвачен в плен. Этот инцидент, о котором тибетцы тотчас же сообщили сунам, еще более обострил тибетско-тангутские отношения.

Не подчинился тангутам один из сильнейших дансянских родов — Чжуанлан, состоявший из нескольких десятков тысяч кибиток. Земли этого рода были расположены вдоль северного берега Хуанхэ по киданьской границе и дальше на запад до гор

⁷⁷ ЧБ, гл. 50, стр. 76; СШ, гл. 490, стр. 3822.

⁷⁸ См. ССЦ, гл. 3, стр. 10а—10б; ЧБ, гл. 50, стр. 4а—6б.

⁷⁹ См. там же, стр. 10а.

⁸⁰ См. СШ, гл. 6, стр. 86; гл. 308, стр. 2634; ССШЛ, стр. 2.

⁸¹ См. там же, гл. 485, стр. 3785.

⁸² См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

⁸³ См. Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. II, стр. 128, 131.

Хэланьшань, где его владения граничили с татарами (татань). Дансяны Чжуанлан, не признавая верховной власти Цзи-цяня, поддерживали мирные отношения с сунским двором и препятствовали связям Цзи-цяня с киданями. В конце 1002 г. войска Цзи-цяня форсировали Хуанхэ и напали на дансянов Чжуанлан, но потерпели поражение⁸⁴.

В 1003 г. Цзи-цянь перенес свою столицу из Сячжоу в Сипинфу (Линчжоу). Младший брат Цзи-цяня Цзи-хуань возражал против перенесения столицы, мотивируя тем, что Сячжоу и Иньчжоу веками были центрами власти дома Тоба, что в тех местах обитают души их предков и перенесение столицы вызовет недовольство народа. В ответ на такое возражение Цзи-цянь заявил: «По заветам предков, совершающий великие дела не думает жить без забот. Имеющий великие заслуги не следует за простонародьем. Сипин на севере защищен рекой [Хуанхэ] и пустыней, на юге он контролирует все дороги в округе Цинчжоу и Лянчжоу, а на западе удерживает все стратегически важные пункты верхнего течения [Хуанхэ]. Если восстановить стены [города], углубить и наполнить водой рвы, обучить войска и создать запасы продовольствия, то даже если город будет окружен, он сможет обороняться...»⁸⁵.

Перенеся столицу в Линчжоу, Цзи-цянь приказал Цзи-хуаню наблюдать за строительством храма предков, создал органы управления, поставив во главе их своих родственников⁸⁶.

В 1003 г. китайский двор по договоренности с тангутами (ход переговоров и причины их проведения неизвестны) передал им округа Ючжоу и Суйчжоу, которые раньше были под властью Китая⁸⁷. Вероятно, сунам просто трудно было сохранить за собой эти территории. В результате территория молодого тангутского государства значительно расширилась.

На рубеже X—XI вв. (запись в «Сун ши» под 1001 г.) в Китае впервые, по-видимому, стало употребляться для наименования тангутского государства название Си Ся⁸⁸, хотя точная дата его появления нам неизвестна.

В 1003 г. на тангутское государство обрушилось большое стихийное бедствие — засуха, вызвавшая небывалый голод. Среди народа начались волнения⁸⁹. В это же время возросла угроза нападения тибетцев. Взятие Цзи-цянем Линчжоу создало опасность самостоятельности тибетских племен Люгу. Старшина этих племен Фаньлочжи весной 1003 г. собрал 60-тысячную армию и отправил посла к Сун с предложением объединить усилия для возвращения Линчжоу⁹⁰.

⁸⁴ СШ, гл. 491, стр. 3831; ССЦ, гл. 3, стр. 146.

⁸⁵ СШ, гл. 485, стр. 3785; ССШШ, гл. 7, стр. 11а—11б.

⁸⁶ См. там же.

⁸⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3785; ССЦ, гл. 3, стр. 166.

⁸⁸ См. ССЦ, гл. 3, стр. 106; СШ, гл. 6, стр. 86.

⁸⁹ См. ЧБ, гл. 55, стр. 106, 146.

⁹⁰ См. СШ, гл. 492, стр. 3836.

В свою очередь, тангуты пытались привлечь тибетцев на свою сторону. Однако тангутское посольство, предлагавшее Фаньлочжи союз против Сун, возвратилось ни с чем⁹¹. Не дожидаясь активных действий китайских войск, скованных угрозой нападения киданей с севера, Фаньлочжи в союзе со старшиной тибетского рода Чжэлун Сыдуньпа напал на Сячжоу, но потерпел поражение⁹².

В это время к Фаньлочжи для организации совместных действий против тангутов прибыл сунский чиновник Чэнь Син⁹³. Реальная угроза китайско-тибетского союза побудила тангутов к более активным действиям на западе. Большой отряд тангутских войск напал на тибетцев, разграбил их поселения, но на обратном пути попал в засаду и был разгромлен⁹⁴.

В это время Цзи-цянь собрал в районе Яньчжоу большую армию и распространил слух, что готовит нападение на китайскую границу. Пока китайцы приводили свои пограничные гарнизоны в боевую готовность, тангуты в конце 1003 г. быстро перебросили войска на запад в район Лянчжоу и через несколько дней овладели им⁹⁵. Фаньлочжи вынужден был подчиниться Цзи-цяню. Чжан Пу советовал Цзи-цяню не доверять Фаньлочжи и предлагал казнить его. Но успокоенный победой, Цзи-цянь пренебрег советом и отверг это предложение. «Я захватил Лянчжоу, принудив его тем самым покориться, — заявил он Чжан Пу, — какой же тут может быть обман?»

Однако Цзи-цянь жестоко ошибся. Воспользовавшись неподготовленностью тангутов к войне и ослаблением их бдительности, Фаньлочжи быстро объединил войска восточнотибетских племен и напал на ставку Цзи-цяня. Тангутская армия была разбита, а сам Цзи-цянь тяжело ранен и в начале 1004 г. скончался в возрасте 42 лет. Власть по наследству перешла к его старшему сыну Аи (Дэ-мину)⁹⁶, которому было 23 года.

Через некоторое время Дэ-мин посмертно присвоил Цзи-цяню императорский титул, а еще позднее внук Цзи-цяня Юаньхао дал ему посмертное имя Шэнь-у и храмовое имя Тай-цзу, которое по китайской традиции давалось императорам — основоположникам династии.

Период деятельности Цзи-цяня занимает важное место в ис-

---

⁹¹ См. ССШШ, гл. 7, стр. 12а—12б.

⁹² См. СШ, гл. 492, стр. 3836. Н. Я. Бичурин, *История Тибета и Хухунора...*, ч. II, стр. 133.

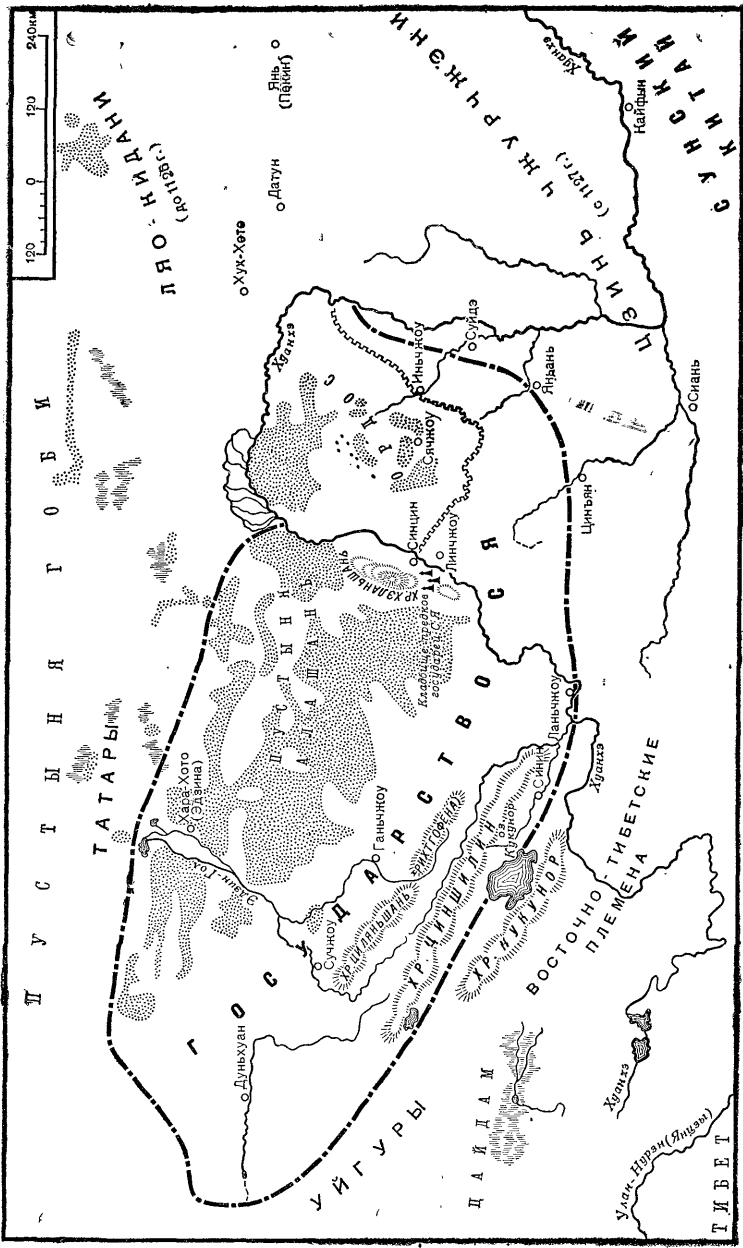
⁹³ См. СШ, гл. 279, стр. 2438.

⁹⁴ См. там же, гл. 258, стр. 2291.

⁹⁵ См. там же, гл. 485, стр. 3785; гл. 7, стр. 89; ЧБ, гл. 55, стр. 166; ССШШ, гл. 7, стр. 18а.

⁹⁶ См. ССШЛ, стр. 3. По данным этого источника, Цзи-цянь скончался, не доехав 30 ли до города Линчжоу. По сообщению Цзэн Гуна, Дэ-мин сам сменил имя Аи и «назвался Дэ-мином» (ЛПЦ, гл. 20, стр. 46). По-видимому, те «имена», под которыми тангутские государи известны в китайских источниках, были скорее их титулами.

ГОСУДАРСТВО СЯ

тории тангутского государства. Именно в эти годы тангуты окончательно освободились от китайского контроля. В это время началось объединение всех основных районов с тангутским населением и создание территориального центра тангутского государства. При Цзи-цяне были заложены основы тангутского государственного аппарата.

ПРИЗНАНИЕ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СУНСКИМ КИТАЕМ. ПРАВЛЕНИЕ ДЭ-МИНА

Гибель Цзи-цяня ободрила врагов молодого тангутского государства. Положение в стране было нелегким. Часть дансянских старшин не пожелала подчиниться 23-летнему Дэ-мину. Не были ликвидированы последствия засухи и голода 1003 г. казалось, наступил удобный момент для уничтожения тангутского государства.

В середине 1004 г. Фаньлочжи, ободренный своими успехами, отправил к сунскому двору своего старшего брата Банбучжи с предложением послать свою армию совместно с китайской в горы Хэланьшань, чтобы «подчинить оставшихся злодеев». Сунский двор уклонился от прямого ответа. Он не возражал послать армию, но и не назначил определенного срока⁹⁷. Усиление тибетцев не входило в расчеты сунских властей. Промедление сунского двора оказалось для Фаньлочжи гибельным. В это время восстали два рода, подчинявшиеся союзному Фаньлочжи роду Чжалун. Фаньлочжи, приехавший к Чжалун для переговоров о совместных действиях против мятежников, был убит в собственной ставке⁹⁸. Гибель Фаньлочжи задержала выступление тибетских войск. Китайский двор поддерживал преемника Фаньлочжи Сыдоду, но оказать действенной помощи тибетцам для войны с Си Ся не мог. Осенью 1004 г. огромная киданьская армия вторглась в пределы Китая. Киданьские войска подступили к стенам Кайфына, и некоторые из сановников уже предлагали сунскому императору перенести столицу в Цзиньлин (Нанкин). Лишь ценой больших уступок сунам удалось откупиться от киданей. С 1005 г. ежегодно сунский двор посылал Ляо 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лан серебра.

Нашествие киданей на Китай было на руку тангутам. Оно избавило молодое тангутское государство от войны с тибетцами и китайцами и вынудило сунский двор благосклонно отнестись к новому тангутскому государю.

Цзи-цянь, умирая, очевидно, сознавал, в каком тяжелом положении он оставляет молодое тангутское государство, и поэтому перед смертью он советовал Дэ-мину добиться заключения

⁹⁷ См. СШ, гл. 492, стр. 3836; ССШШБМ, гл. 6, стр. 36.

⁹⁸ См. СШ, гл. 492, стр. 3836. В «Си Ся шу ши» сообщается, что после гибели Фаньлочжи Дэ-мин, пользуясь замешательством тибетцев, захватил Лянчжоу (см. ССШШ, гл. 8, стр. 6а).

мира с Китаем⁹⁹, но вместе с тем держать тангутскую армию в хорошей боевой готовности.

Дэ-мин последовал совету отца и вскоре после его смерти послал посольство в Китай для переговоров. Китайцы охотно согласились на переговоры об урегулировании тангутско-китайских отношений. Но одновременно начали подлинную кампанию по переманиванию на свою сторону дансянских старшин. Был объявлен специальный указ, в котором точно определялись размеры вознаграждений старшинам, перешедшим на сторону китайцев¹⁰⁰. В результате несколько больших дансянских родов восстали против Дэ-мина и подчинились Сун. Сунские войска заняли горы Тяньдушань на южной границе владений тангутов. Командовавший этой операцией полководец Цао Вэй заявил: «Дэ-мин честолюбив. Если не поспешить обломать ему перья, то эта птичка обязательно упорхнет»¹⁰¹.

Сунский двор не спешил определить свои отношения с Дэ-мином и не давал ему свидетельства на титул. Некоторые старшины дансянских родов считали это доказательством непрочности власти Дэ-мина. Один из приближенных посоветовал Дэ-мину обратиться за свидетельством на титул к киданям. Кидане приняли тангутское посольство и подарки от Дэ-мина. Тангутские послы привезли Дэ-мину от императора Ляо грамоту на титул Сипин вана¹⁰².

В 1005 г. тангуты возобновили с Сун переговоры о заключении договора о мире. Китайцы выдвинули семь условий, на которых они соглашались заключить мирный договор с Ся: Дэ-мин должен лично заключить клятвенный договор, возвратить территорию своей столицы — округа Линчжоу, обеспечить мир на границе, послать к сунскому двору в качестве заложников своего сына или младшего брата, распустить все имеющиеся у него войска, возвратить всех военнопленных и заложников, регулярно извещать двор о возможных пограничных беспорядках.

Если Дэ-мин согласится принять вышеизложенные условия, то он получит должность цзедуши армии Диннань и титул Сипин вана, ежегодно 40 тыс. лан золота, 40 тыс. кусков шелка, 40 тыс. связок монет и 20 тыс. цзинь чаю, жалованье цзедуши, свободу сношений со двором, кроме того, будет отменен запрет на ввоз соли в Китай¹⁰³.

Предложенные сунским двором условия отражали стремление китайцев лишить Дэ-мина самостоятельности. Требование, чтобы Дэ-мин лично заключал договор, распустил армию и прислал заложников, а также пожалование ему должности цзедуши означало превращение его в вассала Сун. С другой стороны,

⁹⁹ См. ССШШ, гл. 8, стр. 1а. ССШЛ, стр. 3.

¹⁰⁰ См. ЧБ, гл. 56, стр. 46, 11а; СШ, гл. 485, стр. 3785.

¹⁰¹ СШ, гл. 258, стр. 2291.

¹⁰² См. ССШШ, гл. 8, стр. 8а; ССШЛ, стр. 3.

¹⁰³ Там же, стр. 10а—10б; ЛГЦ, гл. 20, стр. 46.

выдвигая свои требования, сунский двор желал сохранить Дэ-мина в качестве полунезависимого правителя. Ему представлялась свобода сношений со двором. Сунский двор обязывался выплачивать ему ежегодно вознаграждение за поддержание хороших отношений с Китаем и обеспечение безопасности границ. За спиной Дэ-мина были кидане, готовые поддержать почти любую враждебную акцию против Сун. Поэтому-то сунский двор и выдвинул такие условия, которые фактически ставили Дэ-мина в положение вассала и подданного, но одновременно не лишали его самостоятельности в управлении подвластной территорией.

Дэ-мин согласился принять все условия, кроме двух — посылки заложников и возвращения Линчжоу. Договоренность не была достигнута. Переговоры продолжались в течение 1005 и 1006 гг. Только в конце 1006 г. договор был заключен. Каковы были точные условия этого договора, неизвестно. Дэ-мину был пожалован ряд должностей, в том числе родовая должность цзедуши армии Диннань и титул Сипин вана. Ему было определено жалованье, и, кроме того, он получил богатые подарки. Принятие этих условий означало для Дэ-мина признать себя вассальным правителем, состоящим на службе у Сун, присылающей ему даже жалованье. Однако китайцы фактически не получили никакой реальной власти над территориями, управляемыми Дэ-мином. Дэ-мин сохранил свою армию. Это совершенно очевидно, так как через год тангуты начали большую войну на западе. Дэ-мин не послал в Китай и заложников, не возвратил Линчжоу. От заключения договора выиграли прежде всего тангуты. Сам факт заключения договора свидетельствует о том, что юридически сунский двор признал Дэ-мина самостоятельным государем. О заключении договора было сообщено в Лянчжоу и объявлено всем остальным восточнотибетским князькам и правителям, а также уйгурским ханам в Ганьчжоу и Шачжоу. Этот акт подтверждает признание китайцами тангутского государства.

Всю жизнь Дэ-мин верно хранил заветы покойного отца. Если годы правления Цзи-цзяня были периодом рождения государства Си Ся, то годы правления Дэ-мина были периодом стабилизации и укрепления тангутского государства.

В 1016 г. Дэ-мин по смертно объявил Цзи-цзяня императором¹⁰⁴. Этот торжественный акт был совершен по представлению чиновника Лю Жэнь-сюя, который доказывал Дэ-мину, что подобное возвеличение его отца «отвечает сути самого дела»¹⁰⁵, начатого Цзи-цзянем и продолженного Дэ-мином. А суть дела состояла в том, что в своих владениях Дэ-мин был уже полноправным государем, которому воздавались императорские почести.

---

¹⁰⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3785.

¹⁰⁵ ССЦ, гл. 5, стр. 13а.

Из отрывочных данных китайских источников мы узнаем, что Дэ-мин ввел императорскую систему управления — утвердил штат чиновников, создал совет при своем дворе (наподобие дворцового совета при китайском императоре), приказал выполнять ритуал, применяемый при жертвоприношениях императора, и ввел первый в тангутском государстве кодекс законов и правила церемониала¹⁰⁶. В своих докладах китайские чиновники сообщали двору, что хотя Дэ-мин и признает себя вассалом Сун и Ляо, но «превышает свою власть день ото дня все больше и больше». В 1013 г., отправляясь в свой дворец, построенный в 1010 г. в горах Аоцзышань, Дэ-мин ехал в императорском экипаже с таким же церемониалом и охраной, как и у китайского императора¹⁰⁷. На этом основании автор «Си Ся шу ши» У Гуанчэн считает, что в 1013 г. в Си Ся была впервые введена императорская система управления¹⁰⁸.

В 1028 г. Дэ-мин официально и во всеуслышанье объявил своего сына Юань-хао тайцзы — наследником императорского престола, а его мать императрицей¹⁰⁹. Таким образом, со второго десятилетия XI в., не принимая официально императорского титула, тангутские государи рассматривали свою власть как императорскую, подобно власти императоров Сун и Ляо.

В числе других важных внутригосударственных мероприятий Дэ-мина, имевших большое значение для судеб тангутского государства, было перенесение столицы из Сипинфу (Линчжоу) в Хуайюань.

Крепость Хуайюань была построена в середине X в. Именно сюда после взятия Линчжоу тангуты переселили большую часть жителей побежденного города. С северо-запада крепость надежно защищена горами Хэланьшань, а с юго-востока рекой Хуанхэ. Между горами и рекой узкой полосой тянулась цветущая плодородная долина¹¹⁰. Дэ-мин несколько раз осматривал эти места и в 1020 г. решил перенести в Хуайюань свою столицу. Город был обнесен новой стеной, в нем построили дворец, храмы и присутственные места. Крепость переименовали в Синчжоу.

Город Синчжоу, или Синцин (с начала XIII в. Чжунсин, с 1287 г. Нинся, современный Иньчуань), оставался столицей Си Ся до самой гибели тангутского государства.

После заключения с Сун мирного договора 1006 г. тангуты не воевали с Китаем в течение всего правления Дэ-мина. Оба государства ежегодно обменивались посольствами. В Суйчжоу и Сячжоу для китайских посольств специально были построены по-

¹⁰⁶ См. там же.

¹⁰⁷ См. ССШШ, гл. 9, стр. 146.

¹⁰⁸ См. там же.

¹⁰⁹ См. ССЦ, гл. 5, стр. 236.

¹¹⁰ «Горы Хэланьшань охватывают город с северо-запада. Река Хуанхэ обгибает его с юго-востока. Место труднодоступное и хорошо укрепленное. Земли плодородны» (Гу Цзю-юй, *Ду ши фан юй цзи яо*, гл. 62, стр. 2684).

стоялые дворы. Все дороги из Сун в Си Ся были приведены в порядок, мосты отремонтированы. Каждое китайское посольство на границе встречали тангутские чиновники. При приеме послов Дэ-мин следовал китайскому церемониалу¹¹¹.

Между странами завязалась оживленная торговля. В 1016 г. Си Ся и Сун договорились о выдаче перебежчиков¹¹². С 1007 г. тангуты стали получать из Китая календарь¹¹³, по которому в тангутском государстве официально велся счет времени. Одновременно с этим у тангутов, возможно, применялся традиционный для Центральной Азии счет времени по 12-летнему животному циклу.

Мирные отношения с Сун способствовали укреплению мощи Си Ся. В начале 20-х годов XI в. тангуты настолько окрепли, что смогли дать отпор киданям и начать завоевания на западе.

В первое десятилетие правления Дэ-мина между Си Ся и Ляо установились мирные взаимоотношения. Кидане сразу же после смерти Цзи-цзяня признали Дэ-мина законным государем Ся¹¹⁴, а в 1010 г. дали ему титул вана государства Ся¹¹⁵.

Однако через несколько лет отношения между Си Ся и Ляо стали портиться. Киданьский двор был недоволен мирными отношениями Си Ся и Сун, с одной стороны, и постоянно нараставшей экспансией тангутов на западе — с другой. Кидане и тангуты не могли решить некоторых пограничных вопросов. Кроме того, дансянские племена, проживавшие на территории Ляо, нередко восставали и переходили в подданство Ся. Дэ-мин охотно принимал их и препятствовал киданям преследовать перебежчиков. Непосредственным поводом к первому столкновению киданей с тангутами послужил отказ Дэ-мина в 1018 г. пропустить в Ляо послов с подарками от тибетцев¹¹⁶. Этот отказ был продиктован не только ухудшением тангутско-киданьских отношений, но и общей враждебной политикой тангутов по отношению к восточнотибетским княжествам.

Отношения между Си Ся и Ляо настолько ухудшились, что в 1020 г. государь Ляо под предлогом охоты, лично возглавив 500-тысячную армию, напал на Ся. Однако кидане потерпели поражение и их войска покинули территорию тангутского государства¹¹⁷. Опасаясь нового вторжения, Дэ-мин сконцентрировал на севере страны большую армию и занялся строительством крепостей вдоль тангутско-киданьской границы.

Киданьский двор, почувствовав, что вражда с Си Ся препятствует его связям со странами юго-запада, и опасаясь вол-

---

¹¹¹ См. ССШШ, гл. 9, стр. 16.

¹¹² См. СШ, гл. 485, стр. 3785.

¹¹³ См. ССЦ, гл. 4, стр. 19а.

¹¹⁴ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

¹¹⁵ См. там же.

¹¹⁶ См. там же, гл. 16, стр. 65; ССЦ, гл. 5, стр. 14а.

¹¹⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3785.

нений вассальных дансянских и других племен, дал понять тангутам, что он непрочь начать переговоры о мире. В свою очередь, и Дэ-мин, довольный победой, не желал дальнейшего обострения отношений и поспешил заключить мир с киданями¹¹⁸. Зимой тангутские послы прибыли с дарами в столицу Ляо.

Прежние взаимоотношения между обеими странами были постепенно восстановлены.

ТАНГУТСКО-УЙГУРСКИЕ ВОЙНЫ

Как отмечалось выше, в период правления Дэ-мина тангуты активные войны вели только на западе, против тибетцев и уйгуров. Стремления тангутов присоединить лежащие к западу от их владений земли Алашаня подкреплялись тем, что часть их была заселена дансянскими племенами еще в IX—X вв.¹¹⁹ Важной причиной тангутско-уйгурских войн была давнишняя вражда уйгуров и тибетцев с тангутами и то, что именно в войне на западе погиб отец Дэ-мина Цзи-цянь.

Дэ-мин, воспитанный на родовых традициях, с самого начала был полон решимости отомстить за гибель отца. Уже в 1007 г. он разрабатывал план нападения на тибетцев и уйгуров. Когда об этом узнал китайский двор, он срочно послал гонца предупредить Сыдоду, тибетского правителя Силяна, и рекомендовал ему заключить военный союз с уйгурами против тангутов¹²⁰. Это заставило тангутов отложить намеченный поход, но не отказаться от него. В начале 1008 г. Дэ-мин отдал приказ Чжан Пу напасть на уйгуров¹²¹, но начавшаяся засуха на этот раз снова отсрочила выступление тангутской армии¹²². В конце 1008 г. большая тангутская армия под командованием Ваньцзы наконец выступила в поход против уйгуров. Объединенные силы тибетско-уйгурской армии были наготове. Уйгурский хан Шижо сразу не вступил в сражение. Уйгуры устроили засаду и заманили в нее тангутскую армию. Тангуты потерпели поражение. Почти вся их армия была уничтожена. Пленных уйгуры угнали в степь. Удалось спастись лишь Ваньцзы. Боясь гнева Дэ-мина, он бежал в китайскую крепость Чжэньжунцзюнь и покорился Сун. Узнав о разгроме тангутской армии уйгурами, китайский император заметил: «Уйгуры некогда убили Цзи-цяня и благодаря этому навеки стали [кровными] врагами [тангутов]. Прибыли послы из Ганьчжоу. Они также доносят о нападениях и притеснениях со стороны Дэ-мина. Думаю, что, видя это, весьма не-

¹¹⁸ См. ССЦ, гл. 5, стр. 116.

¹¹⁹ См. R. A. Stein, *Mi-nag et Si-Hia, Géographie historique et légendes ancestrales*, — BEFEO, t. XLIX, 1947—1950 (1951), p. 231.

¹²⁰ См. СШ, гл. 492, стр. 3837

¹²¹ См. ССЦ, гл. 5, стр. 1а—1б.

¹²² См. там же; СШ, гл. 485, стр. 3785.

трудно сделать вывод о мощи его армии. Дэ-мин — нелегкий враг!»¹²³.

И действительно, китайский император не ошибся, расценив постоянные нападения тангутов на уйгуров как свидетельство мощи их армии. Дело в том, что тангуты в конечном счете победили своих врагов, несмотря на неоднократные поражения.

В четвертом месяце (27 апреля — 28 мая) 1009 г. тангутские войска снова напали на уйгуров; на этот раз они решили ударить по центру уйгурского могущества на востоке — городу Ганьчжоу. 20-тысячная тангутская армия под командованием Чжан Пу подошла к стенам города. Но и на этот раз тангуты потерпели поражение. Ганьчжоуский хан Елогэ ночью совершил удачную вылазку и разгромил тангутскую армию¹²⁴. Дэ-мин проявил большое упорство в борьбе с уйгурами и тибетцами.

В том же 1009 году тангуты просили сунский двор разрешить им закупить в Китае луки и стрелы, но получили отказ¹²⁵. Оружие нужно было тангутам для продолжения войны с уйгурами. В конце 1009 г. Дэ-мин снова рассчитывал отправить войска на Ганьчжоу, но поход был отменен, так как днем были видны звезды, а это считалось плохой приметой¹²⁶.

В 1010 г. тангуты напали на ганьчжоуских уйгуров и тибетские роды в Цзунгэ (близ Синина)¹²⁷. Результаты этого похода неизвестны. Закончился первый этап тангутско-уйгурских войн. Он не принес тангутам никакого успеха. Понесенные поражения заставили тангутов на время отказаться от наступательных действий на западе. 18 лет тангуты не предпринимали серьезных выступлений против уйгуров. Правда, при любом удобном случае тангуты пытались досадить своим врагам. Они регулярно грабили уйгурские посольства, направлявшиеся в Китай¹²⁸. В течение всего этого времени Дэ-мин был занят укреплением своей власти в стране и постройкой новой столицы.

В 1016 г. ганьчжоуские уйгуры напали на Лянчжоу. Правители Лянчжоу в это время уже, по-видимому, признавали свою зависимость от тангутов. Иначе трудно объяснить, почему Дэ-мин послал 7-тысячную армию во главе с Су Шоу-синем для обороны города. Су Шоу-синь одержал победу и подчинил местные племена. После смерти Су Шоу-синя его сын Лома принял на себя управление областью. Однако в Лянчжоу вскоре по неясным причинам начались волнения. Пользуясь этим, ганьчжоуский хан Елогэ напал на Лома, разбил его армию и взял в плен более сотни его сородичей. Сам Лома бежал. Город Лянчжоу попал под власть ганьчжоуских ханов¹²⁹.

¹²³ СШ, гл. 490, стр. 3822.

¹²⁴ См. там же; ССЦ, гл. 5, стр. 3а.

¹²⁵ См. ЧБ, гл. 72, стр. 19а; ССЦ, гл. 5, стр. 3б.

¹²⁶ См. СШ, гл. 485, стр. 3785.

¹²⁷ См. там же.

¹²⁸ См. СШ, гл. 490, стр. 3822.

¹²⁹ См. ЧБ, гл. 88, стр. 18б.

Осенью 1017 г. Лома обратился к Дэ-мину с просьбой помочь ему возвратить Лянчжоу. Его просьбу поддержали местные племена, недовольные властью уйгуров. Мы не знаем точно, помог ли Дэ-мин Лома. Известно только, что уйгуры в союзе с тибетцами Шести долин сумели отразить нападение Лома¹³⁰.

В 1026 г. кидане начали поход на Ганьчжоу. Поводом послужил отказ правителя Ганьчжоу хана Арслана признать сюзеренитет Ляо. На помощь киданям выступила тангутская армия. Кидане три дня штурмовали Ганьчжоу, но так и не смогли овладеть городом. Поскольку войска Ляо вынуждены были снять осаду, тангутская армия тоже возвратилась¹³¹.

В 1028 г. началось новое большое наступление тангутов на уйгурские земли. Мы не знаем подробностей этой кампании. Известно лишь, что в середине 1028 г. сын Дэ-мина Юань-хао овладел Лянчжоу, а затем Ганьчжоу. Ганьчжоуский хан Елогэ покончил жизнь самоубийством (сжег сам себя), а его жена и сын попали к тангутам в плен¹³².

В «Сун ши», в разделе «Ся го чжуань», излагающем историю Си Ся, сообщается, что в 1030 г. правитель Гуачжоу уйгурский хан Сяньшунь с 1000 всадников также сдался тангутам¹³³. У Гуан-чэн и Дай Си-чжан подвергаются сомнению достоверность этого факта, ссылаясь на отдаленность Гуачжоу и то обстоятельство, что этот факт не упомянут в другом разделе «Сун ши», посвященном описанию истории уйгуров (Хуйху чжуань)¹³⁴. Между тем случаев, когда какое-либо событие зафиксировано только в одном историческом описании и не упоминается в другом, довольно много. Вполне возможно, что после побед Юань-хао один из уйгурских ханов признал вассальную зависимость своего ханства от тангутского государства.

В 1036 г. Юань-хао овладел округами Сучжоу, Шачжоу и Гуачжоу¹³⁵, расширив границы тангутского государства вплоть до Хамийского оазиса.

Итак, почти полувековая вражда тангутов и уйгуров закончилась победой тангутов. Уйгуры навсегда утратили свои владения в Ганьсу. Часть уйгуров ушла на запад, в Гаочан (современный Хами), а часть осталась под властью тангутов. Их немногочисленные потомки до сих пор проживают в районе Сучжоу и Ганьчжоу¹³⁶.

Завоеванные уйгурские земли сыграли большую роль в истории тангутского государства. Тангуты получили плодородные поля, чудесные сады и богатые пастбища Принаньшанья. Они

¹³⁰ См. ССШШ, гл. 10, стр. 66.

¹³¹ См. там же, стр. 14—15а.

¹³² См. СШ, гл. 485, стр. 3786; ССЦШБМ, гл. 10, стр. 1а; ССШЛ, стр. 3.

¹³³ СШ, гл. 485, стр. 3786.

¹³⁴ См. ССЦ, гл. 5, стр. 25а; ССШШ, гл. 11, стр. 46.

¹³⁵ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

¹³⁶ См. Э. Р. Тенишев, *Этнический и родо-племенной состав народности юйгу*, — «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 59—66.

стали полноправными хозяевами в степях и полупустынях Алашаня, обладателями громадной территории от Хуанхэ до Хамийского оазиса и от южной окраины пустыни Гоби до горных хребтов Наньшаня. По-видимому, именно в это время тангуты овладели и районом Хара-Хото¹³⁷.

Высокая культура уйгуров Ганьсу оказала влияние на формирование тангутской культуры. Уйгурские буддийские монастыри стали очагами распространения буддизма среди широких слоев населения Си Ся.

В 1031 г. Дэ-мин скончался в возрасте 51 года¹³⁸. Престол по наследству перешел к его старшему сыну Юань-хао. Позднее Дэ-мину было дано посмертное имя Гуан-шэн хуанди и храмовое имя Тай-цзун.

Со смертью Дэ-мина закончился первый этап истории Си Ся — этап становления тангутского государства. В течение полувека (с 982 по 1031 г.) было создано территориальное ядро тангутского государства; сформированы первые органы управления тангутского государственного аппарата; почти все основные районы с тангутским населением объединены под властью тангутского государства и созданы реальные условия для формирования тангутской народности.

Процесс консолидации тангутских племен в единую народность бурно происходил уже в этот период.

В итоге в конце 30-х годов XI в. тангутское государство встало перед необходимостью проведения коренных реформ. Налицо были все предпосылки создания могущественного тангутского государства.

---

¹³⁷ См. В. Н. Казин, *К истории Хара-Хото*, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. V, 1961, стр. 278.

¹³⁸ Сатоси Накадзима считает, что Дэ-мин умер в 1032 г. (см. Сатоси Накадзима, *Сэйка ни окэру сэйкёку но суйи то бунка*, стр. 735).

Г Л А В А III

ГОСУДАРСТВО СИ СЯ

О НАИМЕНОВАНИИ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Официально в письмах и нотах, направляемых в Китай, тангутское государство именовалось Да Ся, что значит Великое Ся. Вероятно, это название было введено Юань-хао. В своем письме китайскому двору, присланном в качестве извещения о принятии им императорского титула, Юань-хао писал: «Государство названо Великим Ся»¹.

Выбор наименования тангутского государства связан с далекой традицией. По китайским преданиям, именно в этом районе, в провинции Шэньси, существовало в III—II тысячелетии до н. э. полулегендарное владение (племенное объединение) Ся. Династия Ся традиционно считалась первой китайской династией. Название этой династии не раз присваивалось не китайскими владетелями, создававшими свои государства на территории Шэньси. В конце IV — начале V в. потомок гунского вана Цюй-би — Хэлянь-бобо (умер в 425 г.) основал в этом районе независимое государство Да Ся², так как считал себя и свой народ потомками династии Ся по женской линии³. Наименование древнейшего тангутского округа Сячжоу также связано с этой традицией и правлением Хэлянь-бобо. Возможно, Юань-хао следовал этой традиции, назвав свое государство Великим Ся. Очевидно, он также претендовал на то, чтобы считаться потомком правивших ранее в этих районах династий.

Полное официальное название тангутского государства 𐰃𐰺𐰽𐰾𐰏𐰤 (по-китайски 白高大夏国) встречается в тангутских источниках. Встречаются и сокращенные написания этого названия, например 𐰃𐰺𐰽𐰾 . Вокруг перевода и

¹ СШ, гл. 485, стр. 3787.

² «Шэньси тун чжи, Чэнь цы цин яй цзинь чао», [б. м.], [б. г.], цз. 2, стр. 24.

³ «Тай-пин юй лань», стр. 615.

трактовки наименования тангутского государства в 40-е годы ХХ в. возникла дискуссия между Н. А. Невским и Ван Цзин-жу.

Ван Цзин-жу считал, что слово — «высокий» следует

воспринимать не в его прямом значении, а фонетически, как «ми». Он связывал его с тангутским самоназванием «ми», родственным тибетскому *mi* — «человек»⁴. Таким образом, Ван Цзин-жу полное наименование тангутского государства трактовал как «Государство Великого Лета белых ми». Н. А. Невский выступил против такой трактовки знака , а значит, и интерпретации наименования тангутского государства, данной Ван Цзин-жу в целом. Он считал, что данный знак употреблен здесь в своем прямом значении — «высокий», и предложил трактовать его как «верховья», а все сочетание истолковал как «верховья Белой (реки)», считая таковой реку Байшуй в Сычуани (горы Миньшань). При этом он исходил из двух несомненных для него положений: во-первых, тангуты в VII в. переселились в Ордос из Сычуани; во-вторых, южные границы Си Ся доходили до гор Миньшань, откуда берет начало река Байшуй. В целом Н. А. Невский интерпретировал наименование тангутского государства как «Государство Великого Лета верховьев Белой реки»⁵.

Обе предложенные трактовки малоубедительны. В трактовке Ван Цзин-жу сразу же вызывает сомнение фонетическое употребление тангутского знака «высокий». Тангуты, как мы об этом упоминали в гл. I, действительно называли себя ми. Это доказал еще А. И. Иванов. И он же определил, что свое самоназвание тангуты передавали знаком ⁶. Зачем же в наименовании своего государства им понадобилось употреблять другой знак, да еще специфически фонетический? Более того, Н. А. Невский, опираясь на тангутские словари, убедительно показал, что знак «высокий» читался не *ti*, а *'tw'e*⁷. Таким образом, как это и было доказано Н. А. Невским, трактовка Ван Цзин-жу несостоятельна.

Вместе с тем трактовка Н. А. Невского не очень убедительна. Тангутское государство никогда не распространяло своих южных границ до Сычуани. И одна из исходных посылок Н. А. Невского оказывается неточной. Хотя предки тангутов действительно жили в Сычуани, в том числе и по реке Байшуй, но это еще не значит, что 300 лет спустя тангуты должны были связать название данной реки с наименованием своего го-

⁴ См. ССЯЦ, ч. I, стр. 77—78.

⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 50.

⁶ См. А. И. Иванов, *Си Ся гошу шо*, стр. 677.

⁷ См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 35.

сударства, жизненно важные центры которого лежали далеко на севере, тем более что в этом наименовании опущено слово «река». Н. А. Невский нашел сочетание слов «белый» и «высокий» в одной тангутской оде, в которой он видит описание границ тангутского государства⁸. Это послужило ему основанием для интерпретации словосочетания как «верховья Белой» и отождествления его с рекой Байшуй. Но тангуты никогда не владели территориями к югу от верховья рек Вэйхэ и Хуанхэ. Эти области вначале принадлежали Сун, а затем чжурчжэням. Поэтому и интерпретация, данная Н. А. Невским тангутской оде, представляется также неточной. В ней усомнился и известный тибетолог Р. Штейн, предложивший локализовать названную в оде местность районом между реками Синин и Хуанхэ⁹.

Таким образом, поскольку является сомнительным отождествление «верховьев Белой» с верховьями реки Байшуй, сомнительной является и сама трактовка непонятого словосочетания как «верховья Белой (реки)», к тому же непонятно, куда исчезло слово «река».

Однако более серьезным возражением против трактовки Н. А. Невского является следующий факт. В одном из китайских источников слово «белый» в наименовании тангутского государства употреблено без слова «высокий» и тем более без предполагаемого слова «река».

В 1068 г. тангуты подбросили китайскому командующему Ян Вэнь-гуну письмо, в котором говорилось: «Безусловно, государь Белого государства (白国主) вышлет несколько десятков тысяч отборных всадников, чтобы преследовать тебя»¹⁰. Отсюда можно заключить, что слово «белый» в наименовании тангутского государства не было связано с названием реки и могло употребляться вполне самостоятельно, означая «белое государство».

Почему же тангутское государство называлось белым? Ответить на этот вопрос трудно. Судя по тибетским легендам, это слово с глубокой древности употреблялось в качестве этнонима у той группы племен китайско-тибетской границы (l'Don), с которой связано и происхождение тангутов. Тибетские источники упоминают «белых дон» (l'Don rrom). Слово «rrom» — «белый» (варианты — rhrrom, khrom) отсутствует в классическом тибетском языке, но сохранилось в некоторых архаических выражениях в рукописях из Дуньхуана и в родственных языках китайско-тибетской границы (джярунг, цян). Р. Штейн связывает эту традицию и с наименованием тангутского государства: «Миняги, которые также связаны с l'Don, были одним из племен Си Ся. Но в некоторых случаях (a l'occasion) это же самое государство носило другое наименование, туземное 'mba — mbe.

⁸ См. там же, стр. 38—47.

⁹ R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia...*, p. 230.

¹⁰ ССЦ, гл. 13, стр. 36.

Первое слово этого наименования значит „белый“, а второе — „высокий“, „наверху“ „при истоке“ (a la source)»¹¹.

Позднее, когда в Си Ся укрепился буддизм, термин «белый» мог связываться с распространением в тангутском государстве культа Майтрейи, с которым ассоциировался белый цвет¹².

Второе слово, по всей видимости, употреблялось в прямом значении «высокий». Этот знак изображен на тыльной стороне многих тангутских печатей, где он, очевидно, значил «высокий, высочайше (утверждаю)» и сопровождался датами¹³. Именно как «высокий» переведено это слово и в полном китайском переводе наименования тангутского государства, обнаруженном нами в послесловии к сутре «Фо шо шэн да чэн сань гуй и цзин»¹⁴, изданной по-китайски в Си Ся. Китайский перевод 白高大夏国 является дословным переводом с тангутского, и слово «высокий» передано здесь китайским 高 — «высокий». Исходя из изложенного выше, мы предлагаем пока переводить наименование тангутского государства как «Белое высокое государство Великого лета». Может быть, тангутское 𐰉 и имело какие-то смысловые оттенки, например «при истоке», как предположил Р. Штейн, но очевидными доказательствами мы в данный момент не располагаем.

Крайне сложным представляется и вопрос о тангутском наименовании столицы Си Ся. По-китайски тангутская столица именовалась (в хронологической последовательности) Синчжоу, Синцин, Чжунсин. Между тем ряд упоминаний китайских источников позволяет думать, что столица Ся могла, по-видимому, именоваться и Ятоу (衙頭).

В сочинении «Си чжэн дао ли цзи» сообщается: «Столица государства Ся — Синчжоу, называют ее Ятоу»¹⁵. В другом китайском источнике упоминается, что в 1048 г. «киданьские войска дошли до Ятоу»¹⁶. Из источников известно, что именно в этот год киданьские отряды подходили к стенам столицы Ся¹⁷. Ятоу как столица, резиденция государя Ся, упоминается в 1076 г. В этом году тангутский род Му, проживавший на сунской территории в округе Хуаньчжоу, решил сдаться. Представители рода Му были посланы для ведения переговоров с тангутскими властями. Тангутские пограничные старшины «тайно послали доклад в Ятоу, чтобы известить об этом»¹⁸. В 1082 г. китайцы

¹¹ R. A. Stein, *Les tribus anciennes des marches sino-tibetain*, p. 48.

¹² См. A. F. Wright, *Buddhism in Chinese History*, London, 1959, p. 69, 104.

¹³ Ло Фу-чэн, *Си Ся гуань инь цзи цунь*, [б. м.], [б. г.].

¹⁴ Китайские рукописи и ксилографы коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото. Коллекция ЛО ИНА, ТК — 121.

¹⁵ Чжэн Ган-чжунь, *Си чжэн дао ли цзи*, Шанхай, 1936, стр. 10.

¹⁶ ССШШ, гл. 18, стр. 176.

¹⁷ См. ЛШ, гл. 115, стр. 421.

¹⁸ ССЦ, гл. 15, стр. 20а — 20б.

взяли в плен посланного тангутами в разведку раба из Ятоу. Во время допроса этот раб по имени Цэмудоик сообщил, что «в Ятоу снова собраны войска из 12 цзяньцзюньсы»¹⁹. А из источников известно о концентрации войск со всей страны в Синчжоу.

Следовательно, Ятоу, если оно не означало просто передачу тангутского слова «столица», было тангутским наименованием столицы Си Ся.

Но, с другой стороны, судя по монгольской хронике «Юань чао би ши» и сведениям мусульманских авторов, столица Ся и столичный округ назывались (в разных вариантах) Эрихай, Иркай, Урахай, Иригай, Урукай. Рашид-ад-дин прямо указывает, что название столицы Тангута «на тангутском языке было Иргай»²⁰. Марко Поло дает описание области Егрегайя, которая несомненно является бывшим столичным округом Ся.

Поэтому не исключено, что эти наименования, как и Эдзина (Ицзинай) для Хара-Хото, передают через монгольский тангутское наименование столицы или столичного округа Ся.

П. Поуха, который не смог объяснить этимологию наименований «Arigaya'u Arijä'u» (наименование Лянчжоу в «Сокровенном сказании») на базе тибетского и тангутского языков, считает, что это название не тангутское, а более древнее, гуннское, перешедшее затем в монгольский язык²¹.

Таким образом, вопрос о тангутском наименовании столицы Си Ся до сих пор остается открытым. Несмотря на прямое указание Рашид-ад-дина, мы не можем быть уверены, что столица Ся называлась Иргай, так же как и в том, что Ятоу китайских источников передает ее подлинное тангутское самоназвание. Может быть, это разные по времени (Ятоу — XI — начало XII в., Иргай — конец XII — начало XIII в.) тангутские наименования столицы Ся. Но это тоже только лишь предположение.

К сожалению, тангутское название столицы Си Ся 緜緜緜府, имеющееся в «Своде законов», передает лишь тангутскую транскрипцию китайского наименования Чжунсинфу 中興府: Название Чжунсин было дано столице Ся в 1205 г. в честь избавления тангутского государства от первого большого нашествия монголов²². «Чжунсин» — это китайский термин, означающий «восстановление династии после временного упадка», «поправиться, снова воспрянуть». Очевидно, мы располагаем изданием законов после 1205 г., и поэтому столица Ся названа здесь этим китайским термином, появление которого вполне понятно.

¹⁹ Там же, гл. 17, стр. 5а—5б.

²⁰ См. Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой, М., 1952, стр. 230—231.

²¹ P. Poucha, *Mongolische Miscellen*, S. 286—287.

²² См. ССШШ, гл. 39, стр. 106—11а.

ТЕРРИТОРИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СИ СЯ

Новый государь Си Ся — Вэймин (Тоба) Юань-хао родился в 1003 г. Его детское имя — Вэйли, что по-тангутски значит «любящий почести и богатство»²³. Судя по описаниям китайских источников, это был талантливый человек, с непоколебимой волей, суровым и жестоким характером, кипучей энергией и дерзновенными помыслами²⁴. В детстве он получил хорошее образование, владел китайским и тибетским языками и мог читать и писать по-китайски и по-тибетски. Юань-хао хорошо изучил буддийские каноны и был отменным знатоком военного дела. Юношеские годы он провел за учением, в охотничьих прогулках и военных упражнениях. Он любил посещать пограничные рынки и по долгу беседовал с купцами из Китая, Ляо и с далекого Запада. Встречавшийся с Юань-хао китайский чиновник Цао Вэй отозвался о нем как об «истинно талантливом человеке»²⁵. Юань-хао не одобрял мирной политики отца и был принципиальным сторонником разрыва мирных отношений с Сун. Он считал, что тангуты, «рожденные смелыми», должны «властвовать над Китаем». После того как в 1028 г. возглавляемые 25-летним Юань-хао тангутские войска овладели Ганьчжоу и Лянчжоу, он официально был объявлен наследником престола²⁶.

В 1031 г.²⁷ Юань-хао стал государем Си Ся. Киданьские послы вручили ему грамоту на титул вана Ся, а сунский двор прислал свидетельство на титул Сипин вана (вана, умиротворителя Запада). Молодой тангутский государь с первых дней своего правления дал понять, что он тяготится опекой своих могущественных соседей. Принимая от сунского посла свидетельство на титул, Юань-хао, обращаясь к придворным и гостям, многозначительно заметил: «Прежний ван допустил большую ошибку. Имея такое (сильное. — *Е. К.*) государство, он признавал себя вассалом!»²⁸. Юань-хао сразу же отказался от китайской фамилии и в дипломатических документах, направляемых Сун, подписывался тангутской фамилией Вэймин. Одновременно он принял тангутский титул уцзу, соответствовавший китайскому хуан-

²³ СШ, гл. 485, стр. 3786.

²⁴ См. там же, ССШЛ, стр. 3; ЛПЦ, гл. 20, стр. 5а.

²⁵ ССЦ, гл. 5, стр. 246.

²⁶ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

²⁷ Осабэ Кадзуо считает, что Юань-хао стал государем Ся в 1032 г. (см. Осабэ Кадзуо, *Сэйка кинэн ко*, — «Сирин», т. 18, 1933, № 3, стр. 35). Осабэ Кадзуо детально исследовал хронологию тангутского государства, зафиксированную в «Сун ши», «Ляо ши» и других китайских трудах, начиная с правления Юань-хао. Составленные им хронологические таблицы представляют большую ценность и положены в основу нашего «Очерка». Однако, по нашему мнению, не исключено, что Юань-хао вступил на престол в последние месяцы 1031 г., и в данном случае мы следуем хронологии, принятой в труде Дай Си-чжана «Си Ся цзи».

²⁸ ССЦШБМ, гл. 10, стр. 26.

ди — император²⁹. С 1032 г. Юань-хао ввел в Си Ся свой собственный девиз лет правления³⁰. По существовавшим в те времена нормам международных отношений, это был прямой отказ от признания зависимости со стороны более могущественного государства, короче говоря, это был прямой вызов Китаю. Стремясь упрочить внутреннее положение страны, Юань-хао решил прежде всего ликвидировать племенную раздробленность тангутов. Он ввел в Си Ся строгие военные законы, с помощью которых подчинил все племена³¹.

Начиная с 1033 г. Юань-хао проводит серию реформ, в результате которых тангутское государство оформляется не только территориально, но и приобретает те государственно-административные и социальные формы, которые просуществовали вплоть до его гибели.

Как уже упоминалось выше, в результате тангутско-уйгурских войн тангуты расширили границы своего государства вплоть до Хамийского оазиса. Через 100 лет они присоединили к своим владениям еще земли четырех округов в районе между рекой Хуанхэ и озером Кукунор (город Синин и прилегающие к нему области). В этих границах тангутское государство просуществовало до завоевания его монголами.

В 1036 г. в состав тангутского государства входили округа Сячжоу, Иньчжоу, Суйчжоу, Ючжоу, Цзинчжоу, Линчжоу, Яньчжоу, Хуйчжоу, Шэнчжоу, Эрчжоу (Ордос и прилегающие районы), Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу³² (территория современной китайской провинции Ганьсу).

В 1082 г. в письме тангутов китайскому двору указывалось, что протяженность границ государства Си Ся 10 тыс. ли³³. В общем описании государства Си Ся в «Сун ши» сообщалось, что «длина границ государства Си Ся составляла более 20 тыс. ли»³⁴. Эти данные явно преувеличены. Хотя к территории Си Ся в 1136 г. была присоединена область Синина с прилегающими тремя округами, вряд ли за счет этого протяженность границ могла увеличиться вдвое. Исследование территории Си Ся по приведенному в «Сун ши» перечню округов показывает, что длина границ тангутского государства не превышала 5 тыс. км, т. е. могла быть не многим более 10 тыс. ли.

Об административном делении Си Ся мы пока в состоянии судить, лишь анализируя отрывочные сведения китайских источников. Судя по материалам «Сун ши» и «Цзинь ши», основной первичной административной единицей Си Ся был округ (чжоу). По-видимому, отдельные округа делились на уезды, так как эта

---

²⁹ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

³⁰ См. там же.

³¹ См. там же.

³² См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

³³ Там же, гл. 486, стр. 3792.

³⁴ Там же, стр. 3796.

ГОСУДАРСТВО СИ СЯ В XI в. КОПИЯ СТАРИННОЙ КАРТЫ

административная единица (сянь) упоминается в тангутском кодексе законов. Особо важные в стратегическом, политическом или экономическом отношении районы выделялись в особо управлявшиеся области — фу. Области были учреждены в столице и в Лянчжоу — втором по значению городе Си Ся.

В 30-е годы XI в. Юань-хао была создана область Сюаньхуафу, местонахождение которой неизвестно.

В западной части страны, после завоевания тангутами областей Ганьчжоу и Сучжоу, были организованы два специальных военных округа (цзюнь) — в Сучжоу под названием Фаньхэцзюнь (округ примирения иноземцев) и в Ганьчжоу — Чжэньицзюнь (округ подчинения чужеземцев). В кодексе законов упоминается военный округ Миншацзюнь (поющие пески). Минша указан на старинной карте Си Ся XI в.

К концу XII в. территория Си Ся была разделена на 22 округа: «девять округов южнее Хуанхэ — Лин, Хун, Ю, Инь, Ся, Ши, Янь, Наньвэй и Хуй (территория Ордоса); девять округов западнее реки — Син, Дин, Хуай, Юн, Лян, Гань, Су, Гуа и Ша (территория Алашаня и Принаньшанья); у Сицинь за рекой было четыре округа — Синин, Лэ, Ко и Цзиши»³⁵ (область Синина).

В XII в. тангутские административные центры делились на пять категорий: к высшей категории не относилась ни одна из административных единиц; ко второй категории была отнесена столица тангутского государства Чжунсин (Синчжоу, Синцин); к третьей (средней) категории — область Минша; к четвертой (низшей) категории — Шачжоу, Диннань, Хуайюань, Лунхун (Лунчжоу и Хунчжоу?), Баоцзинь, Линчжоу, Ганьчжоу, Юнчжоу, Хэйшуй (Хара-Хото), Иньчжоу; к пятой категории — Сячжоу и Суйчжоу.

В список, по-видимому, внесены наиболее важные центры, где размещались центральные и местные органы гражданской и военной администрации.

Точное местонахождение подавляющего большинства перечисленных округов (за исключением округа Наньвэй) указано на одной из старейших карт тангутского государства, составленной в XI в. (по нашему мнению, между 1066—1081 гг.)³⁶. Эта карта воспроизведена в некоторых изданиях работы Чжан Цзяня «Си Ся цзи ши бэнь мо», а также в рукописном атласе карт тангутского государства Си Ся, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве³⁷. Автор ее неизвестен.

³⁵ Там же.

³⁶ См. Е. И. Кычанов, *Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина*, — «Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959, стр. 204—212, с картами.

³⁷ См. Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, фонд № 274, К. А. Скачкова, рукопись 1250.

Местонахождение округа Наньвэй точно не установлено и до настоящего времени. Неизвестный автор полагал, что он находился в Минша, юго-западнее Линчжоу.

Можно предполагать, что тангутское государство также было разделено на ряд больших областей, объединявших по несколько округов. По-видимому, такими областями, в которых были сосредоточены высшие местные органы власти, были в Си Ся цзяньцзюньсы — военно-административные центры тангутского государства. Таких центров было 12. О том, что эти округа были именно центрами местной администрации, свидетельствуют некоторые факты. Так, в 1078 г. китайцы стали запахивать брошенные ими ранее земли в районе Линьчжоу. Местные тангутские племена были озлоблены тем, что не могут сами завладеть этими землями. Они «обратились с жалобой в цзяньцзюньсы, а цзяньцзюньсы поставило об этом в известность государя»³⁸. В качестве высших административных единиц военно-административные округа характеризуются в сунском сочинении 1116 г. «Си чжэн дао ли цзи». Каждому цзяньцзюньсы было выделено для управления определенное количество дворов. Так, Цзосян цзяньцзюньсы имело в своем ведении более 20 тыс. дворов, Ючжоуское цзяньцзюньсы — более 40 тыс. дворов³⁹ и т. д. Таким образом, наряду с областями и специальными военными округами цзяньцзюньсы были высшими административными единицами тангутского государства, в состав которых входили округа и уезды.

В районах развитого кочевого скотоводства низовая администрация первоначально, возможно, в какой-то мере совпадала с родовым делением. В кодексе законов в качестве административных единиц указано немало крепостей. Крепости могли быть опорными пунктами на границах и на севере, в полупустынных кочевых областях. Упоминание крепостей в числе административных центров и то обстоятельство, что военно-административные округа были одной из главных высших административных единиц Си Ся, позволяют нам высказать предположение, что местная тангутская администрация была тесно связана с военной, а административное деление тангутского государства — с его делением на военные округа.

Таким образом, государство Си Ся занимало территории современной китайской провинции Ганьсу и западную часть провинции Шэньси, громадную область, простиравшуюся с запада на восток примерно на 1400 км — от Дуньхуана до берегов Хуанхэ в районе Мичжи, и с юга на север примерно на 650 км — от Синин до устья Эдзин-гол.

Южная граница тангутского государства проходила по ли-

³⁸ ССЦ, гл. 16, стр. 2а.

³⁹ Чжэн Ган-чжун, *Си чжэн дао ли цзи*, Шанхай, 1936, стр. 10.

нии городов в бассейне реки Вэйхэ (принадлежавших вначале Северной Сун, а затем чжурчжэням) до озера Кукунор⁴⁰.

От Кукунора южная граница Ся шла по горам Наньшань (хребты Циншилин, Рихтгофена, Гумбольта); западная граница проходила в районе реки Данхэ и Хамийской впадины⁴¹. На севере территория Си Ся доходила до пустыни Гоби, на северо-востоке и востоке граница продолжалась по реке Хуанхэ. Здесь в районе современного Датун, провинция Шаньси, Си Ся до 1115 г. граничило с Ляо, а затем Цзинь. На востоке, юго-востоке и юге в XI в. тангутское государство граничило с сунской империей, а в XII в. — с Цзинь. Соседями Си Ся на юге-западе были тибетцы, на западе — уйгуры, на севере — тюрко-монгольские племена. Таково было этническое окружение тангутского государства.

По физико-географическим условиям территорию Си Ся можно условно разделить на пять районов: Ордос; район к югу от Великой китайской стены, включая часть северошэньсийской котловины и котловины Лунси; пустыня Алашань и район Алашаньских гор (Хэланьшань); горный район Наньшаня и прилегающий к нему Бэйшань; северо-восточная часть Цинхайского плато, охватывающая часть долины верхнего течения Хуанхэ и Кукунорской впадины.

Ордос. Плато Ордос с севера ограничено Хуанхэ, с юга границей ему служит Великая китайская стена. Рельеф плато в основном равнинный. Плато имеет уклон с юга на север и может быть поделено на две части — восточную, степную, удобную не только для скотоводства, но и для земледелия, особенно в районах, прилегающих к Хуанхэ и орошаемых ее многочисленными притоками, и западную, полупустынную и пустынную, пригодную лишь для кочевого скотоводства⁴².

Климат Ордосского плато резко континентальный. Здесь бывает морозная и ветреная зима и жаркое сухое лето. Реки чаще всего замерзают в октябре, а вскрываются только в апреле. В наши дни средняя температура января в Баотоу — 15,1° С, а средняя температура июля +21,3° С. Ежегодно выпадает 273 мм осадков⁴³.

---

⁴⁰ Н. А. Невский, на наш взгляд, допускал неточность, когда писал, что южной границей Си Ся была провинция Сычуань (см. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 19а).

⁴¹ Ховорс предположил, что власть Си Ся распространялась на Баркуль, Урумчи и Турфан. См. Н. Н. Howorth, *The northern frontiers of China*, pt VI, Hia or Tangut, — JRAS, vol. XV, 1883, p. 443.

⁴² Русский путешественник Г. Н. Потанин, характеризуя окраины Ордоса, писал: «Для кочевой жизни это области достаточно озаренные природой. Обе они сходны в том, что завалены передвижными песками, но эти пески не походят на те, которые лежат к западу от Алашаня... Ордосские пески не так мертвы — они окрашены водами... обилие воды вызывает достаточную растительность...» (Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, М., 1950, стр. 105).

⁴³ Чу Шао-тац, *География нового Китая*, М., 1953, стр. 298.

Район к югу от Великой китайской стены занимает северо-западную часть лёссового плато. Здесь сохранились остатки многочисленных древних хребтов гор Хэншань, Байюйшань и северные отроги гор Люпаньшань. Восточная часть плато орошается многочисленными реками: Тоувэйхэ, Удинхэ с притоком Лихэ, Цинцзяньхэ, Яньшуй с притоком Чжоушуй, верховья Лохэ, Хуаньцзян и Пиншуй, текущая с юго-востока на северо-запад.

Климат лёссового плато засушливый. В наши дни здесь средняя температура июля $+25^{\circ}\text{C}$, а средняя температура января -7°C . Осадков выпадает около 380 мм в год⁴⁴, поэтому земледелие требует искусственного орошения. Растительность степная.

Алашань. «Страна эта наполнена голыми сыпучими песками, которые тянутся к западу от реки Эдзинэ, на юге упираются в высокие горы пров. Ганьсу, а на севере сливаются с бесплодными глинистыми равнинами средней части гобийской пустыни»⁴⁵, — так описывал Н. М. Пржевальский этот район. Но не весь Алашань представляет бесплодную пустыню. Пустынные территории Алашаня перемежаются с оазисами; восточная часть Алашаня, примыкающая к предгорьям Алашаньских гор, орошается горными ключами. В юго-восточной части пустыни протекает река Шуйхэ. Здесь, как и в западной части Алашаня, по берегам реки Эдзин-гол раскинулись прекрасные пастбища.

Климат Алашаня резко континентальный. По современным данным, средняя температура января -15°C , -20°C , а средняя температура июня в отдельных местах доходит до $+30^{\circ}\text{C}$. Осадков выпадает до 200 мм в год. Более благоприятным климатом отличаются лишь предгорья Алашаньского хребта и узкая полоска земли между хребтом и рекой Хуанхэ, в районе г. Иньчуань, бывшего некогда столицей Си Ся. Здесь местное население занимается земледелием. В остальном Алашане в наши дни обрабатывается лишь 0,58% его общей площади⁴⁶.

Район Наньшаня и Бэйшаня. «Пустыня кончилась чрезвычайно резко, — писал Н. М. Пржевальский, когда его отряд вступил в предгорья Наньшаня, — всего на расстоянии двух верст от голых песков, которые потянулись далеко к западу, расстилались обработанные поля, пестрели цветами луга и густо рассыпались... фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здесь так близко между собой, что удивленный путник едва верил собственным глазам»⁴⁷. Узкое плато, шириной в 40—100 км с многочисленными оазисами, орошаемыми потоками

⁴⁴ «Китай», Главное управление геодезии и картографии МВД СССР, М., 1956, стр. 8. Река Хуанхэ у города Ланьчжоу замерзала каждую зиму (см. СССР, гл. 23, стр. 6а).

⁴⁵ Н. М. Пржевальский, *Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии*, т. 1, СПб., 1875, стр. 156.

⁴⁶ Чу Шао-тан, *География нового Китая*, стр. 299.

⁴⁷ Н. М. Пржевальский, *Монголия и страна тангутов*, стр. 215.

талых вод с гор Наньшань, высота которых превышает 5000 м, протянулось у их подножия более чем на 900 км.

Но дыхание пустыни сказывается и здесь. Климат предгорий также характеризуется резкой сменой температур, очень незначительным количеством осадков⁴⁸. Зимой в пустыне поднимаются сильные песчаные бури, часто превращающие плодородные земли в пустыню. Западные районы — Аньси и Дуньхуан — орошаются реками Данхэ и Сулахэ. Население здесь издавна занималось земледелием. Лежащий к северу от них район Бэйшань представляет собой полупустыню⁴⁹.

Северо-восточная часть Цинхайского плато. Это горный район, пересеченный многочисленными речными долинами; самые значительные из них — долины рек Хуанхэ и Датунхэ. В горах и степях, примыкающих к озеру Кукунор, имеются превосходные пастбища. В долинах население занимается земледелием. В районе Синина вызревают пшеница и рис. Зима здесь не слишком холодная, а лето теплое. В наши дни в районе Синина средняя температура января — 6,5°C, а средняя температура июля +18,1°C, годовое количество осадков — 377 мм⁵⁰.

Как мы можем судить, большую часть территории Си Ся составляют пустынные, полупустынные и горные районы. Климат страны континентальный, с холодной зимой, жарким летом и незначительным количеством осадков.

Описание климата государства Си Ся дано на основании современных данных. Очевидно, за 750 лет, прошедших со времени гибели этой страны, климат в Центральной Азии претерпел какие-то изменения. Советский географ В. М. Сеницын предполагает, что «Центральная Азия переживает стадию прогрессивного усыхания»⁵¹. Такой же точки зрения на изменение климата Центральной Азии придерживался выдающийся русский географ и историк Г. Е. Грум-Гржимайло, который на большом историческом материале, в том числе и на примере Си Ся, показывал

---

⁴⁸ Чу Шао-тан, *География нового Китая*, стр. 298.

⁴⁹ По описанию А. Стейна, в районе Бэйшаня, где проходил путь из Дуньхуана в Хамийскую впадину, «пастбища могут быть найдены только в нескольких изолированных котловинах широких пустынных долин» и местность к югу от Дуньхуана «полностью покрыта высокими грядами медленно текущих песков, которые дали городу его последующее название Шачжоу, „города песков“» (A. Stein, *Memoir on the Maps of Chinese Turkistan and Kansu from the Surveys Made during sir Aurel Stein Exploration*, Dahara Dun, 1923, pp. 95—96).

⁵⁰ Чу Шао-тан, *География нового Китая*, стр. 337.

⁵¹ В. М. Сеницын, *Геотектонический фактор в изменении климата Центральной Азии*, — «Бюллетень московского общества испытателей природы», Отд. геологии, т. XXIV, 1949, стр. 3. Автор полагает, что причиной этих климатических изменений «явилось поднятие горных систем Куэньлуня, Гималаев, Циньлиньшаня, Люлианя и Большого Хинганского хребта, отделивших эту часть континента от влажных муссонов, поступающих со стороны Индийского и Тихого океанов» (там же, стр. 9).

уменьшение жизненных ресурсов центральноазиатских степей⁵².

Таким образом, есть основания предполагать, что в начальный период существования государства Си Ся климат на его территории был более мягким и более благоприятным для жизни человека. Например, в «Истории династии Цзинь» (1115—1234 гг.) мощь государства Си Ся объясняется исключительно его природными богатствами: «Хотя территория государства Си Ся и не велика, оно смогло стать мощным и сильным благодаря богатству своих земель. Это так»⁵³.

Геологические изменения происходили и в период существования государства Си Ся. Например, источники часто упоминают о сильных землетрясениях⁵⁴.

Но все-таки основная характерная черта климата территории Си Ся — его резкая континентальность существовала уже в XI—XII вв., о чем свидетельствуют сообщения о частых засухах, от которых страдало тангутское государство. Возможно только, что пастбищные угодья в то время были обширнее.

НАСЕЛЕНИЕ СИ СЯ

Государство Си Ся было неоднородным в этническом отношении. Самыми многочисленными народностями Си Ся были тангуты, составлявшие основное ядро населения страны, и китайцы. Кроме того, на территории Си Ся жили уйгуры, тюрки⁵⁵, тибетцы, тугухунь⁵⁶. Китайцы жили главным образом в сельскохозяйственных районах страны, уйгуры — в западных областях — Ганьчжоу, Сучжоу, Шачжоу, тибетцы и тугухунь — в юго-западных областях, прилегавших к озеру Кукунор и верховьям Хуанхэ. Большая часть нетангутского населения Си Ся была завоевана тангутами и присоединена к их государству. Естественно, что в те-

⁵² «Главным источником доходов царства Си Ся был скот, — писал Г. Е. Грум-Гржимайло, — значительное же животноводство требовало и обширных пастбищ. Между тем главное богатство Алашана, население которого не превосходит 10 тыс. семейств, составляют верблюды потому только, что верблюд довольствуется растительностью пустыни и не нуждается в проточной воде. Луга в Алашане исчезли под надвинувшимся песком...» (Г. Е. Грум-Гржимайло, *Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии в исторический период*, — «Известия Государственного географического общества», т. LXV, 1933, стр. 446).

⁵³ ЦШ, гл. 134, стр. 828.

⁵⁴ В 996 г. в округе Сячжоу было землетрясение, «длившееся более 100 дней. Городские стены и много домов были разрушены» (ССЦ, гл. 2, стр. 15а). В конце XI в. «два года зимой в округе Лянчжоу были большие землетрясения» (С. Devéria, *L'écriture du Royaume de Si-Hia ou Tangout*, Mem. press. div. sav., I serie, vol. XI, 1, Paris, 1898, p. 8). В 1143 г., в «государстве Си Ся землетрясение не прекращалось свыше месяца. Из образовавшихся в земле трещин били источники и выходил черный песок» (СШ, гл. 486, стр. 3796).

⁵⁵ См. В. Ögel, *Ein Tor nach China in 10 Jhdt*, — САЖ, vol. VI, 1961, № 3, pp. 169—181.

⁵⁶ См. Р. Poucha, *Mongolische Miscellen*, p. 286.

чение более чем 200-летнего периода существования тангутского государства происходил процесс расселения господствующей тангутской народности на землях подчиненных народов, особенно в районах, удобных для земледелия. Таким, вероятно, было постепенное распространение тангутов на Запад⁵⁷.

В источниках сохранились отдельные описания внешности тангутов. Первый тангутский император Юань-хао «был круглолиц, с крупным носом (букв. «высоким». — *Е. К.*), ростом более 5 чи»⁵⁸. Тангутский ван Жэнь-чжун «был высокого роста, имел прекрасные бакенбарды и усы»⁵⁹. Рубрук писал: «За ними (уйгурами. — *Е. К.*) к востоку... живут тангуты, очень храбрые люди, ...среди тангутов я видел людей больших, но смуглых»⁶⁰.

Марко Поло сообщал о жителях области Ергинул (Лянчжоу): «Люди толсты, курносы, волосы черны, без бород и усов»⁶¹. Данные письменных источников хорошо подтверждаются сохранившимися изображениями тангутов. Именно этими чертами характеризуются изображения тангутов, которые дошли до нас вместе с памятниками тангутской и китайской письменности из Хара-Хото.

На одном из экземпляров словаря «Перл в руке»⁶² сохранился сделанный от руки набросок тангутского монаха. Это человек с вытянутым лицом и длинным носом. Очень хорошее изображение приносящих жертву тангутов сохранилось в пещере Юйлиньку (Аньси). Это высокорослые, полнолицые люди, с крупными носами, лица продолговатые, скулы обозначены слабо, глаза слегка раскосые⁶³.

Эти источники позволяют нам сделать следующий вывод: волосы тангутов, как правило, черные, большей частью прямые, кожа смуглая, с желтоватым оттенком, третичный волосяной покров (усы и борода) развит значительно, скулы выступают не очень сильно, лицо продолговатое, но встречались и широкие лица, крупный нос, ширина носа по сравнению с его высотой (носовой указатель) невелика, глаза широко открыты, эпикантус почти отсутствует. Наружная слизистая оболочка губ развита умеренно, иногда значительно (утолщенные губы). Рост средний, часто даже высокий⁶⁴.

⁵⁷ См. Д. М. Позднеев, *Исторический очерк уйгуров*, СПб., 1899, стр. 125.

⁵⁸ СШ, гл. 485, стр. 3786. Чи = 0,32 м.

⁵⁹ ССЦ, гл. 24, стр. 106.

⁶⁰ Иоанн де Плано Карпини, *История монголов*. Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, СПб., 1910, стр. 109—110.

⁶¹ И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старофранцузского текста, СПб., 1902, стр. 94.

⁶² См. Тангутский фонд ЛО ИНА, № 214.

⁶³ Се Чжи-лю, *Дуньхуан ишу сюйлу, тубань сыэр*, Шанхай, 1957, рис. 42

⁶⁴ Нынешнее коренное население горных областей Ганьсу и Кукунора, в среде которого, без сомнения, имеется и тангутский антропологический тип, хотя и подвергшийся сильному тибетскому влиянию, сохранило эти характерные черты. «Общий их рост, — писал Н. М. Пржевальский о населении этих мест, — средний, частью даже большой, сложение коренастое, плечи широкие.

Поскольку тангуты и китайцы составляли подавляющее большинство населения Си Ся, тангутский и китайский языки были самыми распространенными в стране. Государственным языком был тангутский⁶⁵. Источники не дают ответа на вопрос о численности населения Си Ся, но подчеркивают большую населенность территории Си Ся. Об этом говорится и в монгольском эпосе. В песне-плаче о Чингисхане есть следующие строки:

Ужели и прах твой так вот восхочет
Покинуть старых монголов своих
Из-за теплой погоды на Харугун-хане,
Из-за многолюдья Тангутского царства,
Из-за красоты ханши Гурбелджин?⁶⁶

Большую населенность страны даже после опустошения ее монголами подчеркивали в своих сообщениях Рашид-ад-дин и Марко Поло⁶⁷.

По сообщениям китайских источников, тангуты могли выставить армию численностью свыше 500 тыс. человек⁶⁸. По существовавшей в Си Ся системе воинской повинности военнообязанным считался всякий мужчина, достигший пятнадцатилетнего

Волосы, брови, усы и борода у всех без исключения черные, глаза черные, обыкновенно большие или средней величины; но не узко прорезанные, как у монголов. Нос прямой, иногда (не особенно редко) орлиный или вздернутый кверху (курносы у Марко Поло. — *Е. К.*); губы большие и довольно часто отвороченные. Скулы хотя отчасти и выделяются, но нерезко, как у монголов, лицо вообще продолговатое, но не плоское; череп круглый, зубы отличные, белые. Общий цвет кожи и лица смуглый, у женщин иногда матовый, кроме того женщины вообще меньше ростом, нежели мужчины... у тангутов сильно растут усы и борода» (Н. М. Пржевальский, *Монголия и страна тангутов*, стр. 256). Разумеется, что народ, описанный здесь Н. М. Пржевальским и называемый им тангутами, не идентичен тангутам Си Ся, хотя и связан общностью происхождения с древним дансянским населением верховий Хуанхэ. Тангуты были близки тому современному антропологическому типу тибетцев, который характеризуется высокорослостью, более выступающим носом, долихокефалией. Этот вариант представлен тибетцами Кама и северных областей их расселения (см. Ю. И. Журавлев, *Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны*, — «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXIII, Восточно-Азиатский сборник, т. II, 1961, стр. 86—87).

⁶⁵ Автор тангутско-китайского словаря «Перл в руке» при его составлении (XII в.) руководствовался стремлением укрепить взаимопонимание между тангутами и китайцами и сетовал по поводу того, что «тангутские мудрецы не почитают китайских, а китайские ученые не уважают тангутских. И все это происходит из-за незнания языков» (Тангутский фонд ЛО ИНА, № 214).

⁶⁶ «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием „Юань чао би ши“, русский перевод С. А. Козина, т. 1, М.—Л., 1941, стр. 69.

⁶⁷ «В стране тангутов много владений, состоящих из городов, селений и крепостей» (Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова, стр. 143). «Городов и поселений тут много, страна Тангутская» (И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 94).

⁶⁸ СШ, гл. 486, стр. 3796. Эти данные, разумеется, не могут считаться абсолютно достоверными.

возраста. Из каждых двух военнообязанных один должен был отбывать службу в регулярной армии⁶⁹. При такой системе набора 500-тысячная армия предполагала наличие миллиона мужчин. Если число подростков и пожилых мужчин, не служивших в армии, определить приблизительно в 250 тыс. (т. е. полагать, что они составляли четверть всех мужчин), то все мужское население страны при грубом подсчете составляло 1250 тыс. Приняв условно, что численность женщин равнялась числу мужчин, мы получим цифру, очень приближенно отражающую численность населения Си Ся, и именно 2500 тыс. человек.

ЖИЛИЩА, ПОСЕЛЕНИЯ, ОДЕЖДА. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ТАНГУТОВ

Жилища тангутов были различны — в зависимости от характера хозяйства их владельцев. Кочевники-скотоводы жили в юртах и палатках, оседлые скотоводы и земледельцы — в глинобитных домах, знатные строили себе дома, вероятно, по китайскому образцу и покрывали их черепицей. Наиболее типичными жильными постройками для Си Ся были глинобитные дома. В «Сун ши» указывается, что «все тангуты обычно жили в глинобитных домах»⁷⁰. Эта характерная особенность жилищ тангутов не раз упоминается в «Сокровенном сказании». «Городища у нас глинобитные»⁷¹, — говорят тангуты Чингисхану. Монгольский полководец Толун-Черби, предлагая отложить поход против Ся, следующим образом обосновывает свое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища»⁷². Глинобитные дома тангутов, не крытые черепицей, как и у дансянов, покрывались тканями, сотканными из шерсти яков и овец⁷³. Иногда тангуты-пастухи строили легкие временные хижины⁷⁴. Кочевники жили в юртах или палатках. Аша-гамбу говорил монгольскому послу: «...есть у меня...Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты»⁷⁵. Китайские историки упоминают только о военных палатках. Но, вероятно, эти легкие жилища во время существования Си Ся были распространены среди тангутов-скотоводов в горных районах Кукунора и Ганьсу. Подробное описание устройства палаток мы находим у многих русских путешественников⁷⁶. По-видимому, такие палатки обычно были черно-

⁶⁹ СШ, гл. 486, стр. 3796.

⁷⁰ СШ, гл. 486, стр. 3797.

⁷¹ «Сокровенное сказание...», стр. 180.

⁷² Там же, стр. 189.

⁷³ См. ССЦ, гл. 11, стр. 7а.

⁷⁴ См. там же, гл. 3, стр. 3а.

⁷⁵ «Сокровенное сказание...», стр. 190.

⁷⁶ Н. М. Пржевальский, *Монголия и страна тангутов*, стр. 261; *Третье путешествие в Центральной Азии*, стр. 344. П. К. Козлов, *Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото*, М., 1948, стр. 235—236

го цвета. В связи с этим интересно отметить, что древние монголы, которые называли «пять цветных» народов среди окружавших их государств, определяли тибетцев-тангутов черным цветом. Н. П. Шастина предполагает, что они «могли быть названы „черными“ за свои черные палатки, сделанные из грубых самотканых тканей, выделяемых из черной шерсти яков»⁷⁷. Таким образом, весьма вероятно, что такой тип жилищ бытовал и в некоторых районах государства Си Ся.

Тангутские чиновники и знать, «получившие на то особое разрешение»⁷⁸, могли крыть свои дома черепицей. Дома знатных резко выделялись среди прочих своими черепичными крышами, большими размерами и благоустроенностью.

Императоры и члены правящего дома жили во дворцах, имели свои летние резиденции. В 1046 г. Юань-хао построил «летний дворец с павильонами, беседками, башнями и водоемами, который растянулся на несколько ли»⁷⁹. При этом китайские авторы особо подчеркивают хорошую отделку дворца Юань-хао.

В XII в. в период расцвета тангутского государства дома некоторых ванов и высших сановников были так же богато отделаны, как и дворцы.

Китайцы, уйгуры и другие народы, жившие в государстве Си Ся, сохранили свои традиционные жилища.

Поселения. Очень немногое известно пока о тангутских городах. Тангуты владели китайскими городами Линчжоу, Хуайюань, Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу и другими, захваченными в период войн. Построенные и первоначально населенные главным образом китайцами, эти города со временем не могли не подвергаться влиянию культуры тангутов. Китайские источники сообщают, что «в [Тангутском] государстве издавна было мало городов и крепостей. [Государь] Цянь-шунь, подражая китайской системе, построил много крепостей и укреплений вдоль северовосточной границы»⁸⁰. Сообщение это относится к 1102 г. Другие источники неоднократно упоминают о том, что тангуты сами строили города и крепости. В городах помимо жилых домов были здания правительственных учреждений и местной администрации, склады, тюрьмы, дворцы, храмы⁸¹. Часть городских зданий строилась из обожженного кирпича. Города, по-видимому, не

⁷⁷ Шара Туджи, *Монгольская летопись XVII в.* Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шестиной, М.—Л., 1957, стр. 179.

⁷⁸ ССЦ, гл. 11, стр. 7а. По сведениям «Цинтан лу» (записки о Цинтане) сунского автора Ли Юаня, у восточных тибетцев черепичную кровлю могли иметь только буддийские храмы и дворец правителя страны. «Туфаньцы, — сообщает Ли Юань, — чрезвычайно почитают буддийских монахов. Среди городских домов — половина буддийские кумирни. И только дворец владыки страны и буддийские кумирни покрывают черепицей, а остальные дома, будь то даже жилища государя, покрывают земляной кровлей» (Эноки Кадзуо, *О Ся но Ки ка кэйро ни цуйтэ*, — «Моко гакухо», т. 1, 1944, стр. 90—91).

⁷⁹ ССЦ, гл. 11, стр. 7а.

⁸⁰ ССЦ, гл. 22, стр. 3а.

⁸¹ См. там же, гл. 20, стр. 28.

отличались очень большими размерами. Так, протяженность Ланьчжоу, некоторое время входившего в состав тангутского государства, с востока на запад составляла более 600 бу⁸² и с юга на север — приблизительно 300 бу⁸³. Небольшим был и город Хара-Хото, подаривший науке ценную коллекцию памятников тангутской письменности. «Вступив в город,— писал П. К. Козлов, — мы встретили квадратный пустырь, сторона квадрата равняется одной трети версты — пересеченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построек... Там и сям стояли субурганы, не менее резко выделялись и основания храмов, сложенные из тяжелого, прочно обожженного кирпича»⁸⁴. Город был разбит на правильные кварталы, улицы его состояли из «мелких глинобитных домишек». Кроме кумирен в городе было всего несколько других двухэтажных зданий. В северо-западной части города здания особенно выделялись своими размерами и техникой постройки. Здесь, по мнению П. К. Козлова, «было удобнее всего жить владыке Хара-Хото, отсюда был устроен ступенчатый ход на вершину стены к субурганам, с которых открывался широкий горизонт на прилегающие окрестности»⁸⁵. Стены Хара-Хото были глинобитными, более толстыми у основания и имели высоту «три-четыре сажени, при толщине у основания две-три сажени и одной-полтора сажень у вершины»⁸⁶. Стены, судя по приложенному П. К. Козловым плану Хара-Хото, имели по 5—6 выступов с каждой из четырех сторон.

О небольших размерах древних городов, которые могли относиться также и ко времени существования государства Си Ся, свидетельствует Г. Н. Потанин. В северо-восточной части Ордо-са он видел старое городище. «Стены бывшего города превратились в плоские валы до 1, $\frac{1}{2}$ сажени высоты, с севера на юг город имел 600 шагов длины, с запада на восток — 300»⁸⁷. Другой виденный Г. Н. Потаниным город — Боро-балгасун, по преданию разрушенный Чингисханом, как и Хара-Хото, «имел форму четырехугольника, со всех сторон огражденного стенами»⁸⁸. Таким образом, как свидетельствуют самые различные источники, большинство средневековых городов Центральной Азии отличалось небольшими размерами. Из дневника Сюй Кан-цзуна, участника первого сунского посольства к чжурчжэням, мы узнаем, что представлял собой округ (чжоу) у соседних с тангутами киданей. «Во времена наивысшего могущества киданей „чжоу“ называли укрепление из земли протяженностью несколько десятков ли, в котором находилось 100 семей и резиденция чинов-

⁸² 1 бу = 1,6 м.

⁸³ ССЦ, гл. 16, стр. 11а.

⁸⁴ П. К. Козлов, *Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото*, стр. 77.

⁸⁵ Там же, стр. 78.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая...*, стр. 87.

⁸⁸ Там же, стр. 98.

ников, имевших лишь по три стропила на крышах своих домов. Такой „чжоу“ не равен даже городку Серединного государства»⁸⁹. Этим центральноазиатские города отличались от больших и густонаселенных городов Внутреннего Китая. Сравнительно небольшие размеры городов Центральной Азии объясняются, по нашему мнению, тем, что основная масса населения этих стран вела кочевой образ жизни или жила в селениях, разбросанных по оазисам и долинам рек, занимаясь земледелием. Это было свидетельством и недостаточного уровня развития ремесла и торговли, свидетельством натуральной замкнутости хозяйства скотоводов и земледельцев. Города служили главным образом военно-административными центрами и вместе с храмами являлись основными очагами культуры и просвещения.

Относительно большими размерами отличались лишь старые китайские города, вошедшие в состав государства тангутов. О древнем Ганьчжоу Марко Поло писал как «о большом и величественном городе»⁹⁰. Значительным по величине городом была и столица Си Ся. В последние годы правления династии Юань столица Ся, переименованная монголами в Нинся, была заброшена и восстановлена лишь в правление династии Мин. По сведениям минского времени, город занимал территорию площадью в 18 ли в окружности и имел 6 ворот⁹¹. В монгольскую эпоху гарнизон Нинся состоял из 37 817 человек⁹².

В городах жили не только тангутская знать, чиновники, старое китайское и уйгурское население, но позднее, особенно ко времени монгольского завоевания, и значительное число простых тангутов. По сообщению Рашид-ад-дина, племя тангут «большой частью обитало в городах и селениях»⁹³.

К сожалению, китайские источники не позволяют проследить как сам процесс оседания тангутского населения в городах, так и экономические причины его.

Одежда тангутов, как и жилища, указывала на принадлежность владельца к тому или иному классу. Все тангуты без исключения носили летом распашной халат, зимой — шубу, сапоги и шапку.

О том, как одевалась тангутская знать в первые десятилетия после создания самостоятельного государства, нам дает сведения «История Сун». В детстве одежда будущего императора Юань-хао состояла из красного халата с длинными рукавами, черной шапки и лука со стрелами. Его сопровождала вооружен-

---

⁸⁹ E. Chavannes, *Voyageurs chinois chez les khitan et joutchen*, — JA, 1898, mai—juin, p. 405. В 1043 г. кидане открыли прямую дорогу из Верхней столицы в Си Ся и основали на ней город, который «назвали Хэцинцзюнь, и переселили туда триста семей» (Чжоу Чунь, *Си Ся шу*, предисловие датировано 1796 г. Рукопись библиотеки Пекинского университета, гл. 9, стр. 9а—9б).

⁹⁰ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 79.

⁹¹ «Чи сю Ганьсу тунчжи», [б. м.], [б. г.], гл. 7, стр. 18а.

⁹² «Гуан юй ту», [б. м.], 1799, гл. 2, стр. 35.

⁹³ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. I, стр. 143.

ная охрана с черным зонтом. Став государем, он носил белую узкую рубашку, войлочную шапку с шариком на макушке, с красной подкладкой и красными шнурами⁹⁴. Члены императорской семьи и тангутская знать пользовались также и китайскими одеждами. Для гражданских и военных чиновников Юань-хао ввел специально форменное платье. Гражданские чиновники носили головную повязку, сапоги с высокими голенищами, ху — дощечку для записей распоряжений начальника и коричневый или темно-красный халат. Военные носили на голове позолоченные шлемы с золотой инкрустацией и шлемы, покрытые черным лаком, темно-красное с узорами платье и серебряный с позолотой пояс с длинными, свешивающимися концами. К поясу подвешивали острую короткую саблю, лук и колчан. При верховой езде к седлу с красными кистями подвешивали музыкальные тарелки и опахало. Повседневное платье военных было коричневого или черного цвета с узорами в форме шара. Его подпоясывали пестрым, с украшениями поясом.

Не состоящее на службе в государственном аппарате или армии население Си Ся различалось по платью следующим образом: знатные носили зеленые, а незнатные — черные халаты⁹⁵.

Наглядное представление об одежде военных чиновников Си Ся можно получить из фрески в пещере Юйлиньку (Аньси). У двух первых мужчин узкие халаты, поверх халатов набедренные накладки, как и положено военным, или шлемы с тем самым гребнем, который упоминается в описании в «Истории Сун», конец пояса свешивается почти до пола. Халаты очень длинные; тип обуви трудно разобрать (похоже, что это сапоги с высоким подъемом). Третий из приносящих жертву, по-видимому, низший военный чиновник. Он в таком же узком, облегчающем фигуру, длинном, почти до земли, халате, поясок тонкий, без длинных концов; его головной убор похож на простой шлем, крытый черным лаком. Следует отметить, что, по-видимому, все три жертвователя имели различные ранги. У первого шлем украшен гребнями спереди и сзади, у второго только спереди, у третьего гребни на шлеме вообще отсутствуют⁹⁶.

Простые тангуты-скотоводы были одеты, как и дансяны, в шубу и одежды из грубых шерстяных тканей⁹⁷.

Общее представление о тангутской женской одежде дает гравюра, приложенная к тангутскому изданию на китайском языке «Strivivarta vyasarana sutra»⁹⁸. По-видимому, женщины,

⁹⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ См. Се Чжи-лю, *Дуньхуан ишу сюйлу*, рис. 42.

⁹⁷ См. там же. Интересно отметить, что жители верховий Хуанхэ и в конце XIX в. в непогоду поверх шубы надевали накидки из грубого сукна — обычай, который был еще у дансянов в VI—VIII вв. (см. Н. М. Пржевальский, *Четвертое путешествие в Центральной Азии*, стр. 184).

⁹⁸ Китайские рукописи и ксилографы коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото, — Рукописный отдел ЛО ИНА, ТК — 8.

как и мужчины, носили распашной халат, который отличался окраской ткани, вышивкой и разрисовкой.

Прическ и. Вероятно, до 1033 г. тангутские мужчины отпускали длинные волосы. В 1033 г. император Юань-хао издал указ, предписывавший всем его подданным носить одинаковую прическу, которая по-китайски называлась «туфа». В «Си Ся шу ши» сообщается: «Юань-хао пожелал изменить древние обычаи Инь и Ся. Прежде всего он сам сбрил себе волосы, и затем отдал распоряжение сделать это во всем своем государстве. Заставили всех подчиненных фаней выполнять этот приказ. Если в течение трех дней приказ не выполнялся, войскам и народу позволялось нападать на непокорных и убивать их. Тем людям, которые противились приказу сбрить волосы, чтобы выделить их среди прочих, привешивали к ушам тяжелые кольца»⁹⁹.

В «Сюй цзы чжи тун цзянь чан бянь» об этом приказе говорится: «Прежде чем отдать приказ обрить головы (туфа), Юань-хао сам сбрил себе волосы. Только тогда он приказал людям своей страны всем также обрить голову. Если в течение трех дней приказ не исполнялся, войскам и народу (чжун) разрешалось убивать их»¹⁰⁰.

Окадзак и Сэйро считает, что в число подданных Юань-хао, которым надлежало выполнить приказ о новой прическе, «с самого начала были включены китайцы»¹⁰¹. Приказ о введении одинаковых причесок как своеобразный метод подчинения, по справедливому мнению Окадзак и Сэйро, не очень удивителен. Так поступали позднее чжурчжэни и маньчжуры по отношению к покоренным китайцам, когда вопрос ставился предельно просто: «или оставлять голову и не оставлять волос, или оставлять волосы, но не оставлять головы». Так, видимо, действовал и Юань-хао по отношению к покоренным уйгурам и китайцам, проживавшим на территории Ся, а также и по отношению к своим непокорным соплеменникам. Окадзак и Сэйро убедительно показывает, что в конце X — начале XI в. дансяны, как и их далекие предки цяны, ходили с распущенными волосами. Приказ о «туфа» был частью реформ, направленных на объединение страны. Юань-хао стремился к тому, чтобы изменить все — и жилища, и одежду, и головные уборы, и письмо предков¹⁰².

О прическе «туфа» мы можем судить по сохранившимся на фресках Дуньхуана изображениям тангутов-жертвователей. Им прислуживают мальчики без головных уборов. Волосы у них выбриты на темени и на затылке и оставлены только на висках и надо лбом, образуя своеобразное обрамление лица.

⁹⁹ ССШШ, гл. 11, стр. 112.

¹⁰⁰ ЧБ, гл. 115, стр. 146.

¹⁰¹ Окадзак и Сэйро, *Сэйка но Ри Гэн-ко то токухацурэй*, — «Тохо гакухо», т. 19, 1961, стр. 78.

¹⁰² Там же, стр. 83.

Окадзаки Сэйро приводит любопытные факты о том, что и полвека спустя после реформы Юань-хао, тангуты брили взятых в плен китайцев, как позднее чжурчжэни, а затем маньчжуры заставляли пленных отпускать волосы и заплетать косу¹⁰³.

Очень похожие прически были у киданей. Кидане брили не всю голову, на висках они оставляли волосы, свешивавшиеся наподобие двух косиц. Изображения киданьских чиновников с такими прическами были обнаружены японским ученым Тамура в усыпальнице киданьских императоров. Диапозитивы этих портретов Тамура демонстрировал во время своего пребывания в Ленинграде осенью 1957 г. Подобные же прически мы видим у музыкантов на одном из изображений божеств из Хара-Хото (Эр-митаж). Возможно, что тангутская прическа появилась не без влияния киданьской.

Обычаи и обряды. Китайские источники отмечают, что тангуты были сильными и закаленными людьми, хорошо переносили холод и жару, голод и жажду. Если они заболели, то не лечились лекарствами, а звали знахаря изгонять злых духов. По-тангутски такой знахарь назывался «сы»¹⁰⁴. Иногда больной сам переселялся в дом знахаря, и это в народе называлось «уклониться от болезни»¹⁰⁵. У тангутов существовало многоженство. Жен у них было столько, сколько они могли содержать.

На основании сведений о женитьбе тангутских императоров можно предположить, что в брак тангуты вступали в возрасте 16—18 лет. Так, тангутский император Жэнь-сяо женился, когда ему было 16 лет¹⁰⁶. Другой тангутский император, Лян-цзо, женился, видимо, еще раньше. В 1067 г. он умер в возрасте 21 года, оставив на престоле после себя семилетнего сына Бин-чана¹⁰⁷. Император Цянь-шунь в 1100 г., когда ему было 17 лет, просил у киданей себе в жены княжну¹⁰⁸. Родители могли выдать девушку замуж, не спросив ее согласия. По данным «Си Ся цзи ши бэнь мо», «всякий раз, как только девушка подрастала и становилась привлекательной, [родители] через сватов назначали срок [свадьбы]. При этом они не спрашивали согласия невесты»¹⁰⁹. Юноша, который ухаживал за девушкой, узнав о решении родителей выдать ее замуж за другого, вместе с ней убежал в горы. Среди скал они отыскивали укромное местечко и кончали жизнь самоубийством. Родственники шли их искать. Когда юношу и девушку находили, то не плакали по ним, говоря, что это «радость юноши и девушки» и незачем оплакивать их. Тела заворачивали вначале в узорный шелк, потом в войлок, забивали быка и

¹⁰³ См. там же.

¹⁰⁴ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 76; ЛШ, гл. 115, стр. 420.

¹⁰⁵ ССЦ, гл. 24, стр. 1а.

¹⁰⁶ См. там же, гл. 13, стр. 26а, гл. 14, стр. 1а.

¹⁰⁷ См. там же.

¹⁰⁸ См. там же, гл. 21, стр. 276.

¹⁰⁹ ССЦШБМ, гл. 10, стр. 6а.

устраивали жертвоприношение. После этого тела накрывали травой, выбирали одинокую скалу, ставили на ней шест высотой в чжан (3,2 м) и переносили трупы на эту скалу, объявив, что умершие «взлетят на небо». Целый день под скалой родственники умерших били в барабан и пили вино, а затем расходились¹¹⁰.

О похоронных обрядах тангутов рассказывает Марко Поло. Как известно, дансяны сжигали трупы умерших. Очевидно, этот обычай сохранился до XIII в.: «Тела мертвых идолопоклонников всюду сжигают»¹¹¹. Обычай трупосожжения был и у других народов той же тибето-бирманской языковой группы, например у мосо, нужэнь¹¹² и у тибетцев в первые столетия существования государства Туфань¹¹³.

Тангутских государей хоронили в усыпальницах, как императоров Ляо и Сун. Кладбище тангутских государей находилось в районе гор Алашань к западу от столицы Си Ся. Его местонахождение точно указано на старинной карте Си Ся.

Когда умирал знатный и богатый человек, то на дороге к месту сожжения сооружался дом, который покрывали шелковыми золотыми тканями. Гроб с покойником вносили в этот дом, ставили перед ним пищу и питье, «чтобы и на том свете мертвец был такой же почет». Совершив этот обряд, похоронная процессия двигалась дальше. Впереди шли музыканты. Вместе с трупом сжигали обычно фигурки животных, людей, вырезанные из бумаги, чтобы на том свете у покойного было столько же рабов и скота¹¹⁴. Перед похоронами обычно производилось гадание о том, «в какой день покойника следует сжигать». Иногда покойник находился в доме неделю, месяц, а то и полгода. В таких случаях труп укладывали в ящик, плотно сколоченный и красиво разрисованный; сверху ящик прикрывали тканями, пропитанными камфорой или другими благовониями, чтобы избавиться от трупного запаха. Все это время покойнику приносили еду и питье. Иногда знахари решали, что выносить покойника через такие-то двери нехорошо. Тогда гроб выносили через другие двери, а то и через стену, которую предварительно ломали¹¹⁵.

По рассказам Марко Поло, семьи, в которых были дети, откармливали барана в честь какого-то божества, «идола». В кон-

---

¹¹⁰ Там же. Любопытно отметить, что у родственных тангутам по происхождению нами до недавнего времени также не было свободы брака. «Поэтому среди молодежи нами смерть из-за любви — очень распространенное явление. Бывает, что три-четыре пары договариваются и вместе кончают жизнь самоубийством» (см. «Наши цзу вэньсюэ ши», Куньмин, 1959, стр. 3).

¹¹¹ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 74.

¹¹² А. Ивановский, *Материалы для истории инородцев юго-западного Китая*, т. 1, ч. 1, стр. 47, 63.

¹¹³ Y. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint, *Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet*, Paris, 1940—1946, pp. 41, 49.

¹¹⁴ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 74—75.

¹¹⁵ См. там же.

це года или в праздник этого божества семья вместе с детьми и приготовленным бараном отправлялась в храм. «Там они все поклоняются идолам, барана после того жарят и несут с великим почтением к идолу, баран стоит перед идолом, пока они справляют службу и читают молитвы о спасении сынов; идол, говорят они, ест мясо»¹¹⁶. После богослужения гости и родственники съедали барана, а кости его запирались на хранение в ящик. Об обрядах, связанных с рождением детей, совершеннолетием, свадебных и других источники сведений не содержат.

Тангутские ваны, очевидно, как и императоры, получали посмертные имена. Так, в 1211 г. после смерти вана Янь-цзуна ему было дано посмертное имя Чжун-у¹¹⁷.

Как и у дансянов, среди тангутского народа в государстве Си Ся был очень распространен обычай кровной мести. Если тангут хотел отомстить, он говорил: «Пока я не отомщу, я не буду есть хлеба, пусть мужчины и женщины (в моем роде, семье) покроются паршой и облысеют, пусть подохнет скот, пусть змея заползет в мою кибитку»¹¹⁸. Если обиженный сам не мог отомстить, он собирал людей, щедро угощал их говядиной, бараниной и вином, после чего все они бежали к дому врага и сжигали его¹¹⁹. Во время траура мстящие не нападали на врага, а носили на спине особый отличительный знак, похожий на лист, по которому можно было узнать мстящего. Когда чувство мести было удовлетворено, отомстивший пил из черепа (убитого врага) кровь куриц, свиней, собак, смешанную с вином¹²⁰. Естественно, обычай кровной мести наносил ущерб тангутскому обществу. Поэтому постепенно кровная месть стала заменяться денежным выкупом. При этом примирение враждующих сторон происходило при непосредственном участии представителя государственной администрации. Потерпевшая сторона подавала жалобу чиновнику, тот подбирали «справедливого человека, умелого оратора и просил его примирить враждующих»¹²¹. После разбора дела убийца платил «выкуп за жизнь» в размере 120 тыс.¹²².

Сохранился у тангутов и древний дансянский обычай, по которому мстящий не причесывал волосы и не мыл лица. Окадзакки Сэйро приводит любопытное сопоставление этого древнего обычая с действиями попавшего уже в начале XIII в. к монго-

¹¹⁶ Там же, стр. 74. Очевидно, это был старый тангутский обряд, который вошел в буддийский ритуал после принятия тангутами буддизма (см. Е. И. Кычанов, *Об одном обряде религии бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов*, — «Краткие сообщения Института этнографии», т. XI, 1960, стр. 86—90).

¹¹⁷ См. ССЦ, гл. 27, стр. 4а.

¹¹⁸ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

¹¹⁹ См. там же; ЛПЦ, гл. 20, стр. 86.

¹²⁰ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

¹²¹ Там же; ЛПЦ, гл. 20, стр. 86.

¹²² ЛШ, гл. 115, стр. 420; ЛПЦ, гл. 20, стр. 86.

лам в плен тангутского полководца Вэймин Лингуна. Сидя в яме-тюрьме. Лингун «распустил (волосы) на голове и загрязнил лицо», т. е. поступил точно так же, как его далекие предки, когда они стремились отомстить врагу. Этот факт свидетельствует о том, что древние обычаи тангутов сохранялись в тангутском государстве до последних лет его существования¹²³.

Преступников и пленных тангуты содержали в тюрьмах¹²⁴.

Тангуты праздновали каждый первый день четырех времен года. По сведениям китайских источников, эти праздники были введены Юань-хао. До этого по старым тангутским обычаям праздновался только день зимнего солнцестояния¹²⁵. Праздничным считался и день рождения государя. Так, в день рождения Юань-хао — в «пятый день пятого месяца» (7 июня) в «его государстве все поздравляли друг друга»¹²⁶.

Со времени правления Юань-хао на свадьбах, праздниках, при приеме гостей, на пирах и во время жертвоприношений духам предков совершалось три коленопреклонения вместо прежних девяти. Впервые низкое коленопреклонение было введено у тангутов после того, как в 635 г. Тоба Чи-цы подчинился Тан Юань-хао, упростил порядок церемониала, руководствуясь тем, что «истинный правитель», утверждая церемониал и музыку, должен следовать народным обычаям местных племен¹²⁷.

Тангуты верили в существование злых и добрых духов, в различные предзнаменования. У них существовало много разных поверий, гаданий, суеверных обычаев и даже ведомство избавления от демонов. Китайские источники сообщают особенно много поверий и обычаев, связанных с военным делом. Например, для выступления в поход тангуты всегда выбирали нечетное число и не отправляли войска в последний день лунного месяца. Перед началом похода всегда гадали. Наиболее распространенными были четыре вида гаданий: на бараньей селезенке, на бамбуке, на сердце и желудке барана, при помощи стрелы и тетивы лука¹²⁸. Встретить женщину во время выступления в поход считалось дурным предзнаменованием. Тангуты не считали позорным бегство с поля боя. Но потерпев поражение, они через три

---

¹²³ См. Окадаки Сэйро, *Сэйка но Ри Гэн-ко то токухацурэй*, стр. 84.

¹²⁴ См. ССЦ, гл. 16, стр. 1а—1б. Такие же тюрьмы-ямы были и у чжур-чжэней (см. В. П. Васильев, *История и древности...*, стр. 207).

¹²⁵ Этот праздник праздновали и у киданей.

¹²⁶ ССЦ, гл. 11, стр. 9а. Этот день праздновали кидане и китайцы, так как они считали, что в этот день сливаются две противоположные силы Инь и Янь, это время усиления жизни. В этот день собирают лекарственные травы, на воротах домов вывешивают артемизию для изгнания злых духов и т. п. (см. В. П. Васильев, *История и древности...*, стр. 189).

¹²⁷ ССШШ, гл. 12, стр. 13а—13б.

¹²⁸ См. СШ, гл. 486, стр. 3797.

дня обязательно возвращались обратно, убивали там из лука человека и лошадь, чтобы «убить злых духов и призвать добрых». Иногда они закапывали на этом месте поражения соломенное чучело человека, стреляли в него из луков и возвращались¹²⁹. Не отомстить врагу они считали позорным, и поэтому через некоторое время тангутские войска вновь появлялись перед противником. Мы уже убедились, с каким упорством Дэ-мин несколько раз посылал свои войска против уйгурского хана Елогэ и, потерпев ряд неудач, все же захватил у него город Ганьчжоу и другие области. Потерпев поражение, тангуты обычно предавались глубокому отчаянию, рвали на себе волосы, царапали лицо. После неудачной осады города Пинся в 1096 г. тангутский император и его мать, лично возглавлявшие войска, «были очень пристыжены и озлоблены. Они расцарапали себе в кровь лица и возвратились»¹³⁰.

Трупы погибших воинов тангуты всегда стремились унести с собой. Одержав победу, они жестоко расправлялись с побежденными врагами. Торжества по случаю победы, по-видимому, иногда завершались ритуальным съедением сердца и печени наиболее выдающихся бойцов из вражеского стана. Так, в 1105 г., овладев вместе с тибетцами китайским городом Сюаньвэй, тангуты убили командующего китайскими войсками, «вынули его сердце и печень и съели их»¹³¹.

В центре главной спальни своего дома тангуты всегда оставляли пустое место для «духа-ясновидца», где они сами и их гости гадали¹³².

Чтобы заполучить себе в союзники какое-либо племя, тангуты посылали его вождю стрелу. Таковую стрелу получил, например, от тангутов в 1003 г. тибетский старшина Фаньлочжи¹³³. Когда заключали мирный договор, стрелу ломали. В 1044 г. при заключении перемирия с киданями «в качестве клятвы была сломана стрела, и каждый возвратился в свой лагерь»¹³⁴. Тангуты верили в чудеса, добрые и дурные предзнаменования. В 1204 г., за год до того как Ань-цюань сверг с престола законного государя, в Сячжоу свинья родила необычное животное, по названию «линь», у которого было две головы. Прорицатели, истолковавшие это необычное явление, сказали: «В одном государстве будет два государя»¹³⁵.

---

¹²⁹ См. СШ, гл. 486, стр. 3797. Пленных, вероятно, убивали. В «Ляо ши» сказано: «Если захватят человека или лошадь, то убивают их, называя это убийством злых духов и вызыванием добрых» (гл. 115, стр. 420).

¹³⁰ ССЦ, гл. 19, стр. 9а.

¹³¹ Там же, гл. 22, стр. 86.

¹³² См. ССЦШБМ, гл. 10, стр. 26.

¹³³ См. ССЦ, гл. 3, стр. 56.

¹³⁴ См. там же, гл. 10, стр. 146.

¹³⁵ ССШШ, гл. 39, стр. 86.

Чудесным предзнаменованием считали тангуты астрономические явления и по-своему истолковывали их. Если при дневном свете была видна планета Венера (Цзинь син), то это предвещало неудачу в войне¹³⁶. Когда Марс (Хо син) заходил в созвездие Южного Креста (Нань доу), то это означало, что государь должен отправиться в храм и молиться там. Подобное явление произошло в 1030 г. Дэ-мин отправился молиться в горы Хэланьшань¹³⁷. В 1155 г. после затмения солнца император Жэнь-сяо, «принимая во внимание это небесное предзнаменование, провел амнистию в стране»¹³⁸. Все эти поверья и гадания имели большое значение в жизни тангутского государства.

Те немногие сведения об обычаях, обрядах, образе жизни тангутов, которыми мы располагаем из китайских источников, показывают, что здесь мы находим много общего с обычаями и обрядами тибетцев и других тибетоязычных народов Китая и родственных им народов тибето-бирманской языковой группы¹³⁹. Сопоставление этих обычаев не входило в нашу задачу. В своих некоторых чертах обычаи и обряды тангутов совпадали с таковыми у киданей, чжурчжэней и даже монголов. Во всем этом проявились и общность эпохи и культурно-историческое родство народов Центральной Азии.

Однако тангуты всемерно сохраняли и развивали собственные обычаи и обряды. Именно в этом многие современники справедливо видели одну из причин сохранения самобытного характера этого государства. Чжурчжэни, которые в XII в. болезненно переживали утрату своих обычаев, постепенное забвение родного языка и обрядов, не раз обращались к примеру Ся. Так, в 1185 г. сановник Ватэла в беседе с государем Ши-цзуном указывал ему на пример тангутов: «Небольшое царство Ся, возвысив свои обычаи, сумело сохранить свое бытие на продолжении нескольких сот лет»¹⁴⁰. Любовь тангутов к своим собственным обычаям отмечали и их современники-китайцы. В одном из сунских сочинений XI в. сообщается, что этим тангуты резко отличались от жителей Янь, области, входившей в то время в состав киданьского государства. «Яньцы, — сообщается в этом источнике, — в одежде, питье и пище подражают китайцам. Тангуты (сяжэнь) не любят Китая и пользуются такими обычаями и правилами, как им заблагорассудится»¹⁴¹.

¹³⁶ ССЦ, гл. 5, стр. 36, гл. 19, стр. 106.

¹³⁷ Там же, гл. 5, стр. 25а.

¹³⁸ ССШШ, гл. 36, стр. 10а.

¹³⁹ «По большей части, — сообщается в „Сун ши“, — обычаи и нравы дансянов и туфаньцев схожи между собой» (СШ, гл. 264, стр. 2334).

¹⁴⁰ «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год». Перевод с маньчжурского Григория Розова, — Архив ЛО ИНА, разд. 1, оп. 1, № 3, стр. 241а.

¹⁴¹ Чэнь Ши-дао, *Хоу Шань сяньшэн цзи*, серия «Сы бу бэй яо», Шанхай, 1935—1936, цз. 21, стр. 116.

Скотоводство

Экономическую основу Си Ся составляли скотоводство и земледелие. Округа, составившие в будущем территориальное ядро тангутского государства, были районами развитого скотоводства. В VI—IX вв. дансяны разводили яков, овец, лошадей, ослов и свиней. Большинство дансян вели оседлый образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством. После переселения на север, особенно в районы Ордоса и Алашаня, в хозяйстве дансянов появились верблюды, уходу за которыми тангуты научились у уйгуров. Новые географические условия северных районов вызвали появление новых способов ведения хозяйства. В VIII в. часть дансянских племен перешла к кочевому скотоводству. В X в., в годы образования тангутского государства, китайские чиновники постоянно докладывали, что «тангуты живут в песках, пасут скот и не имеют постоянного местожительства»¹⁴². В 954 г. о столице дома Тоба, округе Сячжоу, сообщалось, что здесь «разводят только овец да лошадей»¹⁴³.

Скотоводство осталось основным занятием тангутов и в годы существования тангутского государства. «Носить шкуры и шерсть, пасти скот, — с гордостью говорил будущий государь Ся Юань-хао, — вот что соответствует характеру фаней»¹⁴⁴. Скот и продукты скотоводства были главной статьей внешней торговли Ся. «Дансяны повсеместно торговали лошадьми»¹⁴⁵. Разводимые ими лошади и овцы, а также основные продукты производства государства Си Ся — войлок, шерстяные ткани, ковры — не полностью использовались в их стране. Необходимо было излишки обменивать в других странах¹⁴⁶ на продукты производства тех стран. Тангутские государи постоянно посылали в соседние государства в качестве подарков тысячи лошадей и много другого скота.

Скотоводство было распространено на всей территории Си Ся. В большинстве районов оно являлось единственной отраслью хозяйства. «Их земли, — сообщает „История династии Цзинь“, — богаты водой и травой и пригодны для скотоводства. Так называемые лянжоуские стада — лучшие в Поднебесной»¹⁴⁷. По данным «Синь Тан шу», в округе Иньчжоу была «вкусная вода и сочные травы»¹⁴⁸.

¹⁴² ССЦ, гл. 2, стр. 146.

¹⁴³ СШСГЧЦЧ, гл. 1, стр. 17а.

¹⁴⁴ СШ, гл. 485, стр. 3786.

¹⁴⁵ ССЦ, гл. 9, стр. 166.

¹⁴⁶ ССШШ, гл. 20, стр. 4а.

¹⁴⁷ ЦШ, гл. 134, стр. 828.

¹⁴⁸ СТШ, гл. 50, стр. 391. Территория бывшего государства Си Ся и в настоящее время — важный скотоводческий район Китая. По данным Лю Чао, можно выделить несколько современных скотоводческих районов, территории

Население Си Ся разводило овец, лошадей, верблюдов, яков; в словаре «Перл в руке», в разделе о животных, названы мулы, овцы, козы, лошади, верблюды, коровы, волы, ослы, свиньи. Только в Си Ся и Тибете, в предгорьях и горных районах Наньшаня и Кукунора, разводили яков. Поэтому первые европейские путешественники описывают яков как достопримечательность страны¹⁴⁹. Алашань в то время славился по всей Центральной Азии своими верблюдами. Нужно заметить, что монголы до нападения на тангутов очень мало разводили верблюдов. Верблюды у них «в большом количестве появились после походов Чингисхана на Тангут»¹⁵⁰.

Различные географические условия определяли не только породы разводимых животных, но и способы скотоводства. В горных районах и предгорьях, где ведущим было отгонное скотоводство, население по-прежнему вело полуоседлое и оседлое хозяйство¹⁵¹. Кочевое скотоводство преобладало в обширных полупустынных и степных районах Алашаня и Центрального Ордо-са. Полководец Аша-гамбу заявил монгольскому послу: «Если

которых некогда входили в состав тангутского государства. Это район озера Кукунор, где «выпадает достаточное количество осадков, а травы достигают высоты 1—2 чи» (см. Лю Чао, *Си бэй сюй му е*, Шанхай, 1955, стр. 8), пастбища Ганьсу, Алашаня, Шэнси. Многие районы Ганьсу, по характеристике автора, «необычайно удобны для скотоводства» (там же, стр. 10). Алашань — «самое главное место разведения верблюдов на северо-западе» (там же, стр. 11). Пастбища по берегам реки Эзин-гол составляют «площадь в 6500 кв. км. Исследователи установили, что здесь произрастает более 80 видов растений для скота» (там же, стр. 11). Провинция Шэнси славится сукном из овечьей шерсти (там же, стр. 11). В начале 50-х годов в бывшей провинции Нинся доходы скотоводства составляли 45% доходов сельского хозяйства, в бывшей провинции Ганьсу — 26, Шэнси — 8% (там же, стр. 15).

¹⁴⁹ Иоанн де Плано Карпини, *История монголов*; Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, стр. 109; И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 94.

¹⁵⁰ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 36. В описаниях походов монголов на Си Ся говорится о том, что в качестве военной добычи монголы забирали верблюдов. В 1205 г. «с многочисленной военной добычей и бесчисленным [количеством] верблюдов и скота они [монгольские отряды] повернули назад и явились с выражением рабской покорности Чингисхану» (Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, стр. 150). Сами тангуты, в обращении к Чингисхану, просили его:

Сделай-ка нас ты своею прислугою,
Много верблюдов тебе мы пригоним,
Вырастим их на ковыльных просторах.
(«Сокровенное сказание...», стр. 180).

¹⁵¹ Еще в конце XIX в. население Синина вело хозяйство, которое, по описанию китайских источников, практиковалось здесь в XI—XII вв. Н. М. Пржевальский сообщает, что «одни из этих тангутов... живут оседло... и занимаются земледелием, другие... живут полуоседло в горных долинах, но земледелием не занимаются, содержат только скот. Наконец, третьи ведут кочевую жизнь в тех же горах и помещаются в черных палатках» (Н. М. Пржевальский, *Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки*, СПб., 1883, стр. 32).

вы, монголы, ...хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и выючные верблюды»¹⁵². Скот разводили и в районах, где было развито земледелие. В западных областях страны, «в округах Гуанчжоу и Ша-чжоу издавна не хватало хлеба и там, для обеспечения этих районов продовольствием, специально разводили скот»¹⁵³.

Когда в 1040 г. китайские войска начали наступление в районе Хэншаньских гор, то на пути следования они уничтожили более 20 стойбищ скотоводов¹⁵⁴. При взятии городов к югу от Китайской стены, где было развито и земледелие, монголы угоняли громадное количество скота. Например, захватив Иньчжоу, монголы угнали несколько сот тысяч голов скота¹⁵⁵.

Для надзора за скотоводством в масштабах всей страны в Си Ся было специальное ведомство скотоводства. Государство, по-видимому, стремилось контролировать все хорошие пастбища. Так, в 1024 г. государь Дэ-мин в округе Динчжоу построил город Шэнвэйчэн с целью контролировать пастбища и держать в подчинении местные племена¹⁵⁶.

Можно предположить, что большая часть скота в Си Ся принадлежала частным лицам. Некоторые косвенные свидетельства этого содержатся в китайских источниках. Упомянув о том, что основными предметами вывоза из Си Ся были скот и продукты скотоводства, китайский автор сообщает, что, когда к востоку от Хуанхэ была запрещена частная торговля, «чиновники и народ, мелкие служащие были этим очень недовольны»¹⁵⁷.

Возможно, богатые скотовладельцы тяготились рамками патриархально-родовой организации и стремились пасти свой скот отдельно, чтобы создать лучшие условия для его роста и нагула. Один из источников, сообщая о событиях 1000 г., указывает косвенно, что тангуты вели свое хозяйство как в рамках патриархально-родовой общины, так и отдельными хозяйствами, кибитками. Когда Цзи-цян овладел Линчжоу, среди дансянских племен «было очень много родов и кибиток, которые подумывали о том, чтобы возвратиться к нему»¹⁵⁸, т. е. отдельные семьи-кибитки могли пользоваться внутри рода большой самостоятельностью.

Источники не дают ответа на вопрос о собственности на пастбища. Думается, что у скотоводов-кочевников они находились в общем пользовании патриархально-родовых объединений, как это до недавнего времени было среди земледельческих

---

¹⁵² «Сокровенное сказание...», стр. 190.

¹⁵³ ССШЦ, гл. 32, стр. 116.

¹⁵⁴ ССЦ, гл. 7, стр. 266.

¹⁵⁵ Там же, гл. 28, стр. 2а.

¹⁵⁶ Там же, гл. 5, стр. 196.

¹⁵⁷ ССШЦ, гл. 20, стр. 4а.

¹⁵⁸ См. ССЦ, гл. 3, стр. 3а.

и полуземледельческих племен Ганьсу¹⁵⁹. На общественных пастбищах каждая семья вела свое индивидуальное хозяйство.

Тангутское государство, как и киданьское, владело табунами лошадей, которые предназначались прежде всего для армии. Одной из задач управления скотоводством был надзор за принадлежащими государству лошадьми¹⁶⁰. Этот факт дает нам основание предполагать существование государственных пастбищных угодий.

Сведениями о минимальном количестве скота отдельных семей мы еще не располагаем. Обычно количество скота зависело от возможности прокормить его в зимнее время. С присоединением к территории Си Ся земледельческих районов и с переходом к земледелию части тангутов эти возможности, по-видимому, возросли, так как земледельческое хозяйство позволило запасть корм для скота на зиму.

Источники не приводят конкретных цифр численности поголовья скота в государстве Си Ся. Они лишь сообщают о том, что скота было много¹⁶¹. Скот был одной из главных статей дохода тангутского государства и основой благосостояния тангутского народа.

Таким образом, скотоводство, особенно в XI в., было ведущей отраслью экономики Си Ся. Часть тангутов вела кочевой и полукочевой образ жизни. В свою очередь, скотоводческое хозяйство, как будет показано ниже, определило специфику социальных отношений в тангутском государстве.

Земледелие

Второй по важности отраслью хозяйства тангутов было земледелие. В VI—VII вв. дансяны, по-видимому, мало занимались земледелием. Это было обусловлено суровым климатом их родины и отсутствием плодородных, удобных для возделывания земель. После переселения на северо-восток часть дансянских родов постепенно стала обрабатывать землю. Но все же «все цян-

---

¹⁵⁹ См. К. В. Ekval, *Cultural relations on the Kansu—Tibetan border*, Chicago, 1939, p. 72.

По мнению советского исследователя кочевого хозяйства Г. Е. Маркова, у кочевников, как правило, «скот составлял частную семейную собственность... Пастбища находились в пользовании племенных групп. Земля была либо племенной, либо государственной (если кочевники жили в пределах земледельческих государств)». [Г. Е. Марков, *Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1967, стр. 28].

¹⁶⁰ См. ССШШ, гл. 11, стр. 116.

¹⁶¹ «Много у них верблюдов и всякого скота...» (Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 81). Последний тангутский император «собрал со своих тангутов столько верблюдов, что их с трудом доставили к нам (монголам)» («Сокровенное сказание...», стр. 181). Тангуты без труда собрали 10 тыс. лошадей для передачи чжурчжэням (ССЦ, гл. 23, стр. 156).

ские племена занимались земледелием крайне мало, а добывали соль и обменивали ее у пограничных жителей на зерно»¹⁶².

После того как в XI в. тангуты овладели рядом оазисов с плодородными землями и земледельческим населением, обработка земли в хозяйственной жизни государства стала играть все большую роль. Земледелие наряду со скотоводством становилось основой благоулучия и богатства страны.

Несмотря на то что значительная часть территории Си Ся была неудобна для земледелия, все же по всей стране были земли, годные для обработки и возделывания тех или иных культур. Западная и восточная окраины Ордоса и территории к югу от Великой китайской стены и сейчас вполне пригодны для земледелия¹⁶³. Земли по реке Хуанхэ, особенно от Иньчуаня до Ланьчжоу, обрабатывались с древних времен и давали богатые урожаи. Важным земледельческим районом были Принаньшань и область Синина. Именно эти «земли тангутов были плодородны и на них сеяли пять видов хлебных культур (рис, просо, пшеницу, ячмень и соевые бобы. — Е. К.). Особенно хорошо на них произрастали рис и пшеница»¹⁶⁴. Государство Ся славилось ревенем. Тангуты не только собирали дикорастущий ревеня, но и выращивали его. После того как монгольские войска взяли тангутскую столицу, Елюй Чу-цай забрал там «лекарственный ревеня. Когда больные солдаты принимали ревеня, они выздоравливали»¹⁶⁵. О ревеня упоминает и Марко Поло при описании Сучжоу: «Во всех тамошних городах много ревеня; купцы, накупив его тут, развозят по всему свету»¹⁶⁶.

Почти везде земледелие в Си Ся было поливным. По некоторым данным, 68 больших и малых каналов орошали 90 тысяч цин земли (1 цин = 5,68 га)¹⁶⁷. В Шачжоу, Гуачжоу и «между Ганьчжоу и Лянчжоу полив производился прямо из рек»¹⁶⁸. До сих пор на этой территории «в некоторых местах, вдоль подножья гор, остались следы старых полей и оросительных каналов»¹⁶⁹.

¹⁶² ССЦ, гл. I, стр. 17а.

¹⁶³ Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, М., 1950, стр. 160, 172. Город Синчжоу в конце IV — начале V в. Хэлянь-бобо обсадил фруктовыми садами. В танское время в садах вокруг города насчитывалось более тысячи персиковых и сливовых деревьев (Ли Ци-фу, *Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи*, гл. 4, стр. 91).

¹⁶⁴ СШ, гл. 486, стр. 379б.

¹⁶⁵ ССЦ, гл. 28, стр. 10б.

¹⁶⁶ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 76. О Сучжоу как древнем центре торговли ревенем упоминают и китайские источники (см. «Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на „Путешествие Марко Поло по северному Китаю“, СПб., 1902, стр. 12). О современном разведении, употреблении и обработке ревеня подробно сообщает Н. М. Пржевальский (см. Н. М. Пржевальский, *Монголия и страна тангутов*, стр. 235—237).

¹⁶⁷ Чжоу Чунь, *Си Ся шу*, гл. 9, стр. 10б.

¹⁶⁸ СШ, гл. 486, стр. 379б.

¹⁶⁹ С. Vexell, *Some Observation on the Population in the Nanshan. Reports from the Scientific Expedition to the North Western Provinces of China under the Leadership of dr. Sven Hedin*. Ed. VIII, Stockholm, 1954, p. 24.

Ирригационная сеть была развита в районе городов Синчжоу, Линчжоу и Сячжоу на базе реки Хуанхэ. В той местности было пять древних каналов: Циньцзя, Ханьбо, Айшань, Цици и Тэцзинь. Канал Юйчжи соединял их с двумя каналами округа Сячжоу — Ханьюань (длина его 250 ли) и Танлянь (длина его 320 ли)¹⁷⁰. Эти «несколько десятков [каналов] были связаны между собой, собирали и распределяли воды Хуанхэ»¹⁷¹. Разветвленная сеть каналов имела и на западном берегу реки Хуанхэ. Тангутские законы содержат подробное описание оросительной системы Ся и строгую регламентацию пользования водой и ирригационными сооружениями¹⁷².

Китайские источники ничего не сообщают о способах обработки земли и сроках сельскохозяйственных работ в Си Ся. Учитывая, что китайцы были не только учителями тангутов в области земледелия, но и составляли некоторую часть оседлого земледельческого населения Си Ся, можно предположить, что китайские методы обработки земли и китайский сельскохозяйственный календарь с поправками на местные климатические условия нашел в Си Ся самое широкое применение. В тангутской энциклопедии «Море значений» в разделе «Понятие о годе и месяцах» даются сведения о сезонных сельскохозяйственных работах: «В восьмой луне созревают персики, шиповник, асасия catechu, виноград, косят зрелую коноплю и, поджарив плоды... делают масло... Зимой, в конце холодной (12) луны... для будущего года на время работ по обработке земли чинят сельскохозяйственные орудия»¹⁷³.

Землю в Си Ся пахали на волах (вол упоминается в слове «Перл в руке»), а в западных областях страны, возможно, и на верблюдах, так как уйгуры, населяющие эти районы, уже в X в. использовали верблюдов для обработки земли¹⁷⁴. В Государственном Эрмитаже, среди материалов из Хара-Хото, экспонируются два сошника. Оба они клинообразной формы, один с закругленным концом, конец второго обломан. Сошники имеют с тыльной стороны втулки, и они, очевидно, насаживались на деревянную раскоху, а сама соха была целиком из дерева. В коллекции Эрмитажа есть и обломок серпа из Хара-Хото. Повидимому, серп был слабо изогнут, с широким лезвием и походил на косу «горбушу». В словаре «Перл в руке» названы следующие сельскохозяйственные орудия: каменный каток для выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, соха, каменный каток для обрушивания зерна, веялка-решето, ручная мельница.

¹⁷⁰ ССЦ, гл. 3, стр. 13а.

¹⁷¹ ССШЦ, гл. 20, стр. 76.

¹⁷² См. «Измененный и заново утвержденный кодекс законов», т. XV, — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 196, 197, 2581.

¹⁷³ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 88.

¹⁷⁴ «Пашут и обрабатывают там землю верблюдами» (Д. М. Позднеев, *Исторический очерк уйгуров*, стр. 108).

Все это дает некоторое представление об оснащенности земледельческого хозяйства Си Ся.

Китайские источники не сообщают сведений о формах собственности на землю. Но по отдельным замечаниям можно предположить, что в государстве Си Ся имелись частновладельческие и императорские (государственные) земли. Это подтверждается и незначительными сведениями тангутских источников.

Вероятно, в тангутском государстве официально признавались лишь две формы собственности на землю — государственная (императорская) и частновладельческая. Видимо, считалось, что, как и вся власть в стране, все земли (возможно, и пастища) являлись собственностью государя (т. е. государства). Он жаловал земли своим подданным во владение или пользование, за что взимал с них ренту-налог.

В «Новых законах» государства Ся (конец XII в. ?), составленных после «Измененного и заново утвержденного кодекса законов», со ссылками на статьи последнего, в преамбуле к главе XV, содержащей законы о земле, мы читаем: «Испокон веков уже используемые каналы, земли, вода и арыки находятся в вечном владении государя и частных лиц»¹⁷⁵. И все население страны — ваны, служилое сословие, простой народ — государем «жалованную землю используют»¹⁷⁶. Оба свода законов — и «Измененный и заново утвержденный кодекс», и «Новые законы» — предусматривают точно размеры некоторых жалуемых участков и причитающуюся с них ренту.

Императорская земля, по-видимому, подразделялась на земли государственные (казенные) и земли удельные, принадлежавшие непосредственно правящей династии. Прямых сообщений о государственных пахотных землях Си Ся нет. Но можно предположить, что они существовали, так как у тангутов был большой развитый государственный аппарат и целый ряд учебных заведений, содержание которых, вероятно, покрывалось не только доходами со скотоводства и налоговыми поступлениями, но и доходами с государственных земель. Эти земли могли быть и одним из источников пополнения запасов в государственных хранилищах, необходимых как в случае стихийных бедствий, нередких в Си Ся, так и в случае постоянных войн, которые вели тангуты.

Когда в 1081 г. китайскому полководцу Чжун Э на короткое время удалось овладеть городом Сячжоу¹⁷⁷, то он «нашел там казенные и частные кладовые и зернохранилища»¹⁷⁸. Выступая в 1160 г. против организации школ, глава тангутского прави-

---

¹⁷⁵ «Новые законы», гл. XV — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 2890, стр. 1.

¹⁷⁶ Там же, стр. 2.

¹⁷⁷ Подробнее об этом см. стр. 201 настоящего издания.

¹⁷⁸ ССЦ, гл. 15, стр. 15б.

тельства Жэнь Дэ-цзинь указывал на то, что на их содержание тратится много средств, которые покрывались доходами с земледелия¹⁷⁹. Кроме этих сведений мы располагаем данными источников о наличии казенных земель Си Ся еще в конце X в., когда на район пяти округов распространялся китайский контроль. В 993 г. двор отдал приказ «разрушить древние стены города Сячжоу, а его жителей переселить в округа Суйчжоу и Яньчжоу и раздать им казенные земли (гуань тянь)»¹⁸⁰. Не исключено, что подобная категория земель осталась и в Си Ся, так как тангуты сохранили преемственность в управлении округами. Однако существование государственных обрабатываемых земель в Си Ся нельзя считать окончательно доказанным. Правда, китайские источники приводят данные о существовании в Си Ся государственных табунов коней, которые, весьма вероятно, паслись также на государственных пастбищах.

Существование удельных земель в какой-то мере подтверждается китайскими источниками. В IX—X вв., будучи вассалом Китая и состоя на китайской службе, дом Тоба располагал в этих областях большими земельными владениями. В 1012 г. Дэ-мин просил отдать в его личное владение земли и жителей¹⁸¹ округа Суйчжоу¹⁸². В 1105 г. один из китайских чиновников, предлагая папасть на район гор Хэншань, отмечал, что там из «45 округов 6 являются землями вана (ван ту)»¹⁸³. Когда в 1143 г. территория Си Ся подверглась сильному землетрясению, то «удел самого государя (ван цзи) пострадал от землетрясения. Людям и скоту был нанесен большой ущерб»¹⁸⁴. Владения правящего дома упоминаются и в надписи на стеле из Лянчжоу¹⁸⁵. Доходы императорских (удельных) земель шли на содержание двора. Однако разделение земель на государственные и удельные, возможно, было только в сфере землепользования и распределения получаемых с них доходов. В правовом же отношении эти земли не разделялись и считались императорскими (государственными).

Владельцами земель были, прежде всего, видные тангутские старшины и представители служилого сословия. Крупными земельными собственниками были различные тангутские и китайские сановники. Когда в 1156 г. умер сановник Цзинь-ван Чагэ, то императорскому двору доложили о том, что «у него в нескольких местах были поместья (Юаньчжай)»¹⁸⁶.

---

¹⁷⁹ Подробнее об этом см. стр. 242—243 настоящего издания.

¹⁸⁰ ССЦ, гл. 2, стр. 3а.

¹⁸¹ Хочется обратить внимание на то, что речь идет о пожаловании пахотных земель вместе с людьми. Возможно, этот факт является косвенным свидетельством существования прикрепления крестьян к земле.

¹⁸² ССЦ, гл. 5, стр. 7б.

¹⁸³ Там же, гл. 22, стр. 9а.

¹⁸⁴ Там же, гл. 24, стр. 6а—6б.

¹⁸⁵ Нисида Тацую, *Изучение языка Си Ся*, Пекин, 1964, ч. I, стр. 159.

¹⁸⁶ ССШШ, гл. 3б, стр. 11а.

Пахотными землями владели не только сановники, но и состоятельные граждане страны. В условиях острой нехватки плодородных и обработанных земель, полноправным собственником земли в Си Ся мог стать любой человек, возделавший целину. В 1055 г. тангутский сановник Эпан «приказал своим людям засеять поля к западу от реки (Цзюйхэ.— Е. К.), которые очень плодородны, зная, что собранный урожай поступит в качестве дохода его семье»¹⁸⁷. В 1076 г. Лян Имай послал людей запахать пустующие земли у Суйдэ¹⁸⁸. В оглавлении к «Измененному и заново утвержденному кодексу законов» мы читаем: «Земля злаки производит; ценность земли определяется доходами с нее. Необработанную (целинную) землю вспахавший ее во владение получает. Он и родичи его владеют ею вечно и имеют право продавать. Если оросительный канал разрушится, то хозяин этой земли должен чинить его»¹⁸⁹.

Тангутское законодательство очень подробно регламентирует куплю-продажу обрабатываемых земель. О каждой сделке следует докладывать местной администрации¹⁹⁰. Это связано, прежде всего, с налогообложением. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов», в частности, говорится: «Когда кто-либо продает облагаемую податью землю, то продавец из земельного реестра вычеркивается, а имя покупателя [в реестр] вносится»¹⁹¹. Купля-продажа земли оформлялась в управлениях, по-видимому, весьма часто, так как свод законов уделяет регламентации торговых операций большое место.

Неизвестно, чью землю обрабатывали крестьяне. Возможно, часть крестьян имела собственные участки земли¹⁹².

В источниках не упоминаются храмовые земли. Но поскольку буддизм процветал в Си Ся, можно предполагать, что здесь, как и в соседних государствах (Китай, киданьское государство и др.), на содержание храмов выделялись земли с прикрепленными к ним людьми. О прикреплении к храмам людей сообщается в надписи на стеле из Лянчжоу.

Природные условия для земледелия в Си Ся были неблагоприятными. В стране было мало плодородных земель: из-за обработанных земель между Си Ся и Сун, Си Ся и Цзинь часто возникали пограничные инциденты. Постоянные войны, а также стихийные бедствия наносили большой ущерб сельскому хозяй-

---

¹⁸⁷ ССЦ, гл. 12, стр. 106.

¹⁸⁸ См. там же, гл. 15, стр. 196.

¹⁸⁹ Оглавление к «Измененному и заново утвержденному кодексу законов», — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 7933.

¹⁹⁰ Там же, т. XV, № 79326, стр. 116.

¹⁹¹ Там же, № 196, стр. 38а.

¹⁹² В 30-е годы XX в. у тибетцев Ганьсу «пастбища и леса принадлежат деревенской общине, но обрабатываемые поля являются частной собственностью семей, точно так же, как дома и дворовые постройки» (R. В. Ekväl, *Cultural Relations on the Kansu-Tibetan Border*, p. 71).

ству¹⁹³. Источники указывают на то, что когда крестьян забирали на службу в армию, то даже ранее обрабатываемые земли приходили в запустение¹⁹⁴. Голод был частым спутником жизни тангутского скотовода и земледельца.

Удельный вес земледелия в экономике Си Ся постоянно возрастал. По-видимому, государство стремилось к расширению площади обрабатываемых земель. К концу XII в. увеличилась численность оседлого населения Си Ся. В связи с этим в Си Ся происходило, очевидно, и дальнейшее развитие феодальных отношений.

Формы феодальной ренты и методы эксплуатации в Си Ся до сих пор остаются неизученными. Как и при характеристике скотоводческого хозяйства, мы можем рассчитывать лишь на новые материалы из тангутских источников (документы из коллекции ЛО ИНА АН, к сожалению, написаны скорописью и трудно читаются) или на новые данные археологических раскопок.

Крайняя скудность сведений о сельском хозяйстве Си Ся в настоящее время заставляет ограничиваться лишь их изложением и делать на их основе только предположения. Это относится также и к ремеслу, промыслам, налогообложению.

Ремесло и промыслы

У дансянов ремесленное производство и промыслы базировались, прежде всего, на обработке продуктов скотоводства. Кроме того, они изготовляли оружие и занимались добычей полезных руд, которыми были богаты населенные ими горные районы. Эти виды производства остались ведущими и после возникновения государства Си Ся.

Обработка кожи, прядение шерсти и изготовление сукон, войлоков, ковров и тонких шерстяных тканей, по-видимому, производились на месте самими скотоводами. По нашему мнению, большинство отраслей ремесла, базировавшихся на переработке продуктов скотоводства, не отделились от скотоводческого хозяйства. Это, разумеется, не исключало наличия в патриархально-родовых кочевых объединениях отдельных опытных мастеров, занимающихся исключительно изготовлением тканей, ковров, обработкой кожи и т. д., или даже специализированных мастерских в городах, но основная масса скотоводов сама перерабатывала продукты скотоводства и не только удовлетворяла свои нужды, но и снабжала всем необходимым земледельческое и городское население, получая в обмен хлеб, изделия из металла, предметы роскоши, хлопчатобумажные ткани и т. п. Главными центрами обработки кож, обувного и ткацкого про-

¹⁹³ Сильные засухи на территории Си Ся были в 1003, 1008, 1010, 1061, 1069, 1085, 1087—1089, 1128, 1176, 1222—1224 гг. Не раз страна страдала и от наводнений. Особенно сильные наводнения были в 1002 и 1111 гг.

¹⁹⁴ См. ССШШ, гл. 42, стр. 11а.

изводства были степные и горные районы страны. Марко Поло сообщал, что в области Егрегайа (т. е. Алашань) «ткут лучшее в свете сукно из верблюжьей шерсти; прекрасное сукно; ткут его также из белой шерсти; белого сукна, красивого добротного, выделывают много и развозят отсюда по Китаю и другим странам света»¹⁹⁵.

Домашнее ремесленное производство обеспечивало не только внутренние нужды страны, но и доставляло продукцию, пользующуюся спросом на внешнем, главным образом китайском, рынке. «Сукон и тканей тебе мы доставим»¹⁹⁶, — обещали тангуты Чингисхану, желая откупиться от него.

Источники ничего не сообщают о технике обработки шерсти и кож, об изготовлении тканей.

На месте, в стойбищах скотоводов, деревнях земледельцев, изготовлялись и все предметы домашнего обихода: посуда из глины и дерева, упряжь, одежда, обувь.

Подсобным промыслом тангутов было пчеловодство, которое давало им мед и воск, охотно покупаемые китайцами¹⁹⁷.

Страна тангутов славилась мускусом. Мускус продавали в Китай и в соседние страны. Марко Поло писал, что в Тангуте был «самый лучший и самый тонкий в свете мускус»¹⁹⁸.

Очень важную роль в экономике Си Ся играл соляной промысел. По сообщениям китайских авторов, «все цянские племена... добывали соль и обменивали ее у пограничных жителей на зерно»¹⁹⁹. Торговля солью стала для многих из них «средством к жизни»²⁰⁰. Добыча соли производилась из озер, которых особенно много было в Ордосе. О количестве добываемой соли можно судить хотя бы по тому факту, что в 1043 г. Юань-хао предложил китайскому правительству ежегодно покупать у него в обмен на чай и другие товары 100 тыс. дань соли²⁰¹. Китайские чиновники, между прочим, указывали на то, что «привозимая западными иноземцами соль обладает прекрасными вкусовыми качествами»²⁰². Большое количество соли и по сей день добывается в этих районах Китая.

Территория Си Ся была богата полезными ископаемыми. Для изготовления оружия, доспехов, сельскохозяйственных орудий тангуты добывали железную руду и плавиле железо. Цен-

¹⁹⁵ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 95, 96.

¹⁹⁶ «Сокровенное сказание...», стр. 181.

¹⁹⁷ ССЦ, гл. 4, стр. 18а.

¹⁹⁸ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 94. Добывали мускус следующим образом: «...есть тут зверек, с газель... поймают зверька, а у него посреди живота, у пупка, между кожей и мясом кровяной нарыв; его-то и вырезают вместе с кожей; а кровь выпускают, кровь та и есть мускус, что так сильно пахнет; его тут много... он отличный» (там же, стр. 94).

¹⁹⁹ ССЦ, гл. 2, стр. 17а.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же, гл. 10, стр. 7а. 1 дань = 60 кг.

²⁰² Там же.

тром железодельного производства был северо-восточный район страны. Китайский полководец Чжун Э докладывал, что в Си Ся «имеются соляные и железодельные промыслы»²⁰³. В 1040 г. Юань-хао организовал в округе Сячжоу железодельные мастерские. «Поскольку в округе Сячжоу было много железа, на востоке округа были созданы железодельные мастерские. [Они находились] на границе Хэдуна и Линьфу, приблизительно в семидесяти ли западнее Хуанхэ»²⁰⁴. Как и в каких размерах производилась добыча железа, источники не сообщают. Мало сведений в источниках о технологии обработки железа. Известно лишь, что доспехи тангуты изготовляли способом холоднойковки. Они были «прочными, гладкими и блестящими, но особенно тугой лук мог пробивать их»²⁰⁵. Среди материалов из города Хара-Хото (Государственный Эрмитаж) есть и тигли для плавки металла.

В округе Сучжоу была организована добыча асбеста. Посетивший Сучжоу Марко Поло так описывает ее со слов одного местного мастера: «Когда в горе докопаются до той жилы... наломают [из нее кусков], разотрут их, и они разметеливаются как бы в шерстяные нитки; потом их сушат, потом толкут в большой медной ступе, моют и остаются те нитки... землю выбрасывают как ненужную. Нитки словно шерстяные, их прядут и ткнут из них полотно, а полотно... как соткут, вовсе не бело, кладут его в огонь и по малом времени станет оно бело, как снег»²⁰⁶.

К сожалению, мы совершенно не располагаем сведениями о том, как было организовано ремесленное производство и промыслы, в чьих руках они находились. Источники сообщают, что при дворе существовали специализированные мастерские, например по пошиву одежды. В 1063 г. государь Лян-цзо обратился к сунскому правительству с просьбой прислать ему мастеров. В своем письме он писал, что в государстве Ся «издавна недостает искусных мастеров. Для того чтобы изменить качество и фасоны одежды и всю эту работу выполнить умело, я желаю... нанять мастеров»²⁰⁷. Просьба его не была удовлетворена.

Государство ведало выплавкой монеты²⁰⁸ и железодельными мастерскими, так как они были построены по инициативе и под наблюдением государя Юань-хао²⁰⁹. Из «Измененного и заново утвержденного кодекса законов» мы знаем, что в госу-

²⁰³ Там же, гл. 15, стр. 66.

²⁰⁴ Там же, гл. 7, стр. 266. В «Си Ся цзи ши бэнь мо» дополнительно сообщается, что железо добывалось и обрабатывалось в местности Мито и именно оттуда тангуты привозят оружие, изготовленное из железа (СССШБМ, гл. 11, стр. 7а).

²⁰⁵ ССЦ, гл. 76, стр. 266.

²⁰⁶ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 70.

²⁰⁷ См. ССЦ, гл. 13, стр. 9а.

²⁰⁸ См. там же, гл. 24, стр. 17а.

²⁰⁹ См. там же, гл. 7, стр. 266.

дарственном аппарате Си Ся были управления, ведавшие слесарными, гончарными и деревообрабатывающими мастерскими, а также ведомства изготовления бумаги и книгопечатания. Наличие в государственном аппарате Си Ся ведомств по управлению ремесленным производством свидетельствует о централизации управления ремесленным производством и промыслами.

Тангутское правительство широко осуществляло строительство дворцов, храмов, дорог, подворий и т. д. Для этих работ привлекались как умелые мастера, так и сотни и тысячи людей, отбывавших трудовую повинность. Когда в конце XI в. было приказано отремонтировать ступу в городе Лянчжоу, «толпы строителей выполнили это указание, сотни рабочих проявили свое мастерство, штукатуры штукатурили стены, художники украшали их, киноварь и охра накладывались вместе, золото и нефрит, перемешиваясь, сверкали и блестили, словно солнце и луна»²¹⁰.

Тангуты умели строить укрепления, воздвигать городские стены, сооружать плотины и следить за ирригационной системой. Все это свидетельствует о высоком развитии строительной техники.

Ремесленное производство и промыслы несомненно достигли в Си Ся относительно высокой степени развития, но дать их развернутую характеристику, в особенности характеристику их организации и господствовавших в ремесленном производстве форм собственности, на основании доступных нам источников пока невозможно.

Имеющиеся в китайских источниках косвенные данные свидетельствуют, что немалую роль в экономике государства Си Ся играл один из важных подсобных промыслов — охота. Охотничий промысел был развит в пустынных, полупустынных и горных районах страны. Занимались охотой главным образом тангуты-скотоводы. Сановник Моунин Кэжэнь в докладе от 1112 г., посвященном источникам богатства Си Ся, называет охоту в одном ряду с такими важными отраслями хозяйства, как земледелие и торговля солью. «Наша династия,— писал он,— создала свое государство на Западной окраине. И охота [в нашей стране] является важным делом»²¹¹. Шкурки животных часто дарили в соседние страны. В 984 г. Ци-цзянь кроме скота и соли отправил к киданьскому двору тысячу шкурок песчаных лис²¹².

Тангуты охотились с соколами и собаками. Соколы из Си Ся славились и в соседних странах. Не раз упоминаются они среди подарков соседним государям. Тот же Ци-цзянь послал киданям «пять соколов и десять собак»²¹³. Прося мира у монголов, тангуты обещали Чингисхану:

²¹⁰ G. Devéria, *L'écriture du Royaume de Si Hia ou Tangout*, p. 11.

²¹¹ ССШШ, гл. 32, стр. 13а.

²¹² ССЦ, гл. 1, стр. 13а.

²¹³ Там же.

Охота была любимым развлечением тангутов. Тангутские государи часто совершали большие выезды в свои охотничьи угодья²¹⁵.

Охота имела большое значение и для обучения войск. На охоте у тангутских воинов вырабатывалась настойчивость и смелка, сила и ловкость, отвага и умение переносить трудности. Император Юань-хао каждый раз, собираясь в поход, отправлялся со своими старшинами на охоту. Убив зверя, тангуты «сходили с коней, садились в круг, резали свежее мясо и ели его»²¹⁶. Юань-хао расспрашивал всех старшин о том, что произошло на охоте, и, судя по их ответам, выбирал военачальников для предстоящего похода. Большие зимние облавные охоты были своеобразными маневрами войск.

Торговля и финансы

Государство Си Ся было страной развитых товарно-денежных отношений. К сожалению, источники, много и достаточно подробно сообщая о внешней торговле тангутского государства, почти ничего не говорят о внутренней торговле. Известно только, что в 1002 г. Цзи-цзянь для нужд местного населения открыл рынки в местечке Чиша округа Сячжоу и в городе Тотокую округа Линчжоу²¹⁷.

Однако характер экономики Си Ся позволяет предположить, что в стране широко производился обмен товарами. Две ведущие отрасли хозяйства тангутов — скотоводство и земледелие, не были изолированы, а, наоборот, дополняли друг друга. Скотоводы нуждались в хлебе и других продуктах земледелия; земледельцы покупали (а возможно, и выменивали) у кочевников кожи, шерсть, шерстяные ткани и т. п. И те и другие одинаково нуждались в продуктах ремесла, так как домашнее производство не всегда могло удовлетворить все потребности хозяйства. Нам кажется, что нельзя говорить о натурализации и замкнутости хозяйства тангутов. Каждый район страны славился какими-либо товарами: Алашань — скотом и великолепными сукнами, особенно из верблюжьей шерсти, Ордос — солью, долина Хуанхэ — земледельческими продуктами, горные районы Наньшаня — ревенем и мускусом, западные области — отличными уйгурскими коврами. Кроме того, в государстве Си Ся были районы с китайским населением, где были достаточно хорошо развиты товарно-денежные отношения, а это не могло не по-

²¹⁴ «Сокровенное сказание...», стр. 181.

²¹⁵ См. ССЦ, гл. 24, стр. 15а.

²¹⁶ СШ, гл. 485, стр. 136.

²¹⁷ См. ССЦ, гл. 3, стр. 116.

влиять на общее состояние торговли в стране. О развитии товарообмена свидетельствует и выпуск собственной монеты.

Широко была развита в Си Ся внешняя торговля. Уже в X в. дансянские племена вели торговлю с Китаем. После образования государства Си Ся, несмотря на длительные войны и многочисленные запреты, торговые отношения тангутов с Сун продолжали расширяться.

Еще в 991 г. первый тангутский государь Цзи-цзянь, «страдаая от недостатка средств»²¹⁸, просил сунский двор открыть торговлю в Шэньси и получил на это разрешение. На следующий год, желая поставить непокорного Цзи-цзяня в трудное положение, китайский двор наложил запрет на торговлю солью. Соль была одним из немногих товаров, в котором нуждалось пограничное китайское население и который, по-видимому, приносил большие доходы тангутской казне. Тангутские племена, испытывая недостаток в хлебе, который они получали от китайцев в обмен на соль, стали грабить пограничное население Сун. В пограничных провинциях Китая, которые снабжались солью из Ордоса, началась бешеная спекуляция. «Торговцы... мало приобретали соли..., а прибыли получали большие... Жителям Ганьсу не хватало соли для питания. На границе начались беспорядки»²¹⁹. И Суны были вынуждены отменить запрет.

Вопрос о торговле солью не раз поднимался между государствами и на протяжении XI в. В 1005—1006 гг. Дэ-мин получил разрешение на свободную продажу соли в Китае при условии, что пошлет в заложники ко двору своего сына. Так как он не мог выполнить этого условия, свободная торговля солью так и не была установлена. Суны препятствовали свободной торговле солью не только по политическим причинам (не желая способствовать укреплению экономики Ся), но и преследуя свои чисто экономические цели. Сунское правительство опасалось, что «казна не сможет закупить всю соль, так как ее в Пинся очень много». Сунский император высказывался за регламентацию закупаемой (у тангутов) соли²²⁰. Даже в 1008 г., когда в Си Ся из-за засухи начался голод, сунское правительство только разрешило закупать у тангутов продовольствие, но не отменило запрета на соль²²¹. В то же время тангутское правительство постоянно добивалось разрешения на свободную продажу соли в Китае. В 1015 г. Дэ-мин снова просил отменить запрет на соль, но сунский двор и на этот раз отказал ему²²². В 1043 г. Юань-хао просил позволить ему продать в Китае 100 тыс. дань соли, но тоже не получил разрешения²²³. Вопрос о соли остро стоял

²¹⁸ Там же, гл. 1, стр. 166.

²¹⁹ Там же, стр. 17а.

²²⁰ См. там же, гл. 12, стр. 126—13а.

²²¹ См. там же, гл. 5, стр. 1а—1б.

²²² См. там же, стр. 10б.

²²³ См. там же, гл. 10, стр. 7а—7б.

и в 60-е годы XI в. Пользуясь правом монополии, сунское правительство удерживало в провинции Шэньси высокие цены на соль. Однако китайские купцы спекулировали тангутской солью, меняя ее на ткани. Правительство вынуждено было послать в Шэньси специального эмиссара для урегулирования цен на соль²²⁴.

В 1006 г. киданьский сановник Елюй Тангу запретил барышникам закупать в Си Ся лошадей²²⁵. Кидане всегда стремились оберегать свой рынок от тангутского скота и продуктов скотоводства, которые пользовались спросом у китайского населения Ляо.

В 1007 г. тангутским послам было разрешено закупать и продавать товары на столичных рынках сунской империи²²⁶. Для тангутов были открыты рынки в Баоаньцзюнь и Яньчжоу. Однако им «разрешалось вести меновую торговлю с местными жителями»²²⁷ лишь в том случае, если казна отказывалась закупать привозимые тангутами товары.

В 1009 г. сунские послы представили двору номенклатуру товаров Си Ся и двор запретил вести частную торговлю на границах, так как, по докладам пограничных чиновников, местные жители пересылали в Сячжоу «много дешевых товаров; на границах тайно были созданы рынки для меновой торговли; людей, торгующих [на этих рынках], было очень много»²²⁸. Таким образом, несмотря на правительственную монополию на торговлю с Си Ся, китайское пограничное население постоянно нарушало ее и вело частную торговлю с тангутами, выгодную для обеих сторон.

В этом же году тангуты просили разрешить им закупать в Китае «тугие луки, простые луки и стрелы»²²⁹, но получили отказ. Китайское правительство всегда запрещало продавать оружие тангутам. В то же время китайцы охотно закупали отличных тангутских лошадей. В 1026 г. с этой целью были открыты рынки в Бинчжоу и Дайчжоу. Молодой Юань-хао в то время считал, что тангутам не следует продавать много лошадей в

---

²²⁴ См. там же, гл. 12, стр. 216. В течение нескольких лет китайский двор пытался изменить характер распределения доходов от соли. Дело в том, что по традиции, как это было и до Сун, большая часть доходов от монополии на соль шла в бюджет местной администрации, а не центрального правительства. Стремясь изменить этот порядок, правительство, естественно, не желало допускать ввоза более дешевой соли из-за границы, так как это еще больше сократило бы его доходы. Кроме того, тангутская «голубая соль» из озера Убо, которая истари ввозилась для продажи в провинцию Шэньси, превосходила по качеству китайскую соль из соляного озера округа Цзечжоу (см. Дай И-сюань, *Сун дай чао янь чжи ду*, Шанхай, 1957, стр. 272, 366—367).

²²⁵ См. ССЦ, гл. 5, стр. 156.

²²⁶ См. там же, стр. 16а,—186.

²²⁷ Там же, стр. 186—19а.

²²⁸ Там же, стр. 36.

²²⁹ Там же.

Китай. «Снабжать соседнее государство боевыми лошадьми — это большая ошибка»²³⁰, — говорил он своему отцу.

В 1033 г. киданьское правительство запретило тангутам торговать на территории Ляо золотом и железом²³¹.

В 1038 г. Юань-хао, считавший себя независимым государем, не послал к сунскому двору посольства с дарами. Сунский двор приказал закрыть торговлю на всех рынках в Шэньси и Хэдун²³². Из-за начавшейся между Си Ся и Китаем войны торговля была прервана до 1044 г., т. е. до заключения мирного договора. В 1045 г. китайцы открыли рынки в Баоаньцзюнь и Аньпин, и в 1047 г. в Иньсин. Так как около Баоаньцзюнь не было хороших пастбищ, рынок оттуда по просьбе тангутов был переведен в Шуньнин²³³.

После смерти Юань-хао, при Лян-цзо, отношения Си Ся с Китаем опять ухудшились. В 1056 г., стремясь поставить тангутское государство в затруднительное положение, сунский двор закрыл рынок в Иньсин, а в 1057 г. торговля была запрещена во всех пограничных пунктах Шэньси²³⁴. Однако «Суны, установив запрет, сами ежедневно нарушали его. Тангуты тайком вели меновую торговлю с пограничными жителями. Торговля шла днем и ночью»²³⁵. В конце 1057 г. китайское правительство под угрозой смертной казни запретило торговлю с тангутами. Тангутские товары не находили сбыта и в других соседних странах²³⁶. Тангуты оказались в тяжелом положении. Это вынудило их в 1060 г. просить о возобновлении торговли. В 1062 г. торговля возобновилась.

В 1063 г. киданьское правительство запретило своим подданным продавать в Си Ся медь и бронзу²³⁷.

В 1070 г. из-за военных действий, развернувшихся между Си Ся и Китаем, торговля опять была прервана. В 1071 г. тангуты запросили мира и сразу потребовали отмены запрета на торговлю. «С тех пор, как торговля была прервана, в их стране (Си Ся.— Е. К.) изо дня в день недоставало средств»²³⁸. Тангуты просили сунский двор разрешить продавать в Си Ся медь и олово, а также тангутских лошадей обменивать на тонкие шелка и другие крайне необходимые товары²³⁹.

²³⁰ Там же, стр. 24а.

²³¹ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

²³² См. ССЦ, гл. 7, стр. 66—7а.

²³³ Там же, гл. 11, стр. 2а, 10а, 11а.

²³⁴ Китайский чиновник Пан Цзи говорил, что тангуты так же рассчитывают на торговлю с Китаем, как «новорожденный смотрит на материнскую грудь» (см. ССЦ, гл. 12, стр. 126).

²³⁵ ССЦ, стр. 17а—176.

²³⁶ См. там же, стр. 21а.

²³⁷ См. ЛШ, гл. 15, стр. 421.

²³⁸ ССЦ, гл. 15, стр. 17а, 176.

²³⁹ Там же. Тангутские всадники кричали на границе китайским дозорам: «Или мы будем торговать, когда нам удобно, или снова будем заниматься убийствами» (ССЦ, гл. 14, стр. 236).

После того как к власти в Северном Китае пришли чжурчжэни и пограничные с Си Ся земли Сун вошли в состав империи Цзинь, вся внешняя торговля тангутского государства велась с цзиньской империей и источники не упоминают о торговых связях тангутов с южным сунским двором.

В 1128 г. в Си Ся был голод. Тангутское посольство известило об этом государя Цзинь, и он приказал отправить хлеб на юго-западную границу империи для продажи тангутам²⁴⁰. С этого года установились торговые связи между Си Ся и Цзинь.

Цзиньское правительство проводило ту же торговую политику, что и сунское. Торговля с Си Ся по-прежнему оставалась монополией правительства и являлась орудием воздействия на тангутское государство.

В 1134 и 1138 гг. тангуты просили открыть торговлю в Шэньси. Пограничные вопросы между государствами не были еще урегулированы, часть территории Шэньси была в составе созданного чжурчжэнями марионеточного государства Ци, и цзиньский двор не согласился на взаимную торговлю²⁴¹. Постепенно отношения между государствами нормализовались, и с 1141 г. завязалась оживленная торговля. В 1150 г. чжурчжэни открыли большой рынок в пограничной с тангутами области Юнь-чжун и отменили запрет на торговлю железом²⁴². В 1163 г. в Си Ся прибыла торговая миссия чжурчжэней для закупки лошадей²⁴³.

В 70-х годах XII в. отношения между Си Ся и Цзинь обострились; чжурчжэни закрыли рынки в Баоаньцзюнь и Ланьчжоу. В этом же году цзиньскому императору был подан доклад, в котором сообщалось, что, несмотря на запрет, жители Шэньси тайком переходят границу и торгуют с тангутами, а тангутские послы, вступив на территорию Цзинь, ведут торговлю с богатыми купцами. В результате цзиньский двор решил закрыть рынок в Суйдэ и оставить для торговли лишь два рынка — в Хуаньчжоу и Дуншэн. Просьба тангутского государя Жэнь-сяо об открытии рынков в Баоаньцзюнь, Ланьчжоу и Суйдэ была отклонена²⁴⁴.

В 1190 г. государь Цзинь запретил тангутским послам торговать на подворье. Хотя в следующем году запрет был снят, но послы имели право торговать не более трех дней²⁴⁵.

В 1197 г. чжурчжэни снова открыли торговлю в Ланьчжоу и Баоаньцзюнь²⁴⁶, а в 1216 г. торговлю с тангутами вели чжурчжэньские послы и сановники, даже родственники императора, «заботясь... о выгодах и забывая об интересах двора»²⁴⁷. Послед-

²⁴⁰ См. ССЦ, гл. 23, стр. 9а.

²⁴¹ См. там же, стр. 15а, 19б.

²⁴² См. там же, гл. 24, стр. 12а.

²⁴³ См. там же, стр. 23а.

²⁴⁴ См. ЦШ, гл. 134, стр. 826.

²⁴⁵ См. ССЦ, гл. 25, стр. 22а.

²⁴⁶ См. ЦШ, гл. 134, стр. 826.

²⁴⁷ ССЦ, гл. 27, стр. 10а.

ние сведения о торговле тангутов с чжурчжэнями относятся к 1225 г., когда тангуты вели с чжурчжэнями переговоры о возобновлении торговли, прерванной войной²⁴⁸.

Через два года государство Си Ся перестало существовать.

Приведенные выше сведения о торговле Си Ся с государствами Сун и Цзинь говорят о том, что внешняя торговля была жизненно необходима для тангутской экономики. Она была одним из важных источников снабжения страны сельскохозяйственной продукцией, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, предметами роскоши, чаем, металлами. Торговля, очевидно, была существенной составной частью доходов казны государства Си Ся. Всякий раз, когда торговля прерывалась, тангутское государство испытывало финансовые затруднения²⁴⁹. Северный Китай был главным центром тяготения тангутской внешней торговли. Он был не только основным рынком сбыта продуктов скотоводства и потребителем тангутской соли, но и главным поставщиком хлеба и шелка, в которых постоянно нуждалось Си Ся. Основной список подлежащих обмену товаров был опубликован сунским правительством в 1007 г. Теми же товарами торговали с Си Ся и Цзинь. Китайцы обычно в обмен на шелковые ткани, парчу, тюль и узорный шелк получали тангутских верблюдов, лошадей, быков, коров, овец, белый войлок, ковры и сухие ароматичные и лекарственные травы, а в обмен на благовония и лекарства, изделия из фарфора и лака, имбирь, корицу и другие товары получали тангутский мед, воск, мускус, шерсть, шерстяные ткани, диких коз, рог, киноварь, дрова, орехоносный лотос, сафлор красильный, пух и перья²⁵⁰. Кроме вышеперечисленных товаров тангуты всегда покупали в Китае чай и, когда разрешалось, металлы — железо, медь, бронзу, олово, а также одежду — головные платки, шляпы, пояса, рубашки.

Торговля была по преимуществу меновой²⁵¹. Поскольку меновая торговля преобладала в государствах Ляо, Цзинь и у монголов²⁵², она, очевидно, была характерна и для экономической жизни всей Центральной Азии в XII в.

²⁴⁸ См. там же, гл. 28, стр. 6а.

²⁴⁹ Там же, гл. 12, стр. 12б.

²⁵⁰ См. там же, гл. 4, стр. 18б.

²⁵¹ Хотя и упоминаются закупки тангутами товаров на серебро. ССЦ, гл. 13, стр. 6а.

²⁵² Китаец Ху Цяо, посетивший в 953 г. столицу киданей, писал: «В Шанцине... производилась живая меновая торговля (денег, однако, не было)» (В. П. Васильев, *История и древности...*, стр. 37). В X в. в Ляо коммерческие сделки совершались не на деньги, а на «естественную монету, которую китайцы называли „бу“ — холст», К. Wittfogel and Feng Chia-sheng, *History of Chinese Society...*, pp. 170—171). О чжурчжэнях китайские историки писали: «На рынках у них не употреблялись деньги, а производилась мена на вещи» (В. П. Васильев, *История и древности...*, стр. 204). Сюй Кан-цзун, находившийся в составе первого официального сунского посольства в Цзинь (1125 г.), писал о стране чжурчжэней: «Жители рассеяны в местах, где есть вода; это только одни чжурчжэни, нет людей других рас, нет рынков; для

Тангуты вели торговлю с Сун, Цзинь и Ляо. Государственная казна этих стран имела максимальное право на закупку товаров. Однако, хотя торговавшие стороны и извлекали обоюдную выгоду из этой торговли, они были заинтересованы в ней в разной степени. Если для Ся торговля с Китаем была экономической потребностью, то для Сун и Цзинь она часто была лишь частью общей политики по отношению к тангутскому государству, которое они не в силах были уничтожить, но в то же время почти всегда старались нанести ему ущерб. С другой стороны, население северо-западных областей сунского и цзиньского государств нуждалось в торговле с Ся (прежде всего в приобретении соли, лошадей и скота). Поэтому, если сунский и цзиньский дворы, преследуя свои политические цели, часто накладывали запреты на отдельные товары или на торговлю вообще, то частная торговля даже под угрозой наказания смертью не прекращалась никогда. Поэтому, налагая запрет, правительство терпело его многочисленные нарушения.

В Си Ся в первые десятилетия его существования, вероятно, не было своей монеты. Вся внутренняя торговля страны была меновой или осуществлялась на китайские деньги. Данные источников дают возможность предположить, что в государстве Си Ся (как холст в соседней киданьской империи) из общей массы товаров выделился продукт, ставший всеобщим эквивалентом при обмене. Этим продуктом была соль. В 1043 г. китайский пограничный чиновник докладывал двору, что «на территории нескольких округов, принадлежащих Юань-хао, финансовые сделки совершаются в расчете на соль»²⁵³.

Как свидетельствуют источники, в середине XI в. тангутское правительство стало выпускать свою монету. В Си Ся имели хождение медная и железная монеты с легендой на тангутском или китайском языке. Сейчас достоверно засвидетельствовано около 120 монет²⁵⁴. Наиболее ранняя из имеющихся в настоящее время монет с легендой на тангутском языке датирована девизом Фу-шэн (1053—1056 гг.). Остальные монеты относятся к годам правления Да-ань (1076—1085), Чжэнь-гуань (1102—1113), Цянь-ю (1171—1193) и Тянь-цин (1194—1206)²⁵⁵. Боль-

торговли не пользуются монетой, а довольствуются обменом предметов» Ed. Chavannes, *Voyageur chinois chez les khitan et les joutchen*, — JA, 1898, — mai — juin, p. 425. «Хозяйство древних монголов, — писал Б. Я. Владимирцов, — можно охарактеризовать как натуральное. Денег они, по-видимому, не знали, и торговля происходила в формах обмена» (Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 43).

²⁵³ ССЦ, гл. 10, стр. 76. Соль вместо денег использовалась и в пограничных с Ся районах Сун: «В девяти округах — Цинь, Янь, Хуань, Цин, Вэй, Юань, Баоань, Чжэньчжун, Дэшунь провинции Шэньси военные интенданты, закупая продовольствие и фураж, по-старому вели расчеты на соль из Цзе...» (Дай И-сянь, *Сун дай чао янь чжиду*, стр. 270).

²⁵⁴ Пэн Синь-вэй, *Чжунго хоби ши*, Шанхай, 1954, стр. 361.

²⁵⁵ См. там же.

шинство монет Си Ся имеет легенду «цянъ-бао». Монеты, датированные годами Чжэнь-гуань, по предположению Пэн Синь-вэй, имеют легенду «юань-бао»²⁵⁶.

Монеты государства Си Ся с легендой на китайском языке были обнаружены среди монет старинного клада из города Лянчжоу. Они имеют следующие легенды: Юань-дэ тун-бао (1120—1126), Тянь-шэн юань-бао (1149—1170), Цянью юань-бао (1171—1193), Тянь-цин юань-бао (1194—1206), Хуан-цянью юань-бао (1210—1211) и Гуан-дин юань-бао (1211—1223)²⁵⁷.

В 1158 г. правительством Си Ся было создано специальное управление (тунцицзянь), ведавшее выпуском монеты²⁵⁸. Тангутские монеты изготовлялись по китайскому образцу. Они были с выступающим ободком по краям и квадратным отверстием в центре монеты²⁵⁹. По мнению Пэн Синь-вэй, техника изготовления монеты в Си Ся была более высокой, чем у киданей²⁶⁰.

Доходная часть бюджета тангутского государства состояла из налоговых поступлений, доходов с государственных земель, пастбищ и скота, доходов от торговли и долгое время из тех ежегодных выплат, которые тангутское государство с 1044 г. получало от сунского двора. Эти поступления на сумму в 255 тыс. лан составляли значительную часть бюджета страны. Такое предположение можно сделать из неоднократных сообщений источников о том, что, «поскольку ежегодные выплаты были прекращены, финансы страны иссякли»²⁶¹.

Расходная часть бюджета тратилась главным образом на содержание армии, государственного аппарата, просвещение, содержание государственных мастерских (например, железоделательных), субсидии храмам, закупку нужного сырья и товаров. Китайские источники не содержат никаких сведений ни об общих суммах дохода, ни об общих суммах расхода страны. Ясно лишь одно, что частые войны постоянно опустошали и без того небогатую тангутскую казну, и государство Си Ся, особенно в XI в., часто испытывало финансовые затруднения.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ГОСУДАРСТВА СИ СЯ

Сложный и своеобразный путь возникновения тангутского государства, связанный с особенностями развития дансянского общества в VI—X вв., особенности хозяйства тангутов, во многом зависевшие от географических условий населяемой ими тер-

²⁵⁶ См. там же, стр. 362.

²⁵⁷ Там же; G. Dèvèria, *L'écriture du Poyaume de Si Hia ou Tangout*, pp. 5, 6; S. W. Bushell, *The Si Hia dynasty of Tangut, their money and peculiar script*, — «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XXX, 1895—1896, pp. 150—160.

²⁵⁸ См. ССШЦ, гл. 36, стр. 126, 13а.

²⁵⁹ См. Пэн Синь-вэй, *Чжунго хоби ши*, рис. 44.

²⁶⁰ См. там же, стр. 362.

²⁶¹ ССЦ, гл. 14, стр. 23а.

ритории, создали и разнообразие социальных форм общества Си Ся. Тангутское общество резко отличалось от китайского и не было похоже на близкие ему общества Ляо и Цзинь с их четким различием в хозяйственной жизни и социальной организации.

Тангуты составляли подавляющее большинство населения Си Ся. В течение 300 лет до создания своего государства они уже населяли районы будущего государства Си Ся и по праву могли считаться коренным населением этих областей.

Ведущей отраслью экономики Си Ся было скотоводство, наложившее глубокий отпечаток на тангутское общество. Большинство тангутов в X—XI вв. занималось кочевым (в степных и полустепных районах) или отгонным (в горных районах страны) скотоводством, часть тангутов занималась земледелием и, по-видимому, незначительная часть — ремеслом и торговлей. Помимо этого, еще в X в. из среды тангутов выделилась небольшая прослойка чиновников, служивших в местном китайском административном аппарате, которые в государстве Си Ся превратились в особое бюрократическое сословие, тесно связанное по своему социальному происхождению со старшинской верхушкой и старой родовой знатью.

Содержащиеся в китайских источниках сведения свидетельствуют о том, что патриархально-родовая организация, особенно в первый период существования государства Си Ся (XI в.), была основой социальной организации для большинства тангутского народа, ведущего скотоводческое хозяйство.

Источники постоянно упоминают о родах (цзу) и племенах (буцзу, було). Естественно, что ко времени появления тангутского государства родовая организация претерпела значительные изменения. Появление рабства, активная торговля с Китаем открывали путь к накоплению индивидуальных богатств. Старшинская верхушка, поощряемая китайскими властями, получая от них чины, титулы, богатые подарки, постоянно обогащалась и все больше и больше выделялась из среды своих соплеменников. Все это в корне изменило отношения в рамках старого кровнородственного объединения скотоводов. В нем увеличивалось социальное неравенство.

Первой общественной ячейкой, в которой протекала жизнь тангутского скотовода, была семья (кибитка). Китайские источники сообщают, что в тангутских племенах «семья называлась кибиткой (чжан — букв. „палатка“. — *Е. К.*)»²⁶². В начале XI в. небольшие родовые объединения включали сотню или несколько сот семей, а большие — тысячу и более.

Отдельные семьи имели свою палатку (юрту) или дом, свой скот и, вероятно, уже в конце X в. часто могли жить самостоятельно, не завися целиком от того родового объединения, в которое они входили. Китайские источники указывают, что в

²⁶² ССЦ, гл. 6, стр. 116.

1000 г. среди подчиненных сунам дансянов «было очень много родов и семей (кибиток), которые подумывали о том, чтобы возвратиться к Цзи-цянью»²⁶³.

Каждая тангутская семья состояла из главы семейства, его жен и детей. Все имущество и скот переходили по наследству от отца к сыну. Обычным явлением у тангутов было многоженство. «По обычаям фаней,— писали китайские авторы,— матерей было очень много»²⁶⁴. По-видимому, в XI—XII вв. у тангутов еще сохранялся обычай левирата²⁶⁵.

Каждая семья (кибитка) входила в состав патриархально-родового объединения (кит.: цзу), в котором большинство семей были связаны узами кровного родства и общностью происхождения. Сохранение таких патриархально-родовых объединений обуславливалось спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и постоянной необходимостью кочевников-скотоводов защищать свой скот, свое имущество и семью. Таким образом, потребность совместного образца жизни, которая вероятно, проявлялась прежде всего в коллективной собственности племени на пастбища, как это было у других народов, например монголов²⁶⁶, идеологически осмысливалась и обосновывалась всевозможными генеалогическими преданиями об общности происхождения; а в правовом отношении закреплялась обычным правом, в том числе обычаем кровной мести. Кроме того, во время военной опасности родственные группы или ряд таких групп объединялись в единую боевую единицу.

В X в. в тангутском обществе накопление богатств привело к обособлению старшинской родовой верхушки. В родовые объединения входили семьи с различным материальным положением. Часть бедных семей все больше и больше попадала в зависимость от своих богатых родственников.

Во главе кровнородственного объединения стоял старшина (кит.: цючжан), самый богатый и уважаемый человек рода. И до создания государства Си Ся, и после его создания старшина представлял перед администрацией связанную с ним и зависимую от него группу родственников. Привилегированное положение в родовом объединении занимали члены его семьи и представители других богатых семейств.

Старшина сильного рода или племени часто оказывал покровительство старшинам более слабых родов и племен. Вспомним, что в VIII—X вв. большинство дансянских племен группировалось под властью и покровительством дома Тоба. И китайские историки выделяют небольшую группу дансянских родов.

²⁶³ Там же, гл. 3, стр. 3а.

²⁶⁴ Там же, гл. 1, стр. 5б.

²⁶⁵ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 80; ССЦ, гл. 6, стр. 8а.

²⁶⁶ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 43, 56, 58.

Даже знатные государственные деятели Си Ся имели свои племена. Сын Лян Имая — Лян Уи был главой большого сильного племени. «Уи был родным сыном Имая. Его племя было самым процветающим» (ССЦ, гл. 15, стр. 21а).

от которых в той или иной степени зависели все остальные роды. «При кочевом быте, при родовом строе с родами сюзеренами,— писал Б. Я. Владимирцов,— при постоянных наездах, грабежах и войнах бедным и слабым родам невозможно было держаться самостоятельно. Они были вынуждены идти под защиту сильных родов и домов»²⁶⁷. Такой процесс (неизвестно в каких конкретных формах) неизбежно протекал и в тангутском обществе. Он-то и привел к взаимозависимости племен и сложной системе взаимоотношений их старшин. Когда дансяны установили связи с Китаем, то эта иерархия проявлялась в значимости различных титулов и должностей, пожалованных китайским двором. С образованием Си Ся такая система взаимной зависимости была закреплена государственно-административным аппаратом. Создавая свои органы управления, тангутские государи, «по старинному цянскому обычаю», назначали большими начальниками «наиболее знатных и сильных из своих соплеменников»²⁶⁸. Представители старшинских семейств сильных родов заняли важные гражданские и воинские должности в государстве, а менее знатные и богатые старшины получили руководящие посты в местном административном аппарате. Они же часто были и военачальниками²⁶⁹. Таким образом, их власть приняла формы власти государственной, основанной на имущественном неравенстве и угнетении одной части общества другой, власти, прямо противоположной родовым институтам, которые, сохранив свою старую форму, приобрели совершенно новое содержание²⁷⁰.

²⁶⁷ Там же, стр. 70.

²⁶⁸ ССЦ, гл. 6, стр. 14а.

²⁶⁹ В 1082 г. «дом Лян снова собрал в Ятоу смелых воинов из тангутских племен и, поставив во главе войска старшин, напал на Линьчжоу» (ССЦ, гл. 17, стр. 76). В 1083 г., желая иметь своих людей на территории Китая, тангутские власти заставили несколько старшин из округа Ючжоу, «каждого с его родовыми кибитками» сдаться Сун (ССЦ, гл. 17, стр. 21а).

²⁷⁰ Очень интересные сведения о социальной организации тибетских племен Ганьсу в первые десятилетия XX в. приведены в книге Эквола (см. R. V. Ekvall, *Cultural relations on the Kansu—Tibeten borders*). Здесь власть в объединении скотоводов (де-ва) принадлежала вождю-старшине, передавалась по наследству и зависела от традиций племени, способностей его предшественников и от его собственного богатства (р. 60). Старшине в управлении помогали старейшины и знатные люди племени (рган-по), которые составляли своеобразный совет старейшин (рр. 68—69). Но во многих племенах, где власть вождя была сильна, рган-по представляли лишь группу советников, выражающую формальное согласие с решением вождя (р. 69). Часто они были лишены и этих прав. Межплеменной вассалитет здесь был представлен очень широко; вассальные племена (тхду-ба) имели своих наследственных вождей, но последние во всем подчинялись вождю господствующего племени (р. 70). Вожди, которым были подчинены целые ассоциации или конфедерации племен, называли себя ргял-по, или королями (р. 70). Если часть племен жила оседло и занималась земледелием, то вождь племени, как правило, жил среди кочевников. Вождям принадлежала вся полнота гражданской и военной власти (р. 71).

Старшины командовали вооруженными отрядами своих родов и племен. Так, в 1002 г. один из тангутских старшин просил китайские власти принять его с трехтысячным отрядом хорошо вооруженной конницы²⁷¹. Они не только располагали зависимыми от них родственниками, но и большим штатом слуг, а также имели рабов, возможно, из числа военнопленных. Число зависимых от них людей было очень велико. Когда в 1097 г. китайцам сдался полководец Аянь, то его семья и зависимые от него семьи составляли тысячу человек. Вслед за ним сдались и 2700 его сородичей²⁷².

В период существования Си Ся патриархально-родовая организация продолжала существовать. Семейно-родственные группы, возможно связанные общностью пастбищ (а в горных районах, вероятно, общественной собственностью на сенокосы), объединялись вокруг нескольких богатых хозяйств, использовавших различные формы зависимости для эксплуатации своих родственников. Эти отношения маскировались оболочкой родства и были закреплены родовыми обычаями. Богатые скотовладельцы были заинтересованы в сохранении таких отношений, поскольку они позволяли более удобно эксплуатировать соплеменников. Поэтому-то патриархально-родовая организация была основой социальной жизни многих тангутов в XI в. и не утратила своего значения до самой гибели государства Си Ся.

Положение каждой семьи, каждого члена патриархально-родового объединения не было фактически равноправным и зависело от его благосостояния. Можно предположить, что постепенно отдельные лица и семьи теряли связи с такими объединениями (при смене форм хозяйства, переезде в город и т. д.) или попадали в зависимость от старшин, храмов и, возможно, частично утрачивали свою личную свободу.

Таким образом, тангутские старшины составляли основную часть господствующего класса в тангутском обществе. Они определяли и внешнюю политику страны, так как вопросы о войне и мире, особенно в XI в., решались всегда на совете старшин, представлявших самые сильные роды.

Старшинская родовая верхушка вместе с крупными землевладельцами, скотоводами, как тангутскими, так и иноплеменными, а также крупными чиновниками, гражданскими и военными, и священнослужителями составляла господствующий феодальный класс тангутского общества.

Простые скотоводы и земледельцы вместе с рабами, т. е. не-

Подобная организация племен, возможно, напоминает социальную структуру тангутских племен в XI—XII вв. И если тибетские старшины Ганьсу, среди которых, вероятно, есть потомки и тангутов Си Ся, в дополнение к своей власти получали титулы и должности от далай-ламы или китайского правительства, то тангутские старшины занимали руководящие административные посты в собственном государстве.

²⁷¹ ССЦ, гл. 3, стр. 12а.

²⁷² Там же, гл. 21, стр. 26.

посредственные производители материальных благ, составляли другую, эксплуатируемую часть тангутского общества.

Разделение тангутского общества на неравные сословия было закреплено и существовавшим в Си Ся законодательством. Тангутские военные законы предусматривали перевод родственников младших командиров, совершивших воинское преступление, в сословие «пастухов и земледельцев»²⁷³.

Эксплуатация населения Си Ся осуществлялась часто путем внеэкономического принуждения. Одной из таких форм эксплуатации была система трудовой повинности. Отбывание трудовой повинности, по-видимому, было обязанностью всего трудоспособного населения Си Ся. Выполнявшие трудовую повинность (кит.: иминь, ифу, иминьфу), как правило, строили и ремонтировали городские здания и стены городов, храмы, ирригационные сооружения, дороги, мосты. Трудовая повинность была введена вскоре после создания государства Си Ся. Источники упоминают о ней с самого начала XI в.

В 1020 г., когда Дэ-мин принял решение перенести столицу в Хуайюань, он «отправил на север, за реку Хуанхэ [жителей] Хэчэнчжэнду, обязанных выполнять трудовую повинность»²⁷⁴, чтобы обнести новую столицу стеной.

В 1047 г. Юань-хао силами отбывавших трудовую повинность построил монастырь Гаотай²⁷⁵. К несению трудовой повинности привлекались все простые люди Си Ся независимо от их этнического происхождения. Однако оно все же играло какую-то роль при распределении работ (как правило, более тяжелые поручались нетангутам), при обращении с отбывавшими повинность.

Так, в 1002 г., когда в округе Сячжоу была сильная засуха; Цзи-цянъ «приказал жителям строить плотину и по оросительным каналам отводить на поля воду из реки Хуанхэ. Несших трудовую повинность за малейшую вину связывали за волосы и бросали в реку. В нижнем течении реки их принимали. Если это был тангут, то его выручали, а если китаец, то на него не обращали никакого внимания»²⁷⁶.

Покоренные народы привлекались к трудовым повинностям сразу после их завоевания тангутами. Как только тангуты овладели Принаньшаньем, уйгурские роды «переселились в горные ущелья; все они несли повинности»²⁷⁷.

В 1165 г. для строительства стен и дворцов в городе Линчжоу было собрано 100 тыс. человек²⁷⁸. В 1169 г. для строительства города Сианьчэн тангутские власти использовали 40 тыс.

²⁷³ «Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань», гл. 3, стр. 136—14а.— Тангутский фонд ЛО ИНА, № 3481.

²⁷⁴ ССЦ, гл. 5, стр. 156.

²⁷⁵ См. там же, гл. 11, стр. 9а.

²⁷⁶ Там же, гл. 3, стр. 13а.

²⁷⁷ Там же, гл. 8, стр. 20а.

²⁷⁸ ССШШ, гл. 37, стр. 5а.

солдат и 30 тыс. выполнявших трудовую повинность²⁷⁹. Это свидетельствует о массовом привлечении населения Си Ся к трудовым повинностям.

В источниках нет сведений о сроке отбывания трудовой повинности, но, очевидно, он был как-то регламентирован. Факты свидетельствуют о том, что отбывавшие трудовую повинность не были людьми, постоянно занимавшимися строительством. Как только истекал срок или же кончались работы, их распускали по домам. Например, в 1082 г. тангуты начали строительство города Наньмоу в горах Тяньдушань. Китайские войска помешали работам. Тогда работа была прекращена, а отбывавших трудовую повинность распустили по домам²⁸⁰.

На основании приведенных фактов представляется возможным характеризовать лиц, известных в китайских источниках под наименованием иминь, ифу, иминьфу, как свободных граждан разных народностей, населявших Си Ся, обязанных периодически (т. е. определенное число дней, месяцев в году) или эпизодически (во время больших строительных работ) нести трудовую повинность на государственных работах.

О принудительном труде в сельском хозяйстве из китайских источников нам известно очень мало. В «Сун ши» говорится, что «когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их чжуанлинлан, а слабых, трусливых или не обладавших никакими способностями отсылали за реку заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу»²⁸¹. Возможно, отправляемые на сельскохозяйственные работы пленные китайцы обрабатывали императорские (или государственные) земли. Тангутские источники совершенно определенно свидетельствуют, что императоры Си Ся имели людей, работавших на них по принуждению. В «Яшмовом зеркале управления лет царствования Чжэнь-гуань», своде военных законов Си Ся, указывается, что родственники младших командиров, казненных по обвинению в гибели старшего командира, должны быть забраны в число «пастухов и земледельцев государя»²⁸².

Есть сведения о том, что тангутская знать располагала зависимыми людьми, которых она заставляла работать на себя. Выше уже говорилось, что сановник Эпан приказал своим людям засеять плодородные земли на китайской границе, а весь собранный урожай забрал себе²⁸³.

Храмы тоже имели прикрепленных людей. В надписи на стеле из Лянчжоу, установленной в 1094 г., сообщается, что

²⁷⁹ ССЦ, гл. 25, стр. 6а.

²⁸⁰ См. там же, гл. 17, стр. 2а.

²⁸¹ СШ, гл. 486, стр. 3797.

²⁸² «Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань», гл. 3, стр. 14а, — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 3481.

²⁸³ ССЦ, гл. 12, стр. 11а.

«власти назначили четыре семьи для постоянной службы туземным (тангутским.— Е. К.) и китайским священнослужителям»²⁸⁴. К сожалению, из-за отсутствия иных фактов характеризовать положение этой категории зависимых не представляется возможным.

В тангутском государстве существовало рабство. Рабы были у дансянов задолго до возникновения государства Си Ся. В надписи на памятнике Бильге-хана сообщается, что в 700 г. Бильге-хан совершил поход против тангутов и захватил «их сыновей, их рабов, скот и имущество»²⁸⁵. В X в. дансяны обращали в рабство и продавали захваченных в плен уйгурских послов.

В рабство обычно обращались военнопленные. Это подчеркивали в своих докладах китайские пограничные чиновники²⁸⁶. Китайский чиновник из Яньчжоу Ван Вэнь-лян в свое время «был домашним рабом (кит.: цзя-ну) Эпана и [потому] хорошо знал [тангутский] язык»²⁸⁷. Тангуты часто использовали рабов в качестве разведчиков. В 1079 г. тангутское правительство послало специального чиновника с заданием «переодеть линчжоуских рабов в китайское платье и отправить их на границу, чтобы они разведали состояние дел [у китайцев]»²⁸⁸. В данном случае неясно, идет ли речь о рабах, принадлежавших государству или отдельным лицам. В 1082 г. с той же целью через китайскую границу был послан раб Цэмудоикэ, до пленения служивший лучником у китайцев²⁸⁹. О наличии рабов у тангутов упоминает и Марко Поло. Описывая похороны тангута, он сообщает, что, когда покойника «принесут... туда, где сжигают, вырезают родичи из бумаги людей, коней, верблюдов... все тут же сжигается и говорят, что на том свете у покойника рабов, скота, овец будет столько же, сколько они сожгли бумажных»²⁹⁰. В Ганьчжоу он видел, как тамошние старшины дарили женам «скот, рабов, деньги, кто что может»²⁹¹. Судя по тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми» (раздел о рабах и слугах), идеологически рабство осмыслялось тангутами-буддистами как карма — воздаяние за преступления в прошлых перерождениях. Рабы выполняли различные домашние работы в семьях тангутов-рабовладельцев, а в сельской местности работали на полях и пасли скот. Рабовладелец мог наказать своего раба и даже убить его. Но одновременно за услуги, оказанные своему хозяину или государству,

²⁸⁴ G. Deveria, *L'écriture du Royaume de Si-Hia ou Tangut*, p. 11.

²⁸⁵ Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 301.

²⁸⁶ См. ССЦ, гл. 10, стр. 66; гл. 23, стр. 86.

²⁸⁷ Там же, гл. 14, стр. 17а.

²⁸⁸ Там же, гл. 15, стр. 4а.

²⁸⁹ Там же, гл. 17, стр. 5б.

²⁹⁰ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 75.

²⁹¹ Там же, стр. 80.

например во время войны, раб мог получить личную свободу, награду и даже место на государственной службе²⁹².

Мы не располагаем сведениями о том, были ли в государстве Си Ся рабы из среды самих тангутов. В источниках имеются лишь данные о продаже тангутов в рабство в другие страны. Так, осенью 1096 г., когда в Си Ся был большой голод, «положение в стране было очень тяжелое. Жители продавали своих сыновей и дочерей в государства Ляо и Сифань (Восточный Тибет), чтобы прокормиться»²⁹³. Коль скоро во время массового бедствия тангуты продавали своих детей в соседние государства, то возможно, что отдельные семьи, оказавшись в трудном положении, также могли продавать своих детей своим соотечественникам (если это не было запрещено законом).

Рабы из тангутского государства были и у чжурчжэней. Когда в 1207 г. монголы напали на обе страны, цзиньский император отдал приказ выкупить всех рабов-тангутов и позволить им вернуться на родину²⁹⁴. Сведений о численности рабов у тангутов, по которым можно было бы судить о размерах распространения рабства в Си Ся, нет.

Из имеющихся фактов ясно пока одно, что рабство в Си Ся существовало, что основным источником рабов, по-видимому, были военнопленные и что рабы находились во владении частных лиц, а возможно, и государя или государства. Неизвестно, были ли в Си Ся рабы из числа тангутов.

В тангутском обществе существовала сложная система иерархии. На вершине сословной иерархической пирамиды находился тангутский император и его многочисленные родственники, имевшие титулы ванов. За ними следовали крупные сановники, чиновничество и военачальники, владевшие землями, скотом и людьми. Ближе к ним примыкали священнослужители, торговцы, ученые, находившиеся на государственной службе. Простой народ был представлен скотоводами, земледельцами и ремесленниками. На самых низших ступенях этой пирамиды находились лица и семьи, работавшие по принуждению, правовое положение которых неясно, и рабы. Все вышеизложенное дает нам возможность характеризовать тангутское общество как общество феодальное, с сильными патриархально-родовыми пережитками. Изучение тангутского общества имеет большое значение для изучения феодализма на Востоке, так как в государстве Си Ся сочетались в развитых формах как скотоводческое хозяйство, так и земледелие. Формы социальной организации тангутов должны были иметь сходные черты с социальной организацией других народов Центральной Азии в домонгольскую

---

²⁹² «Море значений, установленных святыми», — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 145, стр. 326—34а.

²⁹³ ССШШ, гл. 30, стр. 76.

²⁹⁴ См. ССЦ, гл. 26, стр. 12а.

эпоху. Изучение тангутских источников позволит лучше понять закономерности социальной истории народов этого района Азии.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ СИ СЯ

В 1033 г. Юань-хао провел реформу государственного аппарата. В начале лета он определил для своей столицы — города Синчжоу — статус области (фу) и переименовал его в Синцин. Была отстроена новая резиденция государя, сооружены правительственные здания, отдан приказ обнести стеной казармы столичного гарнизона.

До 1033 г. тангутский аппарат управления включал четыре основные должности: фаньлоши (комиссар по управлению племенами), фаньюйши (комиссар по обороне округа), дуяя (управляющий императорского дворца) и чжихуйши (комиссар, командующий воинским подразделением).

В 1033 г. Юань-хао создал в тангутском государстве систему государственного управления по образцу сунской. Вся законодательная власть в стране безраздельно принадлежала тангутскому государю и совещательному органу при нем — государственному совету (и). (В Си Ся государственный совет впервые упоминается при Дэ-мине. Юань-хао воссоздал совет в 1036 г.²⁹⁵). Члены совета назначались императором²⁹⁶. Члены государственного совета в Си Ся, как и члены государственного совета при сунском императоре, вырабатывали и формулировали решения императора. Им оказывали техническую помощь члены Академии (Фань цзы юань), равнозначной китайской Хань-линь, и предлагаемые к рассмотрению решения проходили через цензорат²⁹⁷. Главой совета был цзайсян (канцлер).

Высшая исполнительная гражданская власть возглавлялась чжуншу (секретариат), который ведал предствлением проектов государственных мероприятий, общими делами гражданских канцелярий, объявлением и вручением указов государя²⁹⁸.

Высшая исполнительная военная власть сосредоточивалась в шуми (секретариат военных дел). Шуми ведал армией, отвечал за готовность границ к обороне. По-видимому, как и в сунской администрации²⁹⁹, главы этих учреждений были членами государственного совета.

Кроме чжуншу и шуми, осуществлявших высшее руководство государственным аппаратом страны и армии, особое место в общей системе управления принадлежало органу контроля — юйшитай (цензорат). Юйшитай следил за деятельностью чиновников, рассматривал совершенные ими служебные проступки,

²⁹⁵ СШ, гл. 485, стр. 3786.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ E. A. Kracke, *Civil Service in Early Sung China, 960—1067*, Cambridge, Massachusettes, 1953, p. 30.

²⁹⁸ ССШШ, гл. 11, стр. 11а—12а.

²⁹⁹ E. A. Kracke, *Civil Service in Early Sung China, 960—1067*, p. 38.

восстанавливал служебную дисциплину в случае ее нарушения и изучал состояние дел на местах ³⁰⁰.

Таким образом, в Си Ся, как и в Сун, существовало своеобразное разделение законодательной (император, государственный совет), исполнительной (чжуншу, шуми и подчиненный им аппарат) и контрольной (юйшитай) власти. Мы имеем дело с весьма любопытным разделением функций органов управления, которое Е. А. Кракке определил как «очень близкую китайскую параллель конституционному разделению властей» ³⁰¹.

Непосредственно исполнительную власть осуществляли управления. С 1033 г. руководство хозяйством страны было сосредоточено в следующих управлениях:

цзюньмусы — ведало скотоводством; в его ведении находились, в частности, государственные табуны лошадей (го ма);

нунтяньсы — управляло сельским хозяйством; ведало складами зерна, распределением продовольствия и установлением цен на хлеб;

саньсы — контрольно-финансовый орган, ведавший налоговыми поступлениями, таможнями, цензом, монополией на соль и железо, госбюджетом ³⁰²;

шоунасы — орган, ответственный за создание государственных запасов.

Подбором чиновников и руководством повседневной работой управлений в 1033 г. ведали:

гуаньцзисы — управление гражданскими и военными служащими, вакансиями и выдвижением подходящих для службы лиц;

мокэньсы — управление, комментировавшее и редактировавшее доклады государю и двору и ведавшее системой государственных экзаменов, которая, возможно, также была введена в Си Ся в 30-е годы XI в.

Делами императорского двора управляли:

кайфынфу — ведало всеми делами удела государя;

вэньсюань — заведовало изготовлением изделий из золота, серебра, рога, яшмы и пошивом одежды из шелка для казны и выезда государя.

С 1033 г. военная администрация тангутского государства состояла из двух управлений:

ивэйсы — отвечало за охрану границ, охрану дворца, ведало телохранителями государя, свитой императора;

фэйлунюань — ведало особыми войсками, охранявшими дворцы, города, правительственные учреждения и выполнявшими полицейские функции по борьбе с уголовными преступниками.

---

³⁰⁰ Ibid., p. 33.

³⁰¹ Ibid.

³⁰² Ibid., pp. 39—40. О функциях саньсы в китайской системе управления см. также W. Eberhard, *Remarks on the Bureaucracy in North China during the tenth Century*, — «Oriens», vol. 4, 1951, № 2, p. 288.

На все должности в этих учреждениях Юань-хао назначал как тангутов, так и китайцев³⁰³.

Формирование тангутского государственного аппарата в 1033 г. не было завершено.

В 1039 г. Юань-хао внес изменения в систему управления. Он учредил должность шаншулина (президента департамента государственных дел)³⁰⁴, обязанностью которого было контролировать дела всех канцелярий и чиновников и решать их, прежде всего в централизованном порядке; внес изменения в систему управлений, которых стало 16. Управления были разбиты на 6 групп или ведомств. Эти 16 управлений не указаны в китайских источниках, но все они перечислены в словаре «Перл в руке»³⁰⁵:

цзинлюесы — управление областных военных комиссаров; тунцзюньсы — управление армией; саньсы; цзюньмусы; нунтяньсы; шоунасы; мокэньсы; чэньгаосы — управление докладов; фаньсинсы — управление юстиции; хуанчэнсы — управление императорской столицей; дяньцяньсы — управление императорской гвардией; нейсусы — управление внутренних дел³⁰⁶; гэмыньсы — управление почтовой службой³⁰⁷; цзяньцзюньсы — управление военным округом; сюньцзяньсы — дозорно-конвойное управление, военная инспекция; чжэнтунсы — управление, ведавшее составлением императорской родословной (?).

Так с 1033 по 1039 г. сложился тангутский государственный аппарат, просуществовавший без особых изменений вплоть до гибели тангутского государства. Перечисленные выше 16 управлений, по-видимому, считались основными, именно они попали в словарь 1190 г. Но, как будет сказано ниже, тангуты в действительности имели еще более разветвленный аппарат со значительно большим числом управлений. Косвенные данные свидетельствуют, что Юань-хао не отказался от старого, специфически тангутского органа управления, сохранившегося еще со времен первобытнообщинного строя. Речь идет о совете старшин, упоминаемом в «Сун ши»³⁰⁸. Судя по данному источнику, это не был постоянный орган правления. При Юань-хао он выполнял только совещательные функции. Крупных племенных старшин собирали обычно перед походом для детальной разработки военных планов³⁰⁹. Существование этого органа было свя-

---

³⁰³ У Гуан-чэн называет ряд должностей, которые якобы занимали только тангуты. Но не исключено, что это просто список тангутских титулов и наименований должностей в китайской транскрипции (см. ССШШ, гл. 11, стр. 12а).

³⁰⁴ Robert des Rotours, *Traite des fonctionnaires et traite de l'armée. Traduits de la nouvelle histoire de Tang*, t. 11, Leide, Brill, 1947, p. 916.

³⁰⁵ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 214—218, 685, 4777.

³⁰⁶ Нисидо Тацую, *Сэйка гоно кёнкю*, т. I, 1964, стр. 214.

³⁰⁷ Е. А. Кракке, *Civil Service in Early Sung China*, p. 45.

³⁰⁸ СШ, гл. 485, стр. 3786.

³⁰⁹ Там же.

зано с природой самого тангутского общества, с особенностями его военной организации, о чем будет сказано ниже.

Китайские источники свидетельствуют о некоторых изменениях в тангутском государственном аппарате и после 1039 г. В 1062 г. сын Юань-хао — Вэймин Лян-цзо ввел новые должности: шаншу шилан (вице-президент шаншу), северного и южного сюаньхуйши, комиссаров сюаньхуйюаня — совета дворцовых дел, ведавшего формированием и обнародованием императорских указов, и чжуншу сюеши — ученого, советника в чжуншу³¹⁰.

Других сведений об изменениях в государственном аппарате Си Ся китайские источники не приводят. Судить о них мы можем на основании подлинного первоисточника — «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного процветания (1149—1170)»³¹¹.

Тангутский первоисточник существенно пополняет наши знания о тангутском государственном аппарате, в частности дает ценные сведения об органах управления различными отраслями хозяйства и культуры Си Ся. Кроме того, он дает нам в руки важное свидетельство того, что сведения китайских источников хотя и не полны, однако верны и заслуживают самого пристального внимания.

Десятый том кодекса полностью посвящен описанию государственно-административного устройства Си Ся и значительно дополняет данные китайских источников. Тангуты делили все свои органы управления на пять классов: высший, второй (буквально: следующий), средний, низший и последний. Фактически рангов было шесть, так как существовал еще особый, дополнительный ранг.

К управлениям высшего ранга тангуты относили чжуншу и шуми (мы не будем давать расшифровку функций уже описанных управлений).

К управлениям второго ранга относились: дяньцяньсы; юйшитай; чжунсинфу — управление столичным округом; саньсы; хэшан дэюнсы — управление делами буддийской церкви (?); сюаньвэйюань — совет дворцовых дел; нэйсусы; гэмыньсы; сяньчу-паосы — управление императорским столом; гуйсясы — управление, ведавшее перепиской двора.

К числу управлений среднего ранга относились: дахэнлисы — управление, ведавшее календарем; юаньнюньчжисы — транспортное управление; чэньгаосы; юаньмокэньсы — управление, ведавшее государственными экзаменами; фаньсинсы; цзюньмусы; нунтяньсы; шоунасы, бяньчжун цзяньцзюньсы — управление

³¹⁰ ССШШ, гл. 20, стр. 116.

³¹¹ См. Тангутский фонд ЛО ИНА, № 170 (использован т. X); Е. И. Кычанов, *Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 69, 1965, стр. 180—196, 210—218.

военными округами на границе и внутри страны; чжогуанши-сы (?) — управление, ведавшее дворцовой прислугой; шиюань — департамент историографии; жэньжэньюань — должностное управление; шицзе гунюань — общее управление мастерскими.

В состав управлений низшего ранга входили: сингунсы — управление загородными дворцами; шижэньсы — управление по подбору чиновников; маюаньсы — управление коневодством; бяньчжунюньчжисы — управление перевозками на границах и внутри страны, гуйцзюе — ведомство по делам избавления от демонов.

К числу управлений последнего ранга относились: цзыкэсы — управление ксилографии, ведавшее резаньем досок для книгопечатания и, возможно, книгопечатанием в целом; цзиньцзаосы — управление ювелирными мастерскими (по обработке драгоценных металлов); цюаньцзоюань — ведомство шелкоткачества; фань хань лэжэньюань — ведомство, ведавшее музыкантами, исполнителями тангутской (фань) и китайской (хань) музыки; тэцзянюань — ведомство, управлявшее железодельными и слесарными мастерскими; муцзянюань — управление деревообрабатывающими мастерскими; чжицзянюань — управление бумагоделательными мастерскими, ведомство по управлению гончарными мастерскими, ведомство управления мастерскими по изготовлению экипажей.

Кроме вышеуказанных управлений пяти рангов особо выделена группа «управлений, не вошедших в число вышеуказанных рангов». К ним относятся: орган по подбору кадров в производственные мастерские, а также фань хань дасюеюань — ведомство по управлению тангутской и китайской высшими школами³¹².

Принцип тангутской классификации управлений на шесть рангов: пять основных и шестой дополнительный, не совсем ясен. Все же это деление свидетельствует о том, что каждый ранг объединяет родственные группы управлений: высший — для центральных органов гражданской и военной администрации, второй — для управлений, ведавших в основном делами двора и столицы, а также цензората, средний — для основных хозяйственных и канцелярско-административных управлений, последний — для ведомств, руководивших ремесленными и промышленными мастерскими, и шестой — дополнительный — для ведомств, руководивших школами и первоначальным подбором кадров.

В тангутском аппарате управления уже с XI в. существовала должность госяна или цзайсяна. Госян возглавлял государственный совет и обладал большой властью. Этот пост обычно занимали самые близкие родственники императора.

---

³¹² В тех случаях, когда мы даем китайскую дешифровку текста, мы сохраняем тангутский порядок слов. Незначительное число управлений, наименование которых нам не удалось расшифровать, мы опустили. Они перечислены в статье: Е. И. Кычанов, *Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся*.

Титулы и должности высших сановников и представителей правящего дома, а также родственных ему семей тангуты делили на семь классов. Об этом мы узнаем из другого важного тангутского источника — «Табеля о рангах»³¹³. Табель начинается с титула тангутского государя, соответствовавшего китайскому да хуанди (император). Затем следует титул наследника престола, соответствовавший китайскому хуантайзы. Остальные титулы делились на семь классов. Высший класс — титулы великих князей и почетный титул за выдающиеся достижения в литературе, военном деле, знании законов, за особые заслуги в почитании родителей и старших. Следующие шесть классов включали посмертные и почетные титулы за большие достижения в перечисленных выше сферах деятельности. Дать их точный перевод и точно определить различия между ними мы пока затрудняемся. Далее в «Табеле о рангах» указаны титулы императриц, принцесс, ванов четырех стран света, высшего буддийского духовенства, затем титулы и должности в чжуншу и шуми. На этом таблица обрывается. Титулы и должности, приведенные в таблице, большей частью не имеют аналогий в китайской системе должностей и титулов (например, «объявляющий о весне», «наблюдающий за летом», «наблюдающий за осенью», «смотрящий за зимой», «наблюдающий за небом» и т. п.)³¹⁴.

Для отбора чиновников в тангутском государстве была введена система экзаменов, аналогичная китайской³¹⁵. До прихода к власти Юань-хао упорядоченного набора чиновников на службу не производилось. В 1039 г. Юань-хао издал указ, предписывающий в каждом округе страны открыть школу тангутского языка и письма. В школы принимались сыновья тангутских и китайских чиновников. После окончания курса обучения ученики устраивали экзамен и назначали их на службу в соответствии с уровнем подготовки. Возможно, в годы правления Юань-хао школы готовили кадры для пополнения государственно-административного аппарата Си Ся.

Одновременно с этим должности в тангутском государстве, по-видимому, передавались по наследству. Об этом есть косвенные упоминания в китайских источниках³¹⁶. Например, в 1001 г. семье Жэньдо Сяньчжуна, погибшего в бою, была назначена пенсия, так как его сын был еще несовершеннолетним и не мог наследовать должность отца³¹⁷. Сведения китайских источников в настоящее время подтверждаются тангутскими первоисточниками.

³¹³ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4170, 5921; см. также Е. И. Кычанов, *Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся*.

³¹⁴ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4170.

³¹⁵ ЮШ, гл. 125, стр. 933.

³¹⁶ См. Е. И. Кычанов, *Государственное устройство Си Ся*, — «Ученые записки ЛГУ, № 281, серия востоковедных наук, вып. 10, История и филология Китая», 1959, стр. 103 — 115.

³¹⁷ См. ССШШ, гл. 31, стр. 15а.

В тангутских законах система наследования должностей разработана детально. Здесь точно указаны права родственников различных степеней родства по мужской и женской линии на занятия должностей. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов», в частности, говорится: «Среди сыновей и внуков гражданских, военных и... (неизвестное слово.— Е. К.) чиновников, состоящих на службе в государственных учреждениях, должности наследуют представители знатных семей. Наследование должностей представителями незнатных семей не допускается. Если же закон будет нарушен и должность наследует представитель незнатной семьи, то повинный в этом [нарушении закона] чиновник наказывается тринадцатью ударами палкой»³¹⁸.

Иногда должности детям давались за заслуги родителей. В 1218 г. на высокий пост в шуми был выдвинут некий Су Яньсунь, получивший предыдущую должность «за заслуги своих родителей»³¹⁹.

В управлениях на должность назначали не только тангутов, но и представителей других народов, населяющих Си Ся. В тангутском государственном аппарате работало много китайцев, и они дослуживались до самых высоких постов. Мы не знаем и о наличии каких-либо ограничений для других народов, населявших территорию Си Ся.

Согласно тангутскому закону главы управлений и присутствий в государственном аппарате должны были регулярно сменяться раз в три года. «Главы всех управлений и присутствий,— читаем мы в кодексе законов,— большие и малые, подлежат замене по истечении трех лет (службы). Не подлежащие замене обязаны продолжать свою деятельность. По прошествии трех лет их заменой ведают чжуншу и шуми»³²⁰.

За всякую служебную провинность чиновников наказывали палками. Любопытно, что система телесных наказаний государственных служащих широко практиковалась также в чжурчжэнском государстве, а система наследования должностей — у киданей и монголов.

Судя по китайским источникам, взяточничество, доносы, злоупотребление властью, карьеризм широко были развиты в государственном аппарате Си Ся. Уже в годы правления Юаньхао тангутские «чиновники с подозрением относились друг к другу»³²¹. В 30-х годах XII в. Цзинь ван Чагэ «незаслуженно возвышал своих братьев, чрезмерно взимал налоги, многих казнил. И тангуты, и китайцы страдали от этого»³²². Братья госяна Жэнь Дэ-цзиня «злоупотребляли властью, брали с просителей взятки»³²³.

³¹⁸ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 170, т. X, стр. 76.

³¹⁹ ССШШ, гл. 41, стр. 1а.

³²⁰ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 170, т. X, стр. 16.

³²¹ ССЦ, гл. 9, стр. 146.

³²² ССШШ, гл. 34, стр. 156.

³²³ Там же, гл. 36, стр. 12а.

Все крупное чиновничество происходило из знатных тангутских старшинских семей или незначительной прослойки зажиточного китайского населения страны. Назначение на службу выпускников школ мало нарушало кастовость чиновничьего сословия, так как в школах, как правило, учились дети из семей тангутских старшин и чиновников, а также из богатых семей китайцев и других народов, населявших Си Ся.

Придворный тангутский церемониал был учрежден Юань-хао в 1039 г. Чиновники должны были, приходя в императорский дворец и уходя из него, следовать церемониалу, принятому при китайском дворе. В первый день пятого месяца и в день зимнего солнцестояния во дворце устраивались большие приемы, на которых чиновники желали императору долголетия. В новый год, принимая во дворце подарки, Юань-хао пользовался как сунским, так и танским церемониалом. Прибывавшие во дворец чиновники совершали три коленопреклонения и обязаны были иметь при себе ху — дощечку для записи распоряжений вышестоящего начальника. Идти и стоять они должны были полусогнувшись, а коленопреклонения совершать не спеша. За нарушение церемониала строго наказывали³²⁴. Вступая в должность, каждый чиновник получал грамоту на предоставленный ему титул³²⁵.

О составе тангутской местной администрации мы можем судить лишь по отдельным упоминаниям в китайских источниках некоторых должностных лиц. Очень вероятно, что в данном случае мы имеем дело не с подлинно тангутскими должностями, а их китайским уподоблением. Столичным округом и столицей управлял инь, областью (фу) — дадуфу, округом — чжоучжу (правитель округа), городом — цыши (префект). Кроме того, существовали должности фаньюйши (комиссара, ведавшего обороной округа) и фаньбу чжихуйши (комиссара, управлявшего местными племенами). Две последние должности были военными, а не гражданско-административными. Это не удивительно, ибо, как уже говорилось, местная тангутская администрация была тесно связана с администрацией военной.

ТАНГУТСКАЯ АРМИЯ. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СИ СЯ

Тангуты создали стройную, хорошо разработанную систему военной организации. Армия была главным орудием в создании независимого тангутского государства и в течение двух с половиной веков являлась основным условием существования независимого тангутского государства в обстановке постоянной угрозы завоевания более могущественными соседями.

Военная организация рода наложила значительный отпечаток на систему формирования вооруженных сил Си Ся. В первые

³²⁴ ССЦ, гл. 7, стр. 36—4а.

³²⁵ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 170, т. X, стр. 14а.

десятилетия существования Си Ся роль вооруженных отрядов родов и племен в армии тангутских государей была очень велика, и они составляли преобладающую часть ее соединений во время активных военных действий.

В X в. китайские чиновники докладывали, что «тангуты, как смерч, передвигаются туда и обратно. Все они являются воинами и легко меняют местожительство»³²⁶. Легкая, подвижная тангутская конница совершала постоянные набеги на китайские города и селения, и в X в. ее грабительские налеты часто совершенно не зависели от воли еще только формировавшейся тангутской администрации.

Однако уже в X в. появились постоянные вооруженные отряды. Такими отрядами располагали дом Тоба и некоторые старшины. Эта армия была призвана, с одной стороны, подчинить независимые соплеменные роды, а с другой — противостоять внешним вторжениям других племен и вмешательству Китая.

Отсутствие сильной центральной власти в Китае в X в. способствовало укреплению самостоятельности дома Тоба и формированию его вооруженных сил. Политика, которая проводилась китайскими дворами периода пяти династий по отношению к западным окраинам, укрепляла независимость тангутских старшин. В 1039 г. сунский чиновник Лю Пин в своем докладе двору писал, что в тот период в Китае мало заботились о подчинении окраин. «Китай никогда не посылал в отдаленные военные поселения и крепости ни одного всадника, ни одного солдата. Император только назначал на службу тухао (представителей знатных семей, т. е. старшин), перед которыми преклонялись [их] люди, жаловал им округа и уезды, и налоговых поступлений было достаточно для того, чтобы [они] могли содержать войска»³²⁷. Естественно, что такая политика, проводимая китайскими правительствами до утверждения сунской династии, во многом способствовала формированию самостоятельной власти и вооруженных сил у народов, населявших окраины Китая.

В 933 г. Тоба И-чао создал три небольших армии и объявил себя главнокомандующим. Через сто лет эти армии стали одной из могущественнейших армий Центральной Азии.

В 982 г. Ци-цзянь открыто выступил против подчинения Китаю. В 996 г. при осаде города Линчжоу армия Ци-цзяня насчитывала 10 тыс. человек³²⁸. Войска его были «дерзки и отважны. Они свободно передвигались с места на место, и если терпели поражение, то уходили... в пески и становились недосягаемыми для императорских войск»³²⁹. В 999 г. армия Ци-цзяня насчитывала уже более 10 тыс. человек³³⁰. В 1002 г. во время второй

³²⁶ ССЦ, гл. 3, стр. 2а.

³²⁷ Там же, гл. 7, стр. 9б.

³²⁸ Там же, гл. 2, стр. 12а.

³²⁹ Там же, стр. 12б.

³³⁰ Там же, гл. 3, стр. 1б.

осады Линчжоу тангутами в армии Цзи-цзя было уже 20 тыс. всадников³³¹.

В первой половине XI в. тангутские старшины по-прежнему имели собственные вооруженные отряды. Такие отряды упоминаются как при Цзи-цзяне³³², так и позднее³³³. Племенные войска составляли значительную силу. Мы имеем прямые указания на то, что «в государстве Си Ся каждый старшина возглавлял свои родовые (чжунло) войска, которые [по-тангутски] назывались „одно лю“. Причем старшины малых родов подчинялись сильным старшинам и „служили им как руки“»³³⁴.

По указанию старшин более слабые старшины и простые воины выстраивались в шеренгу, поднимали руку и прикрывали ею рот (вероятно, здесь описано тангутское приветствие, символизирующее, что подчиненный молчит и лишь слушает распоряжение начальника). Только после такого приветствия они осмеливались держать себя вольно³³⁵. В 1081 г. китайцы обещали титулы и большие награды старшинам Вэймин, если «они добровольно подчинятся Китаю и вместе со своими войсками помогут сообща уничтожить врагов государства»³³⁶.

К 1003 г. относится первое упоминание о военнообязанных в Си Ся. В этом году китайцам сдались два чиновника из Сячжоу, которые сообщали: «Ся находится в трудном положении и держится только грабежами. Кроме того, все взрослые мужчины, годные к несению военной службы, из округов Ся, Инь и Ю переселены за реку [Хуанхэ]. Среди народа ропот и недовольство, и никто не уверен в своей безопасности»³³⁷. Цзи-цзянь, который привлекал жителей подчиненных ему областей к несению трудовой повинности, вероятно, проводил и наборы в армию среди населения, годного к несению военной службы. В последующие годы, при Дэ-мине, численность армии Си Ся резко возросла и достигла 100 тыс. Армия Юань-хао превышала 150 тыс. человек³³⁸.

Окончательно система военной организации вооруженных сил Си Ся сложилась при Юань-хао в 1036 г. У тангутов существовала следующая система набора на военную службу: каждый мужчина с 15 лет считался годным к несению военной службы — «дин» (букв. «совершеннолетний»). В регулярную армию брался один из двух динов, считавшихся «чао» — приписными. Второй из «чао» должен был сопровождать армию и выполнять при ней самые различные работы. Из четырех динов «воен-

³³¹ Там же, стр. 126.

³³² См. там же, стр. 12а.

³³³ См. там же, гл. 19, стр. 21а.

³³⁴ Там же, гл. 8, стр. 106—11а.

³³⁵ См. там же.

³³⁶ СШ, гл. 486, стр. 3792.

³³⁷ ССЦ, гл. 3, стр. 19а.

³³⁸ ЛПЦ, гл. 20, стр. 7а.

нообязанных» выбирали двух чао «приписных» — в регулярную армию и вспомогательные службы, а оставшиеся два дина назывались «кун дин» — пустыми или освобожденными динами³³⁹. Общая численность тангутской армии достигала 500 тыс.³⁴⁰. В тангутской армии было два основных рода войск — конница и пехота. Кроме того, имелось специальное соединение катапультиров (по-тангутски «посичжи»³⁴¹ или «боцзи»³⁴²), состоящее из 200 человек. Работы по инженерному обеспечению и снабжению войск выполняли специальные вспомогательные отряды.

Из китайских источников известно, что основной организационной единицей в армии Си Ся был отряд в 300 человек. Десять таких отрядов объединялись в воинское соединение³⁴³.

Эти сведения в значительной степени подтверждаются и тангутским первоисточником. В сохранившихся фрагментах текста кодекса тангутских военных законов «Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101—1113)» повсюду речь идет о командирах от сотника до командира 3-тысячной армии, причем последний рассматривается как командир основной достаточно крупной организационной единицы тангутской армии. Отряд в 300 человек, о котором сообщают китайские источники, в «Яшмовом зеркале» не упоминается. Но из текста военных законов совершенно очевидно, что в основе деления отряда в 3 тыс. человек на более мелкие подразделения лежал принцип деления на сотни, так как постоянно в законах дается перечень командиров от сотника до трехтысячника, причем определенным зримым рубежом было звание полуторатысячника, ибо награды и наказания часто определялись особо для командиров от сотника до полуторатысячника и от полуторатысячника до трехтысячника.

Из текста военных законов становится очевидным, что командный состав тангутской армии подразделялся на старших и младших командиров. К числу старших командиров относились командующие, среди которых различались «полный командующий» и его помощник; командиры марша, среди которых различались «полные командиры марша» и их помощники; строевые командиры или «командиры пешего и конного строя», среди которых также различались «полные командиры» и их помощники.

Основное звено младших командиров, очевидно, составляли так называемые направляющие или вожак, среди которых в законах упоминаются «полные», «большие», «малые» и обозначенные эпитетом, в котором первый знак значит «ссужать», «давать в долг», а второй — «настоящий», «подлинный», «полный»

³³⁹ СШ, гл. 486, стр. 3796.

³⁴⁰ СШ, гл. 486, стр. 3797; ССЦ, гл. 6, стр. 116—12а.

³⁴¹ СШ, гл. 486, стр. 3797.

³⁴² ЛШ, гл. 115, стр. 420.

³⁴³ ССЦ, т. 6, стр. 126. В «Сун ши» просто сказано, что имелся трехтысячный отряд конницы, который делился на 10 меньших отрядов (гл. 485, стр. 3786).

[командир]. Возможно, что было звание, означающее: «исполняющий обязанности полного направляющего».

Кроме того, из числа младших командиров свод законов упоминает «замыкающего», командира охраны, квартирмейстера и адъютанта [постельничего?] и самых младших командиров «унтер-офицеров». Четверо из названных выше младших командиров: командир охраны, «направляющий», «замыкающий» и адъютант, а также лицо, буквальный перевод названия которого — «лесной человек», составляли охрану трех вышеперечисленных старших командиров: командующего, командира марша и командира пешего и конного строя.

Отметим, что в уже известном нам, тоже, правда, во фрагментах, тангутском табеле о рангах упоминается только звание командующего³⁴⁴.

По образцу цензората в гражданской администрации Си Ся, в тангутской армии, очевидно, существовала военная инспекция. В тексте законов встречаются «военные инспектора» и «чиновники военного управления», также, судя по контексту, осуществлявшие службу контроля.

Выше говорилось, что при тангутской армии могли находиться и служить в ней лица, не входящие в состав «регулярной» армии. Упоминание о них встречается и в «Яшмовом зеркале управления». Это так называемые лица, «не состоящие в армии», «частные лица», которым за ратные подвиги тоже предусматривались строго определенные награды, и, возможно, «командиры вспомогательных отрядов» (первый знак имеет значение «те, кто помогает армии»).

Таким образом, «Яшмовое зеркало управления» сообщает нам много важных сведений о командном составе армии Си Ся и позволяет выделить целый ряд тангутских обозначений воинских званий армии Си Ся, что чрезвычайно важно для чтения других тангутских текстов. К сожалению, не сохранилась первая глава законов, где, судя по оглавлению, имелось описание субординации — «о порядке сидения в управлении командиров и инспекторов» — и давалось описание прав и обязанностей командиров. Судя по этому оглавлению, все старшие командиры в качестве символа своей власти имели пайцзы. Образцы этих пайцз сохранились до наших дней. Их можно видеть в экспозиции Пекинского исторического музея.

По-видимому, вышеперечисленные наименования командного состава тангутской армии были не должностями, а воинскими званиями. Поименованные старшие командиры могли командовать числом людей ниже полутора тысяч и выше полутора тысяч, до трех тысяч человек³⁴⁵. Все они, или многие из них, занимали в армии и в управлении армией определенную долж-

³⁴⁴ Е. И. Кычанов, *Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся*, стр. 194, 217.

³⁴⁵ См. Тангутский фонд ЛО ИНА, № 7766, стр. 26—36.

ность. Кроме этого в тангутской армии существовал дробный, исчисляемый, возможно, несколькими десятками единиц табель рангов; добавление или понижение числа которых служило важным стимулом поощрения и наказания, так как, возможно, было связано как-то с количеством получаемых материальных благ. Весь командный состав армии входил в состав служилого сословия. Между младшими и старшими командирами имелось существенное различие; это подтверждается прежде всего тем, что, по материалам сохранившихся фрагментов законов, старшие командиры не подвергались телесным наказаниям³⁴⁶.

Каждый командир армии Си Ся, имевший звание туаньяньши (командир отряда) и выше, получал одну юрту (шатер), один лук, пятьсот стрел, одну лошадь, пять верблюдов, знамя и барабан, обоюдоострый меч, боевую палицу, торбу, плащ-накидку из грубой шерсти, заступ, топор, колчан и железный крюк для подъема на крепостные стены. Командиры, имевшие звание цыши (командир подразделения) и ниже, не имели юрты, знамени и барабана, а получали одного верблюда, триста стрел и одну легкую палатку из шерсти для защиты от непогоды. В одной такой палатке размещались трое солдат³⁴⁷. Некоторые китайские источники сообщают, что обязанные служить в регулярной армии сами должны были готовить для себя военное снаряжение: «Все мужчины в возрасте от 15 до 60 лет сами готовили луки и стрелы, латы и шлемы и шли с ними на службу»³⁴⁸. По сообщениям одних источников, в регулярной армии тангутов каждому солдату давали лошадь и верблюда³⁴⁹, а по другим — каждая семья сама покупала новобранцу верблюда³⁵⁰.

Луки у тангутов были с кожаной тетивой, древки стрел они делали из ивы. Во время дождя или снегопада кожаная тетива размокала и луки выходили из строя. Тангутские луки по качеству уступали китайским. В 995 г. находившийся при сунском дворе советник Цзи-цяня Чжан Пу говорил сунскому императору, что у тангутов «луки слабы, стрелы короткие»³⁵¹. Отступая, тангуты обычно уводили в глубь страны взятых в плен хороших лучников. Однако со временем тангутские луки стали не только не хуже китайских, но иногда даже лучше. Луки из Си Ся пользовались большим спросом. «Из Синчжоу (округ Си Ся), — читаем мы в одном китайском источнике, — вывозят хорошие луки. Их покупают в Китае и за каждый лук дают по несколько сот тысяч»³⁵². Тангуты стали широко известны как ма-

³⁴⁶ Описание структуры тангутской армии составлено по всем сохранившимся фрагментам кодекса. Тангутский фонд ЛО ИНА, № 2616, 2617, 2618, 3481, 4183, 4184, 7766, 7931.

³⁴⁷ СШ, гл. 486, стр. 3796—3797.

³⁴⁸ ЛПЦ, гл. 20, стр. 86.

³⁴⁹ См. там же.

³⁵⁰ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

³⁵¹ ССЦ, гл. 2, стр. 6а.

³⁵² Ли Э, *Ляо ши ши и*, «Цун шу цзи чэн», Шанхай, 1936, цз. 22, стр. 421.

стера по изготовлению луков. В 1068—1077 гг. некий Ли Дин, тангутский старшина, подарил китайскому двору лук, получивший название «лук чудодейственной руки». При стрельбе на расстоянии в 300 шагов из этого лука можно было пробить несколько деревянных досок³⁵³. Монголы увозили тангутских лучников в Каракорум и заставляли их работать в своих мастерских³⁵⁴.

В 1102 г. в тангутской армии были организованы специальные отряды лучников. В решении тангутского двора говорилось: «Луки цянских племен слабы, а стрелы их коротки. Стреляют они плохо. Следует сейчас отобрать сильных и мужественных солдат из тангутов и китайцев, обучать их пользоваться тугими луками... Наши короткие [луки и стрелы] следует сменить на длинные китайские. Если мы поступим таким образом, то у нас не будет равных в Поднебесной»³⁵⁵.

Тангуты умели изготавливать доспехи из железа, пользуясь способом холоднойковки. Их доспехи были гладкими и блестящими, но недостаточно прочными. Государь и представители правящего дома иногда носили серебряные доспехи. У изготовляемых тангутами мечей эфес с древности делался в виде извивающегося дракона, голова которого похожа была на голову птицы. Такие мечи известны под названием мечей «дракона-птицы». По преданию, впервые их стал отливать Хэлянь-бобо³⁵⁶. Тангутские мечи пользовались известностью. По словам одного автора сунской эпохи, «киданьские седла, мечи государства Ся, фарфоровая посуда из Гаоли были самыми лучшими в Поднебесной. Хотя в других местах и изготовляли такие же, однако качество их было хуже»³⁵⁷. Тангутам и киданям, очевидно, постоянно не хватало железа, и поэтому для изготовления оружия они иногда использовали даже китайскую железную монету. «Ляо и Ся,— сообщает источник,— для изготовления оружия использовали железные деньги. Если [к деньгам] добавляли олово или свинец, то они становились хрупкими и негодными для изготовления [оружия]. Приказали поступать так (т. е. китайское правительство приказало добавлять в состав железных денег свинец или олово.— Е. К.)»³⁵⁸.

В 1036 г. Юань-хао разработал план дислокации тангутских войск и организацию управления армией. Горы Хэланьшань были превращены в опорный пункт внутри страны. 70-тысячная ар-

³⁵³ МЦБТ, гл. 19, стр. 122; «Вэнь сянь тун као», стр. 1043.

³⁵⁴ См. ЮЩ, гл. 134, стр. 992.

³⁵⁵ ССЦ, гл. 22, стр. 5а. По свидетельству Цзэн Гуна, тангуты «одерживают верх в езде верхом и стрельбе из лука, но не умеют хорошо владеть копьем и мечом» (ЛПЦ, гл. 20, стр. 76).

³⁵⁶ См. ССЦШБМ, гл. 10, стр. 4а.

³⁵⁷ Ли Э, *Ляо ши ши и*, гл. 22, стр. 421.

³⁵⁸ ССЦ, гл. 30, стр. 2а. «Иноземцы,— сообщается в „Сун ши“,— добыв монету, переплавляли ее и изготовляли из нее оружие» (СШ, гл. 198, стр. 1500).

мия защищала столицу молодого государства город Синцин, 50-тысячная армия обороняла другой важный в стратегическом отношении пункт страны Сипин (Линчжоу), еще одна 50-тысячная армия была расквартирована непосредственно в горах Хэланьшань. Остальные армии находились около наиболее уязвимых пунктов пограничных областей. На восточной границе у Ючжоу 50-тысячная армия была готова отразить нападение китайских войск со стороны пограничных китайских областей Фуянь, Линьчжоу и Фучжоу. В области Ганьчжоу была приведена в боевую готовность 30-тысячная армия на границе с Тибетом. К югу от реки Хуанхэ, в местности Байбаоань округа Хунчжоу, в Яньчжоу и в горных массивах Лоло, Тяньду и Вэйцин 50-тысячная армия могла отразить вторжение китайских войск из соседних сунских областей Хуаньчжоу, Цинчжоу и Чжэньжунцзюнь. На севере от реки Хуанхэ до гор Улэжошань 70-тысячная армия обороняла тангутско-киданьскую границу³⁵⁹.

В X в., когда старшины Тоба еще подчинялись Китаю, командование тангутскими войсками было организовано по китайскому образцу. За цзедуши следовали региональные командиры — цыши, которые также могли иметь войска. После утверждения сунской династии сунское правительство, стремясь покончить с сепаратистскими тенденциями местных военачальников, учредило должность тунпаня. Тунпани командовали войсками округа. Они набирали воинов, отправляли их в поход, назначали и смещали командиров. По-прежнему они были подчинены цзедуши.

Дэ-мин внес некоторые изменения в эту систему управления войсками: он учредил должность фаньюйши — комиссара по обороне округа. В 1036 г. Юань-хао разделил все войска на два фланга и для управления ими создал 12 военных округов — цзяньцзюньсы³⁶⁰: Цзосяншэнюн (в горах Тяньдушань), Шичжоусянью (в Шичжоу), Ючжоуцзянин (в Ючжоу), Вэйчжоуцзинсай (в Вэйчжоу), Сишоубаотай (в северной части гор Жоуланьшань), Чжолохэнань (на северном берегу реки Хуанхэ), Юсянчаошунь (в районе Митодун округа Сячжоу), Ганьчжоуганьсу (на территории существовавшего при династии Тан уезда Цэданьсянь), Гуачжоусипин (в Гуачжоу), Хэйшуйчжэньянь (в Хара-Хото), Бомаянчжэнь (в Яньчжоу) и Хэйшаньвэйфу (в древнем городе династии Хань Цзюйянь, к северо-востоку от Сяньдацзэ, на северо-западе территория округа примыкала к пустыне)³⁶¹.

В каждый военный округ назначался один командующий дунтунцзюнь, его помощник и цзяньцзюньши — комиссар-инспектор.

³⁵⁹ См. ССШЦ, гл. 12, стр. 116, 12а, 126; ССЦ, гл. 6, стр. 106, 11а, 116; СШ, гл. 485, стр. 3786. В комментарии к «Си Ся шу ши» детально указаны районы дислокации каждой армии.

³⁶⁰ В «Си Ся цзи ши бэнь мо» почему-то указано 18 военных округов (см. гл. 10, стр. 56).

³⁶¹ См. ССШЦ, гл. 12, стр. 76; ССЦ, гл. 6, стр. 13а—136; СШ, гл. 485, стр. 3786.

На все эти должности Юань-хао назначил своих родственников и старшин из сильных родов. На остальные армейские должности назначались и тангуты и китайцы ³⁶².

Кроме армий, расквартированных в 12 военных округах, в источниках упоминаются 100 тыс. (?) «ловчих» (циньшэн) и 25-тысячный корпус гарнизонных войск в главных городах страны — Синчжоу и Линчжоу. Для несения постоянной караульной службы во дворце были отобраны 5 тыс. лучших наездников и стрелков из лука. Караульная служба осуществлялась в шесть смен, и поэтому эти войска назывались «шесть смен караула» (любань). Со временем численность войск караульной службы возросла до 70 тыс. (?), они стали называться «шесть смен императорского караула» и делились на три очереди для охраны резиденции и государя ³⁶³. Четыре тангутских полководца: Чэнпу Кэчэн, Шанду Вочжа, Жудин Додо и Мадоу Вэйцзи были назначены главнокомандующими всей тангутской армией, пешей и конной ³⁶⁴. Назначение четырех главнокомандующих, возможно, предполагало деление всей армии по четырем странам света — на северную, южную, восточную и западную. Это тем более вероятно, что в тангутском «Табеле о рангах» упоминаются четыре вана — ван южного двора (нань юань ван), ван северного двора (бэй юань ван), ван западного двора (си юань ван) и ван восточного двора (дун юань ван) ³⁶⁵.

Тангутская армия имела свою, достаточно хорошо разработанную тактику ведения боя. Во время боевых действий тангуты строили много ложных укреплений, устраивали засады и стремились окружить противника. Определенный род войск тангуты использовали в зависимости от рельефа местности. В степных и равнинных районах основной ударной силой была конница. Особенно славилась конница из Пинся, которую китайцы, возможно с тангутских слов, называли «железными ястребами». Один из китайских полководцев так характеризовал ее боевые качества: «Путь в сто или в тысячу ли она всегда сможет преодолеть быстро и в срок, подобно удару молнии или полету тучи» ³⁶⁶.

Пехота использовалась особенно широко для ведения боя в горной местности. Особой известностью пользовались в тангутской армии пехотные части, набранные среди горных племен, которые китайцы называли «бубацзы» («ходящие пешком»). Солдаты войск бубацзы были отличными скалолазами и неутомимыми ходоками ³⁶⁷.

Начиная сражение, тангуты пускали вперед конницу, которая должна была прорвать строй противника. Конница шла в

³⁶² См. ССШЦ, гл. 12, стр. 8а.

³⁶³ СШ, гл. 485, стр. 3786.

³⁶⁴ См. там же.

³⁶⁵ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4170.

³⁶⁶ ССЦ, гл. 22, стр. 5а.

³⁶⁷ См. там же.

атаку плотным строем; все солдаты были привязаны к седлам, так что убитые не падали с коней, и мертвые вместе с живыми продолжали наступление. Как только строй противника был прорван и в его рядах наступало замешательство, начинала атаку тангутская пехота, прикрываемая с флангов конницей. Командующий войсками во время боя находился в тылу или же занимал высокое и малодоступное место близ расположения войск. Командиры отрядов наблюдали за ходом боя, находясь позади строя ³⁶⁸.

Тангутские войска предпочитали двигаться по долинам рек, приняв все меры боевого обеспечения: вперед высылался сильный авангард, а с флангов и в арьергарде выставлялись караулы. Продовольствия и фуража тангуты брали с собой не более чем на десять дней ³⁶⁹.

Наиболее успешно тангуты действовали в открытом поле, применяя свою конницу. Поэтому, когда в 1220 г. тангуты вели с китайцами переговоры о совместных действиях против чжурчженей, было решено, что «сунские войска будут штурмовать город, а тангутские действовать в поле» ³⁷⁰.

Если тангутам приходилось отступать под натиском более могущественного противника, то они обычно применяли тактику полного опустошения оставленной территории. Таким образом, армия противника оставалась без продовольствия и фуража, в ней начинался голод и мор скота. Тангутские войска наносили врагу мелкие, но болезненные удары, а когда он был окончательно измотан, переходили в решающее контр наступление. Такую тактику, как мы увидим, применил Юань-хао в войне против киданей в 1044 г., такую тактику тангуты использовали против неоднократных нашествий китайских войск. Не одна китайская армия бесславно погибла в горных теснинах, степях и пустынях страны тангутов. Если тангутская армия подвергалась нападению на марше, то войска, под прикрытием конницы, выстраивались в каре, а затем и окапывались, готовя более прочные позиции для обороны ³⁷¹.

Однако тангуты не выдерживали длительной осады городов. Особенно это проявилось во время монгольского нашествия. Хотя некоторые города защищались долго и упорно, хорошо организованной системы обороны у тангутов не было. Поэтому в 1225 г. один тангутский сановник писал в докладе императору, что главная задача тангутской армии — овладеть тактикой оборонительного боя ³⁷².

Стремясь овладеть городом или крепостью, тангуты обычно применяли тактику неожиданного удара. Если противник был

³⁶⁸ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 86; СШСГЧЦЧ, гл. 14, стр. 406,

³⁶⁹ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 76; ССЦ, гл. 6, стр. 13а, гл. 10, стр. 66

³⁷⁰ ССЦ, гл. 27, стр. 19а.

³⁷¹ См. там же, гл. 2, стр. 14а.

³⁷² См. там же, гл. 28, стр. 36.

слабо подготовлен, такая тактика была результативной. Если же противник выдерживал первый натиск, тогда тангуты переходили к инженерно организованной осаде с применением всех доступных им технических средств. Обычно они заваливали городские рвы, отрезали пути подвоза продовольствия, стремились сжечь городские ворота, устраивали подкопы и использовали специальные сооружения для подъема на стены осажденного города. Так, в 1098 г., при осаде города Пинся, тангуты построили высокие повозки, в каждую из которых помещалось по несколько сот солдат. Эти повозки медленно двигали под самые стены осажденного города. Уже были засыпаны рвы, и лишь начавшаяся внезапно буря спасла город от разгрома ³⁷³.

Для сигнализации тангуты днем пускали дым или поднимали пыль, а ночью зажигали сигнальные огни ³⁷⁴. Повседневная деятельность армии регламентировалась тангутским военным правом, в основу которого была положена идея строго дифференцированного поощрения и наказания за достаточно детально разработанные категории заслуг и провинностей.

По сохранившимся фрагментам «Яшмового зеркала управления» (тексты и оглавление), законом предусматривались награды для командира в тех случаях, когда командир лично убивал врага; лично убил врага, но его часть потерпела поражение; отличился в бою в том случае, когда противник был осведомлен о готовящемся нападении; участвовал в общем наступлении на противника, в результате которого армия противника была разгромлена; его частью были захвачены военнопленные, скот и имущество противника; победа была одержана именно его частью (при этом законом предусматривались такие ситуации, когда помощник заменял командира, было налицо перепоручение командования, командир и его помощник каждый в отдельности, не завися друг от друга, командовали войсками в бою).

Награды командиру предусматривались также за пробитие бреш в стене осажденного города, за хорошее знание местности, за поимку вражеского шпиона, за пленение командира китайских войск местной обороны (туаньяня), за захват китайского чиновника высокого ранга (цзуньгуаня), за поимку китайского чиновника из свиты знатного лица (цунгуаня), китайцев «низких званий», «знатных киданей» и знатных людей «других противников», за оборону тыла разбитой и отступающей армии. Лица, «не состоящие на службе в армии», также награждались за пленение «знатного китайца».

Среди трофеев первостепенное значение имели люди, лошади, доспехи, знамена, барабаны, гонги. Законом предусматривалась прямая количественная зависимость между численностью трофеев и размером наград.

---

³⁷³ См. там же, гл. 21, стр. 86—9а.

³⁷⁴ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 76.

Командиров чаще всего награждали повышением в ранге, серебряной или золотой чашей, комплектом одежды, поясом с различными украшениями, чаем и шелком. Для старших командиров и командиров крупных войсковых частей помимо перечисленного предусматривалось награждение особым украшением на пояс, седлом, отделанным серебром, конской сбруей, отделанной серебром.

Размер награды зависел от звания командира. «Полному командующему: если сразится с противником и своею собственной рукой убьет одного человека и больше, то по существующему правилу получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 лан серебра, чаю и шелку по сто [единиц]. Помощникам командующего: если убьет одного человека и больше, то по существующему правилу получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 20 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 лан серебра, чаю и шелку по пятьдесят [единиц]»³⁷⁵.

Размер награды зависел также от занимаемой должности. «Если совершенно нападение на территорию противника и проверкой точно установлено, что разрушены дома, армия противника отступила и среди возвратившихся участников сражения есть те, кто разбил вражескую армию и вернул наш скот и людей, попавших в руки врага, или там, где находились командиры, армия противника вторглась на нашу территорию и в руки противника попали скот, люди, доспехи, кони, знамена, барабаны, гонги, и [все] возвращено, а армия противника разбита, и будет производиться определение наград и наказаний, то за выдающиеся заслуги имеющие должность ниже сотника наград не получают. От сотника и выше до командира полутысячи получают повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 лан серебра, чаю и шелку по 50 [единиц]; от полутысячника до тысячника — повышение на два ранга, чашу [стоимостью] в 40 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 6 лан серебра, чаю и шелку по 100 [единиц]; от тысячника до полуторатысячника — повышение на три ранга, чашу [стоимостью] в 50 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 7 лан серебра, чаю и шелку по 150 [единиц]; от полуторатысячника до двухтысячника — повышение на четыре ранга, чашу [стоимостью] в 70 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 8 лан серебра, чаю и шелку по 220 [единиц]; от двухтысячника до двух с половиной тысячника — повышение на пять рангов, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 9 лан серебра, чаю и шелку по 300 [единиц]; от двух с половиной ты-

³⁷⁵ «Яшмовое зеркало управления», гл. 2, — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 2616, стр. 56; № 4183, стр. 7а; № 2618, стр. 76.

сячника до трехтысячника — повышение на шесть рангов, чашу стоимостью в 10 лан золота, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 10 лан серебра, чаю и шелку по 400 [единиц]; от трехтысячника и выше — повышение на семь рангов, чашу стоимостью в 30 лан золота, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями, в том числе(?) (значение слова неизвестно.— *Е. К.*) на 7 лан золота, седло, отделанное серебром, конскую упряжь с серебряной (?) (значение слова неизвестно.— *Е. К.*), чаю и шелку по 800 [единиц]»³⁷⁶.

При перепоручении командования сумма награды делилась на пять частей, командир получал на одну часть больше, а помощнику оставалось две трети того, что получал командир³⁷⁷. Законом особо подчеркивается, что размер награды командира зависит от числа военнопленных, в том числе женщин и детей³⁷⁸.

Во фрагментах третьей главы «Яшмового зеркала управления» сохранились сведения о наказаниях, применявшихся в тангутской армии. Командиры подлежали наказанию за отступление без приказа, за неприбытие к месту сбора на рубеж совместной атаки, за неказание в бою помощи соседу, за гибель старшего командира в бою, за поражение, понесенное от контрудара противника, за невыполнение командиром данной лично ему боевой задачи, за потерю знамени и барабана, за приписки к числу захваченных трофеев, за произвольное увеличение числа убитых врагов или за покупку голов убитых противников и выдачу их купившим за убитых им лично врагов с целью получения награды.

Наказания зависели от воинского звания командира, которое часто определялось его социальным положением. Старшие командиры и их помощники: командующие, командиры марша и командиры пешего и конного строя, не подвергались телесным наказаниям и смертной казни. Судя по сохранившимся фрагментам законов, старшие командиры наказывались: арестом до вынесения решения вышестоящими инстанциями, лишением рангов, лишением должности, лишением права служить в армии, штрафом, уплачиваемым лошадьми, переводом в разряд низших чиновников. Командиры марша и командиры пешего и конного строя могли быть разжалованы в рядовые. На командующих это наказание не распространялось.

К младшим командирам, охране старших командиров применялись смертная казнь, битье палкой, наказание клейменем лица, пожизненной каторгой или каторжными работами на определенный срок.

Смертной казни подлежала охрана и младшие командиры за гибель старшего командира: «Когда погибнут командующий

³⁷⁶ Там же, № 2618, стр. 76—9а.

³⁷⁷ Там же, стр. 11а.

³⁷⁸ Там же.

или помощник командующего, то будут казнены четыре человека: командир охраны, направляющий, замыкающий и адъютант. Их сородичи должны быть переведены в [сословие] пастухов и земледельцев, а „лесные люди“ по закону наказываются двадцатью ударами палкой, клеймением лица и пожизненной каторгой. Их родственники не должны допускаться к службе в армии»³⁷⁹. Смертной казни за гибель командира подлежали также и те, кто не служил в регулярной армии, но сопровождал командира, а во время боя струсил, бросил командира и бежал³⁸⁰.

Мы видим, что тангутское военное законодательство признавало общесемейную ответственность за гибель командира. Общесемейная ответственность признавалась тангутским военным законодательством также за бегство командира с поля боя и гибель вследствие этого: «Если командующий, командир марша, командир строя и их помощники, а также направляющие, большие и малые, не выстоят в сражении с врагом и погибнут при бегстве с поля боя, то их сыновья и братья лишаются их рангов и должностей. [Последним] не разрешается получать награды и армейские ранги за наследственные заслуги. Но если в армии будут служить люди (родственники погибших.— *Е. К.*), твердые в исполнении воинского долга и они нанесут поражение противнику, первыми пробьют брешь в городской стене и разрушат стену, то они могут получать армейские ранги»³⁸¹. Данный параграф «Яшмового зеркала управления» связан с тангутским наследственным правом, согласно которому, как уже говорилось выше, должности в государственном аппарате Ся могли наследоваться сыновьями и внуками умерших чиновников³⁸².

Если тангутская армия терпела поражение, то ущерб обычно исчислялся количеством потерянных данным соединением лошадей. В зависимости от размера ущерба на командира накладывалось взыскание. Так, если потери составляли от трех до четырех десятых конского состава соединения, то командующий лишался пяти рангов и уплачивал штраф — семь коней, помощник командующего лишался трех рангов и уплачивал штраф — пять коней³⁸³.

Как мы видим, наказания, как и награды, устанавливались в зависимости от размеров понесенного ущерба и воинского звания командира. Последнее обстоятельство было оговорено особым параграфом закона³⁸⁴.

Одновременно закон предусматривал некоторые смягчающие вину обстоятельства. К ним относились трудность пути и плохая погода во время продвижения войск, упорное сопротивление

³⁷⁹ Там же, гл. 3, № 3481, стр. 136—14а.

³⁸⁰ Там же, стр. 14а.

³⁸¹ Там же, стр. 10а—10б.

³⁸² *Е. И. Кычанов, Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся, стр. 196.*

³⁸³ «Яшмовое зеркало управления», гл. 3, стр. 6а—6б.

³⁸⁴ Там же, стр. 7а.

противника. При потере знамени и барабана смягчающим вину обстоятельством служило то, что знамя или барабан не попали в руки противника, а были найдены своими солдатами. За потерю только дровка или только полотнища знамени наказание уменьшалось наполовину против обычного.

Законом предусматривались строгие наказания за так называемые легковесные головы — допущенные приписки числа лично убитых противников или перекупку голов убитых противников и выдачу их за добытые лично. В последнем случае наказывался не только тот, кто купил голову, но также и тот, кто ее продал. Человек, разоблачивший такую незаконную сделку, получал награду. Однако был установлен годичный срок разоблачения приписки, после которого претензии не принимались к рассмотрению ³⁸⁵.

«Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань» — первый известный нам по содержанию свод военных законов Си Ся. Источником тангутского военного права в том виде, в каком мы с ним познакомились, является закон. Думается, что это было не первое по времени тангутское военное законодательство. Еще в 1032 г. государь Юань-хао, желая покончить с племенной разобщенностью, ввел в Ся строгие военные законы, опираясь на которые и подчинил своей власти все племена ³⁸⁶. Источником законов, введенных Юань-хао, вероятно, во многом было еще обычное право тангутских племен.

Однако позднее на тангутское военное право оказали некоторое влияние китайские военные законы. В современном тангутскому государству китайском военном законодательстве были положения, с которыми мы встречаемся и в тангутских военных законах. Так, по китайским военным законам размер награды тоже зависел от воинского звания ³⁸⁷; предусматривалась общесемейная ответственность за капитуляцию без боя или предательство ³⁸⁸. Если погибал командир, то казнили его окружение (цин бин) ³⁸⁹, за потерю знамени и барабана или захват их противником казнили весь отряд ³⁹⁰.

Однако тангутские законы в целом не были похожи на китайские. Они отличались перечнем поступков, за которые следовало наказывать или награждать, и самым характером наград и наказаний. Китайские военные законы были более жестокими. Смертная казнь предусматривалась за большинство проступков, в том числе таких, как громкий разговор в военном лагере ³⁹¹,

---

³⁸⁵ Там же, стр. 16а.

³⁸⁶ СШ, гл. 485, стр. 3786.

³⁸⁷ Цзэн Гун-лян и др., *У цин цзун яо*, серия «Сыку цюаньшу», Пекин, 1934, гл. 14, стр. 76.

³⁸⁸ Там же, стр. 126.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же, стр. 13а.

³⁹¹ Там же, стр. 116.

присвоение головы противника, добытой другим³⁹² (за что по тангутскому законодательству виновного не приговаривали к смертной казни).

Важное различие имелось и в мерах поощрения. Если такие виды наград, как повышение в ранге, награждение шелком и вещами (кит.: «у»), совпадали и в том и в другом военном законодательстве, то тангутские военные законы не знали такого серьезного поощрительного стимула, как денежная награда. Это объяснялось спецификой тангутской экономики: в государстве Си Ся денежное хозяйство по-настоящему было, по видимому, налажено только в середине XII в.

Одновременно следует иметь в виду, что некоторые положения, общие для китайского и тангутского законодательств, возможно, объясняются не просто влиянием первого на второе, а сходством породивших их причин. Так, принцип общесемейной ответственности, сохранившийся в сунском военном законодательстве от законов древнего Китая, имелся и у других народов и являлся отражением обычного права. Наказание смертью за гибель командира (в далеком прошлом родового вождя) мы находим и у современников тангутов чжурчжэней в догосударственный период их истории³⁹³. В тангутском военном законодательстве одновременно наблюдаются элементы, свойственные праву других народов Центральной Азии, например обычай уплачивать штраф лошадьми, существовавший и в калмыцком праве³⁹⁴.

Как одну из характерных черт тангутских военных законов следует отметить их сравнительную, по тем временам, мягкость. Уже говорилось о том, что тангутские военные законы были мягче китайских. Мы не находим в тангутском военном законодательстве упоминаний о дифференцированной смертной казни. Следующие по степени суровости наказания — пожизненная каторга и каторга на определенный срок, клеймение лица или упоминаемое также наложение клейма за ухом, очевидно, были проявлением влияния китайского законодательства. При этом закон оговаривал, что срок каторжных работ мог быть сокращен, если наказанный впоследствии совершал какие-либо поступки, достойные поощрения³⁹⁵.

Тангутские военные законы имели ярко выраженный классовый и сословный характер. Они не знали принципа равной награды и равной ответственности за один и тот же поступок. Мы уже упоминали о том, что старшие командиры не приговаривались по закону к смертной казни (видимо, для этого требовалось решение двора или другой высокой инстанции) и не подвергались

---

³⁹² Там же, стр. 12а.

³⁹³ См. Е. И. Кычанов, *Чжурчжэни в XI веке*, — «Сибирский археологический сборник», Новосибирск, 1966, стр. 277.

³⁹⁴ В. А. Рязановский, *Обычное право монгольских племен*, ч. I—III, Харбин, 1924, стр. 119.

³⁹⁵ См. Тангутский фонд ЛО ИНА, № 2626, стр. 5а, оглавление к гл. 2.

телесным наказаниям. Так называемые лесные люди за все проступки наказывались битьем палкой и клеймением, а награждались лишь куском шелка. А возможно, и они не были рядовыми солдатами армии Си Ся. О наказаниях, которым подвергались солдаты, мы пока ничего не знаем.

Следует отметить и вещественно-конкретный характер тангутских наград: это чаши, одежда, чай, шелк, седла и т. п. И только украшения на пояс — серебряные и золотые — могут быть отнесены к числу наград-символов. Однако и они указаны в весовом исчислении.

«Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань» — ценный памятник тангутского военного права, который существенно дополняет наши сведения о тангутской армии.

О системе подготовки командиров и обучении войск сведений в источниках нет. Нам известно лишь, что в 1050 г. во время войны с киданями один из тангутских командиров был направлен в горы Хэланьшань, чтобы обучать там войска³⁹⁶. Нет сведений о снабжении армии. Солдаты, служившие в императорском карауле, ежемесячно получали по два даня риса³⁹⁷. Возможно, что часть солдат регулярной армии в мирное время обеспечивала себя сама. Так, упоминаются солдаты из гарнизона города Ючжоу, которые пасли коров и овец³⁹⁸. В 1003 г., при создании особых частей лучников, предполагалось, что в мирное время они будут заниматься обработкой земли³⁹⁹. В китайских источниках есть косвенные упоминания о существовании у тангутов системы военных поселений. В 1068 г. госян Лян Имай неоднократно пытался овладеть крепостью Ганьгу, расположенной к северу от китайского города Хуаньчжоу. Поскольку все нападения тангутов не принесли успеха, Имай собрал войска местного цзяньцзюньсы и устроил военные поселения в пограничном районе⁴⁰⁰.

Были случаи, когда военнообязанные уклонялись от несения военной службы. Так, в 1071 г. «на пункт сбора войск не явились занесенные в списки для набора в армию»⁴⁰¹.

Сложившаяся при Юань-хао военная организация тангутского государства с небольшими изменениями просуществовала до самой его гибели.

Созданная тангутами стройная система военной организации и разработанная ими тактика ведения боя были результатом успешного соединения старых боевых традиций тангутских племен и достижений китайской военной науки, от которой тангуты успешно заимствовали как практику ведения боя, в особенности

³⁹⁶ См. ССЦ, гл. 12, стр. 5б.

³⁹⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 378б.

³⁹⁸ См. ССЦ, гл. 12, стр. 8а.

³⁹⁹ См. там же, гл. 22, стр. 4б.

⁴⁰⁰ См. там же, гл. 14, стр. 4а.

⁴⁰¹ Там же, стр. 20а.

осадно-оборонительного, так и теорию военного дела. Тангуты переводили на родой язык китайские военные трактаты. В тангутском фонде ЛО ИНА в значительных по объему фрагментах сохранились тангутские переводы трактата Сунь-цзы с тремя комментариями — Цао Цао (династия Вэй), Лю Цюаня (династия Тан) и Ду Му (династия Тан)⁴⁰², военного трактата «Лю тао» («Шесть тактических искусств») без комментариев⁴⁰³ и «Хуан Ши-гун, сань люе» («Три тактики» Хуан Ши-гуна) с комментариями⁴⁰⁴.

Тангутская армия была одной из сильнейших армий в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в XI—XII вв. и по своим боевым качествам не уступала армиям Ляо, Цзинь и Сун⁴⁰⁵.

ПРИНЯТИЕ ЮАНЬ-ХАО ТИТУЛА ИМПЕРАТОРА

После первой серии реформ, осуществленных в 1033 г., Юань-хао в дипломатических документах, направляемых Сун и Ляо, продолжал признавать себя младшим. Но в своем государстве он был полноправным государем, власть которого была равной власти китайского и киданьского императоров. В церемониале, одежде, организации дворцовой охраны и многом другом при тангутском дворе подражали правилам, принятым при сунском и киданьском дворах. Приближенные советовали Юань-хао покончить с формальным признанием зависимости и для начала принять свой девиз лет правления. Один из китайских чиновников на тангутской службе, Ян Шоу-су, обратился к Юань-хао с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Правитель мудрый и могущественный, обладающий заслугами, добродетелью и величием, управляя своими подданными, обязательно должен учредить девиз лет правления, чтобы тем самым показать обновление. Государи [Си Ся] из поколения в поколение управляли обширными территориями, пользуясь при летосчислении старыми китайскими девизами правления. Этим может довольствоваться только тигренок!»⁴⁰⁶. Юань-хао уже был готов к решительным действиям. В 1034 г. он объявил своим девизом правления Кайюнь и провел амнистию в стране⁴⁰⁷. Это был первый крупный внешнеполитический акт на пути к официальному принятию Юань-хао императорского титула.

Первые же реформы Юань-хао вызвали недовольство некоторых старшин, приверженцев старых порядков. В том же 1034 г.

⁴⁰² Тангутский фонд ЛО ИНА, № 5759, 771—773, 943.

⁴⁰³ Там же, № 139—142, 768, 769.

⁴⁰⁴ Там же, № 5578, 715, 716.

⁴⁰⁵ По свидетельству Цзэн Гуна, Юань-хао «сам говорил, что земли его обширны, а войска сильные. Поэтому он и осмеливается совершать самоуправства и мятежи» (ЛПЦ, гл. 20, стр. 7а).

⁴⁰⁶ ССШШ, гл. II, стр. 136.

⁴⁰⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

родственник Юань-хао по материнской линии Шаньси организовал заговор против молодого государя. Заговорщики боялись открытого разрыва с Китаем. Однако заговор был раскрыт. Юань-хао жестоко расправился с заговорщиками. Шаньси был немедленно казнен, а свою мать, которая поддерживала заговорщиков, Юань-хао приказал отравить. Остальные заговорщики и родственники Шаньси были утоплены⁴⁰⁸. Император объявил императрицей свою неродную мать Эцзан Цюйхуай⁴⁰⁹.

Напряженная политическая обстановка, в которой Юань-хао приходилось проводить свои реформы, обусловила жестокость, с которой он расправлялся со своими политическими противниками. Трагическая гибель матери Юань-хао вызвала недовольство его жены, происходившей из той же семьи Вэйму. Поддерживаемая родственниками, она пыталась вмешиваться в государственные дела. Разгневанный Юань-хао казнил всех ее родственников, а жену, поскольку она была беременной, заточил в уединенном дворце. Здесь она родила сына. Родственники другой жены Юань-хао (из рода Ели) распустили слух, будто ребенок не похож на Юань-хао. Юань-хао поверил слуху и казнил жену и новорожденного сына⁴¹⁰. Поступок старшин дома Ели свидетельствует о борьбе за власть среди сильных дансянских родов при дворе. Впоследствии эта борьба между отдельными группировками стала более ожесточенной и привела к внутреннему ослаблению государства Си Ся.

30-е годы XI в. с полным правом можно считать годами формирования тангутского государства. Именно в эти годы правления Юань-хао сложился тангутский государственный аппарат, была создана и введена в употребление тангутская письменность, учреждены школы, определилась система военной организации.

В 1037 г. Юань-хао ввел придворные обряды и музыку⁴¹¹. Теперь ему оставалось сделать еще один шаг на пути официального оформления независимости тангутского государства, шаг, который уже был подготовлен его отцом и дедом, — открыто принять императорский титул. Дед Юань-хао Цзи-цян посмертно получил от сына Дэ-мина императорский титул. Сам Дэ-мин, имея свидетельства на титул вана из Китая и от киданьского двора, в пределах своей страны правил как император. Юань-хао, окрыленный внутривнутриполитическими и международными успехами, решил открыто принять императорский титул.

Осенью 1038 г. Юань-хао велел соорудить алтарь у южной стены своей столицы и 10 ноября торжественно принял императорский титул⁴¹². При этом он сменил девиз лет правления Да-

⁴⁰⁸ См. ЧБ, гл. 115, стр. 15а; ССШЛ, стр. 3; ССШЦ, гл. 11, стр. 136; ССЦ, гл. 6, стр. 6б.

⁴⁰⁹ См. ЧБ, гл. 115, стр. 15а; ССЦ, гл. 6, стр. 7а.

⁴¹⁰ См. ССШЦ, гл. 12, стр. 16—2а.

⁴¹¹ См. там же, стр. 13а—13б.

⁴¹² См. СШ, гл. 485, стр. 3786; ССШЛ, стр. 3; ССШЦ, гл. 12, стр. 176; ЧБ, гл. 122, стр. 10б.

цин (1036—1038) на Тянь шоу ли фа янь цзо и дал посмертные императорские титулы Цзи-цяню и Дэ-мину. После этого он назначил высших чиновников и отправился в Лянчжоу на поклонение духам⁴¹³.

К новому году все признававшие себя зависимыми обязаны были присылать к сунскому двору послов с дарами. Юань-хао решил такого посольства не посылать⁴¹⁴. Таким образом, он решил на открытый разрыв с Китаем.

Вместо подарков к новому году Юань-хао в первом месяце (27 декабря 1038 г.— 25 января 1039 г.) 1039 г. отправил к сунскому двору посольство с письмом, в котором сообщал о принятии им императорского титула. В письме говорилось:

«Мои предки происходят из императорского рода. Когда власть династии Восточная Цзинь клонилась к упадку, они положили начало династии Хоу Вэй. Мой предок Тоба Сы-гун оказал военную помощь династии Тан в последние годы ее существования, за что получил титул и был награжден правом носить фамилию танских императоров. Дед мой, Тоба Цзи-цянь, сердцем знавший все нужды военного дела и владевший мандатом неба, поднял знамя справедливости и покорил все племена. Постепенно были завоеваны расположенные рядом с рекой Хуанхэ пять областей и один за другим присоединены семь расположенных вдоль границ округов. Отец мой, Тоба Дэ-мин, наследовав владения предков, усердно исполнял приказы (Вашего) двора и добился того, что положение дома Тоба действительно стало отвечать носимому его представителями титулу ванов. Он постоянно заботился о расширении небольшого владения, которое получил от своих предков.

Я неожиданно из запутанных узоров создал малое фаньское (тангутское) письмо, заменил одежды и головные уборы Великой Хань (т. е. заменил китайские на тангутские.— Е. К.). Как только были введены новая одежда, (новое) письмо, обряды и музыка, а ритуальные сосуды были готовы к употреблению, то сразу Туфань (тибетцы), Тата (татары)⁴¹⁵, Чжанье и Цзяохэ⁴¹⁶— все подчинились мне. Они были недовольны, когда я называл себя ваном, и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и требовали, чтобы мой титул соответствовал моему положению. И я выразил желание, чтобы на этих окраинных землях была создана

⁴¹³ См. ССШЛ, стр. 3; СШ, гл. 485, стр. 3786; ССШШ, гл. 12, стр. 176. Есть сведения, что, став императором, Юань-хао ввел тангутский календарь (ССШШ, гл. 18, стр. 4а).

⁴¹⁴ См. ССЦ, л. 6, стр. 12а.

⁴¹⁵ Татары были соседями тангутов на протяжении всей северной границы Ся (см. старинную карту XI в.). В тангутском государстве татары проживали в северных степях Ганьсу и в горах Алашань (см. В. Ögel, *Ein Tor nach China in 10 Jhd.*, S. 170).

⁴¹⁶ Чжанье — ганьжоуские или кара-мурэн уйгуры. Цзяохэ — уйгуры Турфана (Синьцзян).

империя. Но в назначенный срок я еще раз отказался спешить с этим делом. Однако они снова принуждали меня, и ничего не оставалось, как занять этот высокий пост и тем самым удовлетворить их желание.

Поэтому в одиннадцатый день десятого месяца (10 ноября 1038 г.) в пригороде был сооружен алтарь, совершены обряды и я стал называться Ши цзу ши вэнь бэнь у син фа цзян ли жэнь сяо хуанди — „основоположником династии, изобретателем письма, полководцем, учредителем законов и церемониала, чело­веколюбивым и отцепотительным императором“. Государство мое названо Да Ся (Великим Ся) года правления Тянь шоу ли фа янь цзо (да пребудут вечно дарованные небом церемонии и законы).

Я покорно ожидаю, Ваше Величество, что Вы, мудрый, щедрый и милостивый человек, позволите в Западных землях, на окраине Вашего государства, считаться мне государем, обращенным лицом к югу (императором.— Е. К.). Я же постараюсь всеми силами поддерживать между нами самую искреннюю любовь и дружбу. Рыба ли поплывет, дикий гусь ли полетит, всякий раз поручу им передать весточку в соседнее государство. И до тех пор, пока будут существовать небо и земля, я вечно буду стараться предотвращать всякие беспорядки на границах.

Искренне Ваш и почтительно жду Вашего решения.

Чтобы известить Вас, почтительно посылаю к Вам Нуше Эци Нисымэна Вопулина и Цзивэй Яйнай» 417.

Письмо настолько ошеломило сунских чиновников, что они долго не могли решить, как им поступить с тангутскими послами. Одни предлагали казнить их незамедлительно, другие — отослать обратно. Наконец, решением шумиюань тангутских послов возвратили обратно 418. Сунский император приказал лишить Юань-хао всех должностей и титулов, пожалованных Сун, вычеркнуть его имя из списка подданных и немедленно прекратить торговлю с Си Ся. На границе было введено военное положение и объявлено, что если кто-нибудь сумеет схватить Юань-хао и доставить его живым ко двору или же хотя бы представить его голову, то получит должность цзедуши армии Диннань (т. е. все владения тангутов в Ордосе) 419.

В ответ на это Юань-хао прислал посла с оскорбительным для сунского императора письмом и всеми ранее пожалованными ему сунским двором регалиями и жалованными грамотами 420.

Дипломатические отношения между Сун и Си Ся были прерваны. Обе стороны начали активную подготовку к войне.

417 СШ, гл. 485, стр. 3786—3787.

418 ЧБ, гл. 123, стр. 2а—2б; ССЦ, гл. 7, стр. 2а.

419 См. СШ, гл. 485, стр. 3787; ЛПЦ, гл. 20, стр. 5б.

420 ССЦ, гл. 7, стр. 8б.

Г Л А В А IV

ПОЛИТИКА ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЮАНЬ-ХАО

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА КУКУНОРСКИЕ СТЕПИ

Годы правления Юань-хао были наполнены постоянными войнами с соседями. Это были годы непрерывного роста тангутского государства, укрепления его военной мощи. Тангуты вели наступательные войны (против уйгуров и тибетцев), и оборонительные (против киданей), и войны, в которых сочетались грабительские набеги тангутов на китайские границы с тяжелыми оборонительными боями против нашествия китайских армий.

В первые годы правления Юань-хао были победоносно завершены многолетние войны тангутов с уйгурами. Мы уже говорили о том, что в 1028 г. тангутская армия, предводительствуемая Юань-хао, овладела Лянчжоу и Ганьчжоу, а в 1036 г. Юань-хао совершил новый поход на запад и захватил области Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. С 1035 г. тангуты вели постоянные войны с тибетцами, а в 1040 г. началась четырехлетняя китайско-тангутская война.

Тангутско-тибетская вражда, возникшая еще в конце X в. и стоившая жизни основателю тангутского государства Цзичяню, в 1035 г. вспыхнула с новой силой. В первой четверти XI в. значительно усилились восточные тибетские племена. После разгрома тангутами Фаньлочжи и захвата ими Лянчжоу политический центр объединения восточнотибетских племен переместился на юг, в район озера Кукунор. Объединение племен происходило под руководством энергичного и талантливого тибетского вождя Цзюесыло¹. Цзюесыло — потомок тибетских королей, родился в:

¹ Монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн отождествляет Цзюесыло с легендарным Гэсэром, героем народного эпоса, широко известного в Центральной Азии. В эпосе рассказывается о войне Гэсэра с королем страны Сатам, при этом некоторые детали описания битвы, в частности о нападении армии Гэсэра на войска страны Сатам при переправе через реку, совпадают с эпизодами тангутско-тибетской войны 1035 г. Страну Сатам Ц. Дамдинсурэн

Гаочане и 12-летним мальчиком был привезен в Цинтан (Синин), где вскоре стал главой местных тибетских племен. Цзюесыло имел титул Сяса цзяньпу, что, вероятно, соответствовало тибетскому титулу *btsang-po* — король². В китайских источниках названо подлинное имя Цзюесыло — Цинань линвэнь³. Цзюесыло, очевидно, было одним из его титулов. В «Сун ши» сообщается, что в переводе на китайский язык «„Цзюе“ значило Будда, а „сыло“ — сын»⁴. Таким образом, титул Цзюесыло означал «сын Будды» и, по мнению китайских авторов, соответствовал титулу императора⁵.

Управляемая Цзюесыло территория простиралась на юго-восток от города Цзунгэ на 915 ли, на северо-восток до Лянчжоу на 500 ли, на северо-запад до Ганьчжоу на 500 ли, на восток до Ланьчжоу на 300 ли и на юг до Хэчжоу на 400 ли⁶. После захвата Юань-хао Лянчжоу многие тибетские племена ушли из этой области к Цзюесыло. Подчинились ему и некоторые уйгурские племена. Объединение тибетских племен под властью Цзюесыло становилось серьезной угрозой для тангутов с тыла⁷.

Тангуты и тибетцы имели большую общую границу. Район озера Кукунор с богатыми пастбищами и плодородными землями у Синина привлекал внимание тангутов.

В 1032 г. Цзюесыло вступил в тесный контакт с китайским двором и получил звание цзедуши. Это очень обеспокоило Юань-хао. Он принял решение внезапным ударом если не сокрушить, то ослабить своего противника. В 1035 г. 25-тысячная тангутская армия под командованием Сунура вторглась во владения Цзюесыло. Тибетцы разгромили тангутские войска, а Сунур был взят в плен. Тогда Юань-хао сам возглавил армию и осадил тибетский город Маонючэн. Месячная осада не увенчалась успехом для тангутов. Тогда Юань-хао прибегнул к хитрости. Он вступил в переговоры о мире и добился того, что тибетцы открыли городские ворота. Тангутская конница ворвалась в город и истребила все население. После этого тангуты осадили города Цинтан (Синин),

отождествляет с Си Ся, считая это слово производным от тибетских слов «Са» (Ся) — «земля» и «тан» — «степь». (Сатам — степная страна) (Ц. Дамдинсурэн, *Исторические корни Гэсэриады*, стр. 210). Однако Р. А. Штейн оспаривает эту точку зрения Ц. Дамдинсурэна. События, связанные с жизнью Гэсэра, на основании исследований им хроники У далай-ламы он относит приблизительно к 1370—1430 гг. Р. А. Stein, *Une source ancienne pour L'histoire de l'épopée tibétaine le Rlans Po ti bse ru*, — JA, 1962, t. CCL, fasc. 1, pp. 77—102). Следовательно, отождествление упоминаемой в эпосе страны Сатам с Си Ся пока является спорным.

² См. ССЦШБМ, гл. 8, стр. 1а.

³ См. СШ, гл. 492, стр. 3837.

⁴ Там же.

⁵ См. ССЦШБМ, гл. 8, стр. 1а.

⁶ СШ, гл. 492, стр. 3838. С запада на восток владения Цзюесыло простирались более чем на 2000 ли (ССЦШБМ, гл. 8, стр. 1а).

⁷ Цзюесыло и его сына Дунчжэня китайские историки считали «безусловными соперниками военной мощи государства Си Ся» (СШ, гл. 485, стр. 3783; ССЦШ, стр. 3).

Аньэр (между Синином и Няньбо), Цзунгэ и Дайсинлин⁸. По сведениям Чжан Цзяня, именно воспользовавшись победами над тибетцами, Юань-хао захватил в 1036 г. Гуачжоу и Ша-чжоу⁹. Но победа нелегко досталась тангутам. Тангутские войска, далеко углубившись во владения Цзюесыло, оторвались от своей базы. Тибетскому полководцу Аньцзыло удалось отрезать тангутские войска от территории Си Ся. Почти год Юань-хао вел борьбу с Аньцзыло и разгромил его армию¹⁰. Затем Юань-хао начал военные действия на западе против уйгуров, оставив часть своих войск для продолжения борьбы с тибетцами. Осажденный тангутами, Цзюесыло укрылся в Шаньчжоу, куда ему доставляли сведения о передвижении тангутских войск. Переправляясь через реку Цзунгэ, тангуты отметили вехами места, где можно перейти вброд. Тибетцы, заметив это, переставили вехи на глубокие места и внезапно атаковали тангутов. Тангуты решили временно отступить за реку и попали в расставленную Цзюесыло ловушку. Большая часть солдат или утонула, или попала в плен. Тангуты, понеся огромные потери, сняли осаду с городов Цзюесыло и отступили¹¹.

Возвратившись из похода на запад, Юань-хао решил совершить нападение на племена, жившие поблизости от южных границ Си Ся. Подчинение этих племен сильно затруднило бы связи Цзюесыло с сунским двором. Тангуты напали на цянов, проживавших в районе Ланьчжоу. Захватив их земли, они построили здесь крепости и разместили в них свои гарнизоны. Таким образом тибетцы потеряли удобный путь связи с Китаем¹².

1036 год принес Цзюесыло большие неудачи. К постоянной угрозе нападения извне добавились внутренние неурядицы в семье самого Цзюесыло и в среде тибетской знати, приведшие к отпадению некоторых областей из-под власти Цзюесыло. Цзюесыло имел несколько сыновей от разных жен. От первого брака с дочерью влиятельного тибетского сановника Ли Ли-цзуня у него было два сына — Сячжань и Мачжаньцзюе. Третий его сын — Дунчжань был от киданьской принцессы.

Когда Ли Ли-цзунь умер, его дочь была отправлена в монастырь, а ее многочисленная родня попала в немилость. Подстрекаемый родственниками по матери, старший сын Цзюесыло Сячжань похитил мать из монастыря и бежал с нею и многочисленной родней в город Хэчжоу к китайской границе. Мачжаньцзюе перебрался на реку Мяочуань. Оба сына заняли по отношению к отцу враждебную позицию и переманивали на свою сторону из Цинтана родственников и сторонников. Все попытки Цзюесыло добиться примирения оказались напрасными.

⁸ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

⁹ См. ССЦШБМ, гл. 8, стр. 2а.

¹⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 3786.

¹¹ См. там же, гл. 492, стр. 3838.

¹² См. там же, гл. 485, стр. 3788; ССЦШБМ, гл. 8, стр. 2б; ССЦ, гл. 6, стр. 136—14а.

Узнав о случившемся, Юань-хао послал к обоим сыновьям Цзюесыло своих людей с дорогими подарками. Посланцы Юань-хао уговаривали тибетских старшин подчиниться власти тангутского государя. Один из знатных старшин, Шэнцюаньлун, вместе с 10 тыс. своих подданных восстал против Цзюесыло и подчинился Юань-хао. Союз их был скреплен брачными узами. Эти события вынудили Цзюесыло переселиться в западный район своих владений, в Лицзин¹³. Постоянные контакты Цзюесыло с Китаем были прерваны, угроза нападения на Си Ся с тыла временно ликвидирована. В 1038 г. к Цзюесыло прибыл китайский посол Лу Цзин и предложил ему начать войну с Юань-хао¹⁴.

Исполняя желание сунского двора, Цзюесыло в начале 1039 г. напал на Лянчжоу. Тангуты были осведомлены о готовящемся нападении и не дали застать себя врасплох. Тибетцам удалось лишь убить несколько десятков тангутских дозорных, и они вынуждены были возвратиться обратно. Они распустили слух, что скоро предпримут новый поход¹⁵.

Начиная войну с Си Ся, сунский двор обсуждал вопрос о том, не предложить ли Цзюесыло владения Юань-хао, если он поможет китайцам разгромить тангутов. «Покончив с одним Юань-хао,— заявил сановник Чэн Линь,— мы лишь приобретем другого... Но если добиться, чтобы между цянами не было согласия, разве это не будет выгодно для Китая?»¹⁶. Совет принял решение не обещать Цзюесыло владений Юань-хао.

Во второй половине 1039 г. при дворе был разработан новый проект нападения на Юань-хао с участием Цзюесыло. Предполагалось, что одновременно выступят тибетские войска и восстанут зависимые от Юань-хао племена цзанцалэ (жили в округе Фынчжоу, на северо-западной окраине Ордоса). Однако план этот осуществлен не был¹⁷. Цзюесыло так и не удалось добиться согласия со своими сыновьями. Оба они стали независимыми правителями и создали свои армии и органы управления. В конце 1040 г. Мачжаньцзюе вызвался захватить Лянчжоу. Китайский посол прибыл в Мяочуань (современный уезд Нянбо) и предложил Цзюесыло также участвовать в походе против тангутов¹⁸. Состоялся ли этот поход, неизвестно.

В первой половине 1042 г. Юань-хао разгромил старшего сына Цзюесыло — Сячжана. Сячжань, как и Мачжаньцзюе, перешел на сторону китайцев, напал на тангутский город Агань. Тангуты не только отразили его нападение, но и целиком разгромили армию Сячжана. Цзюесыло ничем не смог помочь сыну¹⁹.

¹³ См. ССЦ, гл. 6, стр. 14а; ССЦШБМ, гл. 8, стр. 16; ССШШ, гл. 12, стр. 26—9а; ЧБ, гл. 119, стр. 17а.

¹⁴ СШ, гл. 492, стр. 3838.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ССЦШБМ, гл. 8, стр. 26.

¹⁷ ЧБ, гл. 124, стр. 26—3а; ССЦ, гл. 7, стр. 6а—6б.

¹⁸ См. ЧБ, гл. 127, стр. 26; ССШШ, гл. 14, стр. 1а; СШ, гл. 10, стр. 112.

¹⁹ См. ЧБ, гл. 123, стр. 9а; ССЦ, гл. 9, стр. 2а.

На этом тангутско-тибетские войны прекратились на довольно длительный срок.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1040—1044 гг.

После вступления Юань-хао на престол тангуты начали совершать мелкие нападения на китайскую границу. Молодой тангутский государь решил испытать силу своего оружия и проверить одновременно боевую готовность китайских пограничных крепостей.

В юные годы Юань-хао любил ездить по пограничным рынкам, прислушиваться к разговорам. Он интересовался китайскими пограничными управлениями, знакомился с устройством китайских крепостей, военной техникой, жизнью солдат. Став государем, он постоянно засылал шпионов на пограничные рынки, и тангутский двор был хорошо осведомлен обо всем, что происходит в Китае. Это вызвало беспокойство китайских пограничных чиновников. В начале 1034 г. один из них, Хань И, отправился ко двору с просьбой издать указ, разрешающий тангутам прибывать только в отведенные им подворья²⁰.

В 1034—1035 гг. между Си Ся и Сун произошло несколько пограничных инцидентов. Со второй половины 1035 г. тангуты, занятые войной с тибетцами и уйгурами, а также реформами внутри страны, не тревожили китайских границ.

В начале 1038 г., готовясь к принятию императорского титула и понимая, что это неминуемо приведет к войне, Юань-хао решил разведать состояние боевой готовности китайских войск в пограничных областях. С этой целью он снарядил большое посольство с дарами в знаменитые буддийские храмы в горах Утайшань. Сунские власти согласились пропустить тангутское посольство, разрешили ему пользоваться в дороге подворьями и выделили для сопровождения тангутов специального чиновника²¹.

Как только посольство возвратилось, Юань-хао собрал совет племенных старшин. Каждый из собравшихся надрезал себе руку, смешал кровь с вином и выпил эту смесь из чаш, сделанных из черепов. Совет принял тайное решение о том, что тангутские войска нападут на китайскую границу в трех направлениях на участке между городами Фучжоу и Яньчжоу (Яньань)²², т. е. на том участке, который в случае успеха открывал наиболее удобный путь к Центральной китайской равнине. Старшины, высказавшиеся против нападения на Китай, были тут же убиты. Удалось бежать в Яньчжоу лишь дяде Юань-хао по отцу Шаньюю, активному стороннику продолжения политики Дэ-мина. Местные китайские власти, не желая нарушать тангутско-китай-

²⁰ СШ, гл. 315, стр. 2683.

²¹ СШ, гл. 485, стр. 3786; ЧБ, гл. 121, стр. 1а; ССЦ, гл. 6, стр. 17а.

²² СШ, гл. 485, стр. 3786; ЧБ, гл. 122, стр. 8б; ССЦ, гл. 6, стр. 18а.

ский договор 1006 г., обратились с запросом ко двору, как им поступить, и двор приказал выдать Шаньюя. Шаньюй, члены его семьи и его сподвижники, закованные в кандалы, были переданы тангутскому конвою. Юань-хао еще раз собрал старшин и публично казнил своего дядю вместе со всеми его родственниками. Таким образом он продемонстрировал силу своей деспотической власти. А колебавшиеся старшины поняли, что отныне им небезопасно искать убежище в Китае²³.

Начиная с 1039 г. мирные отношения Си Ся с Китаем были прерваны. Обе стороны активно готовились к войне. Сунское правительство начало спешную концентрацию войск на своих северо-западных границах. Чтобы предотвратить могущие возникнуть у киданей подозрения, будто китайские войска предназначены для нападения на Ляо, сунский двор послал к ним посольство с известием «о мятеже Юань-хао» (т. е. о принятии им императорского титула)²⁴.

Все сведения о подготовке Китая к войне Юань-хао получал через своих шпионов. На их содержание он не жалел денег, которые не пропадали даром. Среди подкупленных тангутами людей были и видные китайские чиновники. В 1039 г. на рыночной площади столицы Сун был казнен управляющий крупнейшим сунским пограничным округом Хуаньчжоу Лю Ци-чэ, уличенный в шпионаже²⁵.

В течение 1039 г. обе стороны так и не решились на открытые военные действия. Они лишь усиленно готовились к войне, составляя планы предстоящих боевых операций, разрабатывая стратегию и тактику предстоящей борьбы.

Любопытным памятником этого подготовительного периода является план сунского чиновника Лю Пина, проявившего великолепное знание реальной обстановки. Лю Пин предложил очень разумный план действий:

«Если бы сам Юань-хао,— писал Лю Пин,— не смог занять престол, то какой-нибудь другой старшина заменил бы его. Если он на западе помирится с Цзюесыло, а на севере договорится с киданями, то как можно будет предотвратить его нападение?»

Сейчас положение Юань-хао непрочно. Если, воспользовавшись моментом, рассредоточить по двум дорогам войска четырех областей — Фуянь, Хуаньцин, Цзиньюань и Циньлун, и пополнить их иноземными (фаньскими) и китайскими лучниками, а также отборными воинскими частями, то получится 200-тысячная армия, превосходящая в три раза войска Юань-хао. Следует также подвезти продовольствие на 200 ли, и не пройдет одного месяца, как можно будет захватить пограничные горные окру-

²³ См. ССШЦ, гл. 12, стр. 15а—16б.

²⁴ ССЦ, гл. 7, стр. 6а.

²⁵ См. там же, стр. 6б.

га Хуачжоу, Ючжоу и другие, собрать старшин и, припугнув их, назначить каждого на службу в должностях фаньюйши и ниже, цыши и выше, пожаловать им платье, назначить жалованье, одарить шелком. Кроме того, из местных людей выделить командиров. Храбрые заинтересованы в жалованье, а богатые в спокойствии для своих семей. Не пройдет месяца, как сердца людей сами собой успокоятся. Тогда можно будет послать гонца и назначить Цзюесыло цзедуши Лингю. Удравшие за реку (Хуанхэ.— *Е. К.*) роды из-за тяжелого положения Юань-хао снова возвратятся в Линьфу и Шичжоу.

Иноземные и китайские пехотные и кавалерийские части возьмут под свой контроль племена Хэси (район к западу от Хуанхэ.— *Е. К.*), соберут старшин и уведут их от соплеменников. Вслед за ними (иноземными и китайскими войсками.— *Е. К.*) послать большую армию [против тангутов]. Ему (Юань-хао.— *Е. К.*) будет не до разбоя. При этом в округах Лин, Ся, Суй, Инь не производят пяти сортов хлеба. Тамошние жители не привыкли к трудностям — каждый год необходимое количество продовольствия доставлялось из округов Хунчжоу и Ючжоу. А хунчжоуские и ючжоуские цяны сильны и храбры, они хорошие воины и тангуты (ся жэнь) полагаются на них и считают их своими близкими. Если мы заполучим этих цянов и сделаем горы границей, то сможем с высоты гор смотреть на пустыню и, создав крепостей, расположив там войска, будем защищать этот важный стратегический район. Планы двора строятся без учета этих обстоятельств, а борьба за округа Лин, Ся, Суй, Инь, которая продлится несколько лет и будет вестись старыми войсками, потребует чрезмерных затрат и принесет Китаю одни несчастья. Такие мелкие, подлые, разбойничьи замыслы являются преступлением со стороны чиновников. Некоторые из придворных сейчас прощают преступления Юань-хао или, запасаясь еще большим терпением, не заботятся о войсках. Перевозки возросли. Расходы стали огромными. Юань-хао тайно вступил в союз с киданями. Если они объединятся против нас, то мы в одном теле не сможем лечить сразу две болезни. Необходимо вылечить вначале легкую (тангуты.— *Е. К.*), а потом приниматься за тяжелую (кидане.— *Е. К.*). Зачем уменьшать количество войск (на границе с Си Ся.— *Е. К.*), создавать достаточную армию в Хэбэй (в районе китайско-киданьской границы.— *Е. К.*). Прошу созвать пограничных чиновников и командующих войсками двух департаментов и выработать план (действий)»²⁶.

План Лю Пина был рассчитан на расчленение Си Ся, на использование стремлений отдельных старшинских группировок к миру, рассчитан на разжигание племенной розни. Предложение Лю Пина было оставлено двором без ответа.

Некоторые чиновники предлагали заключить союз с западными

---

²⁶ СШ, гл. 325, стр. 2747.

ми соседями Си Ся и применить старую тактику «разгрома варваров руками варваров»²⁷.

Снова начались разговоры о восстановлении союза Сун, уйгуров и тибетцев против тангутов. Однако реальность этого союза была поколеблена мечом трех поколений тангутских государей, подчинивших своей власти уйгуров Ганьчжоу и заперших Цзюэсыло в горах у озера Кукунор.

В 1040 г. китайцы начали военные действия на южной границе Си Ся с Китаем в районе современных городов Яньань, Циньян, Хуаньцин. Китайские войска напали на тангутскую крепость Хоуцзяо и овладели ею. Тангутские войска, в свою очередь, вторглись в пределы сунской территории, захватили крепость Цзиньминчжай, разрушили крепости Аньюань и Саймынь и осадили Яньчжоу. Осада Яньчжоу длилась неделю. Маленький гарнизон города героически защищался. На восьмой день осады выпал обильный снег. Тангутская конница лишилась подножного корма, и тангуты отступили²⁸. Одновременно тангутские отряды совершили грабительские налеты на расположенную к северо-востоку от Яньчжоу область Фучжоу²⁹.

Большие хлопоты доставляли китайцам шпионы. В столице Сун — Кайфэне был объявлен указ, обещающий за поимку тангутского шпиона высокое денежное вознаграждение. Укрывавшие тангутских шпионов подвергались строгому наказанию — главу семьи казнили, а членов его семьи отправляли в ссылку. Пограничным войскам было категорически приказано не принимать перебежчиков³⁰.

Юань-хао, по-видимому, сознавал всю тяжесть войны с Китаем и стремился к одной цели — добиться признания его прав на императорский титул. Поэтому уже в первой половине 1040 г. он отправляет к сунскому двору своего посла Мэйин Доци для ведения переговоров о мире. Китайцы согласились принять посла, если он выполнит церемониал, предписанный послу вассального государя³¹. Тангуты на это не согласились, поскольку Юань-хао боролся за право называться независимым государем.

В седьмом месяце (11 августа — 9 сентября) 1040 г. сунский двор направил к киданям посла с сообщением о начале военных действий против Юань-хао (китайцы опасались нападения киданей, благосклонно относившихся к тангутам)³².

Между тем война продолжалась. Тангуты удачно устроили для китайских войск ловушку в Сяньчуанькоу и взяли в плен не-

---

²⁷ ЧБ, гл. 126, стр. 17а; ССЦ, гл. 7, стр. 186.

²⁸ См. СШ, гл. 295, стр. 2550; гл. 485, стр. 3787.

²⁹ См. там же, гл. 265, стр. 2343.

³⁰ См. ЧБ, гл. 126, стр. 6а; ССЦ, гл. 7, стр. 176, 18а, 22а—22б.

³¹ См. ЧБ, гл. 126, стр. 1а; ССЦ, гл. 7, стр. 17а.

³² См. ЧБ, гл. 128, стр. 4а; ССЦ, гл. 7, стр. 23а.

сколько китайских полководцев, в том числе и Лю Пина³³, автора известного проекта уничтожения Си Ся.

В свою очередь, китайским войскам удалось овладеть тангутским городом Бобао и разграбить его. Отряд тангутов пытался перехватить возвращавшуюся с победой колонну китайских войск, но попал в засаду и был рассеян³⁴.

Потеряв крепости Аньюань и Саймынь, китайцы в конце 1040 г. начали строительство новой крепости в 200 ли к северу от Яньчжоу. К концу года крепость была построена и названа Цинцзянь³⁵.

А тангуты в это время сконцентрировали большую группу войск на восточной границе Си Ся, по соседству с китайской областью Линьфу. Особенно сильный гарнизон был размещен в местечке Мито. Тангуты открыли здесь железоделательные мастерские. Помимо добычи и обработки железной руды тут же было организовано производство оружия и доспехов. Все это беспокоило китайское командование. На Сячжоу, к востоку от которого находились железоделательные мастерские, были направлены значительные воинские силы. Тангуты оказывали отчаянное сопротивление. В этих боях особенно отличились горные племена Хэншаня. Наступление сунских войск захлебнулось. Разрушив несколько пограничных крепостей, они возвратились³⁶.

Таким образом, первый год активных боевых действий между Си Ся и Сун не принес успеха ни той ни другой стороне. И китайцы и тангуты с переменным успехом вели бои за пограничные крепости, не давая генеральных сражений, не рискуя засылать войска внутрь территории противника. Тангуты не теряли надежды на мирные переговоры. В 1040 г. в Китай прибыл представитель киданей Ду Фан, предложивший сунам заключить мир с Си Ся на условии возвращения каждой из воюющих сторон захваченных ею территорий³⁷. Соглашение не было достигнуто.

Первый месяц зимы нового, 1041 г. не принес никаких изменений. Китайские войска отсиживались в крепостях, тангуты не нападали на них. Китайский командующий Фань Чжун-янь говорил: «За стенами крепостей стоят большие холода. [Враги] не придут. Подождем весны, узнаем, когда у мятежников отощат

---

³³ См. СШ, гл. 485, стр. 3787. В «Си Ся цзи» упоминается, что после пленения Лю Пина тангуты заключили с тибетцами секретное соглашение о том, что последние не окажут Китаю помощи в войне с Си Ся (см. ССЦ, гл. 7, стр. 23а—23б).

³⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3787; гл. 325, стр. 2749.

³⁵ См. там же, гл. 335, стр. 2831.

³⁶ См. ЧБ, гл. 129, стр. 11а; ССЦ, гл. 7, стр. 26а—27а.

³⁷ См. ЛШ, гл. 86, стр. 366. Вряд ли здесь мы имеем дело с личной инициативой киданей. Последние скорее были заинтересованы во взаимном ослаблении противников и, вероятно, действовали по настоянию тангутов, с которыми были в достаточно дружественных отношениях и которых рассматривали в какой-то степени как союзника против врага № 1 — Сун.

лошади, а люди начнут голодать. Вот тогда-то и настанет такой момент, когда их можно будет легко подчинить»³⁸.

Тангуты же не стали ждать разгара весны. В марте 1041 г. их армия перешла южную границу Си Ся, вторглась в китайский округ Вэйчжоу и направилась к важному стратегическому пункту китайцев в этом районе, к городу Хуайюань (в горах Люпаньшань, южнее современного Циньъян). Китайская армия, возглавляемая Хань Ци, расположилась к северо-западу от Хуайюань, чтобы помешать тангутам обойти с тыла Яньчжоу. Но тангуты продолжали двигаться на юг и грозили вторгнуться в долину реки Вэй. Сунские войска начали их преследование. Колонна войск, возглавляемая Сан И, заметила у дороги посеребренные ящики, в которых что-то шевелилось. Сан И заподозрил недоброе и остановил войска. Когда подошел другой отряд под командованием Жэнь Фу, ящики открыли. Из них вылетело более сотни домашних голубей со свистульками под крыльями. Голуби стали кружить над войсками. Внимание китайцев было отвлечено. И тут-то тангуты их атаковали. Бой длился до полудня. После полудня тангуты ввели оставленный в засаде резерв. Сунская армия была полностью разгромлена³⁹.

В это же самое время другая часть китайской армии штурмовала тангутские позиции у Чжанцзябао. Хорошо укрепленный лагерь тангутов оказался неприступным. К осажденным прибыло подкрепление. К вечеру восточный фланг китайской пехоты был сжат, и китайская армия побежала. Лишь глубокой ночью тангуты прекратили преследование и отвели войска. По данным «Сун ши», в этих боях китайцы потеряли более 300 тыс. человек⁴⁰.

Положение сунских войск было нелегким. Хань Ци докладывал двору: «Мои войска вновь потерпели поражение. Среди солдат царит уныние»⁴¹. На ведение войны не хватало средств. «А император Жэнь-цзун только и думал, что о своем вечернем столе»⁴².

И в это время Юань-хао вновь предложил начать переговоры о мире. Сунскому правительству ничего не оставалось, как согласиться. В письме тангутскому двору китайцы красочно описывали бедствия войны и все прелести мира. Основное требование, которое выдвигал сунский двор,— отказ Юань-хао от императорского титула: «Если названия вещей неправильны, то и слова не гладки,— говорилось в письме.— Если слова не гладки — дела не завершить. Великий Ван (т. е. Юань-хао.— *Е. К.*) постоянно жил в западных землях. Его одежда, головные уборы, язык — все соответствует обычаям его страны. И только его ти-

³⁸ СШ, гл. 314, стр. 2673—2674.

³⁹ См. СШ, гл. 485, стр. 3787.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ССЦ, гл. 8, стр. 16.

⁴² СШ, гл. 485, стр. 3787.

тул похож на титул сына Неба». Вместо императорского китайцы предлагали Юань-хао принять титул шаньюя, хана или какой-либо другой, больше соответствовавший обычаям его страны. Если не нравятся титулы шаньюя и хана, то и «в языке твоего собственного государства есть подходящие титулы», — писали китайцы. Суны сообщили тангутам, что их 400-тысячная армия начала наступление в пяти направлениях, и в случае заключения договора обещали Юань-хао ежегодную компенсацию и предлагали открыть торговлю с Си Ся⁴³.

Китайские парламентарии, доставившие это письмо, 40 дней оставались в Сячжоу. Юань-хао приказал Ели Ван-юну ответить на письмо и отпустить китайских парламентариев. Неизвестно, что ответили тангуты китайцам. Очевидно, «текст письма был непочтителен», и Фань Чжун-янь сжег его⁴⁴.

Летом 1041 г. китайские войска, возглавляемые Фань Чжун-янем, усмиряли цянские племена на территории Сун, которые помогали тангутам. В союзе с Юань-хао было более 600 цянских старшин⁴⁵. Их помощь, вероятно, сыграла немалую роль в успешном наступлении тангутов весной 1041 г.

Сунский командующий Ся Сун объявил высокую награду за голову Юань-хао. На этот раз голова тангутского государя была оценена в 500 тыс. связок монет и титул Сипин вана. Разгневанный Юань-хао подослал в резиденцию Ся Суна, город Фучжоу, своего человека, который подбросил на местном рынке корзинку для кормления шелковичных червей. К корзинке было прикреплено объявление Юань-хао: «Кто доставит голову Ся Суна, получит две связки монет». Слух об этом быстро распространился по всей округе. Ся Сун, искренне оскорбленный тем, что враг так низко оценил его голову, стал всеобщим посмешищем⁴⁶.

В конце лета тангуты начали переговоры с киданями о совместном нападении на Сун. Было решено ждать зимы, а когда встанет Хуанхэ, киданьские войска форсируют ее по льду и атакуют западные районы Сун⁴⁷.

В связи с заключением такого соглашения осенью 1041 г. тангуты перенесли центр своего наступления с юга на восток. Они осадили города Фучжоу⁴⁸ и Фынчжоу. Вскоре Фынчжоу был взят, вслед за ним пала сунская крепость Нинюаньчжай. Тангуты препятствовали подвозу продовольствия в область Линьфу. В рядах китайцев царила растерянность. Полководец

⁴³ См. ЧБ, гл. 130, стр. 6а—10б; ССШЛ, стр. 4; ССЦ, гл. 8, стр. 2а—7а.

⁴⁴ ЧБ, гл. 131, стр. 19б; ССЦ, гл. 8, стр. 10а—10б.

⁴⁵ СШ, гл. 314, стр. 2674.

⁴⁶ ССЦ, гл. 8, стр. 11б—12а. В биографии Ся Суна (СШ, гл. 283, стр. 2469) сказано, что за голову Ся Суна Юань-хао назначил награду в 3 тыс. связок монет.

⁴⁷ См. ССЦ, гл. 8, стр. 16а; ЧБ, гл. 134, стр. 2б.

⁴⁸ При осаде Фучжоу тангуты перерезали систему водоснабжения города. Лишь после того как часть гарнизона удачной вылазкой отбила тангутов и обеспечила подачу воды в город, тангуты отступили (ССЦ, гл. 8, стр. 13а).

Ян Цзе предлагал даже оставить все укрепления к западу от Хуанхэ и сосредоточить силы для обороны переправ через реку⁴⁹. К счастью для Сун, делать этого не пришлось. Китайские войска под командованием Чжан Кана, Чжао Чжэна и Гао Цзисюаня нанесли тангутам несколько ударов, и территории к западу от Хуанхэ были удержаны.

Стремясь сделать более гибким управление пограничными районами, осенью 1041 г. сунское правительство разделило пограничные с Си Ся районы Шэньси на четыре области: Циньфын, Цзиньюань, Хуаньцин и Фуянь. Во главе их были назначены Хань Ци, Ван Янь, Фань Чжун-янь и Пан Цзы.

Учитывая опыт понесенного летом поражения, Хань Ци обратился с письмом ко двору, прося увеличить численность войск на южной границе в округах Фучжоу, Циньчжоу и Вэйчжоу, в каждом на 30 тыс. человек, и поставить во главе их хороших боевых командиров. Он предлагал распределить часть отрядов по дальним заставам и, прочно удерживая их, наносить оттуда удары по врагу; во время затишья войскам указанных трех округов совершать вылазки на территорию Си Ся, чтобы грабить население, уничтожать рынки, переманивать в китайское подданство отдельные племена. Хань Ци считал, что такая тактика через 2—3 года обязательно принесет победу Китаю⁵⁰. В конце осени 1041 г. тангуты напали на Яньчжоу, но были отбиты войсками Пан Цзи⁵¹. Их нападения на пограничные крепости в округе Фучжоу и на город Дашунь также не увенчались успехом⁵².

Положение Си Ся было тяжелым. Засуха и грызуны уничтожили почти весь урожай 1041 г. Народ страдал от налогов и поборов, а средств для ведения войны все-таки не хватало. Недовольство войной все больше росло. По сведениям «Сун ши», «хотя Юань-хао и одерживал неоднократно победы, более половины его людей были или убиты, или ранены, или болели»⁵³. Все это вынуждало тангутское правительство думать о заключении мира. О мире подумывали и многие государственные деятели Сун⁵⁴.

В конце 1041 г. между воюющими сторонами снова начались переговоры о мире. Юань-хао отпустил находившегося у него в плену бывшего коменданта крепости Саймынь и предложил начать мирные переговоры. В ответе китайцев были изложены все преимущества мирного решения вопроса. С ответным письмом в Китай отправился полководец Ели Ван-юн⁵⁵. Но, по-видимому,

⁴⁹ СШ, гл. 485, стр. 3787.

⁵⁰ См. ССЦ, гл. 8, стр. 17а.

⁵¹ См. СШ, гл. 311, стр. 2652.

⁵² Там же, гл. 323, стр. 2735.

⁵³ Там же, гл. 485, стр. 3787, ССШЛ, стр. 5.

⁵⁴ Там же, гл. 318, стр. 2701.

⁵⁵ См там же, гл. 485, стр. 3787.

снова возник старый спор о титуле и церемониале. Китайцы сочли письмо тангутского двора оскорбительным, и переговоры были сорваны ⁵⁶.

Военные действия во время переговоров не прекращались. Китайцам удалось нанести тангутам несколько поражений и обезопасить движение по дороге из Фучжоу в Линьчжоу. Одновременно китайские пограничные власти провели широкую проверку лиц, перешедших на сторону Сун и ныне служивших в китайской армии, так как среди них оказалось много тангутских шпионов ⁵⁷.

В 1041 г. на тангутов с запада напали уйгуры. После разгрома тангутами ганьчжоуских уйгуров и присоединения их территории к Си Ся уйгурские племена в Ганьсу пришли в упадок. Они были вытеснены с удобных земель в горные районы Наньшана. Часть уйгуров ушла на запад, в нынешний Синьцзян.

Китайскому чиновнику Цао Цуну через посредство уйгурских купцов ⁵⁸ удалось установить связи с уйгурскими ханами. Сын бывшего шачжоуского хана возглавил уйгурскую армию и осадил Шачжоу. Города взять уйгурам не удалось. А вскоре тангуты подтянули к своим западным границам дополнительные силы и уйгуры вынуждены были снять осаду ⁵⁹.

Начало 1042 г. было трудным для Сун временем, и этим воспользовались кидане. Они объявили о готовящемся походе на Китай, а в Кайфын прибыл киданьский посол и потребовал от Сун уступить Ляо 10 пограничных уездов. Одновременно киданьский двор потребовал от сунского двора отчета в том, на каком основании Китай ведет войну с Си Ся. Китайские дипломаты приложили много усилий, чтобы ликвидировать нависшую над Сун угрозу войны на два фронта.

Кидане, разумеется, мало заботились об интересах тангутов. Более того, они всерьез и не решились бы начать войну с Китаем. Поэтому быстро была достигнута договоренность, согласно которой кидане прекращали свои территориальные притязания, а сунский двор увеличивал ежегодную контрибуцию Ляо на 100 тыс. связок монет и 100 тыс. кусков шелка ⁶⁰.

В начале 1042 г. китайский отряд под командованием Ван Чжун-бао и Ди Цина пять дней грабил округ Ючжоу. Несколько поражений нанес тангутам другой китайский полководец — Чжоу Мэй. Когда 40-тысячная тангутская армия вторглась в

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ См. ССЦ, гл. 8, стр. 186.

⁵⁸ Уйгуры торговали с Сун и Ляо. Путь купцов, торговавших с этими государствами, шел через территорию Си Ся, где их облагали пошлиной в размере $\frac{1}{10}$ стоимости товаров. Кроме того, тангутские чиновники и военачальники часто попросту обирали купцов, отнимая у них лучшие товары. Поэтому уйгуры с готовностью могли поддержать любую акцию против Си Ся.

⁵⁹ См. СШ, гл. 258, стр. 2292.

⁶⁰ ЛШ, гл. 19, стр. 77.

Яньчжоу, она была разбита войсками полководца Ма Хуай-дэ⁶¹. Пользуясь этими успехами, китайцы обнесли стеной город Дашунь (к северо-западу от Цинчжоу). Пытавшиеся помешать им тангутские войска были также отбиты⁶².

Но эти сражения не оказали решающего воздействия на ход войны. Тангуты начали новое наступление и разграбили территорию округа Вэйчжоу. По некоторым сведениям, во вторжении в Вэйчжоу участвовала 100-тысячная тангутская армия⁶³. Воспользовавшись старой тактикой киданей, тангуты объявили, что, если кто-нибудь из китайцев сумеет захватить город или крепость, пусть обороняет этот пункт местными силами и за это государь Си Ся объявит его правителем данной области⁶⁴.

Вторжение тангутов в Вэйчжоу было последним большим сражением в войне Си Ся с Сун. Вновь начались длительные переговоры о мире.

За год до переговоров 1042 г. (в конце 1041 г.) китайцы начали интриги против известного тангутского полководства Ели Ван-юна. Сунские чиновники написали ему письмо, уговаривая сдаться и обещая за это большую часть территории Си Ся и свидетельство на титул. Управляющий городом Цинцзянь Чжун Ши-хэн подослал к Ели Ван-юну некоего Ван Суна с письмом, спрятанным в восковую капсулу. В своем письме он советовал Ели Ван-юну поскорее сдаться, угрожая тем, что об этом письме станет известно Юань-хао и он заподозрит его в измене. При переходе через границу Ван Сун был схвачен тангутским дозором и привезен к Ван-юну. Ван-юн не придал найденному у Ван Суна письму никакого значения, а самого Ван Суна посадил в яму. Однако через своих лазутчиков китайцы добились того, что Юань-хао узнал о письме. Он потребовал доставить в столицу Ван Суна. Ели Ван-юн также был вызван ко двору.

Сохранилось интересное описание их поездки в столицу Ся. От границы до Синчжоу им потребовалось проделать путь в несколько сот ли. В Синчжоу они первоначально явились в шуми, а затем Ван Суна отправили в чжушу. Здесь его подвергли допросу, причем связали и сильно избили.

Ван Сун твердил одно — письмо предназначено самому Юань-хао и он не может показать его тангутским чиновникам. Тогда его вдруг перевели в другое место. Помещение было очень **просторное. Со стен свешивались пестрые бамбуковые занавески, отороченные по краям голубой бахромой.** Ван Сун понял, что попал в дом самого Юань-хао. Через некоторое время из-за занавески вышел человек и Ван Суна опять стали допрашивать, предупредив, что, если он не скажет правды, его казнят. Ван Сун стоял на своем, играя свою роль до конца. Человек приказал вы-

⁶¹ См. СШ, гл. 323, стр. 2735—2736.

⁶² См. там же, гл. 314, стр. 2674.

⁶³ Там же, гл. 326, стр. 2753.

⁶⁴ См. ССЦ, гл. 9, стр. 106—11а.

вести Ван Суна и немедленно казнить. Ван Сун понял, что долгожданный момент наступил. В дверях он громко закричал: «Командующий послал Суна тайно передать письмо князю Ели и строго наказал не выдавать секрета. Теперь ему нет никакой радости умирать понапрасну». Он снял монашескую рясу, достал тщательно спрятанное в складках одежды письмо и отдал его. Ван Суна накормили и приказали хорошо обращаться с ним. А в душу Юань-хао прочно закралось сомнение в преданности Ели Ван-юна⁶⁵.

В 1042 г. тангуты отпустили Ван Суна, и тот в сопровождении представителя тангутского двора Ли Вэнь-гуя прибыл в город Цзинцзянь. От имени тангутского двора Ли Вэнь-гуй заявил: «С тех пор, как идет война, мы постоянно испытываем трудности и недостатки. Чувства всех людей на стороне мира»⁶⁶. Китайские власти задержали Ли Вэнь-гуя под тем предлогом, что он «является гостем китайской армии»⁶⁷. Затем переговоры были возобновлены. Ли Вэнь-гуя отпустили обратно с официальным предложением о начале переговоров о мире. Перед его отъездом Пан Цзи имел с ним беседу, во время которой, в частности, говорил: «Наше государство богато, [оно] владеет Поднебесной и, хотя наши войска на флангах терпели небольшие поражения, дело никогда не доходило до большого разгрома. Если же Вы потерпите одно поражение, то [Вам] можно беспокоиться и о престоле»⁶⁸. И добавил, что китайское правительство согласно заключить мир на прежних условиях. Ли Вэнь-гуй смиренно склонил голову и ответил: «Это как раз те думы, которые дни и ночи думают люди запада»⁶⁹.

Пан Цзи несколько покривил душой, сообщив Ли Вэнь-гую, что двор готов заключить мир на прежних условиях. Сунский двор готов был пойти на большие уступки. В инструкции о ведении переговоров, полученной Пан Цзи, говорилось, что, если Юань-хао признает себя младшим, он может оставить себе императорский титул, а если Юань-хао откажется от титула хуанди и согласится называться шаньюем или ханом, то сунский двор увеличит подарки. Пан Цзи справедливо счел, что это большие уступки, и умолчал о решении двора. Через месяц Ли Вэнь-гуй возвратился в Китай в сопровождении Ели Ван-юна, его младшего брата Ван-мина и Вэймина Хуаньво — трех прославленных в спорах тангутов — для ведения переговоров. Но Юань-хао не пожелал отказаться от императорского титула. «Когда солнце достигло зенита, то оно по законам Неба движется только на запад,— говорили тангутские послы.— Разве может

⁶⁵ См. ССШЛ, стр. 5; СШ, гл. 485, стр. 3787; гл. 335, стр. 2813.

⁶⁶ СШ, гл. 485, стр. 3787.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ССЦ, гл. 9, стр. 126.

⁶⁹ Там же.

оно вопреки этим законам спуститься на востоке?»⁷⁰. Пан Цзи не уступал. Переговоры затянулись.

Пограничные власти рекомендовали тангутам обратиться непосредственно ко двору. Двор отказался принять тангутских послов и приказал Пан Цзи возобновить переговоры на границе⁷¹. Тангутские послы возвратились домой.

А вскоре Юань-хао, человек мнительный и жестокий, усомнился в верности Ели Ван-юна. После срыва переговоров Ели Ван-юн и его брат Ели Юй-ци были обвинены в государственной измене и казнены⁷².

Кидане были обеспокоены возможностью заключения мира между Си Ся и Сун. Они начали с тангутами переговоры о совместном нападении на Китай⁷³. Но вспыхнувшее вскоре после этого на территории Ляо восстание дансянских племен не только обострило отношения между странами и сорвало намечавшийся поход, но и в конце концов привело к тангутско-киданьской войне.

Казнив Ели Ван-юна и Ели Юй-ци, Юань-хао очень скоро понял, что допустил большую ошибку и лишил себя хороших советников и верных друзей. Страна была в тяжелом положении. «Народ роптал, ...торговля давно прекратилась, не было чая, одежды и шелк вздорожали»⁷⁴. Не оставалось ничего иного, как возобновить переговоры о мире. Тангутское посольство прибыло в Китай. На этот раз Юань-хао соглашался именоваться титулом «уцзу» (по-тангутски «император») ⁷⁵, в обращении к сунскому императору называть его отцом и императором Великой Сун, но не желал называться младшим (чэнь), а предлагал именовать его сыном⁷⁶. Китайцы долго не могли решиться, принять или отвергнуть предложение Юань-хао. Особенно смущал их необычный титул — «уцзу». Они понимали, что этот титул равнозначен титулу шаньюй или хан и означает по-тангутски «император», но уже очень тангутское «уцзу» походило на китайское «у цзу» («мой дед»). Знаменитый китайский ученый Оуян Сю с возмущением говорил: «„У“ значит „я“, „мой“, „цзу“ значит „дед“. Неужели какой-то иноземный мятежник является нашим дедом? Не знаю, кто осмелится открыть рот, чтобы сказать такое!»⁷⁷.

Другой китайский чиновник говорил: «Надменные и недоброжелательные намерения цянжунов достаточно очевидны. Если даже Юань-хао признает себя младшим, то в обращении к [на-

⁷⁰ СШ, гл. 485, стр. 3787.

⁷¹ См. там же.

⁷² МЦБТ, стр. 164.

⁷³ См. ЛШ, гл. 85, стр. 354.

⁷⁴ ЧБ, гл. 138, стр. 196; СШСГЧЦЧ, гл. 5, стр. 236; ССЦ, гл. 10, стр. 2а—2б.

⁷⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 49—50.

⁷⁶ ЛПЦ, гл. 20, стр. 6а.

⁷⁷ СШСГЧЦЧ, гл. 6, стр. 3б.

шему] императору он будет именовать себя „уцзу“—„нашим дедом“. Двор в жалованных ему грамотах и письмах также будет называть его „уцзу“. Как же все это согласовать между собой?»⁷⁸. Сунский двор решил, что тангуты преднамеренно оскорбили китайцев, и прервал переговоры.

И все-таки положение самого Китая было не настолько хорошим, чтобы он мог продолжать войну. В 1043 г. обе стороны ограничивались мелкими стычками. Из докладов пограничных чиновников явствует, что из 200-тысячной сунской армии, расквартированной в четырех пограничных с Си Ся областях, лишь половина была по-настоящему боеспособной. Кроме того, тангутские войска были более подвижны и тангутским командирам часто удавалось обеспечивать численное превосходство своих войск в бою. «Десять их солдат борются против одного нашего, а один наш против десяти тангутов»⁷⁹,— сообщал Ван Яо-чэнь. Китайские чиновники просили увеличить армию, а войск не было. Поэтому вместо увеличения армии сунский двор отправил в Си Ся посольство для ведения переговоров о мире. На этот раз сунцы согласились, чтобы Юань-хао называл себя государем государства Ся (Ся го чжу)⁸⁰. За это сунский двор соглашался выплачивать тангутам 100 тыс. кусков шелка и 30 тыс. цзинь чаю. Тангутские послы, прибывшие ко двору, должны были выполнять тот же церемониал, что и киданьские. В день рождения Юань-хао из Китая ему обязывались присылать подарки. Оба государства оставались в своих прежних границах⁸¹.

Юань-хао послал ответное посольство. Он соглашался признать себя младшим партнером сунского императора, принимал предложенные Сун условия мира, но просил еще открыть торговлю солью и позволить тангутам ежегодно продавать в Китай 100 тыс. дань соли⁸². Он хотел обменивать соль на чай и просил, кроме того, увеличить сумму ежегодных выплат. Однако приток дешевой тангутской соли уменьшил бы доходы государственной казны Сун. Кроме того, как отмечали китайские чиновники, ежегодная закупка в Си Ся 100 тыс. дань соли не только подорвала бы монополию, но принесла бы тангутам громадный доход. Получаемые тангутами из Китая суммы стали бы равны суммам, посылаемым сунскими киданям, а это сразу же испортило бы отношения Сун с Ляо⁸³. Поэтому китайцы не согласились принять условия тангутов.

Юань-хао решил шантажировать китайцев. Он обратился к киданям с просьбой объявить о походе на Сун. Отношения между Си Ся и Ляо оставляли желать лучшего, но кидане в это время

⁷⁸ ЧБ, гл. 142, стр. 136—14а.

⁷⁹ СШ, гл. 292, стр. 2528.

⁸⁰ См. там же, гл. 485, стр. 3787.

⁸¹ См. ССЦ, гл. 10, стр. 4а.

⁸² Один дань в XII в. был равен приблизительно 60 кг.

⁸³ См. СШ, гл. 295, стр. 2547.

снова обратились к Сун с территориальными притязаниями и поэтому были заинтересованы в распространении слухов о якобы готовящемся походе. На деле, конечно, они и не думали помогать Си Ся⁸⁴.

В январе 1044 г. тангуты снова отправили посольства в Китай. Юань-хао согласился признавать себя младшим и обозначил дату письма циклическими знаками, принятыми в Сун. Кроме того, он по-прежнему ставил условием мира разрешение на торговлю солью и просил увеличить ежегодные пожалования до 300 тыс.⁸⁵ На этот раз китайцы согласились открыть пограничные рынки и увеличить обещанную сумму ежегодных выплат на 50 тыс.⁸⁶. Ведя переговоры, тангуты отстраивали пограничные укрепления, возводили крепости и при этом частенько прихватывали китайские земли. Местные пограничные власти не решались чинить им препятствий, боясь возобновления войны. Тангутские отряды стали даже снова грабить пограничные районы округа Цинчжоу⁸⁷. Однако разразившаяся в это время киданьско-тангутская война потребовала от Си Ся немедленного заключения мира с Сун. Было уже не до торга; речь шла о судьбе тангутского государства.

В 1044 г. сунскому императору был представлен текст договора с Ся: «Уже семь лет как между [договаривающимися] сторонами нарушены мир и дружба. С сегодняшнего дня устанавливается клятвенный договор. Желательно хранить его в Минфу⁸⁸. Каждая сторона не возвращает взятых в плен до этого дня полководцев, офицеров и простых людей. Пограничных жителей, которые после заключения договора будут переходить границу, также не требовать обратно. В ближайшее время [тангуты] должны передать двору захваченные города и крепости. На древних китайских землях — Каолао, Ляньдао, Наньана и Чэнпина, а также в других пограничных районах, населенных и тангутами и китайцами, [тангутский двор] просит установить границы. В пределах своей территории каждой стороне позволяется строить города и крепости. Каждый год [Китай] представляет [тангутам] серебра, узорного шелка и чаю на 255 тыс. лан⁸⁹. [Тан-

⁸⁴ См. ССШШ, гл. 17, стр. 1а—1б.

⁸⁵ ССЦ, гл. 10, стр. 96; ЧБ, гл. 145, стр. 12а.

⁸⁶ ССШШ, гл. 17, стр. 7а. Имеется в виду общая сумма и денежных, и натуральных выплат, вероятно, в денежном исчислении.

⁸⁷ См. там же.

⁸⁸ Минфу 明府. Возможно, в тексте ошибка и имелось в виду 盟侯府 «хранилище клятвенных договоров».

⁸⁹ Суммы китайских выплат тангутам распределялись следующим образом: общий ежегодный взнос — шелка 130 тыс. кусков, серебра 50 тыс. лан, чаю 20 тыс. цзинь. К празднику неба — серебра 10 тыс. лан, шелка 10 тыс. кусков, чаю 5 тыс. цзинь. К новому году — серебра 5 тыс. лан, шелка 5 тыс. кусков, чаю — 5 тыс. цзинь. Во второй месяц зимы дарились одежды, серебра 5 тыс. лан, шелка 5 тыс. кусков. Ко дню рождения Юань-хао — серебра 2 тыс. лан, шелка 2 тыс. кусков, полотна на платье 1 тыс. кусков (СШСГЧЦ, гл. 6, стр. 2а). В сумме действительно получается 255 тыс. единиц в год.

гутский двор] просит, чтобы все это представлялось в твердо установленном количестве. Тангутская сторона не будет допускать оскорблений и просит обнаружить этот договор.

Она обязуется из поколения в поколение свято соблюдать его с тем, чтобы между Си Ся и Китаем вечно существовали отношения дружбы. Если же этот договор не будет соблюдаться тангутским государем или его родственниками или изменятся намерения его сановников, то пусть навечно прекратятся жертвоприношения в храме предков тангутских государей, а дети и внуки их будут бедствовать»⁹⁰.

Китайский двор ответил императорским указом:

«Мы владеем четырьмя морями (вселенной), обширной территорией в 10 тыс. ли, а земли Си Ся из века в век считались пожалованными. Теперь Вы сообщаете о преданности, раскаиваетесь в совершенных преступлениях и предлагаете договор верности, клянетесь солнцем, луной и духами в том, что и потомки Ваши не изменят этому договору. Неожиданные сердечные просьбы Ваши дошли до нас, и мы очень рады им. [Мы] снисходительно прочли присланный Вами договор и во всем согласны с его условиями»⁹¹.

Мирный договор был заключен.

Уже воевавшему с киданями, Юань-хао требовался срочный мир с Сун. Как только был получен ответ из Китая, он послал к сунскому двору посла, прося пожалования свидетельства на титул.

Несмотря на то что некоторые китайские чиновники советовали подождать и воспользоваться войной Си Ся и Ляо в интересах Сун, в декабре 1044 г.—январе 1045 г. из Китая выехало посольство для вручения Юань-хао свидетельства на титул и окончательного оформления договора. Послы вручили Юань-хао два полных комплекта одежды, золотой пояс, серебряную упряжь, 20 тыс. кусков шелка, 20 тыс. лан серебра и 30 тыс. цзинь чаю. Юань-хао получил свидетельство на титул, написанное черным лаком на 24 бамбуковых дощечках, укрепленных на парчовой подкладке, и позолоченную из серебра печать, текст которой гласил: «Печать государя государства Ся».

При заключении договора было особо подчеркнуто, что тангутский государь признает себя младшим по сравнению с императором Сун и принимает китайский календарь. Однако сунский император согласился, что в обращениях к государю Си Ся он не будет называть его по имени (так как это считалось унижительным), а тангутские послы будут пользоваться в Китае правительственными почтовыми станциями и получают право торговать. Во время торжественных встреч их будут принимать во флигеле (додянь). Для торговли тангутам были открыты рынки

⁹⁰ СШ, гл. 485, стр. 3787.

⁹¹ Там же, стр. 3787—3788.

в Баоаньцзюнь (современный Баоань) и в крепости Гаопин. Соль продавать в Китай запрещалось⁹². В договоре особо были оговорены торговые льготы правящего дома Ся⁹³.

Как выполняли китайцы все условия договора, мы не знаем. В китайских источниках сообщается лишь, что после заключения договора сунские послы обычно принимались в Ючжоу и не допускались в столицу Ся и другие большие города, а в своем государстве Юань-хао, как и прежде, звался императором⁹⁴.

Так закончилась эта война, одна из самых больших в серии тангутско-китайских войн, начатых еще Цзи-цзянем.

Каковы же были ее результаты?

В конечном итоге она была победоносной для тангутов. Кроме права торговать с Китаем они стали получать ежегодные выплаты, составлявшие весомую часть доходов Си Ся. Обе стороны оставались в прежних границах. Сунская империя оказалась не в состоянии справиться с тангутским государством. Но сунский Китай сумел сохранить свой престиж. Юань-хао в отношениях с Сун по-прежнему признавал себя младшим. И здесь он потерпел поражение. Он уступил. Тангуты, которые, не успев покончить с одной войной, оказались вовлеченными в другую, не менее опасную и изнурительную, со всех сторон окруженные врагами (уйгуры, тибетцы), смогли только активно защищаться. Много раз их войска одерживали победу, но ни разу не могли закрепить ее. Все их походы на китайскую территорию были набегами, ничего общего не имеющими с планомерным захватом и освоением территории противника. Возможно, тангуты и не стремились к этому, хорошо понимая фактическое превосходство сил китайской армии и свою экономическую заинтересованность в торговле и мире с Сун. Не случайно на протяжении всей войны они стремились к урегулированию конфликта мирным путем. Исход войны в равной мере был решен как на поле брани, так и в дипломатических спорах, которые часто лишь подкреплялись силой оружия. Надо отметить, что со стороны тангутов это была справедливая война за свою независимость. Она потребовала огромного напряжения всех сил молодого тангутского государства.

Война резко отрицательно сказалась на экономике Си Ся. Неокрепший хозяйственный организм тангутского государства, подорванный непосильной войной с Китаем, переросшей для него непосредственно в войну с Ляо, был сильно ослаблен. В последующие годы хозяйство Си Ся развивалось также в обстановке постоянных войн с Сун, Ляо, тибетцами и смогло окрепнуть только к середине XII в.

Отразилась эта война и на экономике Северной Сун. В результате увеличения налогового бремени и отрыва значительной части трудоспособного населения от производительного тру-

⁹² См. ЧБ, гл. 153, стр. 9а—10а; СШ, гл. 485, стр. 3788.

⁹³ См. ЛПЦ, гл. 20, стр. 6а; ССЦ, гл. 10, стр. 15б.

⁹⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3788.

да произошло заметное сокращение числа землевладельцев, основных налогоплательщиков⁹⁵. Это, несмотря на бурный рост населения (в 997 г. в Сун насчитывалось 4 514 257 семей, в 1063 г.—12 462 311 семей)⁹⁶, незамедлительно привело к резкому сокращению поступлений в казну, особенно с сельскохозяйственных районов. Так, если в 1021 г. поступления в казну составили 150 850 100 единиц, то в 1048 г. они упали в результате войны с Си Ся до 122 190 000 единиц⁹⁷, т. е. значительно сократились. При этом финансовые трудности Сун возросли в связи с необходимостью ежегодных выплат Ся. Вместе с выплатами Ляо ежегодная сумма китайских выплат составляла 755 000 единиц⁹⁸. Однако основная причина финансовых трудностей — увеличение расходов на армию. Военные расходы Северной Сун составили к середине XI в. 80% общей суммы всех расходов правительства⁹⁹, а численность армии возросла более чем в три раза (378 тыс. человек в 976 г., 1259 тыс. человек в 1041 г., в разгар войны с Си Ся)¹⁰⁰. И все-таки, несмотря на напряженное положение всей экономики страны, сунские войска не смогли одержать ни одной сколько-нибудь крупной победы. По суровой оценке Е. К. Кракке, в 1040—1041 гг. тангуты «оказались в состоянии разгромить несколько сунских армий и поставить нацию в критическое положение»¹⁰¹.

Именно в период войны Сун и Си Ся в жизни Китая остро проявились те затруднения, которые послужили через четверть века одной из причин реформ Ван Ань-ши. Это и было одним из важнейших последствий тангутско-китайской войны 1040—1044 гг. для Китая.

Очень верно отмечает Ван Чжун, что, хотя тангутское государство признавало себя зависимым вначале от Сун и Ляо, а затем от Сун и Цзинь, оно «тем не менее было в состоянии отразить внешние вторжения в пределы своих границ и сохранять фактическую независимость»¹⁰².

ПЕРВАЯ КИДАНЬСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА

Еще не успели тангуты заключить мир с Китаем, как были вынуждены начать войну со вторым своим могущественным соседом — киданями.

Во время войны между Си Ся и Сун киданьские послы, как вороны, перелетали из одного стана в другой, зная, что ослаб-

⁹⁵ Е. А. Кракке, *Civil Service in Early Sung China*, p. 10.

⁹⁶ Ibid., p. 15.

⁹⁷ Ibid., p. 17.

⁹⁸ О. Е. Reischauer, J. K. Fairbank, *East Asia, the Great Tradition*, London, 1960, p. 205.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Е. А. Кракке, *Civil Service in Early Sung China*, pp. 10—11.

¹⁰² Ван Чжун, *Лунь Си Ся ды синцы*, стр. 20.

ление обеих сторон — это их успех, их нажива. Однако нельзя не отметить, что главным своим врагом кидане считали сунский Китай и поэтому оказывали поддержку государству Си Ся.

Отношения Си Ся и Ляо в 1044 г. резко обострились. Мы уже отмечали, что в X в. дансянские племена распространились далеко на север и часть их стала затем проживать на территории Ляо. Большинство дансянских старшин из Ляо поддерживали связи с Си Ся и пользовались покровительством тангутских государей. Это вызывало недовольство киданей.

В начале 1044 г. восстало несколько проживавших в Ляо дансянских племен. Часть из них, как, например, 800 семейств рода Дайэр, перекочевали на территорию государства Си Ся. Преследовавшие дансянов киданьские войска неожиданно столкнулись с отрядом тангутской конницы, высланным Юань-хао на помощь восставшим. В пограничных инцидентах погибло несколько военачальников Ляо¹⁰³. Юань-хао, может быть, и не решился бы на конфликт с киданями, но он был очень недоволен тем, что они так и не начали войны с Сун, да еще, пользуясь случаем, сорвали с Китая дополнительные выплаты. В официальном заявлении Юань-хао оправдывал посылку войск тем, что кидане давно ведут подготовку к войне с Си Ся. Они посылают на границу войска, строят там крепости и укрепляют города. А это не могло не вызвать беспокойства тангутов. Все эти причины сами по себе еще не вызвали бы столкновения, но они явились причиной посылки тангутских войск на помощь дансянам и другим восставшим племенам.

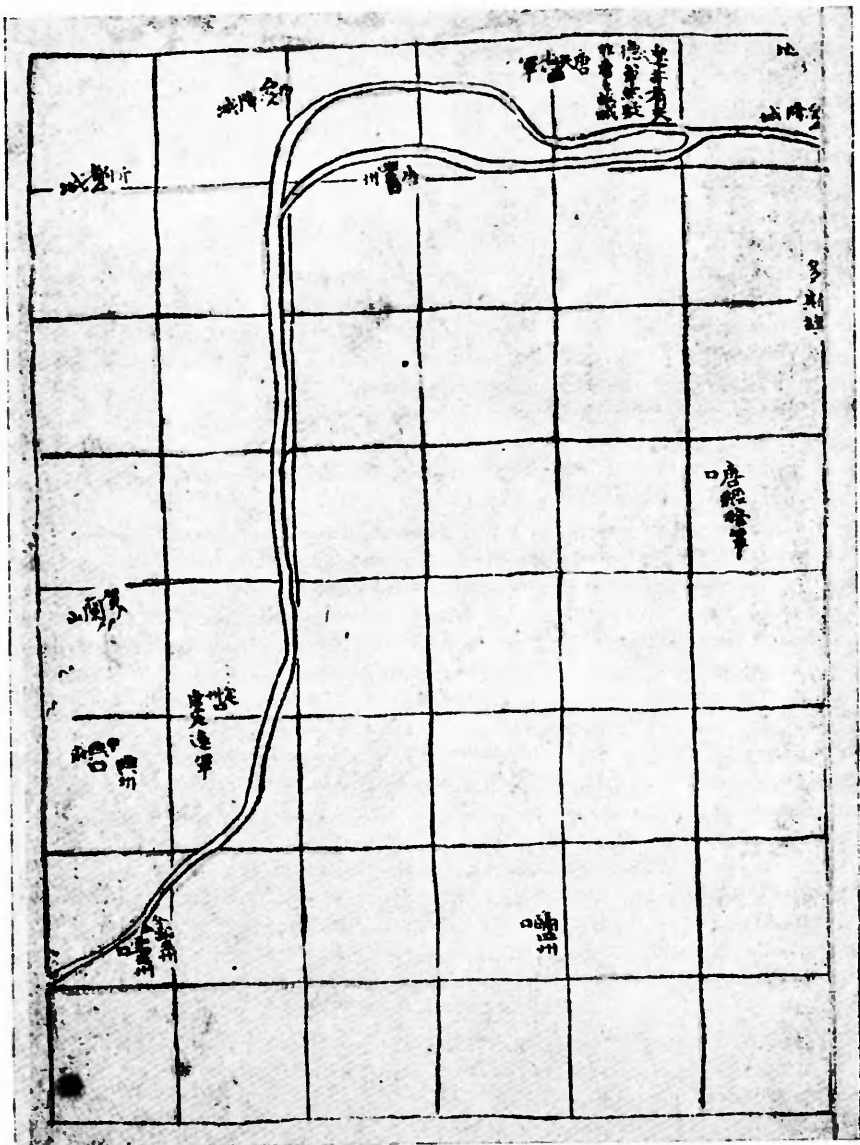
Защитив перешедших на территорию Си Ся дансян, тангуты не рассчитывали продолжать борьбу с Ляо. Когда в Синчжоу стало известно, что кидане собирают войска и готовят большой поход на Си Ся, Юань-хао сразу послал подарки киданьскому двору. Тангутский посол был арестован. Задержали и второго посла, прибывшего из Си Ся, чтобы узнать о причине ареста своего предшественника¹⁰⁴. Тангутские лазутчики, прибывшие до этого к проживающим в Ляо племенам цзубу (татарами), чтобы уговорить их выступить против киданей, были арестованы и переданы киданьским властям, причем старшины цзубу заявили о своей готовности помочь киданям в борьбе с Си Ся¹⁰⁵.

В десятом месяце (24 октября — 22 ноября) 1044 г. киданьская армия, переправившись через Хуанхэ, вторглась в пределы Си Ся по трем направлениям. 100-тысячной конницей цент-

¹⁰³ ЛШ, гл. 115, стр. 421; гл. 19, стр. 78; СШ, гл. 485, стр. 3788. В «Ляо ши ши и» сообщается: «Восстали племена Баоцзя в Сяншань на киданьской границе. Многие из них подчинились Юань-хао. Кидане обратились по этому случаю с запросом. Однако Юань-хао не отвечал и именовал себя „Западным двором“, а киданей называл „Северной границей“» (т. е. отзывался о них уничижительно, как о пограничных варварских племенах) (см. Ли Э, *Ляо ши ши и*, гл. 22, стр. 418).

¹⁰⁴ См. ЛШ, гл. 19, стр. 83.

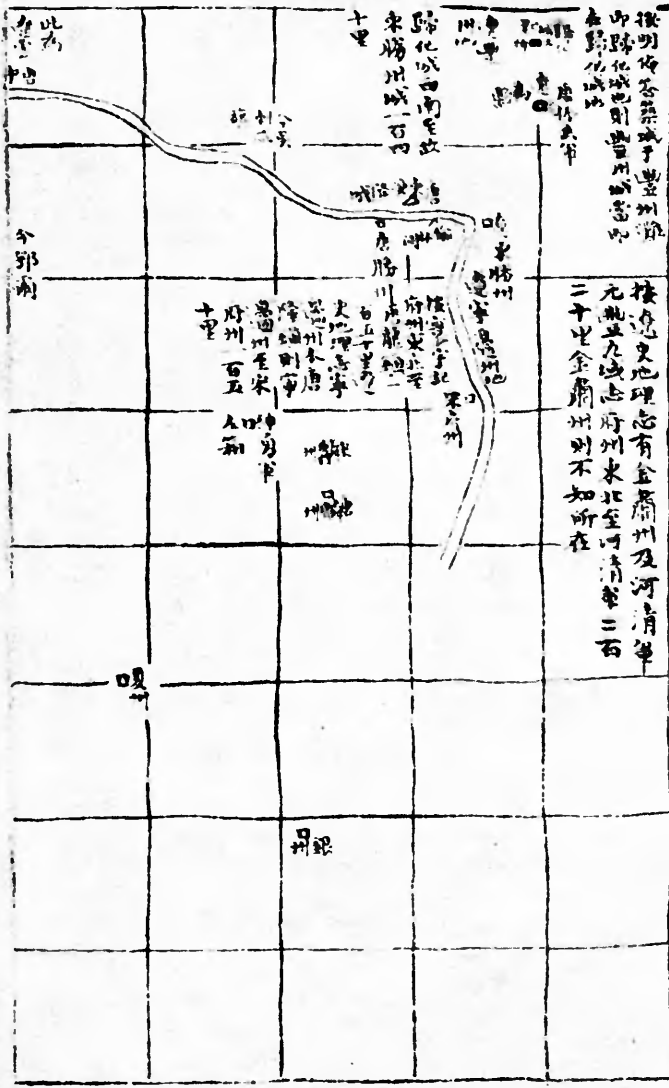
¹⁰⁵ См. там же.

ГРАНИЦЫ СИ СЯ С ГОСУДАРСТВОМ ЛЯО
 (левая половина)

夏東北與契丹接界圖

每方百里

ГРАНИЦЫ СИ СЯ С ГОСУДАРСТВОМ ЛЯО
(правая половина)

рального направления командовал сам киданьский император. Основные силы киданей выступили из города Цзиньсу¹⁰⁶.

К северу от главной колонны войск двигалась 60-тысячная армия Ханьго вана, а с юга — армия Тяньци вана, младшего брата императора Ляо. Тангуты не принимали боя. Их отряды отступали, опустошая покидаемую территорию.

В столицу Сун прибыло киданьское посольство. На этот раз кидане просили о небольшом — они хотели, чтобы Китай не заключал мира с Си Ся. Усиление киданей за счет Си Ся было совершенно невыгодно Сун. И китайский двор без долгих колебаний направил в Си Ся посольство для ускорения переговоров о мире.

В это время киданьская армия продвинулась в глубь территории Си Ся более чем на 200 км, так и не встретив основных сил тангутов. Это беспокоило киданьских полководцев, опасавшихся внезапного нападения. Основная армия Ляо разбила лагерь у монастыря Шэнсы. Из Ляо продолжали прибывать дополнительные отряды. Тангутские гонцы, высланные Юань-хао для согласования действий дансянских племен, проживавших в Ляо, с войсками Си Ся, были схвачены киданьскими разъездами и расстреляны из луков.

Наконец, незначительные силы тангутов произвели разведку боем. Завязалась упорная битва. Тангуты не смогли устоять и отступили¹⁰⁷.

В Си Ся отлично понимали, что страна истощена только что кончившейся войной с Сун, армия утомлена и трудно рассчитывать на успех в борьбе с более сильным противником. Юань-хао отправил письмо императору Ляо и просил решить спор мирно. Думается, что это не был просто тактический прием. Тангуты искренне желали прекращения войны. Недоверчивый государь Ляо направил в Си Ся гонца, чтобы тот лично убедился в правдивости тангутов. Было решено, что тангуты отведут свои войска на 10 ли и выдадут киданям мятежных дансянских старшин. В киданьский лагерь прибыло тангутское посольство с дарами¹⁰⁸. Затем туда приехал сам Юань-хао со старшинами трех мятежных племен. Император Ляо устроил в честь Юань-хао прием, а в знак клятвы о мире торжественно была сломана стрела¹⁰⁹. Вскоре тангуты возвратились в свой лагерь и всем уже казалось, что мир будет заключен.

Однако большая группа киданьских сановников во главе с Сяо Хоем считала, что кидане должны продолжать военные

---

¹⁰⁶ Город Цзиньсу указан на карте провинции Шэнсьи эпохи Сун. Он был расположен к северу от Хуанхэ и к западу от Фынчжоу (см. «Шэнсьи тунджи...», гл. 2, таблицы и карты).

¹⁰⁷ См. СШ, гл. 485, стр. 3788.

¹⁰⁸ См. ЛШ, гл. 19, стр. 78; гл. 115, стр. 421.

¹⁰⁹ См. там же, гл. 19, стр. 78; ССЦ, гл. 10, стр. 14а—14б.

действия и разгромить противника. Им удалось повлиять на императора. Тот заколебался, и мир не был заключен.

Не получив твердого ответа, Юань-хао отвел свои войска на 30 ли и стал ждать. Напряженное ожидание длилось довольно долго. Три раза тангутская армия меняла свои позиции, опустошая покидаемую территорию. Таким образом тангуты отступили на 100 ли.

Нерешительность киданей стала для них роковой. Наступила зима. Армия голодала. Начался падеж лошадей. Кидане уже были готовы заключить мир, но теперь Юань-хао намеренно затягивал время, изматывая киданьские войска. Тангуты стали нападать на киданьские отряды. Все это вынудило киданей наконец начать военные действия. Киданьская армия атаковала лагерь тангутов. На этот раз тангуты приняли бой. Ряды тангутской пехоты, прикрываемые конницей, стойко отражали натиск киданей. Тогда Сяо Хой именно на тангутскую конницу обрушил всю мощь удара киданьской армии и рассеял ее. Часть тангутской армии попала в окружение. Окруженным тангутам ценой тяжелых потерь удалось прорвать вражеское кольцо. С той и другой стороны в бой были введены все имеющиеся в наличии войска. Внезапно поднялся ветер. Тучи песка слепили солдат. И в этот момент дрогнули и смешались ряды киданей. Тангутская армия смяла киданьские полки, и началось жестокое избиение бегущей киданьской армии. Затем тангуты атаковали ставку императора Ляо. Охранявшая ее гвардия не выдержала натиска и побежала. Бежал и сам император Ляо, сопровождаемый лишь несколькими всадниками. Юань-хао не захотел брать его в плен и приказал прекратить преследование. Большая часть киданьской армии погибла. Тангуты одержали блестящую победу. Всем пленным киданям в знак вечного позора тангуты отрезали носы¹¹⁰.

Тангуты поспешили воспользоваться победой для заключения мира. Одержав победу, они сразу же направили в Ляо тангутское посольство. Тангуты возвратили взятых в плен киданей и предложили мир. Кидане освободили задержанных ранее тангутских послов¹¹¹.

Государь Ляо, опасаясь распространения слухов о его поражении, послал на киданьско-сунскую границу манифест, в котором, скрывая свою неудачу, обвинял во всем тангутов и превозносил свои заслуги. В манифесте, в частности, говорилось: «Забыв оказанные ему милости и полагаясь только на безрасудную дерзость своего характера, [Юань-хао] лично завлекал [дансянские племена], хитро шпионил, радовался преступлениям, совершаемым на границе. Все это вызвало неисчислимые бедствия. Трудно было простить ему все его преступления, и я сам

¹¹⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 3788; ЛШ, гл. 93, стр. 371; гл. 109, стр. 405.

¹¹¹ См. ЛШ, гл. 19, стр. 78.

во главе армии, состоящей из отборных войск, отправился, чтобы уничтожить опасность в зародыше. Но как только я приблизился, мятежный двор просил возобновить прежние дружеские отношения»¹¹². Однако все китайское население южных областей Ляо прекрасно знало о поражении киданей. Знали об этом и сунские шпионы, своими глазами видевшие многочисленные повозки с тяжелоранеными и убитыми, одна за другой прибывавшие с запада¹¹³.

Сунский двор с самого начала войны занял по отношению к Си Ся благожелательную позицию. Юань-хао прислал в Кайфын доклад о победе и подарил сунскому двору плененных киданей. Китайцы доклад приняли, а пленных возвратили, так как не желали обострять отношений с киданями¹¹⁴. Они больше доверяли тангутам и даже во время похода киданей на Си Ся сконцентрировали свои войска на границе с Ляо. Они справедливо опасались, что в случае успеха в войне с Си Ся кидане могут напасть и на Сун.

Узнав о поражении киданей на востоке, против их господства восстали чжурчжэни и бохайцы. Лишь с большим трудом кидане смогли подавить эти восстания. Осмелели и тангуты. Они часто делали грабительские налеты на пограничные районы Ляо. Эти мелкие стычки были очень болезненны для киданей, и государь Ляо снова стал подумывать о большом походе на Си Ся.

Победа тангутов не только укрепила их престиж в глазах окружавших Си Ся народов, но и свидетельствовала о начавшемся упадке киданьской империи. Вскоре кидане потерпели еще одно поражение от тангутов. И хотя в 1075 г. киданям удалось завладеть рядом пограничных территорий Сун, поражение Ляо в войне с Си Ся было первым свидетельством начавшегося ослабления киданьского государства.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЮАНЬ-ХАО

О последних годах правления Юань-хао мы знаем очень мало.

После заключения договора между Си Ся и Сун центральное место в их взаимоотношениях занял вопрос о пограничных землях. Именно в конце 40-х годов XI в. начались надолго затянувшиеся споры об определении границы между Си Ся и Сун, не раз приводившие к вооруженным столкновениям и войнам.

В 1045 г. Си Ся возобновило торговлю с Китаем. В Баоаньцзюнь и в крепости Аньпинчжай близ Чжэньжунцзюнь (современный Гуюань, провинция Ганьсу) были открыты пограничные рынки.

---

¹¹² ССЦ, гл. 10, стр. 16а.

¹¹³ См. там же.

¹¹⁴ См. ЧБ, гл. 154, стр. 2а—2б.

Споры о границе начались прежде всего в районе рынков. Добившись открытия торговли, тангуты потребовали от Сун возвращения крепостей Каолао и Ляньдао, расположенных у Баоаньцзюнь и переданных Китаю по договору 1044 г. Китайцы отказались возвратить крепости, ссылаясь на недавно заключенный договор. При этом император в обращении к пограничным чиновникам приказал особенно точно установить границу в районе Баоаньцзюнь и не допускать никаких изменений. Тангутский двор был уведомлен об этом особым письмом, направленным в Ючжоу ¹¹⁵.

Пограничный вопрос сразу отразился на налаживании мирных отношений. Тем не менее в 1045 г. был произведен обмен посольствами, тангутский монах Цзивэй Цифачжэн был отправлен к сунскому двору с благодарностью за предоставленные Си Ся буддийские каноны, а китайцы послали тангутам календарь. Пограничным чиновникам было запрещено переманивать из Си Ся как целые тангутские роды, так и отдельных лиц, подчиненным Китаю тангутам, тибетцам и представителям других народностей, проживавших на территории Сун,— нападать на границы Си Ся ¹¹⁶.

В конце 1045 г. тангуты просили возвратить все семьи, попавшие в Китай во время войны, хотя, как мы знаем, мирный договор предусматривал, что оказавшиеся к моменту заключения договора в Си Ся и Сун люди не будут возвращены в свои страны. Китайцы отвергли требование тангутов.

В ответ тангуты начали концентрацию войск на границе с Сун. Население пограничных китайских областей волновалось, опасаясь нового нашествия тангутов. Китайские власти послали к тангутам своих представителей для выяснения причин военных приготовлений. После этого тангуты отвели свою армию от границы.

В 1046 г. тангуты построили несколько крепостей на спорной территории. На этот раз китайцы уступили, приказав местным племенам откочевать внутрь территории Сун. Владения Си Ся и Сун в этой местности были размежеваны рвом ¹¹⁷.

Летом 1047 г. Юань-хао заявил, что если китайцы откроют еще один рынок, то он согласен признать всю границу между Си Ся и Сун на основании договора 1044 г. ¹¹⁸. Китайцы согласились на это условие. Однако это соглашение действовало недолго. Смерть Юань-хао и последовавшие за ней неурядицы в Си Ся резко обострили отношения между тангутами и Китаем.

Последние годы своей жизни Юань-хао жил замкнуто, несколько удалившись от государственных дел. В 1045 г. он построил для себя близ Синцина громадный загородный дворец

¹¹⁵ См. ЧБ, гл. 157, стр. 3а—4б; ССЦ, гл. 11, стр. 26—4а.

¹¹⁶ См. там же, гл. 156, стр. 2а—2б.

¹¹⁷ См. там же, гл. 158, стр. 106—11а.

¹¹⁸ См. там же, гл. 185, стр. 2а—5а; ССЦ, гл. 11, стр. 10а.

и жил там большую часть года со своей последней женой из дома Мои (Моцзан) ¹¹⁹. С ней непосредственно связана гибель Юань-хао.

Как уже упоминалось, первая жена Юань-хао из дома Вэйму была им казнена во время заговора Шаньси, вторая — из дома Со — покончила жизнь самоубийством. Третья — из дома Дуло (Дола) — рано умерла. Четвертая — из дома Мими — была нелюбима Юань-хао и жила в изгнании. От нее у Юань-хао был сын Али. Пятая — из дома Ели, одного из влиятельнейших тангутских домов, родила Юань-хао трех сыновей: Нинмина, Нинлингэ и Сели (Сили), который рано умер. Она была племянницей Ели Юй-ци и пользовалась при дворе большим влиянием. Шестой женой Юань-хао была киданьская принцесса из рода Елюй, но она рано умерла.

Последний раз Юань-хао женился в 1042 г. Первоначально его новая жена, девушка из дома Моцзан, была обещана в жены сыну Юань-хао Нинлингэ. Во время сватовства Юань-хао обратил на нее внимание и сам решил на ней жениться. С ней он и поселился в новом загородном дворце.

После этого императрица Ели и многие представители этого дома стали враждебно относиться к Юань-хао. По-видимому, с этой враждой связана и казнь в 1042 г. Ели Юй-ци. Затем Юань-хао заточил императрицу Ели в одном из загородных дворцов. Здесь она совместно с некоторыми видными сановниками, в том числе и с вedomо госяна Моцзан Эпана, организовала заговор против Юань-хао. В конце 1047 г. заговорщики проникли во дворец Юань-хао. Нинлингэ ранил отца копьем в лицо. Часть заговорщиков погибла в борьбе со стражей, часть разбежалась. Нинлингэ был убит. Юань-хао в 1048 г. скончался от раны ¹²⁰.

Юань-хао было дано посмертное имя императора Уле, храмовое имя Цзин-цзун. Могила его была названа Тайлин. Он находился на престоле около 17 лет и за эти годы четыре раза менял девизы лет правления: Кай-юн — один год, Гуан-юнь — два года, Да-цин — два года, Тянь шоу ли фа янь цзо — одиннадцать лет ¹²¹.

¹¹⁹ ЛПЦ, гл. 20, стр. 66; ССШШ, гл. 18, стр. 116.

¹²⁰ ЧБ, гл. 162, стр. 1а—2а; МЦБТ, гл. 25, стр. 164; ССШШ, гл. 18, стр. 126; ССШЛ, стр. 6. Сведения китайских источников о деталях гибели Юань-хао крайне противоречивы. Однако в большинстве из них, особенно в источниках сунской эпохи, таких, как «Мэн ци би тань», «Си Ся ши люе» и других, сообщается о гибели Юань-хао от руки его сына Нинлингэ (варианты Ниннингэ, Нинлиншоу). Как мы в настоящее время знаем, Нинлин (или Нинцин, в китайской транскрипции некоторых тангутских слов зафиксировано смешение инициалей «Л» и «Н») не могло быть собственным именем сына Юань-хао. Так приблизительно звучал тангутский великокняжеский титул, соответствовавший китайскому «Да ван». Кстати, в «Мэн ци би тань» как раз есть сообщение о том, что «Нинлин» по-китайски значило «Да ван» (см. МЦБТ, гл. 25, стр. 164).

¹²¹ Юань-хао находился на престоле не 16 лет, как это получается при подсчете по смене девизов лет правления, указанном в «Сун ши», а 17 (или

В 1048 г. завершился второй, важнейший этап в истории государства Си Ся (1031—1048 гг.). Он имел огромное значение для тангутского народа. За короткий срок в жизни государства произошли такие изменения, которые во многом определили все его последующее развитие.

Завершилось создание тангутского государства. В этот период был сформирован государственный аппарат, который почти не изменялся вплоть до самой гибели тангутского государства. Была создана тангутская письменность, положившая начало новому этапу развития тангутской культуры, давшая резкий толчок распространению буддизма в Си Ся и заложившая основу цивилизации, ныне известной как «культура Си Ся».

По-видимому, именно в этот период значительная часть тангутских старшин оформилась в феодальный господствующий класс. Представители этого класса заняли важнейшие посты в государственном аппарате (чиновничество), в армии (военачальники) и в буддийской церковной иерархии Си Ся. Они же и были первыми представителями тангутского просвещения и науки. Вероятно, в этот период социальные отношения тангутского общества были закреплены и законодательно, хотя законодательных памятников этой эпохи не сохранилось. Именно в эти годы в Си Ся, по-видимому, сложились многие основные формы хозяйственного уклада и эксплуатации. По нашему мнению, к концу этого периода завершилось оформление населявших Си Ся дансянских племен в единую тангутскую народность¹²².

Названный период был вершиной внешнеполитического могущества Си Ся в XI в. Тангуты сумели разгромить уйгур, отеснить тибетцев, успешно завершить войну с Китаем и нанести поражение киданям.

Юань-хао был одним из выдающихся государственных деятелей и полководцев тангутского народа. Весьма значительна его роль в создании тангутского государства. Властолюбивый и жестокий, он одновременно был человеком большого государст-

даже 18 лет, если он стал государем в конце 1031 г.). Фактически, как это и доказал Осабэ Кадзуо, изменение девизов лет правления осуществлялось даже не в пределах 16, а 15 лет (см. Осабэ Кадзуо, *Исследование хронологии Си Ся*, стр. 35). Разница в подсчете срока правления по сумме девизов лет правления, указанных в «Сун ши», и фактическому времени нахождения на престоле, кроме Юань-хао, имеется в исчислении дат царствования у Цянь-шуня, Ань-цюаня, Цзунь-сяня и Дэ-вана. Всем им добавлено по одному году (см. Осабэ Кадзуо, *Исследование хронологии Си Ся*, стр. 128). Произошло это потому, что между фактическим временем нахождения на престоле и сменой девизов лет правления часто бывал некоторый перерыв.

¹²² Именно в эти десятилетия территориальная, социально-экономическая, языковая и культурная общность дансянских племен выразилась «в факторе этнического самосознания», который, по мнению Н. Н. Чебоксарова, «является в конечном счете решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности» [Н. Н. Чебоксаров, *Проблемы происхождения древних и современных народов, VII Международной конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.)*, М., 1964, стр. 5].

венного ума, хорошо понимавшим запросы времени. Ни одно из ценных начинаний той эпохи не обошлось без его участия.

Деятельность Юань-хао была успешной, так как она целиком соответствовала нуждам и потребностям тангутского общества. Его кипучая энергия, ум и знания лишь способствовали успешному завершению его начинаний. Кроме того, Юань-хао, по-видимому, был и одним из лучших полководцев своей эпохи. Он по праву может считаться одним из выдающихся государей Си Ся и видным политическим и государственным деятелем Центральной Азии XI в.

Г Л А В А V

ОСЛАБЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ВОЙНЫ СИ СЯ В СЕРЕДИНЕ XI в.

ПЕРЕХОД ВЛАСТИ В РУКИ ПРИДВОРНОЙ ГРУППИРОВКИ МОЦЗАН ЭПАНА

История рождения преемника Юань-хао Лян-цзо и вступления его на престол очень противоречива. В «Сун ши» сказано, что Лян-цзо был старшим сыном Юань-хао¹. Однако в других источниках говорится, что первым наследником Юань-хао был его старший сын Нинмин от жены из дома Ели. Нинмин с ранних лет увлекся учением даосов. Это очень огорчало Юань-хао, который хотел видеть в сыне воина, а не монаха. Из-за этого они часто ссорились. После одной из таких ссор Юань-хао запретил допускать к нему Нинмина. Потрясенный ссорой с отцом, Нинмин весь отдался обучению правилам даосов и вскоре умер, уморив себя голодом. Он был похоронен по обряду, предписанному для похорон наследника престола, а наследником был объявлен второй сын императрицы Ели — Нинлингэ².

Трагически оборвалась жизнь и третьего сына Юань-хао от его нелюбимой жены из дома Мими, сосланной вместе с сыном в крепость Вантинчжэнь округа Сячжоу. Когда ее сын Али подрос, он счел себя и свою мать несправедливо обиженными и решил поднять восстание и свергнуть Юань-хао. Один из его сподвижников, Восянци (Эсангэ), донес Юань-хао о готовящемся заговоре. Али был арестован, а затем утоплен. Мать его также погибла³. Таким образом, Лян-цзо не мог быть старшим сыном Юань-хао. Здесь, по-видимому, мы сталкиваемся со стремлением составителей «Сун ши» сохранить общий традиционный порядок престолонаследия от отца к сыну.

Данные о времени рождения Лян-цзо в сунских источниках также противоречивы. В «Мэнци би тань» и «Лунпин цзи» сооб-

¹ См. СШ, гл. 485, стр. 3788.

² См. ССШШ, гл. 16, стр. 9а—9б. Подробнее о Нинлингэ см. стр. 164 настоящего издания.

³ См. ССЦ, гл. 11, стр. 46.

щается, что Лян-цзо родился до смерти Юань-хао. Необычайная любовь Юань-хао к его матери и новому сыну и заставила наследника престола Нинлиншоу поднять руку на отца⁴. В «Дунду ши люе» говорится, что Лян-цзо родился через два месяца после гибели Юань-хао⁵.

Чтобы как-то затушевать противоречия в сведениях о рождении Лян-цзо, авторы «Сун ши» сообщают, что детское имя Лян-цзо было Нинлингэ, т. е. совпадает с именем одного из двух уже известных нам наследников престола. При этом в «Сун ши» смысл имени «Нинлингэ» раскрывается как «радость и счастье». Одновременно это имя означало название реки Лянчахэ, на берегах которой родился Лян-цзо в то время, когда его мать Моцзан сопровождала Юань-хао в его очередном выезде на охоту.

Поскольку «нинлингэ» значило по-тангутски просто «великий князь», этим титулом мог быть назван и Лян-цзо. В остальном подробности о рождении Лян-цзо совпадают со сведениями более ранних сунских источников. По-видимому, действительно мать Лян-цзо была женой Юань-хао и племянницей казненного им Ели Юй-ци. Ее брат Моцзан Эпан был госяном тангутского государства.

Когда Юань-хао был убит, мать Лян-цзо была беременна и находилась в монастыре Цзетансы. Умирая, Юань-хао завещал, чтобы престол перешел Вэйгэ, его младшему брату по отцу. Однако Моцзан Эпан, Ноинь Шанду и ряд других сановников выступили против передачи престола Вэйгэ, сославшись на то, что «нинлин (князь) Вэйгэ не является сыном Юань-хао и при этом не имеет никаких заслуг»⁶. Ноинь Шанду предлагал престол Эпану, ссылаясь на то, что в Си Ся теперь нет государя и он сможет оправдать главное желание народа — обеспечить безопасность и сохранность тех территорий, которыми владеет Си Ся. Эпан лицемерно отверг его предложение: «Как я осмелюсь! — говорил он. — Если рассмотреть [историю] Си Ся древних времен, то [всегда], после смерти отца, ему наследовал сын. И жители страны подчинялись ему. Сейчас монахиня Моцзан беременна ребенком от покойного государя. Если, по-счастью, родится сын, то он сможет наследовать престол. Кто посмеет не подчиниться ему?»⁷.

Доводы хитрого царедворца, правильно рассчитавшего, что даже в случае рождения наследника, власть останется в его руках, оказались убедительными. Моцзан была объявлена вдовствующей императрицей, а через несколько месяцев у нее родился сын Ляо-цзо.

Ребенка тотчас же возвели на престол. Был введен новый девиз лет правления Янь-сы-нин-го. О рождении наследника опо-

⁴ См. МЦБТ, гл. 25, стр. 164; ЛПЦ, гл. 20, стр. 7а.

⁵ См. ДДШЛ, гл. 127, стр. 5б—6а.

⁶ Там же, стр. 6а.

⁷ Там же.

вестили все соседние государства. Прибывшее из Китая посольство вручило тангутам свидетельство на титул, в котором Лян-цзо признавался государем (чжу) Ся. Признали Лян-цзо и кидане.

Поскольку Лян-цзо воспитывался в доме Эпана, вся верховная власть в стране оказалась в руках последнего. Вместе с Эпаном в управлении страной принимали участие видные сановники Вэйшандуй, Мисян Бокэ, Вэйланьбу и Ему Ланло. С правления Лян-цзо начался длительный период борьбы придворных группировок за власть, характеризующийся ослаблением власти государя, общим ослаблением центральной власти внутри страны и некоторым упадком международного престижа тангутского государства.

После смерти Юань-хао некоторые сунские сановники предлагали использовать создавшуюся обстановку для раскола Си Ся и полного уничтожения самостоятельности тангутского государства. Сторонники такой политики предлагали назначить наиболее видных тангутских старшин цзедуши отдельных районов Си Ся. Другие же сунские сановники предлагали дать меньший титул Лян-цзо, признать его не государем, а верховным главнокомандующим, и уже затем подкупить старшин и добиться раскола страны.

Однако была и третья группировка в Сун, которая и одержала верх. Представители ее предлагали пожаловать Лян-цзо титул государя и поддерживать с Си Ся мирные отношения. Мотивировали они такую политику тем, что «не к лицу Китаю нападать на тех, кто носит траур»⁸. Хотя в то время эта мотивировка и имела определенное значение, действительные причины решения вопроса в пользу мира крылись в неуверенности большинства китайских сановников в том, что откровенно враждебная по отношению к Си Ся политика будет успешной, так как в стране нарастали трудности и все более обострялась борьба группировок в среде господствующего класса. Именно поэтому сторонникам мирной политики и удалось одержать верх при дворе.

Кидане, озлобленные недавним поражением, внешне не выражали стремления нарушить мир с Ся. Во всяком случае, они отказались поддержать одно из западнотибетских княжеств⁹, предложившее им организовать совместное нападение на Си Ся. Это был скорее чисто тактический шаг, призванный усыпить

⁸ СШ, гл. 288, стр. 2503; гл. 11, стр. 116.

⁹ См. СШ, гл. 115, стр. 421. В «Ляо ши» это государство названо «Тэбудэ», что несомненно является китайской транскрипцией слова «Тубот» — «Тибет». Государство, точнее одно из тибетских государств, «Тэбудэ» находилось к западу от Иу (Уй?) и никогда не поддерживало связей с киданями. Когда Нансяо (Юань-хао) захватил Гуачжоу и Шачжоу, он постоянно отправлял войска грабить его границы. Государь этого государства очень боялся его и не смог оказывать сопротивления...» (ССШШ, гл. 18, стр. 16а).

бдительность тангутов. Тайно же кидане готовили новый поход против Си Ся и после смерти Юань-хао рассчитывали расправиться с тангутами своими силами.

ВТОРАЯ КИДАНЬСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА

Скоро нашелся и предлог для войны — тангутское посольство запоздало с поздравлениями к новому, 1049 г. Кидане, искавшие любого повода к ссоре, арестовали послов и приступили к концентрации войск на границе, оповестив сунский двор о предстоящем походе на Ся¹⁰. Встревоженные тангуты через полгода послали к киданям новое посольство с подарками. Тангутские послы опять были задержаны¹¹. Кидане уже подготовились к войне, и тангуты поняли, что мирное урегулирование конфликта невозможно.

В седьмом месяце (2—31 августа) 1049 г. киданьские войска перешли границу Ся. Переправившись через Хуанхэ, они овладели тангутской крепостью Танлунчжэнь, которая стала базой их дальнейшего наступления на юг. Действия сухопутных войск поддерживал киданьский речной флот¹².

Пограничные тангутские гарнизоны были смяты киданями. Разгромили они и высланные им навстречу небольшие отряды тангутской армии. Их войска успешно продвигались в глубь территории Ся. Уверенность в легкой и скорой победе ослабила бдительность киданьских командиров и солдат. Доспехи и оружие погрузили на повозки, которые часто отставали от колонн. Разведка не высылалась. Фураж и продовольствие, оставшееся на кораблях, доставлялись нерегулярно.

Колонна войск, которой командовал Сяо Хой, три дня не вставала лагерем. Солдаты устали. Упоенный победным шествием, Сяо Хой не принял должных мер предосторожности даже тогда, когда получил известие о подходе тангутских войск. Укрывшиеся в горах отряды тангутской конницы внезапно обрушились на армию Сяо Хоя. Пока солдаты разыскивали свое оружие и доспехи, большая часть их была перебита. Сам Сяо Хой едва спасся бегством¹³.

Несмотря на разгром армии Сяо Хоя, государь Ляо, командовавший центральной группой киданьских войск, приказал продолжать наступление. Елюй Жэнь-сянь и другие полководцы вынудили его отменить этот приказ¹⁴. Основная группировка киданьских войск также прекратила наступление.

Успешным оказалось наступление лишь третьей, западной колонны киданьских войск, двигавшейся из монгольских степей в

¹⁰ См. ЛШ, гл. 20, стр. 81.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же; ССЦШБМ, гл. 19, стр. 16; ССЦ, гл. 12, стр. 36.

¹³ См. ЛШ, гл. 93, стр. 371.

¹⁴ См. там же, гл. 96, стр. 377.

направлении гор Хэланьшань под командованием Елюй Дигу. Кидане опустошили окрестности столицы Си Ся, разгромили трехтысячный отряд тангутов и взяли в плен одну из вдовствующих жен государя Юань-хао и ее свиту¹⁵.

Сами кидане в письме сунскому двору так характеризовали это выступление 1049 г.: «Войска напали на Си Ся по трем направлениям. Киданьский государь выступил по центральной дороге и одержал большую победу. Войска, выступившие по северной дороге, дошли до Силян, захватили миллион овец, 200 тыс. верблюдов, 500 коров и взяли в плен много стариков и детей. Лишь войска, выступившие по южной дороге, потерпели небольшое поражение»¹⁶.

Китайцев было трудно обмануть. Сунские пограничные власти доносили, что киданьская армия страдает от недостатка фуража и продовольствия. Большая часть лошадей пала¹⁷. И сунские сановники, читая письмо киданей, отлично понимали, что большая победа армии императора Ляо состояла лишь в том, что она осталась цела, «небольшое поражение» армии Сяо Хоя на деле было полным разгромом, а данные о трофеях, захваченных армией Елюй Дигу, явно преувеличены.

Да и в действительности сами кидане думали совсем иначе, чем писали сунскому двору. Сразу после нового, 1050 г. в Си Ся было отправлено киданьское посольство с заданием прощупать почву для заключения достойного мира.

Тангуты были настроены по-боевому. В конце зимы 1050 г. тангутская армия форсировала Хуанхэ и осадила город Цзиньсу, но потерпела поражение, за которым вскоре последовал еще ряд неудач.

Киданьский полководец Сяо Далидэ разбил тангутов у реки Саньцзюечуань, а Сяо Пуну совершил удачный набег в глубь территории Си Ся. Киданьские войска даже появились в окрестностях Синцина¹⁸. Вскоре киданям удалось завладеть большими запасами продовольствия, собранными тангутами в северо-западной части гор Хэланьшань¹⁹.

На этот раз тангутам пришлось подумать о скорейшем заключении мира. Их посольство прибыло к киданьскому двору и предложило мир на прежних условиях. Тангуты согласились признавать себя младшими по отношению к Ляо. Полгода кидане не вступали в переговоры. Лишь в начале весны 1051 г. они выдвинули свои условия, главным из которых было возвращение всех дансянских племен, сдавшихся Си Ся еще при Юань-хао²⁰.

Это условие было неприемлемым для тангутского двора, счи-

¹⁵ См. там же, гл. 115, стр. 421.

¹⁶ ССЦ, гл. 12, стр. 46.

¹⁷ См. ССШШ, гл. 19, стр. 3а—3б.

¹⁸ См. ЛШ, гл. 87, стр. 358; гл. 20, стр. 81.

¹⁹ См. ССЦ, гл. 12, стр. 5б—6а.

²⁰ См. ЛШ, гл. 20, стр. 82.

тавшего позором выдачу своих соплеменников. Тогда тангуты предложили компенсацию убытков, причиненных войной, скотом. Кидане согласились. Кроме того, тангуты требовали, чтобы кидане немедленно освободили крепость Танлунчжэнь, важный стратегический пункт к северо-востоку от Сячжоу, и прекратили оборонительные работы на границе²¹. Переговоры о мире затянулись почти на два года.

В 1053 г. мир был заключен. Тангуты признали себя младшими по отношению к Ляо. Обе стороны оставались в прежних границах.

Когда в начале 1054 г. ко двору государя Ляо прибыло тангутское посольство, киданьский император в беседе с послом намекнул, что неплохо бы по обычаю предков закрепить мир брачными узами. Тангуты отлично поняли, о чем идет речь, и осенью 1054 г. в Ляо прибыло торжественное посольство просить невесту для Лян-цзо²². Жениху, по самым оптимальным подсчетам, в это время было около 7 лет.

Такой оборот дела всполошил китайцев, которые каждый союз Ляо и Ся рассматривали как потенциальную угрозу Сун. Сунский представитель при киданьском дворе Ван Гун-чэнь сделал все, чтобы не допустить заключения брачного договора. В беседе с Син-цзуном — императором Ляо — он говорил: «Южному двору (т. е. Сун.— *Е. К.*) известно, что принцесса Северного двора (т. е. Ляо.— *Е. К.*) уже некогда была замужем за Юань-хао. От слишком грубого обращения она затосковала и умерла...». Син-цзун ответил: «[Она] умерла от вражды. Но это была девушка из семьи только родственной императорской». На это Гун-чэнь возразил: «Хотя и известно, что эта девушка была из семьи только родственной императорской, однако ее тоже разрешалось именовать Ваше Величество (би-ся). Возможно, теперь Вы, Ваше Величество, снова породнитесь с ними. Это уж слишком унижительно!»²³.

Хитрый дипломат добился своего. Брачный союз не был заключен. Не произошло и обмена клятвенными договорами — в середине 1055 г. государь Ляо скончался.

Так закончилась вторая киданьско-тангутская война. Начатая киданями, она не принесла Ляо желаемой победы. Киданям не удалось ни разгромить армию Ся, ни получить большой военной добычи.

Война и на этот раз воочию показала Сун и подчиненным киданям народам, что государство Ляо теряет свое былое могущество.

Тангутам, как стороне пострадавшей, война принесла одни бедствия. Разгромив армию Сяо Хоя, тангуты не сумели боль-

²¹ См. там же.

²² Там же, стр. 83.

²³ ССЦ, гл. 12, стр. 96.

ше добиться успеха. Предпринятые ими попытки перенести военные действия на территорию Ляо окончились неудачей.

Каковы были реальные последствия войны для внутренней жизни Ся, мы не знаем. Имеющиеся источники характеризуют лишь внешнеполитическую историю Си Ся этого периода.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКИЕ КОНФЛИКТЫ ИЗ-ЗА ПОГРАНИЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Вся власть в Си Ся была сосредоточена в руках Моцзан Эпана, в доме которого воспитывался малолетний Лян-цзо. В период правления Эпана государство Си Ся не проводило активных войн с Китаем. Но стоявшие у власти старшины на упускали возможности поживиться за счет китайской территории.

Показателен в этом отношении тангутско-китайский конфликт из-за земель по реке Цзюйхэхэ. По этой реке проходила восточная граница Си Ся и Сун неподалеку от города Линьчжоу. Земли в долине Цзюйхэхэ славилась своим плодородием. В 20-е годы XI в. местные китайские власти затеяли между собой тяжбу из-за этих земель. Спор затянулся на десятилетия, и земли долго не обрабатывались. Тангуты, которые постоянно ощущали недостаток в пахотных землях, стали строить в долине Цзюйхэхэ маленькие крепости, отодвигая границу на восток. Эпан приказал своим людям распахать заброшенные поля, а весь полученный урожай стал забирать себе. Личные интересы Эпана надежно охраняли гарнизоны тангутских солдат, расквартированные на вновь возделанных полях. Эпан так активно взялся за освоение бывших китайских земель, что граница, которая проходила в 70 ли от реки, к 1055 г. оказалась от нее лишь на расстоянии 20 ли, а тангутские конники стали свободно разъезжать под стенами Линьчжоу²⁴.

Китайские власти вынуждены были принять меры предосторожности. Сунский двор поручил особому чиновнику препятствовать дальнейшему захвату земель тангутами, а через дипломатов потребовал, чтобы Эпан вернул захваченные земли. Последний отделивался всяческими отговорками и земли не возвращал. Когда же китайцы попробовали вытеснить тангутов силой, те оказали сопротивление. Так возник пограничный конфликт из-за земель на реке Цзюйхэхэ.

В 1056 г. китайцы перешли к более решительным действиям. По совету опытного пограничного чиновника Пан Цзи была прекращена торговля между Си Ся и Сун на ближайшем официально действовавшем рынке в Иньсин. Как и рассчитывал Пан Цзи, закрытие одного из немногих рынков быстро вызвало некоторые финансовые затруднения в Си Ся, так как торговля с Китаем играла большую роль в экономике тангутского государства²⁵.

²⁴ См. СШ, гл. 485, стр. 3788.

²⁵ См. ССШШ, гл. 19, стр. 12а.

Обе стороны начали концентрировать на границе войска.

Императрица Моцзан и часть тангутских сановников были недовольны тем, что из-за личных интересов Эпана возник новый конфликт с Сун. По их настоянию, для переговоров с тангутской стороны был назначен Ли Шоу-гуй.

Ли Шоу-гуй возвратил Сун недавно запаханые Эпаном земли и предложил отдать все остальные незаконно приобретенные поля.

Эпан начал борьбу с Ли Шоу-гум и своей сестрой. У императрицы Моцзан было два возлюбленных — Ли Шоу-гуй и некий Цидон. Эпану удалось настроить Ли Шоу-гуя против Цидона, и однажды, когда императрица ночью возвращалась с охоты вместе с Цидоном, на них было совершено нападение. В начавшейся схватке императрица Моцзан и Цидон были убиты людьми Ли Шоу-гуя. Обвинив Ли Шоу-гуя в убийстве, Эпан казнил его и всю его семью²⁶. Вскоре после этого Эпан поспешил женить девятилетнего Лян-цзо на своей дочери и тем самым приобрел еще большее влияние на государя.

В 1057 г. Сыма Гуан предложил воспользоваться весенним половодьем и выстроить на запаханых тангутами землях две крепости²⁷. Крепости выстроили, оставили в них гарнизоны и по распоряжению Пан Цзи создали линию сигнальных огней для скорейшего предупреждения о приближении тангутов. Был отдан приказ — если тангуты начнут запахивать земли, изгонять их, а засеянные поля вытаптывать; с превосходящими силами противника в бой не вступать и отсиживаться в крепостях.

Тангуты, в свою очередь, перешли к прямым военным провокациям. В июне 1057 г. они разгромили большой отряд китайских пограничных войск. У 387 солдат были отрезаны носы и уши. Командир отряда Го Энь не перенес позора и кончил жизнь самоубийством²⁸.

Тогда сунское правительство совершенно запретило торговлю с Си Ся²⁹. Это был старый и тонкий расчет. Разрыв торговых отношений причинил тангутам большие убытки и должен был вызвать недовольство Эпаном и его корыстной политикой. Сунские власти надеялись, что, покончив с Эпаном руками самих тангутов, они договорятся с новыми правителями Ся. В конце 1057 г. повторным указом двора была запрещена всякая торговля с тангутами³⁰. В качестве ответной меры тангутские войска провели военную демонстрацию вдоль границы области Фуянь, но не вторглись на китайскую территорию.

---

²⁶ См. ДДШЛ, гл. 128, стр. 1а; ССШШ, гл. 19, стр. 13а; ССЦШБМ, гл. 12, стр. 16; ССЦ, гл. 12, стр. 136.

²⁷ См. ССЦ, гл. 12, стр. 146—15а.

²⁸ См. СШ, гл. 326, стр. 2754.

²⁹ См. ССЦ, гл. 12, стр. 17а—17б.

³⁰ См. там же, стр. 17б.

Китайцы не хотели серьезного конфликта. В 1059 г. сунский двор предписал местным властям урегулировать пограничный вопрос. Поскольку письменных документов, удостоверяющих точное разграничение владений Си Ся и Сун в данной местности, не было, то произвели опрос чиновников, знавших границу еще во времена Цзи-цзяня, и собрали материалы об установлении границы после войны 1040—1044 гг. Выяснилось, что тангуты отодвинули границу на восток на 20 ли. Было решено разграничительной линией считать реку Цзюйхэ. Тем самым фактически были признаны тангутскими некоторые из захваченных Эпаном земли.

Эпана не удовлетворило такое решение. Жадный сановник, правивший страной как своей вотчиной, желал владеть всей плодородной долиной Цзюйхэ. Тангутские войска были расквартированы вдоль реки и начали теснить китайцев. Ночью тангуты переправились через реку, захватили в плен китайских пограничников, разграбили близлежащие селения. Более того, Эпан отдал приказ местным племенам захватывать и запахивать китайские земли³¹.

Политика Эпана привела к полной потере китайского рынка. Такой политикой самовластного сановника были недовольны родственники Лян-цзо. Народ роптал. Таким образом, расчет Пан Цзи оправдался. Подрос Лян-цзо. Он откровенно не любил своего опекуна, пользовавшегося его властью. Близкие к Лян-цзо люди медленно, но верно настраивали его против Эпана. Эпан чувствовал это и, пользуясь малейшим поводом, расправлялся со своими врагами. Осенью 1059 г. были казнены мужья кормилиц Юань-хао Гао Хуай-чжэн и Мао Вэй-чан³².

В это же время над Си Ся нависла угроза войны на западе. Цзюесыло, заключив брачный союз с киданями, договорился с ними о совместном нападении на Си Ся. В этих условиях Эпану нужен был мир с Китаем, и он вынужден был пойти на уступки.

В начале 1060 г. Эпан возвратил сунским властям беглого чиновника из Баоаньцзюнь. Летом он послал посольство к сунскому двору. Эпан предложил провести границу на расстоянии 20 ли к западу от реки Цзюйхэ³³ и попросил взамен возобновить торговлю. На этот раз он предлагал больше, чем год назад просили сами китайцы. И все же сунские власти отказались заключить соглашение. Китайцы были хорошо осведомлены об изменении политической обстановки в Си Ся. Они не желали поддерживать Эпана и были уверены, что отказ разрешить пограничный конфликт погубит его. И они не ошиблись.

Воспитывавшийся в обстановке придворных интриг самолюбивый и вспыльчивый, как и его отец, Лян-цзо вырастал озлоб-

³¹ См. там же, гл. 12, стр. 19а—20а.

³² См. там же, стр. 20а.

³³ См. ССШЦ, гл. 20, стр. 4а.

ленным и жестоким. Он люто ненавидел Эпана. В начале 1061 г., когда неудачная внешняя политика Эпана поставила всю страну в трудное положение, его противники резко активизировались и усилили нажим на Лян-цзо. Неизбежный конфликт между государем и Эпаном ускорила любовная связь Лян-цзо с женой сына Эпана, происходившей из семьи Лян. Малолетний Лян-цзо отличался распущенностью. Ему ничего не стоило, придя в дом какого-либо старшины, обесчестить его жену или дочь. Пользуясь своей безнаказанностью, он, женатый на дочери Эпана, сделал своей любовницей жену его сына.

Оскорбленный Эпан готовил заговор против государя. Он собирался устроить засаду у дома своей невестки, застать Лян-цзо на месте преступления и покончить с ним³⁴. Но хитрая Лян разузнала о заговоре свекра против Лян-цзо и сообщила ему об этом. Лян-цзо решил опередить Эпана. Ему помог некий Маньми, чиновник, в свое время возвышенный Эпаном, а потом прогнанный им же со службы. По приказу Лян-цзо Маньми поднял войска, Эпан был арестован и незамедлительно казнен вместе со всеми своими родственниками и сторонниками. Лян-цзо казнил и свою жену, дочь Эпана. После этого Лян-цзо взял управление страной в свои руки и женился на своей бывшей любовнице Лян. Младший брат новой государыни Лян Цимай был назначен главой правительства (цзайсяном). Дому Лян было предоставлено право передавать эту должность по наследству³⁵.

Лян-цзо быстро попал под влияние своей жены и ее родственников. По их настоянию, он отправил в Китай письмо, в котором сообщал, что отказывается от тангутского церемониала и вводит китайский, а при дворе отдает предпочтение китайскому платью и головным уборам³⁶. Этим Лян-цзо сразу же обеспечил себе расположение сунского двора.

Казнь Эпана и стремление Лян-цзо установить тесные связи с китайским двором, естественно, способствовали быстрому разрешению пограничного конфликта. Были организованы переговоры и достигнуто соглашение. По новому положению и та и другая сторона могли строить крепости и выставлять заставы на протяжении всей границы. Тангутам было запрещено запахивать земли восточнее линии крепостей и застав, а китайцам — земли к западу от реки Цзюйехэ. В нейтральной зоне между оборонительными пограничными сооружениями населению обеих сторон разрешалась пасти скот и заготавливать топливо, но строго запрещалось строить дома и загоны для скота. На границе, в не отведенных для этого местах, не допускалась торговля. Солдаты пограничной охраны не должны были носить доспехов и ору-

---

³⁴ См. МЦБТ, гл. 25, стр. 164; ДДШЛ, гл. 128, стр. 1а.

³⁵ См. МЦБТ, гл. 25, стр. 164.

³⁶ См. СШ, гл. 485, стр. 3788.

жия, а численность дозоров не должна превышать тридцати всадников³⁷.

Так был ликвидирован спор между Си Ся и Сун из-за пограничных земель на северо-западе.

БОРЬБА ЛЯН-ЦЗО ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СВОЕЙ ВЛАСТИ ВНУТРИ СТРАНЫ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТИЖА СИ СЯ

Лян-цзо, как и Юань-хао, весь короткий период своего самостоятельного правления стремился совершенствовать государственный аппарат Си Ся и укреплять международное положение тангутского государства. В 1062 г. он изменил наименования военных округов. Речь шла не просто о их переименовании. Реформы предусматривали некоторую передислокацию войск и повышение их боевой готовности. Округ Сишоу был переименован в Сиши³⁸, что было связано с передислокацией войск округа в районе Ланьчжоу ближе к стыку тангутско-китайско-тибетской границ.

В этом же году Лян-цзо вносит незначительные изменения в систему управления³⁹, о которых говорилось выше.

Лян-цзо завязал культурные связи с Китаем. В годы его правления тангуты получали из Китая историческую и философскую литературу, справочники и очень много буддийских сочинений⁴⁰. Расширились торговые отношения между двумя странами⁴¹. Лян-цзо даже неоднократно просил китайцев прислать ему опытных ремесленников. Но всякий раз получал решительный отказ сунского двора⁴².

Лян-цзо, как и его отец, много сделал для укрепления тангутского государства. У своего соседа тангуты могли позаимствовать многие достижения науки и культуры того времени. Опыт подсказывал, что мир с Сун обеспечил укрепление экономики Си Ся, усилил тангутское государство. В первые годы своего правления Лян-цзо придерживался мирных, дружеских отношений с Китаем.

Тангутское государство было вполне самостоятельным в решении любых вопросов внутренней и внешней политики, хотя по договору 1044 г. тангутский государь и признавал себя младшим во взаимоотношениях с императором Сун. Это должно было выражаться в точном соблюдении церемониала, определявшего их взаимоотношения в переписке и во время дипломатических приемов. И тем не менее каждый раз именно в этом вопросе между обеими странами возникали недоразумения. Тангуты намеренно

³⁷ См. ЧБ, гл. 193, стр. 17а—18а; ССЦ, гл. 13, стр. 16—26.

³⁸ См. ЧБ, гл. 196, стр. 236; ССЦ, гл. 13, стр. 5а.

³⁹ См. ССШШ, гл. 20, стр. 116. См. также стр. 111 настоящего издания.

⁴⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 3788; ССЦШБМ, гл. 20, стр. 4а—5а.

⁴¹ См. ССЦШБМ, гл. 20, стр. 4а.

⁴² См. там же, стр. 5б.

нарушали церемонии, а сунские чиновники рьяно следили за соблюдением положенного этикета.

О характере такого рода конфликтов мы можем судить хотя бы по встрече Чжан Цзун-дао, китайского посла, прибывшего с дарами ко дню рождения Лян-цзо. Как только посольство, возглавлявшееся Чжан Цзун-дао, вступило на территорию Си Ся, его встретили представители тангутского двора. Тангутский чиновник непременно хотел ехать впереди Чжан Цзун-дао. Это уже являлось нарушением этикета, и Чжан Цзун-дао решительно протестовал. Сели обедать. И здесь Чжан Цзун-дао заявил резкий протест (так как, по его мнению, его посадили не на то место.— *Е. К.*). Встречавший посольство тангутский чиновник в ответ сказал: «С левой стороны находится государь. Такому порядку церемониала следуют постоянно. Как посол Сына Неба может сомневаться в этом?» На что китайский посол с гордостью возразил: «[Тангутский] государь и Цзун-дао находятся в равном положении, так как [оба] служат Сыну Неба. Если [для встречи] прибудет даже сам государь Си Ся, он должен быть гостем. Твой государь вассал! Как он может стать хозяином? Должно следовать древним порядкам, и по ним Цзун-дао надлежит занимать верхнее место!»

Дерзость сунского посла, оскорбившего тангутского государя, возмутила тангутского чиновника, и он намекнул Чжан Цзун-дао, что, если тот и дальше будет рассуждать подобным образом, ему не сносить головы.

«Разве у Вас несколько голов, что Вы осмеливаетесь поступать так?» — спросил встречающий у Чжан Цзун-дао. Тот, громко смеясь, ответил: «У Цзун-дао одна голова. Однако государство Си Ся не осмелится на такое». Тангутский чиновник понял, что в гневе сказал лишнее, и пошел на попятный: «Переводчик ошибся. Я сказал, что сам не имею двух голов». Цзун-дао ответил: «Переводчик ошибся? Почему бы не отрубить переводчику голову раньше, чем Цзун-дао?»

Желая смягчить разговор и заверить китайского посла в дружбе, тангутский представитель сказал: «Любовь двух (наших) государств подобна любви рыбы к воде». На это Цзун-дао ответил: «Однако Небесный двор это вода, а государство Си Ся — рыба. Вода может обойтись без рыбы, а рыба без воды нет!»⁴³

Чем кончился этот разговор, неизвестно. Но он очень характерен для взаимоотношений Си Ся и Сун в середине XI в.

Тангутские послы отличались непоколебимым упорством. В 1063 г. тангутское посольство, прибывшее на похороны китайского императора Жэнь-цзуна, настаивало на том, чтобы пройти в двери зала Хаунцзыдянь, куда был запрещен доступ послам Си Ся. Тангутских послов не допустили в зал, а обижен-

⁴³ ЧБ, гл. 196, стр. 236—246.

ный Лян-цзо тотчас отказался от фамилии сунских императоров и сменил ее на Ли, фамилию императоров Тан и древнюю вторую фамилию рода Тоба во взаимоотношениях с Китаем. По существу, это было равнозначно отказу от дружественных отношений. Сыма Гуан, который стоял за сохранение мирных отношений с Си Ся, сказал: «Известно, что послы присланные государством Си Ся, прежде не могли появляться в дверях [зала Хуанцзыдянь]. Они настойчиво требовали впустить их, но двор не разрешил и заставил их вернуться на подворье. Я спрашиваю: Зачем жалеть несколько шагов территории двора? А взоры послов, устремленные снизу вверх, были бы радостнее»⁴⁴.

В 1063 г. тангуты снова начали запахивать земли в долине реки Цзюйхэ. В 1064 г. против Лян-цзо задумали восстать хэншаньские старшины. Они обратились за помощью к Китаю. Многие пограничные чиновники предлагали поддержать их и начать войну с Ся. «Если шакал и тигр не подерутся друг с другом,— писал из Яньчжоу Чэн Кань,— то нелегко схватить их. Если гнойник не прорвется сам собою, его трудно терпеть. Лян-цзо давно уже ведет себя надменно и вызывающе. Нужно воспользоваться случаем и принять их (хэншаньских старшин.— *Е. К.*). Ибо говорят: „Когда варвары нападают на варваров, то это выгодно только Китаю“»⁴⁵. Началась подготовка к войне.

В Шэньси появилась 100-тысячная китайская армия. Разрабатывался проект увеличения ее численности вдвое. Были закрыты пограничные рынки. Сунские пограничные чиновники организовывали вдоль границы военные поселения лучников, набранных из местных племен. Это особенно было неприятно тангутам, считавшим предательством переход живших на территории Китая соплеменников на китайскую службу.

Поэтому первые набеги тангутов на китайскую территорию и были направлены против этих поселений лучников⁴⁶. Тангуты грабили племена цянов, но не нападали на китайцев и внешне поддерживали с Китаем мирные отношения. По мнению Сыма Гуана, такая политика Си Ся объяснялась тремя причинами: «во-первых, тангуты ежегодно получают на 200 тыс. лан золота и шелковых тканей, во-вторых, тангутские послы, прибывая в столицу Китая, ведут там меновую торговлю, и, в-третьих, тангуты хотят, чтобы двор не был готов в случае их нападения»⁴⁷.

Незначительные нападения тангутов продолжались в течение всего 1065 г. А осенью 1066 г. тангутская армия, возглавляемая Лян-цзо, осадила город Дашуньчэн (к северо-западу от современного Циньян). Китайцы быстро сумели организовать оборону. Прибывшие подкрепления атаковали китайские войска в поле. Начальник гарнизона выставил за городским валом силь-

⁴⁴ Там же, гл. 199, стр. 2а—2б.

⁴⁵ СШ, гл. 292, стр. 2523.

⁴⁶ См. ССЦШБМ, гл. 21, стр. 2а; ССШШ, гл. 21, стр. 4а—б.

⁴⁷ См. ССЦ, гл. 13, стр. 15б.

нейших лучников и приказал им стрелять в Лян-цзо, который в войлочной шапке и серебряных доспехах, надетых поверх обычных, наблюдал за ходом боя. Двойные доспехи не спасли Лян-цзо. Посланная сильной рукой стрела пробила их, и раненый государь Си Ся был вынужден снять осаду⁴⁸.

Сунские власти, не желая развязывать большую войну, послали посольство с запросом о причинах нападения. Тангуты принесли свои извинения вместе с богатыми дарами.

Выступая на дворцовом совете, Хань Ци предложил припугнуть тангутов прекращением ежегодных выплат и полным разрывом торговых отношений. «Лян-цзо — строптивый ребенок, — говорил он, — у него нет ума и замыслов Юань-хао, но проводимые им на границах военные приготовления чрезвычайно опасны. Если с него спросить строже, он обязательно подчинится»⁴⁹.

В 1067 г. умер сунский император Ин-цзун. Для извещения о трауре к тангутам прибыл китайский посол Гао Цзун-юй. Во время данного в честь его прибытия обеда речь зашла об инциденте под Дашуньчэн. Тангуты заявили, что нападение было произведено грабителями и тангутские власти к осаде Дашуньчэн не имеют никакого отношения⁵⁰.

1067 год ознаменовался большой удачей для китайцев. Китайские пограничные чиновники очень часто действовали на свой страх и риск, и жалобы тангутов на их бесчинства имели основания. Например, чиновник Чжун Э в конце 1067 г. самовольно захватил тангутский город Суйчжоу, один из пяти городов, еще в конце IX в. перешедших под контроль дома Тоба. Разузнав, что командующий войсками в Суйчжоу Вэймин Шань недоволен Лян-цзо и даже не прочь подчиниться Сун, Чжун Э вступил в контакт с младшим братом Вэймин Шаня и его чиновниками. С их помощью Чжун Э вынудил Вэймин Шаня сдаться.

Китайские войска заняли Суйчжоу и обнесли город стеной⁵¹. В результате предательства Вэймин Шаня Суйчжоу никогда уже больше не входил в состав Си Ся. Тангуты, застигнутые врасплох, смогли лишь организовать оборону Иньчжоу и других близлежащих городов и крепостей. Не имея сведений о действительных организаторах заговора, они считали, что во всем виновен Ян Дин, сунский командующий армией Баоаньцзюнь. Под предлогом переговоров они заманили Ян Дина в засаду и убили⁵².

А сунский двор колебался, начинать ли большую войну с Ся. Многие члены совета высказывались против объявления войны, ссылаясь на тяжелое финансовое положение страны. Некоторые предлагали даже покинуть Суйчжоу и казнить Чжун Э за са-

⁴⁸ См. СШ, гл. 485, стр. 3788—3789; ССЦ, гл. 13, стр. 16а—16б.

⁴⁹ СШ, гл. 312, стр. 2660.

⁵⁰ См. там же, гл. 464, стр. 3656.

⁵¹ См. там же, гл. 485, стр. 3789.

⁵² См. там же.

моуправство, но они не получили никакой поддержки в совете.

Потеря Суйчжоу поставила тангутов в невыгодное положение. Но сразу начать борьбу за этот город они не могли. Необходимо была передислокация войск и какое-то время для подготовки к войне. Кроме того, к этому времени ухудшилось состояние здоровья Лян-цзо. Рана, полученная при Дашуньчэн, плохо заживала. Поэтому, чтобы избежать войны, тангуты даже выдали сунским властям убийц Ян Дина и отпустили находившегося у них в плену его сына. Война не началась.

В январе 1068 г. в расцвете сил Лян-цзо скончался. В «Мэн ци би тань» рассказывается, что Лян-цзо был ранен очень серьезно. Сразу с поля боя он поехал молиться в буддийский храм. Какой-то пастух, случайно забредший в это же время в храм, увидев государя, от страха не мог выйти из храма и лег у подножия статуи будды. Когда он через некоторое время решил подняться глаза и взглянул на ноги Лян-цзо, то увидел, что один его сапог доверху полон крови. Кончив молиться, Лян-цзо приказал своим спутникам перевязать ему рану и вышел из храма⁵³. Сильная потеря крови и, вероятно, последовавшая затем гангрена были причиной смерти Лян-цзо.

Покойному тангутскому государю был всего 21 год. Ему было дано посмертное имя императора Чжао Ин, храмовое имя И-цзун, могила его названа Аньлин.

За годы правления Лян-цзо были сменены следующие девизы правления: Ян-сы-нин-го — один год, Тянь-ю-чуй-шэн — три года, Фу-шэн-чэн-дао — четыре года, Чань-ду — один год и Гун-хуа — пять лет.

Престол перешел по наследству к малолетнему сыну Лян-цзо Бин-чану.

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ-РЕГЕНТШИ ЛЯН

Старшему сыну Лян-цзо⁵⁴ Бин-чану было семь лет, когда его объявили государем Ся. Поскольку он сам не мог управлять страной, по решению дворцового совета регентшей была назначена его мать — императрица Лян.

Управление тангутским государством перешло к семье Лян. Главой правительства — госяном — стал младший брат императрицы регентши Лян Имай (в некоторых источниках Цимай). Императрица-регентша, мало интересовавшаяся государствен-

⁵³ См. МЦБТ, гл. 25, стр. 164.

⁵⁴ Следует отметить, что в китайских источниках (см. ССЦ, гл. 17, стр. 216) встречается упоминание о старшем брате Бин-чана Вэймин Цзинай. Трудно предположить, чтобы это был ребенок от первого брака Лян-цзо с дочерью Эпана. Мы знаем, что все, кто был связан с последним, были казнены, да и самому Лян-цзо было тогда лишь 9—12 лет. Кроме того, если бы Вэймин Цзинай был законным сыном Лян-цзо, он имел бы все права на престол, о чем китайские авторы не преминули бы упомянуть. По-видимому, это был внебрачный сын Лян-цзо.

ными делами, охотно передоверила управление страной своему младшему брату. Имай назначил на все ведущие государственные должности своих родственников⁵⁵. Благодаря этому представители царствующего дома Вэймин все больше отступали на второй план.

В первые годы правления Бин-чана кое-каким влиянием еще пользовался младший брат Юань-хао Вэймин Ланьюй, большой знаток военного дела. Ланьюй очень неодобрительно относился к деятельности семьи Лян и поэтому в 1073 г. был отстранен от службы, а через год умер⁵⁶.

Вскоре скончался и госян Лян Имай. Власть перешла к его сыну Ибу. Большим влиянием при тангутском дворе в эти годы также пользовались Дуло Мавэй и Гуань Миньэ (в некоторых источниках Вэнь Миньэ). По свидетельству китайских современников, это «были малоспособные от природы люди»⁵⁷. Дуло Мавэй лишь кое-что смыслил в военном деле. Миньэ же просто был фаворитом императрицы-регентши⁵⁸.

В этой обстановке никто не заботился ни о воспитании Бин-чана, ни об его образовании. Когда молодому тангутскому государю исполнилось 17 лет, как указано в источнике, он был невежествен, по малолетству не знал клятвенных договоров и не понимал их текстов⁵⁹.

Неудовлетворенность своим положением, скрытое желание власти возбудили у Бин-чана еще с ранних лет страстную любовь ко всему китайскому и породили его самую сокровенную мечту — добиться такой же власти и блеска, как у китайского императора. Безрассудным преклонением Бин-чана перед всем китайским часто пользовались разные темные личности, подвизавшиеся в те годы при тангутском дворе. Некий Ли Цин не только разжигал в Бин-чане страсть ко всему китайскому, но и развращал несовершеннолетнего государя, привозя ему девушек из Китая⁶⁰.

За двадцатилетний период правления Бин-чана Си Ся пережило две большие войны с Сун. Во внешней политике Ся дом Лян сумел отстоять независимость тангутского государства, хотя тангуты в этот период потеряли некоторые пограничные земли, в том числе город Ланьчжоу.

Внутренняя политика дома Лян нам неизвестна. Можно только предполагать, что они продолжали оказывать покровительство буддизму, всеми силами стремились заручиться поддержкой сильнейших тангутских родовых старшин, самостоятельность которых в эти годы возросла.

---

⁵⁵ См. ССШЦ, гл. 22, стр. 16.

⁵⁶ См. там же, гл. 24, стр. 36.

⁵⁷ МЦБТ, гл. 25, стр. 165.

⁵⁸ См. там же.

⁵⁹ ЧБ, гл. 280, стр. 156.

⁶⁰ ДДШЛ, гл. 128, стр. 16.

В целом те тенденции, которые обозначились во внутренней жизни Си Ся после смерти Юань-хао — ослабление центральных органов власти, укрепление влияния сильных старшинских семей и, как следствие этого, общее ослабление тангутского государства, достигли в эти годы наивысшего расцвета. Бин-чан не смог, подобно Лян-цзо, хоть как-то противостоять этим тенденциям.

В хозяйственной и культурной жизни страны заметен был упадок. На экономику страны отрицательно повлияли кровопролитные войны тангутов против сунского Китая и тибетцев.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1069—1072 гг. И ТАНГУТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1073—1080 гг.

Когда тангутское посольство с известием о смерти Лян-цзо прибыло к сунскому двору, был возобновлен разговор о причинах убийства Ян Дина. Тангуты заявили, что Ян Дин был в тайном сговоре с тангутским двором, затем предал интересы государя Си Ся, за что и был убит. Сунский император Шэнь-цзун был вполне удовлетворен представленным ему объяснением. Убийцы Ян Дина были прощены, а покойный Ян Дин лишен всех чинов и имущества⁶¹.

Инцидент с Ян Дином был замят еще и потому, что сунский двор хотел через это тангутское посольство, во главе которого стоял китаец, установить контакт с сильными тангутскими старшинами, посеять соперничество между ними, поссорить их с двором и правящим домом Лян и тем самым ослабить тангутское государство. Через посла был переправлен указ о пожаловании нескольким тангутским старшинам имен и фамилий, почетных титулов и о назначении им жалованья⁶². Некоторые из этих старшин, тяготившиеся властью дома Лян, действительно стали помогать Сун. Этот недружелюбный акт со стороны сунского двора ухудшил и без того натянутые взаимоотношения между Китаем и Си Ся. Обострились отношения между странами и в результате участвовавших пограничных инцидентов.

В конце 1068 г. Бин-чан получил свидетельство на титул от государя Ляо⁶³. Весной 1069 г. прибыло посольство со свидетельством на титул от сунского двора. Задержка посольства из Китая произошла потому, что при дворе было много сторонников немедленного развязывания новой войны.

Малолетний государь и взаимная вражда старшин казались удобным случаем для исполнения заветных планов китайского двора — ликвидации тангутского государства. Однако верх одержали сторонники мирных отношений с Си Ся. К ним принадлежали и два наиболее влиятельных лица при дворе — Ван Аньши и Сыма Гуан. После этого китайский двор послал Бин-чану

⁶¹ См. СШ, гл. 486, стр. 3791.

⁶² См. там же.

⁶³ См. ЛШ, гл. 22, стр. 88.

грамоту на титул и обещал не только по-прежнему соблюдать старый договор, посылать ежегодные выплаты, но и возвратить Суйчжоу⁶⁴. Вопрос о Суйчжоу оказался в центре внимания тангутского и китайского дворов. Тангуты предлагали Китаю обменять Суйчжоу на две крепости — Аньюань и Саймынь.

Не дремали и сторонники войны с Си Ся. Когда сунский двор прислал указ о присвоении титулов некоторым тангутским старшинам, тангутский двор не принял указа. Прибывший из Си Ся посол Дуло Чжун сделал по этому поводу устное заявление китайскому императору, «обвинив его в желании восстановить поданных Си Ся против тангутского государя»⁶⁵.

Китайские власти понимали, что их намерения ясны всем, и тем более тангутскому двору. Но они не ожидали встретить такой твердый отпор. Решение было немедленно отменено — китайские титулы могли дорого обойтись некоторым прокитайски настроенным старшинам. И все же последствия этого акта китайского двора не замедлили сказаться — тангуты официально заявили об отказе от китайского церемониала при переписке и приеме послов⁶⁶.

Между тем не был решен вопрос об обмене Суйчжоу на две крепости. Обе стороны боялись обмана. Более того, местные китайские пограничные чиновники без ведома двора обещали передать тангутам Суйчжоу, с тем чтобы урегулировать все пограничные споры между Си Ся и Сун. Тангуты, естественно, заявили, что речь шла об обмене двух крепостей на Суйчжоу, и не больше. Высланные для переговоров представители сторон, не решив вопроса, разъехались по домам. Китайцы спешно еще раз укрепили Суйчжоу и переименовали город в Суйдэ.

Все вышеперечисленные обстоятельства, финалом которых был отказ китайских властей возвратить Суйчжоу, и послужили поводом к началу новой тангутско-китайской войны 1069—1072 гг.

Только что пришедший к власти Ван Ань-ши стоял за сохранение мира с Си Ся. Он говорил императору: «Поскольку теперь Бин-чану пожалована грамота на титул, следует твердо и ясно выполнять условия и обязательства и не позволять пограничным чиновникам развязывать конфликты и безрассудно строить новые города и крепости. Спорить из-за ничтожных выгод и убытков, конечно, несправедливо»⁶⁷.

Но пограничные власти действовали при поддержке влиятельной группировки сторонников войны. Виновник разрыва переговоров Го Куй не только не был наказан, но и получил награду — в поданном императору докладе местные чиновники представи-

---

⁶⁴ См. ССЦШБМ, гл. 23, стр. 26.

⁶⁵ СШ, гл. 486, стр. 3791.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ССЦ, гл. 14, стр. 10а.

ли его героем, разоблачившим обман тангутов, которые, дескать, желали получить Суйчжоу и не отдавать крепостей.

Война могла разразиться в любую минуту. На границе были закрыты все рынки, местные жители бежали в глубь страны.

В конце 1069 г. тангуты напали на пограничные сунские крепости и некоторое время осаждали Суйдэ. Война началась. В первые месяцы 1070 г. для ведения правильной регулярной осады Суйдэ тангуты построили вокруг города восемь острогов. В каждом остроге был поставлен небольшой гарнизон. Но начавшийся в Си Ся голод свел на нет все усилия тангутов. Они были вынуждены отвести войска от стен Суйдэ. Китайцы, воспользовавшись этим, уничтожили все восемь острогов.

Затем военные действия были перенесены на запад в район города Цинчжоу. Тангуты выстроили здесь крепость Наоэбао. Китайские отряды, высланные для осады крепости, были разгромлены тангутами. Стремясь скрыть поражение, китайские командиры атаковали брошенный тангутами Цзиньтан, убили около двухсот стариков и детей и доложили о своей большой победе.

В конце лета 1070 г. две китайские армии под командованием Ли Кэ-чжуаня и Чжао Юй-циня попали в тангутскую засаду на реке Лохэчуань и были разгромлены. Одержав эту победу, тангутские войска вторглись в округа Хуаньчжоу и Циньчжоу. Все сколько-нибудь значительные китайские пограничные города и крепости были осаждены. Тангутские войска насчитывали более 100 тыс. человек⁶⁸. Сунские войска несли большие потери. Второй раз за последние полвека под угрозой иноземного вторжения была вся долина реки Вэйхэ. Все города и крепости западных областей Сун спешно готовились к обороне. Нужно было принимать какие-то решительные меры.

Командующему сунскими войсками Го Кую через шпионов удалось узнать, что Бин-чан находится близ границы в городе Ючжоу. Ючжоу, по-видимому, вообще служил ставкой дома Лян. Он был первым крупным тангутским городом на пути из Китая в Си Ся. В этот период все письма сунского двора направлялись не в Синцин, а в Ючжоу. Распустив слух, что они готовятся напасть на Ючжоу, и выслав в этом направлении сильный отряд войск, сунские командиры стали оттягивать к границе гарнизоны из глубинных округов. Тангуты поверили, что Ючжоу грозит действительная опасность, и постепенно стали отводить свои войска с сунской территории.

Весной 1071 г. в Китай из Си Ся прибыло посольство с новогодними подарками. Тангуты были намерены заключить мир. Но переговоры не состоялись. Более того, по приказу сунского императора все серебро и шелк, которые должны были быть посланы в 1070 г. в Си Ся по договору 1044 г., перевезли в пограничные районы и стали раздавать тангутским старшинам, пере-

⁶⁸ СШ, гл. 486, стр. 3791.

ходившим в китайское подданство. Узнав об этом, тангутское посольство немедленно возвратилось обратно⁶⁹.

В 1071 г. основным театром военных действий стала область города Лоу, построенного тангутами на берегу реки Удинхэ. Город защищал подступы к горам Хэншань. Сунские войска внезапно ударом овладели Лоу, укрепили город и поставили в нем гарнизон. По приказу Чжун Э, руководившего взятием Лоу, у восточных отрогов Хэншаньских гор было выстроено несколько крепостей. Предполагалось, закрепившись в этом районе, овладеть областью Хэншань и поставить под удар центр тангутского государства — округа Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу. Падение Лоу вызвало панику в Си Ся. Рекруты не являлись на сборные пункты⁷⁰. Тангутский двор в первый момент также растерялся и послал посольство к киданям с просьбой о помощи. Государь Ляо объявил о посылке своих войск на помощь Ся.

Все отлично знали, что кидане не пошлют войска. Это понимал Ван Ань-ши, который правильно расценил указ государя Ляо о высылке войск как хитрый маневр, рассчитанный на то, чтобы оказать давление на сунский двор⁷¹. Знали об этом и тангуты, которые, не надеясь на прибытие войск из Ляо, приняли все меры для ликвидации нависшей над этим районом угрозы. И все же этот дружеский акт киданьского двора оказал благоприятное моральное воздействие на население Си Ся. Дом Лян смог быстро собрать большую армию и начать контрнаступление.

Одна за другой пали все новые китайские крепости. Сунские войска несли тяжелые потери. Лоу был обречен. Такой способный военачальник, зачинатель всей операции, как Чжун Э, совершенно растерялся и не знал, что предпринять⁷². Двор отдал приказ во избежание новых потерь немедленно оставить Лоу. Возвращавшийся из Лоу сунский гарнизон попал в засаду и был почти полностью уничтожен. Успешно начатая операция закончилась для сунгов полным поражением. Сражения в районе Лоу были ожесточенными. Вся территория восточных склонов гор Хэншань была опустошена. «На расстоянии в 300 ли дома и колодцы были брошены и сожжены. Старики и дети бродили без приюта»⁷³.

И как это случалось уже не раз, тангуты, одержав победу, не смогли развить успеха. Они стремились использовать временно добытое превосходство для заключения мира. К сунскому двору прибыло тангутское посольство с подарками. Тангуты опять просили обменять Суйдэ на две крепости и все отношения между государствами строить на основе договора 1044 г.⁷⁴. Сунский

⁶⁹ См. ССЦ, гл. 14, стр. 18а.

⁷⁰ См. там же, стр. 20а.

⁷¹ См. ЧБ, гл. 220, стр. 146—156.

⁷² См. СШ, гл. 486, стр. 3791.

⁷³ ССЦ, гл. 14, стр. 23а.

⁷⁴ См. СШ, гл. 486, стр. 3791.

двор от переговоров отказался, но согласился на обмен пленными.

В начале 1072 г. тангуты предложили Китаю установить границу в 20 ли севернее Суйдэ, примирившись фактически с потерей этого города. Китайцы и на этот раз отказались вести переговоры. В отместку тангуты разграбили район Суйдэ. Весной 1072 г. переговоры, наконец, состоялись. Было решено, что та и другая сторона может строить оборонительные сооружения в пограничной зоне в пределах 20 ли⁷⁵. Полностью пограничные вопросы не были решены, но военные действия были прекращены. Китайский двор выслал причитающиеся Си Ся по договору 1044 г. выплаты в счет 1072 г. Сторонники мира с Си Ся во главе с Ван Ань-ши одержали при дворе верх. Отвечая некоторым сановникам, сомневающимся в прочности мира, поскольку не было заключено клятвенного договора, Ван Ань-ши говорил: «Если можно вообще полагаться на клятвенный договор, то достаточно и того, что государство Си Ся ввело в действие прежний договор. Боюсь, что независимо от того, есть ли клятвенный договор или же его нет, обеспечить полную безопасность границ невозможно. Однако поскольку они (тангуты.— *Е. К.*) только что получили ежегодное пожалованье, то, разумеется, не осмелятся протестовать»⁷⁶.

Ван Ань-ши правильно полагал, что это мир временный и дело не в клятвенном договоре, а в более глубоких территориальных разногласиях между странами. Но обе стороны нуждались в мире, и мир был заключен. Данная война как раз совпала с началом проведения реформ Ван Ань-ши, поэтому ему нужен был мир с Си Ся. А поскольку Ван Ань-ши находился тогда у власти, его политика восторжествовала.

Обе стороны согласились признать остающимся в силе договор 1044 г. Сунский двор отдал приказ не совершать нападений на территорию Си Ся. Китайское посольство прибыло с подарками ко дню рождения Бин-чана. В Си Ся была доставлена очередная партия буддийских канонов.

Двухлетние кровопролитные бои не принесли успеха ни той, ни другой стороне. Пограничные конфликты, вызвавшие войну, не были решены. Тангуты не могли примириться с потерей Суйдэ, а при китайском дворе осталась влиятельная группировка сторонников войны с Си Ся. Войны с тангутами желали и многие пограничные китайские чиновники, искавшие в ней славы и наград. Поэтому не удивительно, что мир между двумя странами продержался только восемь лет.

Отношения между странами продолжали быть напряженными. Особое недоверие тангутов вызывала экспансионистская политика китайцев в отношении восточных тибетцев (о которой бу-

⁷⁵ См. ЧБ, гл. 230, стр. 6а.

⁷⁶ Там же, гл. 237, стр. 36—4а.

дет рассказано ниже). Кроме того, не прекращались местные грабительские налеты на пограничные районы с обеих сторон. Из Си Ся в Китай и из Китая в Си Ся регулярно засылались шпионы для разведки состояния обороноспособности границ. Все последующие после войны 1069—1072 гг. восемь лет мира прошли под знаком настороженности и подготовки к новой войне. До 1075 г. обстановка на границе была сравнительно спокойной. Возобновилась торговля.

В 1075 г. сунский двор произвел генеральный инспекторский смотр готовности границ к обороне. 42 полководца (цзян) разместились со своими армиями на китайско-тангутской границе⁷⁷. Тангуты же, чтобы продемонстрировать силу своей армии, вторглись в округа Линьчжоу и Фучжоу⁷⁸. С 1077 г. тангуты стали постоянно засылать разведчиков в Китай. Тангутские шпионы проникали на территорию Китая под видом торговцев лошадьми и селились среди тангутов, проживавших на территории Сун. Тангутские шпионы не только вели разведку, но и распространяли ложные слухи о предстоящих нападениях тангутских войск, подбивали местные племена к восстанию против сунских властей.

То же самое делали китайские шпионы на территории Си Ся. Сунские власти издали указ о немедленной казни пойманных шпионов.

В 1077—1078 гг. между Си Ся и Сун велась оживленная переписка по поводу пахотных пограничных земель. В результате было достигнуто соглашение о разделе земель в округе Фынчжоу. Граница была установлена по реке Шахэ. Каждая сторона получила по 30 цин пахотной земли⁷⁹. В других округах договоренность о размежевании не была достигнута и поэтому постоянно происходили мелкие столкновения на границе, в результате чего в 1079 г. тангуты совершили несколько незначительных нападений на китайскую территорию. Все эти инциденты, однако, носили чисто локальный характер. Активные военные действия тангуты вели лишь с тибетцами и уйгурами, которые по подстрекательству китайцев совершили нападение на Си Ся⁸⁰.

АКТИВИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОМ ТИБЕТЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИ СЯ С ВОСТОЧНОТИБЕТСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

После тибетско-тангутских войн в годы правления Юань-хао, Цзюесыло и его сыновья продолжали враждебно относиться к тангутам. При Лян-цзо эти враждебные отношения неоднократно приводили к открытым военным столкновениям.

⁷⁷ См. ССЦ, гл. 15, стр. 186.

⁷⁸ См. ЧБ, гл. 290, стр. 126.

⁷⁹ ССЦ, гл. 16, стр. 3а.

⁸⁰ См. СШ, гл. 490, стр. 3823.

Особенно частыми военные конфликты между Си Ся и тибетцами были в 1058—1065 гг. Большинство конфликтов было вызвано восстаниями отдельных племен и переходом их на сторону противника.

В 1058 г. на сторону тангутов першел тибетский старшина Анцо из племени Нало. Эпан, сделав его проводником, послал отряд тангутских войск для нападения на город Цинтан. Тибетские войска во главе с самим Цзюесыло наголову разбили тангутов. Это вызвало переход на сторону тибетцев нескольких пограничных племен, подчинившихся ранее тангутам. Цзюесыло принял их и вместе со своей армией першел границу Си Ся. Тибетцы разграбили пограничные области тангутского государства и затем возвратились в свои владения, так как в это время кидане прислали девушку в жены младшему сыну Цзюесыло Дунчжаню⁸¹.

С этого времени кидане и восточные тибетцы неоднократно пытались организовывать совместные выступления против Си Ся. Предполагалось, что в 1059 г. тибетские войска при поддержке киданей перейдут границу Си Ся, овладеют Лянчжоу и этими территориями будет управлять Дунчжань. Связь между тибетцами и киданями осуществлялась круглым путем через нынешний Синьцзян. Путь этот был долг и неудобен, что явилось серьезным препятствием для координации военных действий. Об этом плане прослышали тангуты. Их войска были приведены в боевую готовность. Узнав об этом, тибетцы и китайцы отложили осуществление своего замысла⁸².

Покончив с диктатурой Эпана, Лян-цзо несколько раз напал на тибетцев, но всегда терпел поражения. В 1062 г. тангутские войска напали на ставку Дунчжаня, но были разбиты. В конце 1063 г. тангуты, однако, добились существенного успеха на тибетской границе. Своей удачей они во многом были обязаны недальновидной политике местных сунских пограничных властей. Незадолго до этого управляющий округом Хэчжоу Ван Шао ограбил тибетские племена по реке Сихэ и подчинил все тибетские роды, проживавшие по западному берегу реки Таохэ. Юйцан Хуама, старшина города Сиши, отказался принять китайское подданство. Сунские войска выступили в поход для подчинения Юйцан Хуама. Видя, что его силы явно недостаточны для оказания сопротивления китайским войскам, Юйцан Хуама подчинился тангутам и передал Си Ся все свои владения, в том числе и пограничный город Ланьчжоу.

Приобретение района Сиши — Ланьчжоу ставило тангутов в выгодное положение на данном участке тангутско-тибетско-китайской границы. Поэтому они быстро ввели туда свои войска, и сунские войска, высланные против Юйцан Хуама, не решились вступить с ними в открытое сражение. Юйцан Хуама был

⁸¹ См. СШ, гл. 492, стр. 3838.

⁸² См. ЧБ, гл. 188, стр. 26—3а.

пожалован высокий титул, а для закрепления союза Лян-цзо дал ему в жены одну из своих родственниц⁸³.

В 1066 г. для укрепления вновь присоединенной области в Сиши было переведено управление армии Баоциньцзюнь. В городе сосредоточили большие запасы продовольствия. Юйцан Хуама назначили командующим войсками округа в должности тунцзюньшоу⁸⁴.

С 1063 г. тангуты на протяжении восемнадцати лет владели городом Ланьчжоу. Приобретение владений Юйцан Хуама положило начало присоединению к тангутскому государству всех плодородных земель к востоку от озера Кукунор.

В 1065 г. произошло последнее крупное столкновение тангутов с тибетцами в годы правления Лян-цзо. Несколько старшин восстали против Лян-цзо и перешли на сторону Цзюесыло, передав ему три тангутских городка. Цзюесыло плохо принял их, и они возвратились с повинной к Лян-цзо, умоляя простить их и дать им войска для возвращения подаренных ими же самими Цзюесыло земель. Лян-цзо простил их и выделил им 10-тысячный отряд конницы. Все попытки вернуть утраченные земли оказались тщетными. Разграбив пограничные районы владений Цзюесыло и угнав в Си Ся несколько сот тибетских семей, тангутские войска возвратились⁸⁵.

В 1065 г. Цзюесыло скончался. Однако его преемники и в дальнейшем продолжали враждовать с тангутами.

После смерти Цзюесыло в Восточном Тибете самым сильным правителем стал его сын Дунчжань. Дунчжань правил всеми землями озера Кукунор и прилегающим районом к северу от реки Хуанхэ. По сведениям китайских источников, в это время восточные тибетцы жили в деревянных домах, одевались в шубы. В стране была развита меновая торговля. Поскольку деньги часто заменяло зерно, можно думать, что восточные тибетцы достаточно широко занимались земледелием, особенно в долине реки Синни. Восточные тибетцы исповедовали буддизм. Однако источники подчеркивают, что, как и среди тангутов, у них широко была распространена вера в духов и различные гадания⁸⁶.

Кроме большого княжества Дунчжаня вдоль верхнего течения реки Хуанхэ располагалось несколько более мелких тибетских владений, постоянно служивших причиной раздоров между Си Ся, Дунчжанем и Сун. Такие мелкие владения существовали часто вокруг монастырей, и монахи пользовались там не меньшей властью, чем местные правители. В 1070 г. из владения, которым правил младший брат Дунчжаня Дуньюй (местонахождение

⁸³ См. ЧБ, гл. 226, стр. 3а; ССЦ, гл. 13, стр. 96.

⁸⁴ См. ССШШ, гл. 21, стр. 5а—5б.

⁸⁵ СШ, гл. 492, стр. 3838.

⁸⁶ Там же.

ние его не указано), прибыло посольство в Си Ся. Дунъюй враждовал со своим старшим братом и вынашивал планы объединения под своей властью всех восточнотибетских племен. По его рекомендации трем монахам было поручено «сообща создать письменные законы и обдумать план объединения всех цянвов». Прибывшее в Си Ся посольство должно было договориться о присылке для Дунъюя невесты. Этим он рассчитывал упрочить свое положение. Лян Имай согласился дать в жены Дунъюю тангутскую девушку из знатного рода. Но в это время китайцы сумели добиться подчинения Сун сильнейшего из подданных Дунъюя — старшины Сасы. Все планы Дунъюя рухнули. Не был заключен и брачный договор с Си Ся⁸⁷.

Дунчжань, как и его отец, враждебно относился к Си Ся. В годы правления Бин-чана, наполненные постоянными войнами с Сун, тибетцы всегда помогали Китаю. Лишь частые притязания китайцев на земли в верховьях Хуанхэ приостанавливали активные действия тибетских войск.

Хронологически события в этом районе развивались следующим образом.

В 1070 г. во время непрерывных атак на китайские границы со стороны тангутов большая армия Дунчжаня перешла границу Си Ся и, разбив пограничные тангутские войска, ограбила близлежащие районы. За эту услугу Дунчжань получил от сунского двора грамоту с императорской печатью, халат и пояс⁸⁸.

В 60-х годах XI в. на тибетско-тангутской границе активную деятельность развернул местный командующий сунскими войсками Ван Шао. Своей главной задачей он считал присоединение к Сун земель в верховьях Хуанхэ и у озера Кукунор. Ван Шао полагал, что первоначально следует овладеть районом к югу от Ланьчжоу по реке Таохэ. При этом он постоянно указывал, что если этого не сделают китайцы, то весь район попадет в руки тангутов, ибо местные владения, каждое с территорией лишь в 100—200 ли, вряд ли смогут оказать им сопротивление. В настоящее время, доказывал Ван Шао двору, только Дунчжань «кое-как еще может сохранить самостоятельность». Стоит Сун овладеть территориями к югу и юго-западу от Ланьчжоу, как и Дунчжань будет вынужден подчиниться. В дальнейшем приобретение владений Дунчжаня и подчинение всех местных племен Наньшаня должно было создать, по замыслу Ван Шао, плотное китайское кольцо вокруг Си Ся, смыкавшееся с уйгурами. Это кольцо должно было задушить тангутское государство⁸⁹. С этой целью сунцы в 1053 г. начали строить военный лагерь в Гувэй (уезд Лунси, в Ганьсу), а в 1060 г. открыли там рынок для торговли лошадьми. В районе Гувэй было много соляных колодезь,

⁸⁷ См. ЧБ, гл. 213, стр. 206—21а; ССЦ, гл. 14, стр. 13а.

⁸⁸ См. СШ, стр. 492, стр. 3838.

⁸⁹ См. там же, гл. 328, стр. 2769; ССЦ, гл. 14, стр. 236—24а.

и они являлись большим источником доходов местных тибетских племен. Поэтому присоединение этих земель к Сун вызвало недовольство тибетцев. Однако сунские власти объявили, что эти земли принадлежат местным племенам, и тем самым привлекли их на свою сторону⁹⁰.

В 70-х годах Ван Шао приступил к осуществлению своего плана. При этом он пользовался большой поддержкой со стороны Ван Ань-ши, который заявил, что «земли к западу от Тао[хэ] непременно должны стать внутренними (т. е. сунскими.— Е. К.) землями»⁹¹.

В 1072 г. Ван Шао подчинил все племена к западу от Таохэ и взял город Ушэн. В боях за Ушэн китайцы столкнулись с тангутским отрядом, прибывшим на помощь тибетцам, и разбили его. В Ушэн была создана китайская крепость Чжэнтаоцзюнь. Ван Шао одержал еще ряд побед, уничтожил несколько мелких тибетских владений, и поэтому двор принял решение создать новую область Сихэ. К концу 1072 г. войсками Ван Шао к сунским владениям были присоединены территории округов Таочжоу, Танчжоу и Миньчжоу.

Действия китайцев весьма обеспокоили Дунчжаня. Видя это, тангуты еще в 1072 г., в разгар наступления Ван Шао, решили добиться союза с Дунчжанем и привлечь его на свою сторону. К Дунчжаню было послано посольство с предложением дать невесту его сыну Линьбуби. Дунчжань согласился. Бракосочетание должно было состояться летом 1072 г. В невесты Линьбуби прочили младшую сестру Бин-чана. Однако вражда Дунчжаня к тангутам оказалась более сильной, чем страх перед Китаем. Ван Ань-ши предложил дать награды Дунчжаню, твердо уверенный, что Дунчжань «не рискнет отказаться от китайских милостей»⁹². Его предвидение оправдалось. Дунчжань изменил свое решение, и сделка не состоялась.

Взятие китайцами Ушэн и создание области Сихэ тангуты рассматривали как посягательство на их территорию. Они срочно стали готовить поход на новую китайскую область, а в Китай направили письмо с требованием передать им Ушэн на том основании, что Ван Шао «захватил земли, издревле принадлежавшие фаньским племенам»⁹³. Однако, так как только что окончилась китайско-тангутская война 1069—1072 гг., тангуты не решились начинать новые военные действия. Опасаясь за безопасность своих границ, Лян Имай приказал сосредоточить в этом районе войска. Тангуты приступили к укреплению пограничных крепостей и начали ремонт стен города Лянчжоу. По малейшей просьбе тибетцев тангуты срочно оказывали им поддержку.

---

⁹⁰ См. Эноки Кадзуо, *О Сё но Кика кэйро ни цуйтэ*, стр. 94—95.

⁹¹ Там же, стр. 118.

⁹² ЧБ, стр. 223, стр. 196.

⁹³ ССЦ, гл. 15, стр. 86, 96—106.

Ван Шао принял решение отрезать тибетцев от Си Ся. В 1074 г. он овладел городом Динцян, разгромил племя Цзехэ, изолировал местные тибетские племена от Си Ся и вступил в предгорья Наньшаня. Многие тибетские старшины были вынуждены признать свою зависимость от Сун⁹⁴.

Тангуты безуспешно пытались добиться подчинения местных племен. В 1075 г. Лян Имай обратился к монаху Либачжаню с предложением принять тангутское подданство. Либачжань был главой очень многочисленного рода, а его владения непосредственно примыкали к границам Си Ся. Местные китайские власти быстро известили двор о намерении Либачжана подчиниться Си Ся. Двор приказал дать Либачжаню высокий титул, и тот отказался подчиниться тангутам⁹⁵. В последующие годы сунские власти делали все возможное, чтобы укрепиться во вновь приобретенном районе. Пытаясь разрушить любые связи между тангутским государством и восточнотибетскими племенами, сунская правящая верхушка во главе с Ван Ань-ши преследовала далеко идущие цели, сформулированные самим Ван Ань-ши: «Если бы можно было постепенно при помощи „писанных законов“ спокойно управлять [племенами], то вскоре [фани] стали бы китайцами»⁹⁶. В 1074 г. Ван Шао был отозван в столицу. В 1075 г. тангуты безуспешно пытались сблизиться с тибетцами. А в 1076 г. Дунчжань, Гуйчжан и другие тибетские старшины совершили набег на только что присоединенные к Сун области. Однако в 1077 г. они снова принесли дары и вступили в тесный контакт с сунскими властями. Как полагает Эноки Кадзуо, возможной причиной нового сближения тибетцев с Сун была угроза захвата этих племен государством Си Ся⁹⁷.

До 1081 г. на тангутско-тибетской границе было спокойно. Приступив в 1080 г. к управлению страной, Бин-чан решил добиться союза с Дунчжанем. Он издал указ о пожаловании Дунчжаню должности цзедуши и одновременно концентрировал войска на границе, рассчитывая в случае отказа Дунчжана принять должность и сразу же напасть на Мяочуань (Лэчжоу)⁹⁸. Из-за неурядиц при тангутском дворе поход не состоялся. Дунчжань остался верен сунскому двору.

Когда в 1081 г. началась новая война между Си Ся и Сун, к китайским войскам присоединились значительные по численности отряды Дунчжана. В сделанном им заявлении Дунчжань обещал сунскому двору «совместными силами... уничтожить тангутское гнездо».

30-тысячная армия Дунчжана вступила на территорию Си Ся. Через некоторое время, проведя мобилизацию среди местных во-

⁹⁴ См. там же, стр. 146—15а.

⁹⁵ ЧБ, гл. 264, стр. 86; ССЦ, гл. 15, стр. 17а.

⁹⁶ Эноки Кадзуо, *О Сё но Кика кэйро ни цуйтэ*, стр. 142, 153.

⁹⁷ См. там же, стр. 141.

⁹⁸ См., ССЦ, гл. 16, стр. 5а.

сточнотибетских племен, Дунчжань увеличил численность своей армии почти до 100 тыс. Разделив армию на три колонны, он направил их на соединение с китайской.

Естественно, что тангутский двор не желал вести войну на два фронта. Лян Имай различно понимал, что их северные соседи — татары и западные — уйгуры, только шесть лет назад нападавшие на Си Ся, в любую минуту также готовы присоединиться к походу. Владение Дунчжаня могло стать связующим звеном между Китаем и западными соседями Си Ся. Нейтралитет Дунчжаня означал бы разрыв связей Китая с западом. Поэтому, несмотря на то что войска Дунчжаня грабили тангутские земли, к нему было отправлено посольство. Тангуты соглашались уступить тибетцам ряд своих территорий. Тангутские послы объявили Дунчжаню: «Если ты подчинишься нам, то мы дадим тебе титул и должность и окажем такие милости, какие ты только пожелаешь»⁹⁹. Однако Дунчжань не захотел вступать в переговоры.

Бесславная гибель сунских армий резко изменила обстановку. В 1082 тангуты перешли в наступление. Тангутские войска начали теснить тибетцев. Дунчжань поспешил заручиться поддержкой сунского двора. «Прежде,— писал он в Китай,— тангуты хотели заключить с нами мир, но мы отвергли их предложения. [Нами] уже обучены хорошо вооруженные войска. Ждем возможности следовать за Вами в карательном походе»¹⁰⁰. Китайский двор поддержал своего союзника и выслал ему на помощь войска. Тангуты отступили и вскоре через киданьского посла вновь предложили Дунчжаню мир. На этот раз Дунчжань заколебался. Но, испугавшись разрыва союза с Китаем, не решился начать переговоры¹⁰¹. Сунский двор, однако, узнал о колебаниях Дунчжаня. К тибетцам срочно был отправлен посол с заданием разъяснить Дунчжаню, что «поскольку Ляо и Цинтай (ставка Дунчжаня.— Е. К.) находятся далеко друг от друга, у этих стран нет никаких взаимных интересов, то следует прочно придерживаться прежнего договора [с Сун] и выслать войска для похода на запад»¹⁰².

В 1083 г. Дунчжань сильно заболел и вся власть в его владениях перешла к его приемному сыну Алигу, который был родом из Юйтянь (Хотан). Мать Алигу отдала его на воспитание Дунчжаню, который объявил мальчика приемным сыном. Когда родной сын Дунчжаня Линьбуби умер, Алигу стал наследником. Он оказался способным полководцем и не раз одерживал победы над тангутами. В 1082 г. тибетцы, предводительствуемые Алигу, захватили и разграбили тангутский город Чжолун¹⁰³.

⁹⁹ СШ, гл. 492, стр. 3839.

¹⁰⁰ ЧБ, гл. 324, стр. 8а—8б.

¹⁰¹ См. там же, гл. 325, стр. 7а.

¹⁰² Там же, гл. 338, стр. 2б—3а.

¹⁰³ См. там же, гл. 331, стр. 1а.

В конце 1082 г. тангутам удалось подкупить и вынудить подчиниться Си Ся младшего брата Дунчжаня Има Данчжэна¹⁰⁴. Тангутские войска в 1083 г. снова появились под стенами Мяочуаня (Лэчжоу). Алигу не только принудил тангутов снять осаду, но и, преследуя их, вступил на территорию Си Ся, разграбил несколько крепостей и от имени Дунчжаня доложил о победе сунскому двору, требуя войска для помощи в войне с Си Ся¹⁰⁵. В 1084 г. Алигу оказал большую поддержку осажденному тангутами китайскому гарнизону Ланьчжоу¹⁰⁶.

Сам Дунчжань, тяжело больной, был уже настроен менее воинственно. В 1084 г. он согласился выступить в качестве посредника в переговорах между Си Ся и Сун¹⁰⁷. Переговоры не состоялись, но тибетско-тангутские отношения заметно потеплели. И когда в 1086 г. Дунчжань скончался, его преемник Алигу постепенно отказался от прежних тесных связей восточных тибетцев с сунским двором и нередко стал выступать в качестве союзника тангутов.

ОТСТРАНЕНИЕ БИН-ЧАНА ОТ ВЛАСТИ

Оказывая все большее влияние на государственные дела, Бин-чан год от года более внимательно знакомился с китайскими принципами управления и церемониалом. Он постепенно расспрашивал пленных китайцев о жизни Китая, о сунском дворе и с одобрением отзывался о китайских порядках. В 1080 г. по его инициативе было принято решение о замене тангутского церемониала китайским. Указ о смене церемониала был издан Бин-чаном, несмотря на энергичные протесты матери-императрицы, гясяна Лян Имая и их сторонников¹⁰⁸.

Справедливо увидев в действиях Бин-чана угрозу своей власти, семья Лян и группировавшиеся вокруг нее старшины приняли решение осуществить государственный переворот и хотя бы временно отстранить Бин-чана от власти.

В начале 1081 г. был убит советник Бин-чана китаец Ли Цин, который проводил просунскую политику, а сам Бин-чан арестован, отведен в загородный дом близ Синчжоу и лишен всякой связи с внешним миром¹⁰⁹.

¹⁰⁴ См. ССШЦ, гл. 26, стр. 126.

¹⁰⁵ См. СШ, гл. 492, стр. 3839; ССЦ, гл. 17, стр. 22а—22б.

¹⁰⁶ См. СШ, гл. 467, стр. 3675.

¹⁰⁷ См. ЧБ, гл. 348, стр. 116—12а; ССЦ, гл. 18, стр. 46.

¹⁰⁸ См. ЧБ, гл. 312, стр. 76; ССЦ, гл. 16, стр. 46—5а.

¹⁰⁹ См. ЧБ, гл. 312, стр. 76; ССЦ, стр. 7а—7б. Большое распространение получили слухи об убийстве Бин-чана. Чжун Э доносил сунскому императору: «Вдовствующая императрица-регентша государства Си Ся неоднократно убеждала Бин-чана не пользоваться китайскими обрядами. Бин-чан не слушался. Правители из дома Лян вместе с дядьями со стороны матери также убеждали его, но Бин-чан был настроен против них генералом Ли и задумал казнить своих дядей по матери, а также сяна и гунов из дома Лян. Замысел его был раскрыт. Сян из дома Лян вместе с дядьями Бин-чана задумали

Весть об отстранении Бин-чана от власти взволновала всю страну. Сподвижники Бин-чана и настроенные оппозиционно дому Лян старшины собирали войска и строили укрепленные лагерь. Приспешники императрицы и семьи Лян привели в боевую готовность свои войска. Из ставки Лян во все концы страны один за другим мчались гонцы с серебряными пайцзами¹¹⁰, призывая мятежных старшин к повиновению, ведя переговоры с колеблющимися.

Вся страна разделилась на два лагеря. Тангутский старшина, сунский шпион, доносил китайским властям: «Тангутские государи, мать и сын, в соре и убивают своих сановников... В государстве Ся беспорядки»¹¹¹. Китайский двор расценил сложившуюся в тангутском государстве обстановку удобной для нападения на Си Ся.

В шестом месяце (9 июля — 7 августа) 1081 г. из Баоань-цзюнь в Си Ся было прислано письмо следующего содержания: «Мы получили известие, что государь лишен власти сильными сановниками и не может управлять самовластно. От этого не может не зависеть судьба государства, его существование или гибель. Сейчас двор собирается послать подарки ко дню рождения и зимние одежды. Гонцы придут на границу и не будут знать, кому вручить все это. Мы хотели бы знать, кто же теперь правит страной? Просим поскорее ответить!»¹¹²

Пока Лян Имай думал — отвечать ли ему на это письмо или не отвечать — и решил, наконец, не отвечать, при китайском дворе оживленно обсуждался вопрос о войне с Си Ся. Все сановники хором советовали императору не упускать столь редкого случая. «Такой случай бывает раз в тысячу лет,— писал в своем докладе Чжун Э,— и поэтому следует немедленно начать войну, чтобы спросить с тангутов за все совершенные ими преступления»¹¹³.

«Бин-чан убит своей матерью из дома Лян. Или, по другим сведениям, если и остался жив, то брошен в тюрьму и не может управлять государством. О его матери всюду говорят как о женщине развратной и злой. Население страны озлоблено и сожалеет о гибели Бин-чана. Вот-вот поднимутся дерзкие и нам безус-

---

сообща устроить пир. На пир пригласили Бин-чана. Когда он опьянел, он был убит в заднем парке. Были убиты также его жена, сын и сопровождавшие его люди, всего 110 человек. После этого сановники объявили, что государя убили разбойники. В государстве нет никого, кто бы не подозревал недоброе и не был озлоблен» (СШСГЧЦЧ, гл. 9, стр. 26).

¹¹⁰ Образцы тангутских пайцз хранятся в Пекинском историческом музее и воспроизведены в труде Ван Цзин-жу «Си Ся яньцзю», ч. 1. Это были пластины яйцевидной формы, с отверстием в верхней части и текстом на нижней. Пайцза — верительная бирка, удостоверявшая правомочность или личность её предъявителя.

¹¹¹ ЧБ, гл. 312, стр. 176.

¹¹² ССЦ, гл. 16, стр. 8а; ЧБ, гл. 313, стр. 12а.

¹¹³ СШ, гл. 486, стр. 3791.

ловно будут причинены неприятности. Теперь есть предлог для посылки войск. Небо погубит это государство так же легко, как можно легко переломить бамбук. Хочу сам прибыть ко двору и изложить план карательного похода»¹¹⁴, — Юй Чун вторил Чжун Э. Ко двору присылались доклады с хитро составленными детальнейшими планами уничтожения Си Ся.

И наконец, сунский император решился начать большой поход против Си Ся. Основная его цель была уничтожить тангутское государство.

В области Фуянь и Хуаньцин был спешно отправлен Ван Чжун-чжэн с приказом о мобилизации в этих районах мужчин, годных для военной службы. Прибывшая с ним большая группа военных была назначена командирами вновь создаваемых подразделений.

Был издан официальный указ о начале большого похода против Си Ся¹¹⁵. Одновременно повсюду было объявлено, что если старшины из дома Вэймин добровольно подчинятся Китаю и вместе со своими войсками помогут уничтожить врагов государства (правительство Лян), то все они получают высокие титулы и награды. Если же кто осмелится оказать сопротивление сунским войскам, то будет казнен сам вместе с девятью коленами родственников¹¹⁶ (от прадедов до правнуков).

Приказ сунского императора оказал некоторое воздействие на неустойчивых. «Среди тангутских старшин одни запрещали [подчиненным] сдаваться Сун, другие поощряли подчинявшихся»¹¹⁷. Местным властям было дано указание расспрашивать сдавшихся о восстаниях в Си Ся и о местах сбора войск. О полученных сведениях незамедлительно докладывать двору¹¹⁸.

Лян Имай сразу объявил военное положение в стране. Пойманных на пути в Китай перебежчиков убивали на месте. Границы были закрыты. В Суйдэ прибыло тангутское посольство с категорическим требованием выдать беглецов. Принятые меры оказали свое воздействие. Поток перебежчиков был остановлен. Вскоре Ван Чжун-чжэн и Чжун Э представили на рассмотрение сунского двора детально разработанный план войны против Си Ся. Китайцы рассчитывали захватить столицу Си Ся — город Синцин и уничтожить тангутское государство. Главные удары должны были быть нанесены в двух направлениях: с юга из областей Циньюань и Хуаньцин на Линчжоу — Синцин и с востока из областей Линьфу и Фуянь на Сячжоу — Хуайчжоу — Синцин. Одновременно третья, менее значительная группа войск,

---

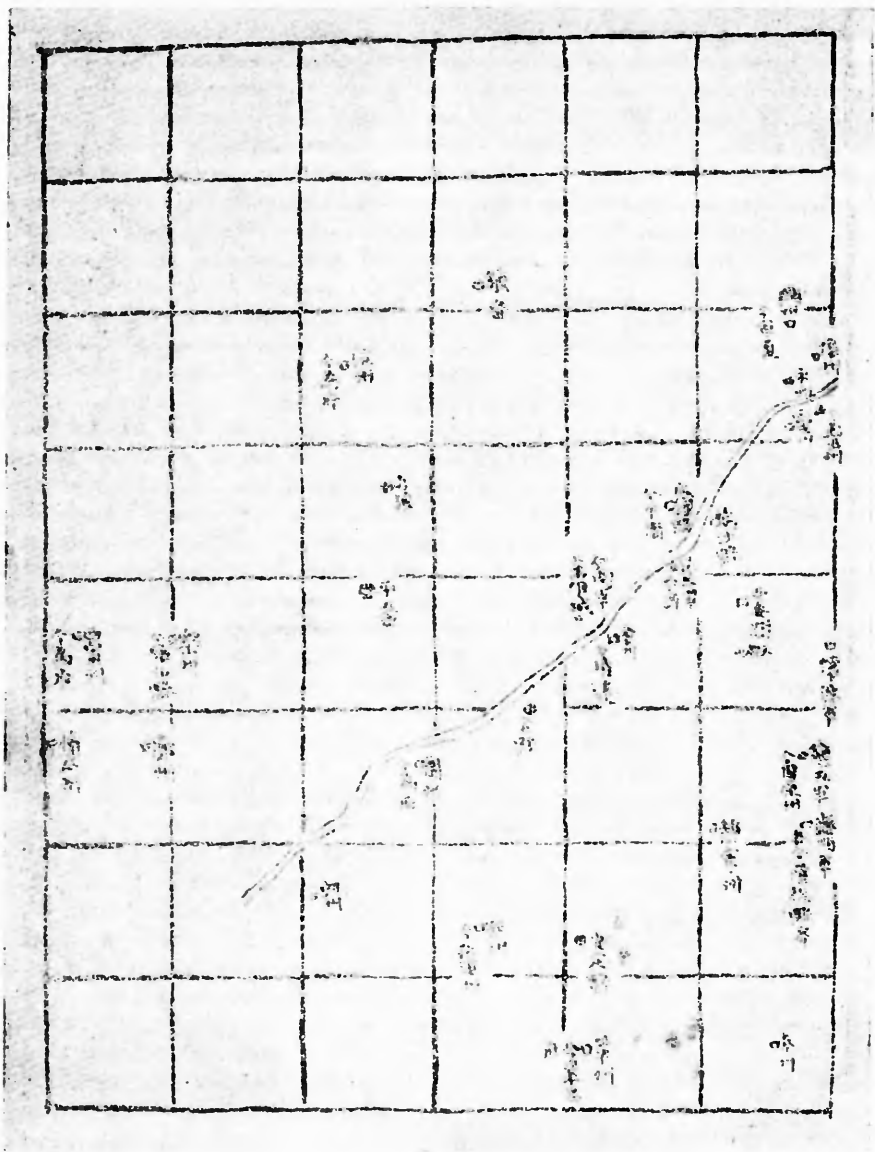
¹¹⁴ СШ, гл. 333, стр. 2802.

¹¹⁵ См. СШ, гл. 486, стр. 3792.

¹¹⁶ См. там же.

¹¹⁷ ЧБ, гл. 315, стр. 26.

¹¹⁸ См. там же, стр. 11а.

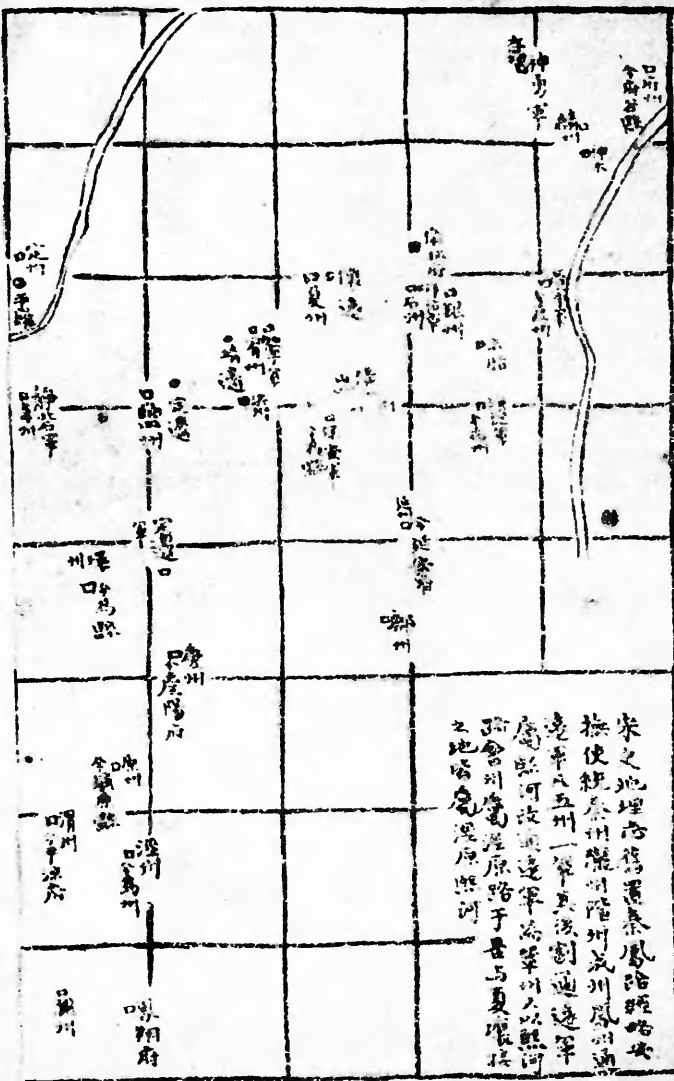

ГРАНИЦА СИ СЯ С ПЯТЬЮ ОБЛАСТЯМИ СУН
(левая половина)

夏東與宋五路接界圖

每方二百里

宋之地理尚舊置秦鳳路階州
 撫使統秦州鞏州階州成州鳳州通
 遠軍五州一軍其後割通遠軍
 屬熙河故通遠軍為鞏州以熙河
 路會州屬階原路于書與夏東接
 之地皆急湫原熙河

ГРАНИЦА СИ СЯ С ПЯТЬЮ ОБЛАСТЯМИ СУН
 (правая половина)

должна была вместе с тибетскими войсками вести наступление в районе Ланьчжоу — Лянчжоу¹¹⁹. Двор одобрил план войны. С осени 1081 г. сунские войска приступили к его осуществлению.

КИТАЙСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА 1081—1086 гг.

Хорошо продуманный план был провален его же составителями, едва они начали его осуществлять. Их вялые разрозненные действия, когда каждый искал славы лишь для себя, только содействовали успешному применению тангутами их старой тактики «вытоптанных полей».

Как только тангутский двор получил известие о готовящемся походе китайских армий, вдовствующая императрица Лян собрала военный совет. Все молодые участники совета единодушно высказались за активное сопротивление. Но один из старых полководцев, помнящий еще войны Юань-хао и победу тангутов над киданями, сказал: «Не нужно оказывать сопротивление китайским войскам. Необходимо лишь укреплять стены городов и оставлять врагу опустошенную территорию. Позволим им проникнуть в глубь страны. Соберем отборные войска в Лянчжоу и Сячжоу и вышлем отряды легкой кавалерии, чтобы отрезать пути подвоза продовольствия их армии. Громадная китайская армия, лишенная продовольствия, будет не в состоянии вести войну и окажется в очень трудном положении»¹²⁰. Императрица Лян поддержала старого полководца. План его был принят военным советом.

Наибольшего успеха китайские войска добились на крайнем западе. В конце 1081 г. сунский отряд под командованием Ли Сяня овладел Ланьчжоу¹²¹. Ли Сяню помогала 30-тысячная тибетская армия¹²². Армии Ли Сяня было также приказано дзигаться в район Синцин — Линчжоу, а в случае сильного сопротивления тангутов форсировать Хуанхэ и овладеть Лянчжоу с последующим продвижением к Синцину. Но, несмотря на поддержку тибетцев, Ли Сянь не смог развить успеха¹²³. Встав лагерем в горах Тяньдушань, он сжег там дворец Наньмунэйдянь, в котором, по-видимому, некогда жил Юань-хао и который служил местом отдыха тангутских государей, разграбил склады продовольствия и фуража, разбил тангутскую армию под командованием Жэньдо Эдина и повернул свои войска обратно, прекратив дальнейшее наступление. Он не только не выполнил приказа императора о наступлении на Синцин, но и не взял Лянчжоу.

Крайняя восточная колонна китайских войск численностью в 60 тыс. человек выступила под командованием Ван Чжун-чжэна

¹¹⁹ См. СШ, гл. 486, стр. 3792.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ См. ЧБ, гл. 316, стр. 16.

¹²² СШ, гл. 486, стр. 3792.

¹²³ См. там же, гл. 492, стр. 3839.

из Линьчжоу. Пройдя всего несколько ли, Ван Чжун-чжэн поспешил послать донесение двору о том, что он уже вступил на территорию Си Ся, а сам встал лагерем в долине Байцаопин и десять дней не трогался с места. Наконец он решился действительно вступить на территорию Си Ся и, переправившись через Удинхэ, стал двигаться на север по болотистой долине этой реки. В результате, не дав ни одного сражения, Ван Чжун-чжэн потерял много солдат и лошадей. Когда армия подошла к Ючжоу, в городе осталось не более 500 семей. Два дня армия двигалась на восток от Ючжоу, питаясь захваченным по дороге скотом. У местечка Найванцзин округа Ючжоу продовольствие кончилось. Начался голод. Обессиленные от голода и мертвые валялись прямо у дорог. Голодные солдаты отрезали от трупов куски мяса и ели их. 20 тыс. солдат погибло от голода. Ван Чжун-чжэн вынужден был отдать приказ об отступлении ¹²⁴.

93-тысячная армия, сформированная из войск области Фуянь и столичного военного округа (Кайфын), выступила под командованием Чжун Э из Суйдэ. Осенью 1081 г. армия Чжун Э овладела Мичжи. Тангутский отряд, прибывший на помощь осажденному гарнизону крепости, был разбит китайцами у реки Удинчуань, и вскоре крепость Мичжи пала. От одного из взятых в плен тангутских чиновников Чжун Э узнал местонахождение складов продовольствия в округах Синчжоу и Линчжоу, численность всех тангутских войск и стал стремительно развигать наступление, рассчитывая прежде всего захватить продовольственные склады. Его войска вошли в округ Шичжоу и затем, быстро продвигаясь по реке Сячуань, вступили на территорию округов Иньчжоу и Сячжоу. Вступив в город Сячжоу, сунские войска разграбили продовольственные склады и вскоре оставили город. До Синчжоу и Линчжоу Чжун Э так и не дошел.

При приближении китайских войск все мостное население разбегалось, оставляя разоренные селения, опустошенные поля и склады. Китайская армия голодала. С наступлением зимы в горах Хэншань выпал обильный снег. Голодные китайские солдаты быстро гибли от холода. Оставшиеся в живых разбежались. Чжун Э также был вынужден повернуть свои войска обратно. Когда его армия пересекла сунскую границу, она едва насчитывала 30 тыс. солдат ¹²⁵.

Так бесславно закончилось наступление двух основных ударных групп восточного крыла сунских армий.

Двумя большими колоннами двигались сунские войска, наступавшие с юга, из Цинчжоу. 87-тысячная армия под командованием Гао Цзун-юя наступала в направлении Циньюаньцзюнь — Линчжоу. Один из ее корпусов овладел крепостью Циньюаньцзюнь — форпостом тангутской обороны на южной границе. От

¹²⁴ См. СШ, гл. 486, стр. 3792; СШСГЧЦЧ, гл. 9, стр. 176.

¹²⁵ СШ, гл. 486, стр. 3792; СШСГЧЦЧ, гл. 9, стр. 126.

Цинъюаньцзюнь до Линчжоу было всего 300 ли. Сунские войска наступали широким фронтом, успешно продвигаясь вперед. Отлично действовала и вторая, 50-тысячная колонна южной армии под командованием Лю Чан-цзо. Наступая одновременно с Гао Цзун-юем на Линчжоу, Лю Чан-цзо разбил тангутскую армию в горном проходе Люциай, переправился через реку Хупухэ, вынудил принять бой командующего войсками юга младшего брата императрицы Лян и нанес ему поражение.

137-тысячная сунская армия подошла к Линчжоу. Лю Чан-цзо первым прибыл к городу. Городские ворота оказались открытыми. Авангард корпуса Лю Чан-цзо атаковал город. Гао Цзун-юй испугался, что вся слава победителя при Линчжоу достанется Лю Чан-цзо, спешно прислал гонца и просил подождать подхода его войск. Лю Чан-цзо боялся соперничества с Гао Цзун-юем и прекратил наступление.

После подхода корпуса Гао Цзун-юя оба полководца начали осаду города. 18 дней осады не дали никаких результатов. На 19-й день тангуты разрушили плотины по берегам Хуанхэ, регулировавшие подачу воды в систему оросительных каналов, и затопили китайский лагерь. Одновременно они отрезали все пути подвоза продовольствия. Стояли сильные холода. Те солдаты, которые не утонули, замерзали и умирали от голода. В живых осталось лишь 13 тыс. человек¹²⁶.

Отступавшие из Си Ся сунские войска несли большие потери от частых набегов тангутской конницы. К концу 1081 г. все крупные соединения сунских войск покинули территорию тангутского государства.

Так печально для Сун кончился этот поход. Более чем 300-тысячная армия вступила на территорию Си Ся осенью 1081 г. Взятие Ланьчжоу, ограбление Сячжоу и Ючжоу, осада Линчжоу были самыми блестящими ее успехами. Ни один из корпусов сунских войск не сумел даже дойти до столицы Си Ся. Большая часть солдат погибла. Даже скупые на оценки составители «Сун ши» были вынуждены при описании этих событий отметить, что «сунские войска погибли бесславно»¹²⁷.

¹²⁶ СШ, гл. 486, стр. 3792; ШСГЧЦЧ; гл. 9, стр. 126.

¹²⁷ СШ, гл. 486, стр. 3792. Бесславная гибель сунских армий потрясла страну.

Безвестный поэт писал:

Одинокие звезды, мерцая, освещают холодную степь,
Ржут ханьские кони у подножья пяти могил.
В зале дворцовом не согласны использовать искусные планы,
Сын Неба напрасно приглашает советников мудрых,
Бедствия, охватившие территорию в 10 тыс. ли, проникли
в Янь и Цзи (территория провинции Хэбэй. — Е. К.).
Дух истребления со всех сторон направляется от Лин и Ся.
Кажется, успехи обернулись неудачей,
Жизнь моя действительно проходит даром.

(Ван Жэнь-цзинь, *Си Ся вэнь чо*, изд. «Шисюе цуншу», [б. м.], 1904, стр. 16).

Война убедительно показала низкую боеспособность китайской армии, бездарность большинства командовавших войсками полководцев. За шесть лет до этого, в 1075 г., сунский двор не решился вступить в войну с Ляо и безропотно отдал киданям значительные территории в Шэньси. Решив взять реванш в Си Ся, китайцы лишний раз продемонстрировали слабость своей армии. Неудача китайских войск в 1081 г. была в какой-то мере предтечей их поражений в боях с чжурчжэнями.

Война на этом не закончилась. Но военные действия уже не были столь грандиозны по своим масштабам. Тангуты не смогли воспользоваться случаем и быстро организовать нападение на Китай. Им мешала разгоревшаяся вражда двух группировок — дома Лян и представителей рода Жэньдо, поделивших между собой войска на восточное и западное крыло¹²⁸.

Весной 1082 г. в столицу Ляо прибыло тангутское посольство, обратившееся к киданям с просьбой помочь заключить мир с Сун. Кидане отправили в Китай короткий письменный запрос: «Из государства Си Ся прибыло сообщение, что Сун безо всякого к тому повода начало с ним войну. Хотелось бы знать причину таких действий»¹²⁹. Сунский двор ответил, что Бин-чан признает старшинство Сун и арест его является бесчестьем и для Сун. Поэтому долгом Сун было вступить за него. Кроме того, тангуты первые напали на Сун, и, обратившись за помощью к киданям, они надеялись поссорить Сун и Ляо. Китайцы выражали надежду, что кидане внимательно разберутся во всем¹³⁰. Кидане были удовлетворены ответом. Однако установление мира между Си Ся и Сун было совсем не в их интересах.

В начале 1082 г. тангуты начали восстановление города Наньмоу в горах Тяньдушань, ограбили сунский город Динси (находился восточнее Хэчжоу), сконцентрировали войска в округе Ючжоу. Затем они совершили несколько нападений на города северо-западной границы Сун — Цзиньтан, Яньань и др. В стране была объявлена всеобщая мобилизация. К восточным границам стягивались войска из Силян, Ганьчжоу и Гуачжоу. Из десяти человек, годных к военной службе, девятерых забирали в армию¹³¹. В середине года тангуты осадили Чжэньжунцзюнь и Саньгуаньчжай, но были отбиты.

Сунские войска также укрепляли границы и те немногие крепости, которые они захватили во время «великого похода». Бы-

---

Горечь поражения была еще более тяжелой от сознания, что Китай сам развязал эту войну. Сыма Гуан говорил: «Нельзя отрицать, что столкновения при Лин и Ся были вызваны нами» (Чжоу Чунь, *Си Ся шу*, гл. 5, стр. 8а).

¹²⁸ См. ССЦ, гл. 17, стр. 1а.

¹²⁹ СШ, гл. 486, стр. 3792.

¹³⁰ См. там же.

¹³¹ ССЦ, гл. 17, стр. 7а—5б.

ло решено укрепить предгорья Хэншань и с этой целью восставить город Уянь и обнести стеной город Юнлэ.

Юнлэ не имел достаточного количества воды. Опытный в пограничных делах Чжун Э и другие командиры считали поэтому бесполезным возведение вокруг этого города новых стен. Тем не менее город был заново укреплен и переименован в Иньчуаньчжай. В новой крепости разместили десятитысячный гарнизон.

Появление новой крепости с таким большим гарнизоном создавало угрозу безопасности Ючжоу и смежных с ним округов. Поэтому не прошло и десяти дней после завершения всех работ, как тангуты осадили новую крепость, взяли ее и уничтожили весь гарнизон вместе с прибывшей ему на помощь армией. Всего в боях под Юнлэ сунские войска потеряли несколько сот командиров и 200 тыс. солдат ¹³². Это было второе большое поражение китайских войск в этой войне. Тангуты же, одержав победу под стенами Юнлэ, напали на Суйдэ и после нескольких попыток штурмом овладеть городом устроили демонстративный смотр своих войск у пограничных крепостей и возвратились.

Итоги двух лет войны были плачевны для Сун. «Китайские войска взяли всего шесть крепостей: Цзялу, Убао, Ихэ, Мичжи, Футу и Саймынь, а в боях под Линчжоу и Юнлэ потеряли убитыми 600 тыс. солдат, добровольцев и покорных цянов. А сколько десятков тысяч денег, хлеба, серебра и шелка ушло на ведение войны или было захвачено тангутами — и не сосчитать!» ¹³³.

Тангуты тоже были измотаны войной и хотели заключения мира. Для того чтобы позондировать почву возможности переговоров, один из сановников, Вэймин Цзи, направил письмо Лю Чан-цзо, в котором писал:

«Недавно двор вдруг поднял войска и совершил на нас нападение потому, что Сын Неба и его пограничные чиновники рассуждали так: „Государство Си Ся соблюдает прежний договор, а [посему] следует выступить неожиданно. Если одновременно двинем войска из пяти областей, то одним ударом сможем подчинить его“.

Поэтому в прошлом году имело место сражение под Линчжоу, а нынешней осенью шли бои под Юнлэ. Но что же получится, если сравнить победы и поражения китайских войск с прежними намерениями [их руководителей].

Двор постоянно занимался государством Ся. [Он] в свое время проводил тактику наступления из пяти областей и [другие] несправедливые планы на всех границах. Познав безуспешность того, чего добивались силой, следовало бы уповать на Небо и идти путем смирения. К тому же государство Ся обладает территорией в 10 тыс. ли в окружности и несколькими сотнями ты-

¹³² СШ, гл. 486, стр. 3792.

¹³³ Там же.

сяч тех, кто одет в латы. На юге Юйтянь¹³⁴ — наш дружественный сосед, на севере Даянь¹³⁵ — наш могущественный помощник. И даже если, как это сделали Вы, пользуясь случаем, в удобный момент начать борьбу, то пусть она будет длиться хоть десятки лет, едва ли [Вы] можете рассчитывать на успех. К тому же подумайте и о том, что простые люди Поднебесной незаслуженно испытывают огромные трудности.

Наш государь¹³⁶ с начала войны постоянно думал, что еще со времен далеких предков наше служение Китаю безупречно. Мы всегда посылали дань или подарки. Но Ваши пограничные чиновники, стремясь добиться заслуг, наговаривали на нас императору, а тот слушал их, и это привело к смутам. Союз предков нарушен, отношения между сюзереном и вассалом разорваны.

Причины существования и гибели государств обнаруживаются далеко не сразу. Разве двор не заботится об этом? Ведь несчастья государства Лу не начались мгновенно с Чжуаньюй, а свержение дома Суй зародилось у Ян Ганя¹³⁷. Все эти злые умыслы вынашивались в сердцах людей, наделенных властью и титулами. Не следует и говорить об их последствиях, они хорошо известны. Сейчас Поднебесная клонится к упадку. Почему бы как раз теперь не сказать правду в лицо, не раскрыть все злые замыслы и добиться того, чтобы Китай и государство Ся жили дружно, как прежде? Тогда и простой народ увидел бы благоденствие. Разве это доставит счастье только Ся? Ведь это также счастье и Поднебесной!»¹³⁸.

Этот документ — один из лучших образцов дипломатической переписки той эпохи, написан в спокойном тоне с полным сознанием своей правоты и силы. Он поражает трезвым анализом событий и реальной оценкой последствий, которые могли вытекать из затяжной войны Сун с Си Ся. Успехи тангутов в этой войне дали им возможность предложить Китаю «уповать на Небо и идти путем смирения». Письмо было представлено сунскому императору, и тот приказал ответить на него, но ответ нам неизвестен. Только ясно, что мир не был достигнут. Тангутское посольство,

---

¹³⁴ Юйтянь — соседнее с Си Ся государство, занимавшее территорию современного Хотана. Вместе с тем есть упоминания о том, что люди из Юйтяня участвовали в войне на стороне китайских войск. В 1083 г. Лян Имай, отразив нападение одного из китайских отрядов, взял в плен «напятах в Юйтянь людей для перевозки продовольствия и верблюдов» (ССЦ, гл. 17, стр. 166).

¹³⁵ Вероятно, имеется в виду государство Ляо. Янь, современный Пекин, был одной из столиц киданьского государства.

¹³⁶ К этому времени Бин-чан, по-видимому, уже был освобожден из заключения. К 1082 г. относится сообщение о том, что он участвовал в походе вместе со своей матерью (См. СШСГЧЦЧ, гл. 9, стр. 266).

¹³⁷ Чжуаньюй — государство эпохи Чунь-цю, вассал княжества Лу. Вероятно, во втором примере имеется в виду Ян Сюань-гань, суйский сановник, восставший против императора Ян-ди незадолго до падения династии Суй.

¹³⁸ СШ, гл. 486, стр. 3792.

с подарками прибывшее в Китай в начале 1083 г., не было принято¹³⁹. Война продолжалась.

Уже ранней весной 1083 г. началось большое наступление тангутов на Ланьчжоу. Потеря Ланьчжоу — важного стратегического пункта на тангутско-тибетско-китайской границе — явилась серьезным ударом по интересам Си Ся в этом районе. Тангуты прилагали все усилия к тому, чтобы возвратить город. Весной 1083 г. большая тангутская армия начала осаду Ланьчжоу. Благодаря находчивости и мужеству китайского военачальника Ван Вэнь-юя, организовавшего дерзкую ночную вылазку, приведшую в смятение лагерь тангутов, осада была снята.

Одновременно тангутские войска осадили Аньдин и Баоань-цзюнь¹⁴⁰.

В первой половине 1083 г. тангуты еще три раза осаждали Ланьчжоу и всякий раз неудачно. Тогда летом они предприняли новую попытку заключить мир. Война тяжело сказалась на хозяйстве Си Ся. В стране резко возросли цены. В пограничных районах страны «все хозяйство было заброшено и никто не осмеливался пахать землю. Люди голодали»¹⁴¹. Как всегда, экономика Си Ся не выдержала длительной войны. Эта была одна из главных причин стремления тангутов заключить мир. Война не сулила им ничего хорошего. Они сознавали неравенство сил. Опыт, приобретенный благодаря потере Суйдэ, подсказывал им, что вряд ли они сумеют возвратить Ланьчжоу. Почетный и выгодный мир был лучшим выходом из войны.

Тангутское посольство вновь было отправлено в Китай. Письмо сунскому императору было написано от имени Бин-чава. В письме говорилось, что некоторые тибетские князья желают мира Си Ся с Сун, что причиной войны явились подлые люди, оклеветавшие государя Си Ся¹⁴².

Сунский двор согласился на заключение мира. Как обычно, виновниками развязывания войны были объявлены пограничные чиновники, действовавшие якобы вопреки воле двора, а основой взаимоотношений Си Ся и Сун признавался старый договор 1044 г.

Сунский император направил в Си Ся письмо, в котором говорилось: «Сейчас Ваш посол, прибывший к нашему двору, ведет себя почтительно и выполняет установленный нами ритуал. Более того, получив сообщение о том, что прежнее государственное правление восстановлено, я очень обрадовался и принял Ваше представление. Я уже предупредил пограничных чиновников, чтобы они самовольно не начинали военных действий. Вы, в свою очередь, также должны сохранять прежний союз»¹⁴³. Сун-

¹³⁹ См. СШ, гл. 350, стр. 2915.

¹⁴⁰ См. ССЦ, гл. 17, стр. 14а.

¹⁴¹ Там же, стр. 18а.

¹⁴² См. СШ, гл. 486, стр. 3793.

¹⁴³ Там же.

ский двор выслал шелк и деньги в счет ежегодных выплат по договору 1044 г. Однако он отказывался рассмотреть вопрос о границах, «вернуть все то, что им было захвачено» у тангутов. В результате очень скоро Бин-чан и его окружение стали поговаривать о том, что «требуемое можно получить, лишь полагаясь на военную силу»¹⁴⁴. Более того, тангуты получили сообщение, что посланные сунским двором в Си Ся шелк и деньги были доведены только до границы. По приказу сунского двора эти средства предписывалось использовать «для привлечения тангутов к сдаче»¹⁴⁵. Суны прекратили возобновившуюся было торговлю¹⁴⁶. Все это свидетельствовало об изменении решения китайского двора. Мир, казавшийся таким близким, был нарушен.

И весной 1084 г. 80-тысячная тангутская армия снова осадила Ланьчжоу. 10 дней тангуты атаквали город. К стенам одновременно приставляли до ста штурмовых лестниц. «Стрелы сыпались дождем». Через десять дней у тангутов кончилось продовольствие и они сняли осаду¹⁴⁷. В течение 1084 г. тангутские войска не раз атаквали сунские пограничные крепости на всем протяжении границы от Яньань до Ланьчжоу. И одновременно через посредничество тибетцев они снова стремились добиться мира с Сун¹⁴⁸.

В последние дни 1084 г. Бин-чан послал новое посольство к сунскому двору. Послы передали подарки и просили возвратить Си Ся Ланьчжоу. Китайцы ответили категорическим отказом¹⁴⁹.

К 1084 г. относится первое сообщение о нападении на Си Ся татарских племен (дадань). Татары «питали вековую вражду» к государству Си Ся, так как оно прервало все их связи с Китаем. Татары часто грабили северные границы тангутского государства. Захваченных в плен тангутов они продавали в рабство киданям. В 1084 г., узнав о войне Си Ся и Сун, татары из пустыни Гоби вторглись в район Ганьчжоу.

Получив известие о походе татар на Си Ся, сунский двор отправил посла с заданием добраться до татар и добиться координации их действий против Си Ся с тибетцами. Посол сумел добраться лишь до Цинтана, где был задержан одним тибетским старшиной и оставлен в местном монастыре¹⁵⁰.

Весной 1085 г. скончался госян тангутского государства Лян Имай. По некоторым данным, он был убит, так как его заподозрили в измене¹⁵¹. Должность перешла по наследству к его сыну Лян Ибу, который продолжал политику отца. Все его

¹⁴⁴ ССЦ, гл. 17, стр. 21а.

¹⁴⁵ ЧБ, гл. 341, стр. 136.

¹⁴⁶ См. там же, стр. 18а.

¹⁴⁷ См. СШ, гл. 467, стр. 3675.

¹⁴⁸ См. ЧБ, гл. 348, стр. 12а.

¹⁴⁹ См. СШ, гл. 16, стр. 144.

¹⁵⁰ См. ЧБ, гл. 346, стр. 1а—2а; ССЦ, гл. 18, стр. 26—3а.

¹⁵¹ См. ССЦ, гл. 18, стр. 66—7а.

усилия были направлены на возвращение потерянных территорий. Весной 1085 г. скончался сунский император Шэнь-цзун. Новый император Чжэ-цзун отдал приказ не нападать на границы Си Ся и произвести обмен траурными и поздравительными посольствами. Это приостановило военные действия и послужило поводом к новым переговорам о мире. Вскоре скончалась мать Бин-чана — императрица Лян. Тангутское посольство с табунами лошадей и белых верблюдов прибыло к сунскому двору с сообщением о трауре. Посол передал письмо Бин-чана, в котором тот писал: «Мать, чувствуя приближение конца, сказала окружающим ее сановникам: Испокон веков мы получали титулы от [китайского] двора и пользовались его милостями и церемониалом. Хотя сейчас не решены пограничные дела, наказываю Вам послать в дар оставленные мною в наследство [сунскому двору] вещи, чтобы показать, что я не забыла почтительность и следую приличиям. И хотя глаза мои закроются, в моем сердце нет ненависти»¹⁵².

Сунский двор подарил тангутам новый календарь¹⁵³. Все это свидетельствовало об известном улучшении отношений между двумя странами.

В конце лета к сунскому двору прибыло новое тангутское посольство с просьбой вернуть Ланьчжоу и пять самых больших из захваченных китайцами крепостей. На заседании дворцового совета с большой речью по этому поводу выступил Сыма Гуан. Он сказал: «Обязательно следует рассмотреть вопрос об этих землях, так как от них зависит безопасность той окраины. Ведь сражения при Линчжоу и Сячжоу, по сути дела, были начаты нами. Несколько наших вновь построенных крепостей — все находятся на их территории. Разве следует скупиться и не отдать их теперь, когда мы приняли их (тангутов.— Е. К.) в свое подданство. Безусловно, тангуты говорят: „Новый сын Неба взшел на трон. Если сейчас мы с еще большим усердием будем служить Китаю, то, возможно, он и возвратит захваченные у нас земли“. Поэтому, если сейчас не решить этот вопрос, то не только их почтительность не возрастет, но они снова попытаются вернуть их силой. В лучшем случае они обратятся с письмом к императору, в котором проявят невежливость и непокорность, в худшем — они нападут и захватят новые города. Когда это случится, делать будет нечего и невольно придется отдать эти земли. Это будет позором для нашего государства! Разве это будет хорошо?.. Эти совершенно бесполезные земли, из-за которых не прекращаются войны, приносят государству только несчастье. Надеюсь, что Вы, государь, сами решите этот вопрос на благо всех Ваших подданных»¹⁵⁴.

¹⁵² ЧБ, гл. 362, стр. 3а.

¹⁵³ См. там же, гл. 360, стр. 4а.

¹⁵⁴ СШ, гл. 486, стр. 3793.

Большинство членов дворцового совета не поддержали Сыма Гуана. Некоторые предлагали крепости возвратить, но потребовать взамен возвращения китайских военнопленных, захваченных тангутами при Юнлэ. За каждого возвращенного человека предполагалось дополнительно дать 10 кусков шелка¹⁵⁵. Остается неясным, были ли приняты эти предложения, но война явно шла на убыль.

Ведение переговоров было прервано внезапной смертью Бин-чана, последовавшей 21 августа 1086 г. Бин-чану было всего 36 лет. Он правил государством 20 лет. За это время в Си Ся были сменены следующие девизы лет правления: Цянь-дао — два года, Тянь-сы-ли-шэн-го-цин — пять лет, Да-ань — одиннадцать лет, Тянь-ань-ли-дин — один год. Бин-чану было дано посмертное имя императора Кан-цзин, храмовое имя Хуй-цзун. Могила его была названа Сяньлин. Престол перешел к трехлетнему сыну Бин-чана Тоба Цянь-шуню. Пограничные споры Си Ся и Сун так и не были разрешены.

Бин-чан все 20 лет своего правления покорно следовал советам своей матери и ее братьев. Попытка Бин-чана начать самостоятельное правление в 1081 г. окончилась неудачей и привела к фактическому устранению его от активного вмешательства в государственные дела. Если Лян-цзо добился некоторых успехов в укреплении своей власти, продолжая во внутренней политике линию своего отца Юань-хао, то Бин-чан, с детства поставленный в оппозицию к своей матери, пытался опереться на группировки, тяготевшие к Китаю. Такая политика, естественно, не обеспечила ему широкой поддержки и потерпела провал. Поэтому в годы правления Бин-чана в Си Ся, по-видимому, не было проведено никаких существенных реформ. Стоявший у власти дом Лян всю свою энергию тратил на борьбу с постоянной и сильной оппозицией. Непрерывные войны с Китаем привели к упадку хозяйства Си Ся. Страна оказалась в трудном положении, которое усугубилось неурожаем и голодом в 1085 г. Прекращение войны, заключение мира с Китаем и урегулирование пограничных вопросов — все это стало насущной задачей внешней политики Си Ся. От быстрого ее решения зависело сокращение военных расходов, армии и подъем экономики страны. Но прежде чем эта задача была решена, Си Ся пришлось пережить еще долгий период войн и разрухи.

---

¹⁵⁵ СШСГЧЦЧ, гл. 10, стр. 246, 26а.

Г Л А В А VI

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ПУТИ К НОВОМУ ПОДЪЕМУ

(годы правления Цянь-шуня и Жэнь-сяо)

КРУШЕНИЕ МОГУЩЕСТВА ДОМА ЛЯН

Утверждение Цянь-шуня на престоле произошло после упорной борьбы двух старых группировок при тангутском дворе — Вэймин и Лян. Хотя Цянь-шунь был законным наследником престола и носил фамилию Вэймин, но уже два раза в истории Си Ся малолетние тангутские государи попадали в руки родственников вдовствующих императриц, и правящий дом Вэймин лишался реальной власти. Поэтому вопреки сложившейся традиции престолонаследия Вэймин Ау не хотел возводить на престол трехлетнего Цянь-шуня. Ему и его сторонникам противостояла сильная группировка во главе с Лян Ибу, захватившая всю власть в стране. Возведение на престол малолетнего Цянь-шуня не только обеспечивало сохранение власти в руках дома Лян, но и обещало упрочение ее и даже открывало путь к заветной цели Лян Ибу — возведению на престол представителя своего рода.

Во время этой неравной борьбы положение в стране было тяжелым. Китайские пограничные чиновники доносили сунскому двору: «Старшины нападают друг на друга, настроение у народа беспокойное»¹. Долгое время китайцы тщетно пытались разузнать, кто же стал государем Си Ся. Это лишний раз подчеркивает остроту и напряженность придворной борьбы. Победу одержала группировка Лян Ибу. Цянь-шунь был возведен на престол, его мать, государыня Чжао цзянь вэнь му из дома Лян, стала регентшей, и власть прочно перешла в руки Лян Ибу, всемогущего цзайсяна, верховного правителя государства.

Лян Ибу поспешил расправиться со своими противниками: одних казнил, других сослал, третьих просто выгнал со службы. О сложившемся в Си Ся положении мы узнаем из докладов китайских пограничных властей сунскому двору в 1087 г., где сооб-

¹ СШСГЧЦЧ, гл. II, стр. 26.

шалось: «Цянь-шунь не управляет государственными делами. Власть захватил некий Лян Ибу. Поэтому многие приближенные государя и люди, издавна состоявшие на государственной службе, были уничтожены»². Фань Чунь, правитель Хуаньчжоу, сообщил: «Дом Лян имеет намерения узурпировать власть, но вынужден держать на престоле сына дома Вэймин, чтобы иметь влияние в войсках, ибо знает, [что если старшины Лян завладеют престолом.— Е. К.], то народ страны не подчинится, а все старшины могут испугаться этого...».

Фань Чунь сообщил, что в Си Ся вся власть находилась в руках дома Лян. Представители других знатных родов «рассеяны по разным уголкам страны и не пользуются никаким влиянием в государственных и военных делах. Лишь трое из них — Вэймин Тэкэци, Шакэ Синдо и Байчжун Чачэнь — еще достаточно сильны и имеют [свой] войска. Все они завидуют дому Лян, но боятся его. Днем и ночью [они] ждут только повода, чтобы уничтожить дом Лян, и досадают, что сами его выдвинули». Далее Фань Чунь предлагал: «Хорошо бы направить шпионов к оставшимся сторонникам дома Вэймин и подогреть в них злобу против дома Лян. Когда среди них будут вынашиваться планы (уничтожения власти Лян.— Е. К.), их злоба против дома Лян еще более возрастет»³.

Доклад Фань Чуня свидетельствует о борьбе двух группировок — Вэймин и Лян — за власть в стране.

Дом Лян за годы правления Бин-чана не только сумел сосредоточить в своих руках всю власть в государстве, но и имел намерение завладеть престолом. Во главе оппозиции стояли старшины Вэймин. Поединок мог решиться в борьбе за влияние на подрастающего Цянь-шуня. Немалую роль в этой борьбе должны были сыграть и личные качества юного государя.

Тяжелым было в этот период положение народа. В результате длительных и изнурительных войн народ обнищал. В 1089 г. «все тангутские сановники, учитывая, что страна очень долго вела войны, просили дать народу отдохнуть»⁴. Сановники Лян, сообщалось в докладах сунскому двору, «очень жестоко обращаются со своим народом. Взрослые страдают от налогов и повинностей, старые и малые — от недостатка средств к жизни, высшие и низшие озлоблены и скорбят, все хотят их (дома Лян.— Е. К.) гибели»⁵. Такое отношение народа к дому Лян способствовало успешной борьбе Вэймин.

Дом Лян оказался не в состоянии ни противостоять этому напору, ни стабилизировать положение внутри страны, ни покончить с войнами.

² ССЦ, гл. 19, стр. 8а.

³ ЧБ, гл. 407, стр. 20а—20б.

⁴ ССШШ, гл. 28, стр. 8б.

⁵ ЧБ, гл. 467, стр. 2а.

Силы оппозиции крепили год от года и благодаря тому, что подраставший Цянь-шунь все более тяготился опекой своих дядей по матери и делал все возможное, чтобы освободиться от власти Лян. Мать Цянь-шуня не была похожа на его бабушку. Она не вмешивалась столь энергично в государственные дела, не всегда поддерживала своих родственников в их внутренней и внешней политике. Было ясно, что она тоже не стала бы очень возражать, если бы дом Лян, и прежде всего Лян Ибу, был отстранен от власти. Лян Ибу чувствовал это и, по существу, лишил государыню Лян всякой возможности влиять на решение государственных дел. Недовольная этим, она стала настраивать сына против своих родственников.

Постепенно перевес сил оказался на стороне оппозиции. В начале 90-х годов XI в. поведение Ибу стало вызывающим. Он уже, по докладам китайских чиновников, «совершенно не допускал императрицу вмешиваться в управление войсками», т. е. решать вопросы войны и мира, а «его намерения произвести государственный переворот становились все более и более очевидными»⁶.

Оппозиция перешла к решительным действиям. В 1094 г. главы ее, старшины Вэймин Ау, Жэньдо Бао-чжун и Сачжэнь, собрали свои племенные войска и войска своих сторонников и напали на Ибу. Лян Ибу был убит, вся его семья и его многочисленные родственники также уничтожены⁷. К власти вернулись старшины правящего дома Вэймин и наиболее влиятельные из их сторонников.

Цянь-шуню в это время было всего 11 лет. Власть опять оказалась в руках новой группировки, поддерживаемой императрицей Лян. Сохранение влияния императрицы не позволяло новым правителям страны игнорировать Цянь-шуня. Старшины Вэймин поддерживали ее стремление воспитать из него полноправного государя. Через пять лет, в 1100 г., шестнадцатилетнему Цянь-шуню пришлось самому начать управление страной, так как в 1099 г. скончалась его мать, императрица Лян. Есть сообщения о том, что она была отравлена человеком, подосланным из Ляо. Киданьский двор хотел, чтобы Цянь-шунь совершенно самостоятельно управлял страной⁸. Эта версия выглядит достаточно правдоподобной. Не успели похоронить государыню Лян, как из Ляо пришла просьба, написанная скорее в тоне приказа, о том, чтобы Цянь-шунь направил тангутские войска против племен басыму (одно из тюркских племен). Басыму, проживавшие в юго-западном районе Ляо, подняли мятеж, который кидане никак не могли подавить⁹. Можно предположить, что кидане и до этого добивались посылки тангутских войск. Императрица Лян

⁶ ССШЛ, гл. 29, стр. 156.

⁷ См. там же.

⁸ См. СШСГЦЦЧ, гл. 12, стр. 14а.

⁹ ЛШ, гл. 70, стр. 310.

не желала, чтобы тангуты вмешивались в этот конфликт, и поэтому была устранена киданьскими шпионами.

В годы правления малолетнего Цянь-шуня продолжались тангутско-китайские войны, и по своему характеру они не отличались от тех войн, которые вели Си Ся и Сун при Лян-цзо и Бин-чане. Поэтому прежде чем перейти к характеристике самостоятельного правления Цянь-шуня, следует остановиться на тангутско-китайских отношениях в 1087—1100 гг.

ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ И ВОЙНЫ СИ СЯ И СУН В КОНЦЕ XI в.

Смерть Бин-чана прервала переговоры Си Ся и Сун о границе. В конце 1086 г. тангуты отправили посольство в Сун с известием о трауре. Посольство принял сунский император¹⁰. По случаю траура послы были одеты в халаты из некрашеного шелка с черными поясами¹¹. Во время аудиенции китайский император обещал тангутам, что Си Ся будут возвращены все захваченные Сун с 1081 г. города и крепости, если, в свою очередь, тангуты вернут китайских военнопленных¹². Некоторые члены дворцового совета предлагали отдать тангутам и район Ланьчжоу, но встретили отпор большинства совета, руководимого Сыма Гуаном. Чтобы подчеркнуть свое дружелюбное отношение к Си Ся, сунский двор отдал приказ не только не принимать перебежчиков, но и возвратить Си Ся всех беглых старшин. У некоторых из этих старшин были свои достаточно сильные вооруженные отряды, и китайцам пришлось применить силу, чтобы вытеснить их с территории Сун. На границе их поджидали тангуты. Со многими из старшин тангутские чиновники расправились прямо на месте¹³.

В 1087 г. сунский двор признал Цянь-шуня государем Си Ся. Однако в присланном ему свидетельстве он по-старому, как Цзи-цзянь и Дэ-мин, именовался цзедуши и ваном Сипин. Давая Цянь-шуню такое звание и титул, суны нарушили договор 1044 г. Но поскольку в это время Лян Ибу расправлялся со своими противниками, он не обратил внимания на нарушение договора и принял присланное из Китая свидетельство.

Весной 1087 г. в Яньань прибыло предписание осмотреть крепости Цзялу, Мичжи, Футу и Аньцзян и передать их тангутам¹⁴. Тангуты вернули Сун 118 беженцев и потребовали возвращения еще двух стратегически важных крепостей — Саймынь и Цзиньчэн, ссылаясь на то, что их требование поддерживают и кидане. Сунский двор отказал тангутам¹⁵. Китайцы стали укре-

¹⁰ См. ССЦ, гл. 19, стр. 2а—2б.

¹¹ Там же.

¹² См. СШ, гл. 486, стр. 3793.

¹³ См. ССЦ, гл. 19, стр. 2б.

¹⁴ См. там же, стр. 4а.

¹⁵ См. там же, стр. 4б.

плять район Каньгу — Ланьчжоу. Вначале тангуты направили Китаю письмо с протестом, а когда оно не оказало никакого воздействия, вторглись в район Цзинъюань и ограбили ряд пограничных крепостей¹⁶. Между Си Ся и Сун началась новая война, которая велась вяло, с большими перерывами, наполненными бесконечными переговорами о мире.

Летом 1087 г. тангуты часто нападали на район Ланьчжоу. На этот раз вместе с ними выступали тибетцы. Осенью они расширили фронт действий и ограбили область Чжэньжунцзюнь¹⁷. Громадная тангутская армия была сконцентрирована в горах Тяньдушань для наступления на Ланьчжоу. В помощь ей должна была выступить тибетская армия из Цинтан. Китайцы помешали тибетцам переправиться через Хуанхэ и нанесли им сильное поражение. План совместного похода тангутов и тибетцев на Ланьчжоу провалился¹⁸.

Тангуты не присылали к сунскому двору посольства с благодарностью за полученное свидетельство на титул, не дарили подарков в праздничные дни. Двор приказал не посылать в Си Ся календарь на 1088 г., а на границе было объявлено: если тангуты захотят торговать, пусть пришлют посольство с благодарностью, возвратят пленных и решат вопрос установления границ¹⁹.

Не было ясным отношение киданей к новому государю. Прошел год, а из Ляо еще не прибыло свидетельство на титул. Лян Ибу решил не посылать киданям новогодние подарки²⁰. Лишь в конце лета 1088 г. прибыло посольство из Ляо. В свидетельстве на титул Цянь-шунь был назван ваном государства Си Ся²¹. Кидане также именовали государя Ся менее значительным титулом. Этот факт был еще одним свидетельством упадка международного престижа тангутского государства.

На протяжении всего 1088 г. тангуты неоднократно нарушали границы Китая. В то же время они часто присылали людей с просьбами о мире. Неопределенность положения пугала пограничных жителей. Они отказывались вести сельскохозяйственные работы. Пограничные власти объявили о мерах по «защите пахарей»²², но на деле китайские гарнизоны очень часто оказывались не в состоянии защитить земледельцев от тангутских набегов.

В конце 1088 г., по сообщениям китайских источников, в Си Ся происходили волнения. Характер их неизвестен, хотя можно думать, что они были результатом тангутско-китайских отношений, а их следствием явилась отправка тангутского посольства к

¹⁶ См. ЧБ, гл. 401, стр. 7а.

¹⁷ См. ЧБ, гл. 400, стр. 5б—6а; гл. 405, стр. 5а.

¹⁸ См. там же, гл. 404, стр. 11б.

¹⁹ Там же, гл. 407, стр. 4а.

²⁰ См. ССШШ, гл. 28, стр. 6а.

²¹ См. ЛШ, гл. 25, стр. 97.

²² ЧБ, гл. 409, стр. 1а.

сунскому двору с подарками и предложением о заключении мира²³.

Весной 1089 г. в Кайфын приехал Вэймин Шаньли. Он привез в дар лошадей, письмо с благодарностью за титул Цяньшуню и просил мира²⁴. Такое же посольство было отправлено в Ляо²⁵.

В середине 1089 г. тангуты возвратили китайских военнопленных, взятых ими в плен при Юнлэ, а китайцы передали тангутам четыре крепости: Цзялу, Мичжи, Футу и Аньцзян²⁶.

И все-таки пограничный вопрос остался нерешенным. Тангуты больше всего жалели о Ланьчжоу и предлагали полученные ими четыре крепости обменять на этот город²⁷. Китайцы отказались. В конце 1089 г. тангуты предложили в пограничных городах обрабатывать земли лишь в пределах 10 ли от городской стены, а на расстоянии следующих 10 ли от этой зоны оставлять пустошь²⁸. Предложение тангутов было принято, и границу стали устанавливать по этому принципу. Но уже в ходе переговоров возникли новые осложнения. Так, китайцы после захвата Ланьчжоу заняли более 50 цин плодородных земель, расселили там военных поселенцев, а для их защиты выстроили крепости Шэнжу и Чжигу. Тангуты потребовали возвращения этих земель. Получив отказ, они немедленно напали на эти крепости. Крепость Чжигу была разрушена, а крепость Шэнжу вначале разграблена²⁹, а потом также разрушена³⁰. Несмотря на эти военные столкновения, тангуты послали к сунскому двору посольство с новогодними подарками³¹.

Военные действия проходили и во время переговоров в 1091—1093 гг. Часть китайских сановников считала, что «нападения тангутов вызваны неуступчивостью китайцев в пограничных вопросах»³², а также тем, что «пограничные чиновники, стремясь получить поощрения, вызывают столкновения на границе»³³.

Другие же предлагали сунским войскам продолжать беспокоить тангутов, применяя тактику мелких нападений. «Ведь варвары не имеют укреплений,— говорили представители этой группы,— не имеют военных лагерей. По свисту созываются и совершают набеги, а уже если рассеются, то их трудно собрать. Хотя граница охраняется местными войсками, но их недостаточно»³⁴.

²³ См. ССЦ, гл. 19, стр. 156.

²⁴ См. СШ, гл. 486, стр. 3793; ССЦ, гл. 19, стр. 16а.

²⁵ См. ССЦ, гл. 19, стр. 18а.

²⁶ См. СШ, гл. 486, стр. 3793.

²⁷ См. СШСГЧЦЧ, гл. 11, стр. 136.

²⁸ См. ЧБ, гл. 436, стр. 96.

²⁹ См. СШ, гл. 486, стр. 3793; ССЦ, гл. 19, стр. 22а—22б.

³⁰ См. ЧБ, гл. 448, стр. 96.

³¹ См. СШ, гл. 486, стр. 3793.

³² ССЦ, гл. 20, стр. 26.

³³ ЧБ, гл. 464, стр. 186.

³⁴ Там же, гл. 466, стр. 6а.

Третьи считали, что нужно сосредоточить китайские войска в больших крепостях и наносить массированные удары. «Если отобрать наиболее стойкие войска для наблюдения за движением противника,— говорили они,— то мы сможем первыми атаковать тангутов, когда они соберут свои силы для нападения, и снова совершать внезапные налеты, когда они рассредоточатся. Таким образом, силы врага всегда будут расколоты, а наши — собраны в единый кулак и мы всегда успешно будем атаковать слабого противника»³⁵.

Предпочтение получила тактика мелких нападений³⁶. К середине 1092 г. китайские набеги так измотали тангутов, что они вынуждены были обратиться за помощью к киданям. К тому же в 1091 г. на Си Ся напали татары. Отряды их достигли гор Хэ-ланьшань и жестоко разграбили прилегающие районы страны³⁷.

Киданьский император принял тангутского посла. Во время беседы он сообщил, что оказать помощь кидане не могут, так как Ляо и Сун давно поддерживают между собой мирные отношения. Император согласился лишь обратиться с запросом к сунскому двору. На запрос киданей китайцы ответили кратко — тангуты сами напали на Сун, о чем в свое время и было послано извещение Ляо³⁸.

Осенью 1092 г. китайцы отказались от тактики мелких нападений. «Пограничные полководцы активизировали военные действия, часто совершали нападения, забирали много пленных, убивали старых и малых, во всех областях они стремились получить награды и пограбить»³⁹. Все это мешало укреплению обороноспособности страны.

В конце 1092 г. 100-тысячная тангутская армия, предводительствуемая самой императрицей Лян, напала на Хуаньчжоу, расположенный на границе с Си Ся на песчаной равнине с редкими источниками. Еще до подхода тангутских войск китайцы отравили один из источников. В результате погибла часть тангутской армии. Озлобленные неожиданными потерями, тангуты семь дней осаждали город. Недостаток продовольствия и упорное сопротивление гарнизона Хуаньчжоу вынудили тангутов к отступлению. На обратном пути громадная тангутская армия еще раз потерпела поражение — она попала в подготовленную китайцами засаду и понесла большие потери⁴⁰. Новые неудачи заставили тангутов вторично обратиться за помощью к киданям, и на этот раз результат был тот же⁴¹. К этому времени государство

---

³⁵ СШ, гл. 486, стр. 3793.

³⁶ См. ССЦ, гл. 20, стр. 76.

³⁷ См. ЧБ, гл. 471, стр. 16—2а.

³⁸ Там же, гл. 476, стр. 106.

³⁹ Там же, стр. 6а.

⁴⁰ См. ССЦ, гл. 20, стр. 16а—16б.

⁴¹ См. ЧБ, гл. 482, стр. 9а

Ляо заметно ослабло, и кидане действительно не в состоянии были помочь тангутам.

Поняв это, тангуты весной 1093 г. послали письмо в Баоань-цзюнь с предложением о мире ⁴².

Прежде чем дать окончательный ответ, сунский двор решил проверить твердость намерений тангутов. Как раз в это время на западе появился новый враг Си Ся — Юйтянь (Хотан). Весной 1093 г. из Юйтянь в Кайфын прибыло посольство с предложением начать совместные действия против тангутов. Это предложение хотанских уйгуров было неожиданным для китайцев. В прошлом, и китайцы знали об этом, Юйтянь было «лучшим другом государства Си Ся» ⁴³. Лишь совсем недавно между ними возникла вражда. Это насторожило сунский двор, и он отказался от союза, зная по опыту, как трудно будет добиться единства действий, да и не особенно веря в глубину и долговечность вражды Юйтянь и Си Ся. Кроме того, Китай не был заинтересован в новом конфликте с тангутами.

Тангуты по достоинству оценили расположение китайского двора к миру. В начале лета их послы прибыли в столицу Сун, принесли извинения за пограничные инциденты и объявили, что государство Ся дарит Ланьчжоу сунам. Взамен они просили крепость Саймынь. Однако широкий жест тангутов, подаривших Китаю город, который они потеряли 12 лет назад, не вызвал энтузиазма при сунском дворе. Дарить тангутам Саймынь не было никакого смысла. И китайцы на это не пошли ⁴⁴. В конце 1093 г. китайские отряды снова сражались с тангутами близ Ючжоу. В начале 1094 г. тангуты повторно обращались с просьбой об обмене пограничными землями и опять получили отказ.

Казнь Лян Ибу на время отвлекла тангутов от внешнеполитических вопросов. Шли бесконечные переговоры о границе. В конце 1095 г. переговоры были прерваны китайцами. При сунском дворе уже не в первый раз одержала верх агрессивно настроенная группировка. «Следует прекратить разговоры о границе. Пусть следы, оставленные прошедшей конницей, станут нашей пращицей», — заявил от имени сторонников войны на очередном заседании совета Се Цзин-вэнь ⁴⁵. Ложное представление о мощи своих пограничных армий опять возобладало при сунском дворе. Началась новая война.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1096—1099 гг.

Китайские полководцы хотели войны, и они добились своего. В 1096 г. война началась большим общим наступлением тангутских войск на китайские границы. В течение полугода их отряды

⁴² См. там же, гл. 480, стр. 6а.

⁴³ См. ЧБ, гл. 481, стр. 7б; ССЦ, гл. 20, стр. 18б.

⁴⁴ См. ЧБ, гл. 483, стр. 1а.

⁴⁵ СШ, гл. 295, стр. 2549.

штурмовали крепости Саймынь, Ихэчжай, Шуньнин и многие другие. В конце года тангуты начали наступление на Яньчжоу. Сам Цянь-шунь и его мать принимали участие в походе. Вскоре пал сунский город Цзиньмин; из солдат его гарнизона в живых осталось лишь пять человек. Тангуты захватили 50 тыс. дань хлеба и 10 млн. снопов соломы. Разграбив окрестные города, тангутские войска отступили, оставив письмо следующего содержания: «В прошлом, когда государство Си Ся вело переговоры с двором о границах, почти по всем вопросам мнение сторон было едино... Трудно предположить, чтобы двор изменил свое мнение и отказался установить границу по линии размещения пограничных гарнизонов»⁴⁶. Китайские пограничные чиновники утаили это письмо от императора.

Тангуты не имели достаточно сил, чтобы проникнуть далеко в глубь территории Китая⁴⁷. Как правило, они совершали набеги на пограничные области Китая, откуда увозили награбленное имущество и пленных.

Прослышав о войне Си Ся и Сун, юйтяньский правитель совершил нападение на тангутские округа Ганьчжоу, Шачжоу и Сучжоу. Ограбив их, он послал своего сына к сунскому двору с докладом о победе. На этот раз китайский император щедро наградил юйтяньских послов⁴⁸.

В 1097 г. обе стороны продолжали военные действия с переменным успехом. К концу года сунские войска одержали несколько побед. Отряду под командованием Ли Синя удалось пробиться в глубь территории Си Ся и разрушить город Хунчжоу. Другой китайский отряд разрушил стены Яньчжоу. Сунские войска вернули крепости Цзялу и Аньцзян.

Осенью 1097 г. в Си Ся начался сильный голод. Китайские войска разграбили Ючжоу. Страна оказалась в тяжелом положении. Начало 1098 г. ознаменовалось упорным наступлением китайских войск. Сунские отряды постоянно вторгались на территорию Си Ся, строили новые крепости и оборонительные сооружения. Главный удар сунских армий был направлен на Линчжоу. К середине года тангутам удалось сдержать напор китайских войск, а местами они сами перешли в контрнаступление и разграбили сунские области Фуянь и Цзиньюань.

Очередное тангутское посольство прибыло в этом году в Ляо с просьбой о помощи. Кидане охотно писали письма сунскому двору, но войск не высылали. На этот раз письмо императору Ляо написала сама государыня Лян. Кидане без особого энтузиазма объявили о мобилизации войск для оказания помощи тангутам. Собранные войска были подтянуты к границам Сун, но с выступлением кидане медлили⁴⁹.

⁴⁶ СШ, гл. 486, стр. 3794.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, гл. 940, стр. 3820, гл. 18, стр. 152.

⁴⁹ См. ССШШ, гл. 30, стр. 12а.

Во второй половине 1098 г. китайские войска пытались овладеть горами Тяньдушань и Хэншань. Они стремились закрепить в этих горных массивах и с двух сторон — с юга и востока — начать наступление в сердце тангутского государства, на округа Линчжоу и Синчжоу.

Пока китайцы готовили эту операцию, тангутские войска потерпели сильное поражение под Пинся. Крепость Пинся была построена китайцами на берегу реки Хаошуйхэ (в районе Вэйчжоу) всего год назад. В результате тангуты лишились плодородных пахотных земель к западу от Вэйчжоу. Местное население тяжело переживало утрату этих земель. «Песни и веселье, пахотные земли — все отнято китайцами», «они отобрали у нас кусок хлеба», — говорили тангуты. Борьба за эти земли была неизбежной.

И вот 300-тысячная тангутская армия перешла границу Сун. Началась осада Пинся. Город был уже на краю гибели, когда внезапно поднявшаяся буря заставила тангутские войска отступить⁵⁰. В это же время тангуты потерпели поражение в областях Сихэ и Фуянь. Они потеряли более 20 тыс. человек убитыми и несколько десятков тысяч голов скота. В пограничных районах «на протяжении нескольких сот ли были сожжены все кибитки и уничтожены запасы продовольствия. [Страна] лишилась боевого духа»⁵¹. Боясь ответного наступления сунских войск, тангутский двор отдал приказ в тылу «выкопать погреба и создать запасы продовольствия, войскам всех цзяньцзюньсы вытоптать все хлеба вдоль границы и прибегнуть к тактике «чистого поля»⁵². Мертвая, пустынная зона разделила Китай и Си Ся. Тангутские послы отправились на север, к киданям, просить войск⁵³.

Но наступление сунских войск затягивалось, а в 1099 г. при тангутском дворе произошли большие перемены. В начале этого года скончалась государыня Лян, и Цянь-шунь стал полновластным правителем страны. Он сразу же приложил все усилия к тому, чтобы при посредничестве киданей добиться мира с Сун. Тангутские войска помогли киданям подавить восстание племен басыму⁵⁴. Пограничным китайским властям было отправлено письмо с просьбой разрешить тангутам прислать дары. Письмо было возвращено, так как оно было написано на тангутском, а не на китайском языке⁵⁵. Посольство, прибывшее к сунскому двору с известием о кончине государыни Лян, просило «простить [тангутов] за совершенные ими преступления»⁵⁶. В качест-

---

⁵⁰ См. ЧБ, гл. 503, стр. 5а; ССЦ, гл. 21, стр. 86—9а.

⁵¹ ССЦ, гл. 21, стр. 106.

⁵² Там же.

⁵³ См. ЛШ, гл. 115, стр. 421.

⁵⁴ См. там же.

⁵⁵ См. ССЦ, гл. 21, стр. 12а; ЧБ, гл. 506, стр. 96.

⁵⁶ ЧБ, гл. 506, стр. 56.

ве условия заключения мира китайцы потребовали выдачи старшин, особенно жестоко грабивших во время войны пограничные районы⁵⁷. Тангуты молчали.

В третьем месяце (25 марта — 22 апреля) 1099 г. с просьбой о заключении мира с Си Ся обратились к Сун кидане. В беседе с сунским императором киданьский посол сказал: «Император Северного двора осмелевает обратиться к императору Южного двора по вопросу о делах Си Ся и предлагает вначале дать [тангутам] передышку, а уже потом добиваться мира». Сунский император ответил: «Жители запада несколько лет подряд нарушали правила приличия и их безусловно нужно было покарать. Зачем же докучать нам посылкой послов?» Киданьские послы только почтительно поддакивали и вручили ноту киданьского двора, в которой, в частности, говорилось: «Поскольку Ляо питает к Сун самые почтительные чувства и относится к Сун как внук к деду, а Си Ся в отношении Ляо ведет себя справедливо и почтительно и относится к нему как племянник к дяде, то [Ляо] безусловно стремится к тому, чтобы обе стороны полностью пришли к твердому соглашению»⁵⁸.

Ответная нота Сун была написана в довольно резком тоне. Суть ее сводилась к тому, что сунское государство само вправе решать все вопросы, касающиеся его взаимоотношений с Си Ся, и не потерпит постороннего вмешательства в свои дела.

Тем не менее киданьская нота оказала свое действие. Суны не хотели ссориться с Ляо, хотя и были твердо уверены, что Ляо никогда не вышлет войска в помощь Си Ся. Летом 1099 г. Цянь-шунь по просьбе сунского двора казнил двух старшин, Вэйбаомо и Эюй, военных советников императрицы Лян и предполагаемых виновников нападений на Сун⁵⁹.

Пользуясь передышкой, китайские пограничные власти строили на границе новые крепости. Из-за этого во второй половине 1099 г. вновь возникло несколько пограничных инцидентов, но они не помешали ходу переговоров. К сунскому двору прибыли тангутские послы с извинениями. Цянь-шунь писал Чжэ-цзуну: «Я, молодой и неопытный, наследовал дело отцов и не справился с многочисленными трудностями по управлению государством. Кроме того, я боялся ограничений со стороны матери. Некогда злые дядья лишили ее самостоятельности. Они искали повода для ссоры. Постепенно лукавые сановники все больше укрепляли свою власть и безрассудно начали войну, чем вызвали Ваш гнев и, более того, вынудили Вас прибегнуть к крайним мерам — карательному походу и прекращению посылки ежегодных подарков... Теперь мать умерла, а продажные люди казнены или изгнаны. Поэтому [я] спешно послал послов с известием о трау-

⁵⁷ См. там же, стр. 6а.

⁵⁸ Там же, гл. 507, стр. 10а.

⁵⁹ Там же, стр. 7б; ССЦ, гл. 21, стр. 18а—18б.

ре и приложил доклад с извинениями... Разрешите восстановить прежний договор (договор 1044 г.— *Е. К.*)»⁶⁰.

Китайцы были удовлетворены письмом Цянь-шуня, они объявили о прекращении военных действий и просили прислать текст договора.

Пограничный конфликт на тибетско-китайской границе, в который вмешались и тангуты, несколько задержал его присылку.

Лишь в начале 1100 г. к сунскому двору прибыл тангутский сановник Вэймин Цзи с письмом, текст которого гласил: «Давно беспокойно в моем государстве. Продолжительное время оно подвергалось всяческим бедствиям. Два раза власть в нем захватывали родственники матери государя, а продажные чиновники много раз отдавали воровские приказы, неоднократно вызывали беспорядки на границе и тем самым только увеличивали гнев в сердце Вашего Величества. Причины наших раздоров глубоки, а справедливым жалобам трудно было дойти до Вашего Величества. Теперь эта клика, державшая в своих руках судьбу моего государства, уничтожена. Я сам вернулся на правильный путь и давно искренне умоляю принять мой доклад, простить нам наши прежние преступления. Прошу продолжить старый союз наших государств. С глубочайшим почтением подносим мы этот доклад. Поэтому распорядитесь принять дары и это клятвенное обязательство и дайте нам тем самым возможность показать свою искренность и преданность. Призовите к порядку пограничных чиновников и навсегда будут уничтожены причины раздоров, предостерегите Ваших государственных деятелей и в отношениях между нашими странами мы постоянно будем руководствоваться принципами святости и мудрости. Если нарушать договор, то преступления и злоупотребления не прекратятся, а если отказаться от договора, то причины всех недоразумений и войн по-прежнему будут существовать. Будем же строго соблюдать статьи договора [1044 г.]».

В ответном указе, полученном тангутами, говорилось:

«Если ты (Цянь-шунь.— *Е. К.*) будешь строго соблюдать договор, то мы не нарушим данного нами слова. Начиная с сегодняшнего дня ежегодные подарки от нашего двора будут поступать в прежних размерах»⁶¹.

Итак, между Си Ся и Сун был наконец заключен мир. Обе стороны обязались выполнять условия договора 1044 г. Но это был мир на условиях «status quo». Он не решал ни одного спорного пограничного вопроса. Суйчжоу и Ланьчжоу остались за Китаем. Китайцы не возвращали ни одной из захваченных крепостей. Таким образом, этот мир был выгоден только Сун.

Однако тангутское государство как никогда нуждалось в мире. Мир должен был способствовать укреплению экономики стра-

⁶⁰ ЧБ, гл. 515, стр. 1а—1б.

⁶¹ СШ, гл. 486, стр. 3794.

ны, упрочению государственной власти. Мирный договор с Сун был первым дипломатическим успехом молодого тангутского государя Цянь-шуня. Он не думал отказываться от возвращения потерянных областей и рассматривал этот мир как временную передышку. Силы войны сохранили свое влияние и в Си Ся, и в Сун. В Си Ся они были представлены родовыми старшинами, видевшими в грабительских войнах источник обогащения, в Китае — пограничными чиновниками, пользовавшимися большой самостоятельностью и жаждавшими в войне найти славу. Все это делало заключенный мир непрочным.

Тем не менее этот кратковременный мир имел большое значение для укрепления центральной власти в Си Ся, укрепления тангутской экономики и общего усиления всего тангутского государства.

Период с 1048 по 1100 г. можно считать третьим этапом в истории тангутского государства. Он характеризуется ослаблением центральной власти внутри страны и упадком внешнеполитического могущества Си Ся. Ослабление центральной власти было вызвано непрерывной борьбой старшинских группировок за влияние при дворе, господством родственников матерей-императриц вначале из дома Моцзан, а затем дома Лян и оттеснением от власти представителей правящего дома Вэймин. По сути своей это была борьба за право распределения доходов внутри страны, борьба за лучшие пастбища и пахотные земли, борьба за преимущественное право эксплуатации тангутского народа.

Лян-цзо, Бин-чан и Цянь-шунь вступили на престол детьми. Ни Лян-цзо, ни Бин-чан не сумели добиться установления прочной власти государя, власти, которой обладали их предки. И хотя Лян-цзо постепенно удалось упрочить свое влияние, его преждевременная гибель поставила страну в очень тяжелое положение.

Резко ухудшилось международное положение тангутского государства. Си Ся вело непрерывные войны с Китаем, киданями и тибетцами. Оно сумело отстоять свою независимость, но понесло территориальные потери, утратив районы Суйчжоу и Ланьчжоу. Война нарушила торговые связи страны с Китаем и сильно подорвала ее экономику. Перед Цянь-шунем стояла трудная задача восстановить былое могущество тангутского государства.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦЯНЬ-ШУНЯ

Цянь-шунь оказался талантливым, деловым и энергичным правителем. Один из тангутских послов в Ляо на вопрос киданьского императора, какой человек Цянь-шунь, ответил: «Способен от природы, умен, дела решает со вниманием, правит обстоятельно»⁶².

Цянь-шунь начал с усовершенствования системы просвещения и государственного аппарата Си Ся. В образовании, и прежде

⁶² ССШЦ, гл. 31, стр. 16а.

всего образовании конфуцианском, он видел силу, которая могла превратить степных кочевников в государственных деятелей, способных поднять престиж тангутского государства.

В 1101 г. по его приказу была создана государственная школа. Она была призвана прежде всего поднять уровень конфуцианского образования — учить китайскому языку, классической китайской литературе, истории⁶³. Со времени Юань-хао, когда были учреждены и тангутская и китайская школы, тангутская школа функционировала нормально. Выпускники ее направлялись на государственную службу во все округа страны. Образование в китайской школе за время войны и внутренних неурядиц постепенно ослабло.

Тангутская и китайская школы отличались по программе и целям обучения. Тангутская школа готовила государственных служащих и прививала им соответствующие навыки. Китайская — дипломатов и людей, знающих конфуцианство, способных к разработке и пропаганде этого учения в Си Ся, к литературной деятельности. Китайская школа готовила больше научных деятелей, чем практиков.

Упадок китайской школы, точнее школы конфуцианского образования, вызвал тревогу старых ученых, которые в ослаблении внимания к учению Конфуция видели источник роста корыстолюбия и коррупции. Один из них, Сюе Юань-ли, подал Цянь-шуню доклад, в котором ратовал за восстановление конфуцианского образования и создание условий для ученых. «Отказывать в содержании ученым и требовать от них мудрости, — писал он, — все равно что не полировать нефрит, а требовать от него блеска. Разве это возможно?»⁶⁴. В докладе подробно говорилось, что цель школы китайского образования — изменить нравы населения Си Ся. Цель эта имела и положительную и отрицательную сторону. Положительным было стремление шире приобщить тангутский народ, во всяком случае его старшинскую верхушку, к китайской культуре, ко всем достижениям китайской цивилизации. Отрицательным — отказ от самобытных обычаев и нравов, т. е. в значительной степени от самобытной культуры, и механическое перенесение в Си Ся сложной системы китайских церемониалов. Поощряя китайский церемониал, платье и язык, Лян-цзо, Бин-чан и Цянь-шунь отступали от завета Юань-хао «изменять фаней на основе самих фаней».

Практическая цель доклада была ясна — добиваться государственного содержания для ученых, работавших в китайской школе, которое, по-видимому, стало недостаточным или совсем прекратилось в годы войны.

Исходя, вероятно, из тех же соображений, которые были высказаны в докладе, Цянь-шунь создал конфуцианскую государст-

⁶³ Подробнее об этом см. стр. 266 настоящего издания.

⁶⁴ Там же, стр. 14а—14б.

венную школу (го суюе), набрал в нее 300 учеников и предоставил казенное содержание преподавателям ⁶⁵.

Стараясь усовершенствовать управление страной, Цянь-шунь начал выдвигать на службу способных людей из народа вопреки наследственному принципу. В 1112 г. был издан указ о выдвижении на службу людей, «знающих ремесла и науки» ⁶⁶.

В то же время Цянь-шунь впервые стал возвышать членов правящего дома, раздавая им великокняжеские титулы ванов. Жалую столь высокие титулы своим родственникам и сановникам, Цянь-шунь тем самым подчеркивал собственное величие, утверждал себя в императорском звании, которое официально не признавали за ним Сун и Ляо. В конце 1120 г. титулы ванов получили члены правящего дома Жэнь-чжун и Жэнь-ли. Их отец, Цзин-сы, спас Бин-чана от смерти, когда лазутчики Ванминэ хотели его отравить. Жэнь-чжун и Жэнь-ли проявили большие способности в изучении тангутского и китайского языков, были талантливыми декламаторами и певцами. Однако свои высокие титулы они получили не за личные заслуги, а «за заслуги своих предков» ⁶⁷.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XII в.

Мир, заключенный в 1099 г. между Си Ся и Сун, оказался слишком кратковременным. Основные причины войн Си Ся и Сун не были ликвидированы. Суны по-прежнему стремились уничтожить тангутское государство, тангуты же не отказались от дальнейшей борьбы за утраченные ранее территории, не возвращенные им по договору 1099 г., а отдельные пограничные китайские полководцы, как и некоторые военачальники Си Ся, не переставали мечтать о наградах и чинах, которые могла принести им новая война. Поэтому мир Си Ся просуществовал только до 1102 г.

В 1100 г. скончался сунский император Чжэ-цзун и на престол вззошел его преемник Хуй-цзун. Новый сунский император одарил государя Си Ся шелком и пожаловал ему календарь на новый, 1101 г. ⁶⁸.

В Китай прибыло ответное тангутское посольство с подарками. Сунскому императору были подарены десять коней для парадных выездов и 200 лошадей для обычной верховой езды ⁶⁹.

Летом 1102 г. пограничные войска Сун напали на Си Ся. Мир был нарушен. Начался новый длительный период войн, не прекращавшийся до падения северной сунской династии.

⁶⁵ См. СШ, гл. 486, стр. 3794.

⁶⁶ ССШШ, гл. 32, стр. 206.

⁶⁷ Там же, гл. 33, стр. 8а.

⁶⁸ См. ССЦШБМ, гл. 29, стр. 6а.

⁶⁹ См. там же.

Боевые операции происходили на всем протяжении китайско-тангутской границы. Одно за другим тангутские посольства направлялись в Ляо, прося у киданей военной помощи. Но, несмотря на дружеские отношения, сложившиеся между Си Ся и Ляо в первые годы XII в., кидане своих войск на помощь тангутам не посылали, так как сами находились в затруднительном положении. Неоднократные запросы киданьских послов о причинах нападения Сун на Си Ся никакого воздействия на ход военных действий не оказывали ⁷⁰.

В 1105 г. на всей границе Си Ся и Сун был объявлен приказ, согласно которому местные власти выплачивали награду тому, кто сумеет переманить на сторону Сун тангута, безразлично, старшину или простого пастуха. За каждого перебежчика была назначена такая же плата, как за голову убитого неприятеля. Тангуты направили в Яньчжоу своего парламентаря с просьбой отменить этот приказ. Парламентарь возвратился ни с чем, и локальные столкновения сменились большой войной по всей тангутско-китайской границе. Война продолжалась до конца 1106 г. В ходе боев китайцам удалось овладеть в 1105 г. городом Иньчуань ⁷¹. Успех достался китайским войскам дорогой ценой, а Иньчуань стал еще одним источником непримиримой вражды двух государств.

Китайские войска были измотаны продолжительными, упорными боями. Война не сулила новых успехов китайскому оружию. И сунское правительство обратилось к киданям с просьбой выступить посредником при заключении мира с Си Ся. Стоя на коленях, сунский посол вручил императору Ляо письмо, в котором говорилось: «Тангуты несколько раз совершали грабительские нападения на наши границы. Двор начал войну, чтобы спросить с них за преступления. Поскольку Северный двор неоднократно направлял послов для переговоров о мире, мы хотим удовлетворить его желание» ⁷².

Летом 1106 г. тангуты послали дары Сун, а сунское правительство приказало вывести китайские войска из оккупированных районов Си Ся ⁷³. К началу 1107 г. мир между Си Ся и Сун был восстановлен.

В 1107 г. при сунском дворе был устроен большой прием для иностранных послов, прибывших с поздравлениями по случаю нового года. Киданьский посол был посажен на самом почетном месте в восточной галерее. Тангутское посольство было размещено в западной галерее приемного зала ⁷⁴, на втором по степени уважения месте. Си Ся суну считали по силе и влиянию вторым государством после Ляо. Поэтому во время аудиенций послов Си

⁷⁰ ЛШ, гл. 27, стр. 103.

⁷¹ СШ, гл. 364, стр. 2997; ССЦ, гл. 22, стр. 11а.

⁷² ЦДГЧ, гл. 10, стр. 16.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ССШЦ, гл. 32, стр. 9а.

Ся принимали сразу после послов Ляо. Вслед за тангутскими послами обычно принимали послы из Гаоли (Кореи), затем послы из Цзяочжи (Вьетнама) и уже только после них всех остальных.

Мирные отношения Си Ся и Сун продолжались вплоть до 1114 г. В течение этих восьми лет тангуты неоднократно старались уладить старые территориальные споры. Но все их усилия успеха не имели⁷⁵.

Видя тщетность своих попыток урегулировать пограничные споры, Цянь-шунь снова ищет поддержку у киданей. «Для меня, чтущего алтари предков, не вернуть древних земель династии — позор, — писал он императору Ляо. — Поскольку Сун полагается на свою военную мощь, нам следует положиться на силу Северного двора»⁷⁶. Тем не менее, несмотря на брачный контракт, заключенный до этого двумя дворами, кидане не могли оказать Си Ся сколько-нибудь деятельной поддержки.

Тангуты поняли, что могут рассчитывать только на свои силы, и ждали первого удобного случая, чтобы возвратить утраченные земли. Такой случай представился в 1114 г. Тангутский старшина Ли Эи, проживавший в Сун в городе Динъюань округа Хуаньчжоу, направил письмо командиру пограничной тангутской армией Лян Долину, в котором сообщал: «Я двадцать лет живу в Китае и каждый раз вижу, что осенью скирды хлеба так и остаются на полях, а весной казенные амбары пусты. Поскольку продовольствие и фураж в здешних местах привозные, солдатам часто вместо хлеба дают лишь ничего не значащие квитанции. Весной совсем нет хлеба и солдаты голодают. Если в это время собрать хорошо вооруженную армию и начать стремительное наступление на Динъюань, то его крайне легко можно будет захватить. А уж если заполучить Динъюань, то остальные десять с лишним городов сдадутся сами. В течение десяти лет я накапливал хлеб, прятал его в тех местах, где его больше всего не хватает. Таким образом, если большая тангутская армия придет, не имея с собой и одной меры провианта, все равно, пока она будет здесь находиться, она будет обеспечена»⁷⁷. План Ли Эи показался Лян Долину очень заманчивым. Десятитысячная армия под его командованием выступила в Динъюань. Однако тайные склады продовольствия, созданные Ли Эи, были обнаружены китайцами⁷⁸. Тангутская армия неделю осаждала Динъюань. Нехватка продовольствия вынудила Лян Долину снять осаду. Эти события и послужили началом новой войны Си Ся и Сун.

В конце 1114 г. тангуты на реке Цзандихэ построили одноименную крепость. Весной 1115 г. 200-тысячная китайская армия по двум направлениям — из Хуаньчжоу под командованием Лю

⁷⁵ СШ, гл. 335, стр. 2815.

⁷⁶ ССШШ, гл. 32, стр. 106—11а.

⁷⁷ СШ, гл. 486, стр. 3794.

⁷⁸ Там же. После того как склады, созданные Ли Эи, были обнаружены, он в 1116 г. попал к китайцам в плен и был казнен.

Фа и из Хуйчжоу под командованием Лю Чжун-у — начала наступление на южные границы Ся. Армия Лю Фа разбила тангутов у местечка Гугулун. Лю Чжун-у дошел до реки Циншуйхэ, построил там укрепления и возвратился.

Осенью того же года сунские войска предприняли большой поход на крепость Цзандихэ, но потерпели полное поражение. Погибла почти половина солдат. Потерпевшие поражение командиры дали взятку главнокомандующему сунскими войсками на западной границе, и тот скрыл от двора поражение китайских армий.

Весной 1116 г. китайцы предприняли новое наступление и на этот раз захватили города Цзандихэ и Жэньдоцюань. Тангуты ответили новыми большими набегами на китайские границы и в 1119 г. разгромили армию Лю Фа. Тангуты считали это большой удачей.

В это время обе страны были взволнованы событиями на севере, где армии киданей терпели одно за другим поражения от чжурчжэней, и они решили начать переговоры, закончившиеся заключением перемирия.

В 1119 г. закончились длительные войны Си Ся с Северной Сун. Ни той, ни другой стороне не удалось добиться в этих войнах решающего успеха, войны принесли лишь колоссальный ущерб. Очень сильно была подорвана экономика Си Ся. Сунское правительство израсходовало громадные средства на содержание больших армий. Только по дошедшим до нас сведениям, в итоге этих войн китайцы потеряли, по самым минимальным подсчетам, около полумиллиона человек. А на севере появилась новая грозная сила — чжурчжэни, которые в течение десяти лет сумели покончить с некогда могущественной киданьской империей.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД ГИБЕЛИ ЛЯО И ПОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К СИ СЯ РАЙОНА СИНИНА

В 1115 г. политическая обстановка на Дальнем Востоке в корне изменилась. На далеких северо-восточных окраинах киданьской империи появилось новое могущественное государство — Цзинь.

Предки чжурчжэней — мохэ — известны в китайских источниках с VI в. н. э. Южной ветви этих племен в VIII в. удалось создать свое государство Бохай, уничтоженное в первой половине X в. киданями.

Центром расселения чжурчжэньских племен было среднее течение реки Сунгари, в районе впадения в нее рек Линьхэ и Нонни. Судя по китайским источникам XI в., чжурчжэньские племена заселяли в тот период огромные пространства от истоков Ялуцзяна и гор Чанбайшань на юге до среднего течения Амура.

Основным занятием чжурчжэней были скотоводство, земле-

делие, охота. В XI в. в чжурчжэньском обществе появились ранние формы государственности. В начале XII в. Агуда, старшина правящего чжурчжэньского рода Ваньянь, проживавший по реке Аньчуху, притоку Сунгари в ее среднем течении, отказался признавать верховную власть киданей, от которых чжурчжэни зависели, и создал собственное государство Цзинь.

В 1115 г. чжурчжэни начали войну против киданей. Одна за другой области Ляо попадали под власть новой династии. Недальновидные сунские политики поддержали чжурчжэней и начали войну с Ляо. Киданьское государство доживало свои последние годы.

Выше мы уже упоминали, что при Цянь-шуне произошло сближение между тангутским и киданьским дворами. В 1104 г. кидане дали в жены Цянь-шуню принцессу Чэнь-ань⁷⁹. В 1108 г. от принцессы Чэнь-ань родился первый сын Цянь-шуня Жэнь-ай⁸⁰.

Установление родственных связей между двумя дворами привело к сближению Си Ся и Ляо. Кидане неоднократно выступали посредниками в мирных переговорах Си Ся и Сун. Когда кидане стали терпеть от чжурчжэней одно поражение за другим, а сунские войска атаквали Ляо с юга, тангуты неоднократно пытались оказать помощь киданьскому двору. Войска Си Ся постоянно совершали набеги на пограничные области Сун, вынуждая китайцев держать на границах с Си Ся значительную армию.

В начале 1122 г. войска чжурчжэней впервые появились у границ Си Ся. Оседлое население и кочевые племена из юго-западных районов Ляо бежали в Си Ся. Узнав о подходе чжурчжэней, тангуты выслали дополнительно большие отряды конницы к северо-восточной границе и стали готовиться к обороне.

Когда под новым натиском чжурчжэней государь Ляо, искавший убежища у заставы Цзюйюньгуань, бежал на запад, Цянь-шунь выслал 30-тысячный корпус в помощь киданям. Тангутская армия вступила на территорию Ляо и встала лагерем у Тяньдэ. Первоначально тангутам удалось нанести поражение авангарду чжурчжэней. Но когда подошли основные силы цзиньской армии, между тангутами и чжурчжэнями произошло решающее сражение на берегах реки Ишуй и тангутский экспедиционный корпус был разгромлен⁸¹. Поражение сразу заставило тангутов стать осторожнее. Они уже больше не решались открыто выступать против чжурчжэней и тайно оказывали киданям незначительную поддержку. Чжурчжэни продолжали преследовать императора Ляо, который искал спасения в южной части пустыни Гоби. Цянь-шунь, чтобы хоть как-то поддержать своего родствен-

⁷⁹ ЛШ, гл. 26, стр. 102; гл. 27, стр. 103; гл. 115, стр. 421; ССШШ, гл. 31, стр. 156—16а; СШ, гл. 486, стр. 3794.

⁸⁰ ЛШ, гл. 115, стр. 421.

⁸¹ См. ЦШ, гл. 134, стр. 825; гл. 71, стр. 459.

ника, послал к нему небольшой тангутский отряд с продовольствием⁸².

Чжурчжэни, занятые войной с Ляо и подготовкой к войне с Сун, не видели для себя никаких выгод в войне с Си Ся и предложили в 1123 г. тангутам мир при одном условии — безоговорочной выдаче императора Ляо, если он будет искать убежища на территории Си Ся⁸³.

Тангуты вступили в контакт с Цзинь, не отказавшись от мысли хоть как-то еще помочь киданям. Тангутские войска несколько раз нападали на пограничные чжурчжэньские гарнизоны. Несмотря на энергичные протесты Цзинь, они продолжали охотно принимать беженцев из Ляо. В одном из своих указов цзиньский император вынужден был официально заявить: «Тангуты... все еще не хотят вернуть мои дворы (т. е. беженцев из Ляо.— Е. К.) и мешают мне преследовать государя Ляо...»⁸⁴.

В 1123 г. чжурчжэни отдали Си Ся несколько пограничных киданьских областей с условием, что тангуты будут сохранять нейтралитет.

Тангуты с готовностью приняли предложенные территории. Цянь-шунь в письме государю Цзинь писал: «Если между нашими странами будет установлен союз, то взаимоотношения Си Ся и Цзинь будут строиться на той же основе, как и отношения Си Ся с Ляо. Пожалуйста нам клятвенный договор и не беспокойтесь о будущем»⁸⁵.

Но «подарок» оказался фиктивным. Все передаваемые тангутам районы занимали союзные чжурчжэням сунские войска, которые и не думали покидать их. Цянь-шунь направил государю Цзинь жалобу на китайцев и одновременно признал себя зависимым от чжурчжэней. Но чжурчжэни не приняли никаких мер к действительной передаче тангутам бывших областей Ляо. Поэтому тангуты продолжали всячески препятствовать им преследовать государя Ляо. Они не могли укрыть его у себя — это привело бы к тому, что вся мощь чжурчжэньской армии обрушилась бы на Си Ся. Поэтому тангуты решались только ставить чжурчжэням палки в колеса. Как только войска Цзинь вышли к Тяньдэ, Цянь-шунь выслал войска для встречи и защиты киданьского императора. Чжурчжэни стали угрожать тангутам: «Если Вы действительно хотите подчиниться нам, — заявил их полководец Цзун-ван, — то, как Вам и было приказано ранее, арестуйте государя Ляо и пришлите его нам. Если же Вы будете не искренни, то потом раскаетесь»⁸⁶.

Несмотря на строгое предупреждение, тангуты и на этот раз помешали чжурчжэням взять в плен киданьского императора.

⁸² См. ЛШ, гл. 29, стр. 110.

⁸³ См. ЦШ, гл. 134, стр. 825.

⁸⁴ Там же, гл. 71, стр. 460.

⁸⁵ Там же, гл. 134, стр. 825.

⁸⁶ Там же, гл. 74, стр. 481.

Благодарный император Ляо прислал в Си Ся грамоту, в которой признал Цянь-шуня императором (хуанди) государства Си Ся⁸⁷. Вмешательство тангутов в какой-то степени больше чем на год отсрочило окончательный крах Ляо. Вместе с тем тангуты так и не решились оказать киданям настоящую поддержку. Это ставило под угрозу само существование Си Ся. Чжурчжэням война с тангутами тоже была не нужна, она не сулила никаких особенных материальных выгод и могла отнять лишь много сил. В Цзинь были осведомлены о войнах Си Ся с киданями и китайцами. К тому же чжурчжэни уже всерьез думали о войне с Сун и не хотели создавать для себя дополнительных затруднений. Они поняли, что смогут добиться нейтралитета Си Ся, лишь обещая тангутам новые земли.

В 1124 г. император Цзинь Тай-цзун (Уцимай) отдал Сун десять округов провинции Шаньси, а область Тяньдэ, которую чжурчжэни не могли удержать в своих руках, подарил тангутам. Но и на этот раз тангуты ничего не получили. Сунские войска, вступившие в бывшие киданьские владения в Шаньси, заняли и Тяньдэ.

Киданьский государь, отчаявшись укрыться на западе, думал найти спасение в Си Ся и направился в Тяньдэ. При переходе через Гоби его настигли чжурчжэни, и он едва спасся бегством. Несколько дней он скрывался в доме простого крестьянина, пока снова отважился пуститься в путь. В дороге его взял в плен чжурчжэньский полководец Лоуши. Государство Ляо перестало существовать⁸⁸.

В этом же году войска Цзинь форсировали Хуанхэ и начали войну с Сун. Китайцы терпели одно поражение за другим. Два сунских императора попали к чжурчжэням в плен. Гао-цзун, новый император Южной Сун, в 1128 г. вынужден был искать спасения на одном из островов в море. В 1129 г. чжурчжэньская армия переправилась через Янцзы. В 1130 г. чжурчжэни создали на границе с Си Ся во всем зависимое от них государство Ци. В этом же году чжурчжэни овладели Ланьчжоу. Государство Си Ся фактически перестало граничить с Сун. Лишь в 1142 г. чжурчжэни приостановили походы на Сун. Южный сунский двор обязался платить Цзинь ежегодно 250 тыс. лан серебра и 250 тыс. кусков шелка. Границей между двумя государствами была признана река Хуайхэ. Весь Северный Китай остался под властью чжурчжэней⁸⁹.

Гибель Ляо и поражения сунских войск потрясли тангутов. В эти годы скончались жена Цянь-шуня киданьская принцесса

---

⁸⁷ См. ЛШ, гл. 115, стр. 421.

⁸⁸ «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1133 год. Переведено с маньчжурского студентом миссии Григорием Розовым», — Архив ЛО ИНА, разд. 1, оп. 1, № 3, стр. 876.

⁸⁹ См. там же, стр. 1236.

Чэнь-ань и ее сын наследник тангутского престола Жэнь-ай⁹⁰.

Необходимо было налаживать отношения с новым соседом. Тангутские посольства зачастили к цзиньскому двору. Войска Си Ся с 1125 г. стали нападать на китайские границы, оказывая помощь чжурчжэням в войне с Сун⁹¹.

Весной 1126 г., когда сунские войска были разгромлены чжурчжэнями, тангуты завладели областями Тяньдэ и Юньчжун⁹². Но тангутские войска не долго оставались в этом районе. Вскоре действовавший на границе с Си Ся чжурчжэньский полководец Лоуши изгнал тангутские войска из подаренных им ранее областей⁹³. Цянь-шунь пожаловался на него цзиньскому двору, но ответа на свою жалобу не получил. Правда, чтобы окончательно не раздражать тангутов, чжурчжэни послали в Синцин посольство с грамотой для Цянь-шуня на титул государя Си Ся. В ранее жалованной грамоте они признавали Цянь-шуня лишь ваном Си Ся и именовали даже цзедуши⁹⁴. Повышение титула должно было компенсировать отобранные земли.

Напуганные могуществом чжурчжэней, тангуты, невзирая на обиду, в конце 1126 г. начали с ними переговоры о совместных нападениях на Сун⁹⁵. По окончании переговоров войска Си Ся стали постоянно совершать грабительские рейды в глубь территории Сун. В последние месяцы 1126 г. — в первые месяцы 1127 г. они овладели городами Сиань и Хуайдэ⁹⁶.

Новый, 1128 г. был исключительно тяжелым для Сун. Чжурчжэньские войска наносили по сунам удар за ударом. Некоторые чжурчжэньские полководцы, видя, что тангуты стерпели утрату района Тяньдэ — Юньчжун, поговаривали о присоединении Си Ся к Цзинь. Вероятно, сведения о таких разговорах при цзиньском дворе дошли и до китайцев. В первой половине 1128 г. в Си Ся был послан сунский дипломат Се Лян, чтобы добиться союза с Си Ся в войне против чжурчжэней. Сунский двор придавал поездке Се Ляна большое значение. Один из сунских сановников — Ван Шу писал в письме Се Ляну: «Перед Вами стоит одна задача — обеспечить безопасность престола и интересов нашего государства. Это особая миссия. Бедствия, причиняемые Китаю тангутами, невелики. Бедствия же, причиняемые чжурчжэнями, грандиозны»⁹⁷. Ван Шу советовал Се Ляну добиваться совместного выступления тангутских и китайских войск против Цзинь.

Однако тангуты боялись чжурчжэней. Цянь-шунь отнесся к Се Ляну очень надменно и прoderжал его в Си Ся несколько ме-

⁹⁰ ССШЦ, гл. 33, стр. 17а—17б.

⁹¹ ДДШЛ, гл. 128, стр. 46.

⁹² ЦШ, гл. 134, стр. 825; гл. 486, стр. 3795.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См. ЦШ, гл. 134, стр. 825; ССЦ, гл. 23, стр. 36—46.

⁹⁵ СШ, гл. 486, стр. 3795.

⁹⁶ СШ, гл. 23, стр. 176.

⁹⁷ Там же, гл. 486, стр. 3795.

сяцев. Сразу после отъезда Се Ляна тангуты захватили сунскую крепость Динбяньцзюнь и предъявили ультиматум сунским войскам в Фуянь, требуя присоединения этой области к Си Ся на том основании, что чжурчжэни якобы подарили ее тангутам. Ван Шу, главнокомандующий сунскими войсками в этом районе, ответил тангутам: «Когда чжурчжэни еще только предприняли нападение на нашу страну, они отдали Вам Цзиньсу и Хэцин. Кто же теперь владеет этими землями? В вашей стране, попустительствуя жадности продажных чиновников, не заботятся о добрых отношениях с соседями. В какой же стране нет таких жадных и корыстолюбивых сановников? Разве государство Ся желает собственной гибели? Недавно я получил известие, что чжурчжэни намерены из Цзиньюань кратчайшим путем напасть на Синчжоу, Линчжоу и захватить их. Только абсолютно холодные люди, совершенно не задумываясь, желают воспользоваться горем других. Хотя в моем лагере и мало солдат, однако с этой во всем послушной мне армией и при поддержке с флангов я смогу еще дать бой. И если Вы действительно намереваетесь осуществить то, что задумали, так зачем же тратить много слов?»⁹⁸.

На этот раз тангуты не выступили против Сун. Дело в том, что в это время они имели сведения о намерении чжурчжэней начать войну с Си Ся. Тангутам очень часто досаждал управлявший округом Фучжоу дом Чжэ. Теперь, опасаясь мести тангутов, Чжэ сдались Цзинь. И как раз в это время, полагаясь на дом Чжэ, чжурчжэни намеревались присоединить к своим владениям и Си Ся⁹⁹.

Поэтому, предлагая свои планы ведения войны с чжурчжэнями, сунские сановники в этом году делали серьезную ставку на помощь Си Ся. Бывший правитель Кайфына Цзун Цзэ предлагал послать хороших дипломатов на запад для переговоров с Си Ся и на восток для переговоров с Гаоли (Кореей), чтобы они оказали Китаю военную помощь¹⁰⁰. В основе этих замыслов несомненно лежала хорошая осведомленность сунских властей о недовольстве тангутов чжурчжэнями и их опасениях за безопасность своей страны. Китайцы вели с тангутами переговоры о совместных действиях против Цзинь на протяжении 1129—1130 гг.

Однако тангуты не осмелились, да и не могли выступить против чжурчжэней. В течение этих двух лет все пограничные с Си Ся территории оказались в руках чжурчжэней. Тангуты ограничились лишь тем, что предоставили возможность беженцам из Сун переходить границы Ся. В 1129 г. государь Цзинь при прие-

---

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сюнь Кэ, Чжунсин сяо цзи, серия «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1936. гл. 4, стр. 52.

¹⁰⁰ СШ, гл. 486, стр. 3795; Гаоли признало себя зависимым от Цзинь в 1127 г. В этом же году к чжурчжэням прислали посольство с дарами уйгуры. (См. «История дома Цзинь...», стр. 996, 1100а).

ме тангутских послов потребовал, чтобы тангуты «тщательнее оберегали границы и не принимали беглых»¹⁰¹.

В 1130 г. на очередной аудиенции послы созданного чжурчжэнями государства Ци были приняты первыми. За ними — послы Ся и Гаоли. Достоинство тангутов было вновь принижено.

В это время чжурчжэни получили сведения о связях тангутов с Елюй Даши, основателем династии Западное Ляо на Тяньшане, и обратились к тангутам по этому поводу с запросом. В ответ на их ноту Цянь-шунь довольно резко заявил: «Мое государство не граничит с землями Хэчжоу¹⁰², и я не знаю, где находится Елюй Даши»¹⁰³. Чжурчжэни не поверили тангутам, и справедливо.

С 1131 г. тангуты начали тайные переговоры с южным сунским двором. Одновременно в 1132 г. они приняли несколько киданьских родов, восставших против Цзинь. А с 1133 г. тангуты стали нападать на пограничные области государства Ци. По не совсем ясным причинам, одной из которых мог быть спад завоевательной энергии чжурчжэней, действия тангутов в отношении Цзинь становились год от году смелее. В 1135 г. в ответ на провокационное требование цзиньского полководца Нянхання тангуты перебили отряд чжурчжэней, присланный за лошадьми. Дерзость тангутов испугала чжурчжэньского полководца. По сообщению источника, «с этого времени он не осмеливался пускать стрелы в западную сторону»¹⁰⁴.

В 1136 г. к территории Си Ся были присоединены плодородные степные районы к востоку от озера Кукунор. Местные тибетские старшины постоянно враждовали между собой и еще в конце XI в. попали в зависимость от Сун. Отдельные тибетские владетели тяготились зависимостью от Китая и были склонны признать верховную власть тангутов. В 1100 г. тибетские старшины предложили Цянь-шуню крепость Наньцзунбао, расположенную на границе Ся, Китая и Восточного Тибета, единственную крепость в этом районе, которой еще не овладели китайцы¹⁰⁵. Цянь-шунь не желал осложнений с Сун, так как только что заключил с Китаем мирный договор, и крепости не принял. Вместе с тем он обещал послать отряд солдат для ее обороны.

Начиная с XII в. эти тенденции к сближению Си Ся и тибетцев, сменившие давнюю вражду, стали очевидными. После смерти Цзюесыло восточнотибетские племена не могли сплотиться в единое государство. Их земли постепенно переходили под управление сунских чиновников, а сами они утрачивали былую власть.

---

¹⁰¹ ССШЦ, гл. 34, стр. 86.

¹⁰² Западные области современного Синьцзяна, из которых, по сведениям чжурчжэней, кара-китай вели переговоры с тангутами.

¹⁰³ ССШЦ, гл. 34, стр. 106.

¹⁰⁴ ССЦ, гл. 23, стр. 156.

¹⁰⁵ См. там же, гл. 21, стр. 27а.

Стремление сохранить свое могущество толкало их на сближение с родственными тангутами.

В 1102 г. старшина Лунца, правитель округов Шаньчжоу и Хуанчжоу, получивший от китайцев имя и фамилию Чжао Хуандэ, вступил в брачный союз с девушкой из правящего дома Си Ся¹⁰⁶. Однако на следующий год Лунца лишился власти в междоусобной борьбе с другим тибетским старшиной, Долоба, потомком Цзюесыло¹⁰⁷. Долоба мечтал о восстановлении былого могущества восточно-тибетского государства. В 1103—1104 гг. тангуты пытались несколько раз вмешаться во внутреннюю борьбу тибетских старшин и противопоставить свое влияние в этом районе китайскому. Существенных успехов в сближении с тибетцами тангуты добились в 1104 г., когда тангутские войска в союзе с тибетцами выступили против Сун¹⁰⁸. Действия союзных войск были неудачными. Китайцам удалось овладеть рядом тибетских территорий. К 1117 г. суны «захватили много областей и уездов Цзюесыло»¹⁰⁹.

В 1131 г. чжурчжэни завладели округами Гунчжоу, Таочжоу, Хэчжоу, Лочжоу, Сининчжоу, Ланьчжоу, Кочжоу и Цзишичжоу¹¹⁰. Таким образом, значительная часть земель восточных тибетцев и пограничные сунские области оказались под властью Цзинь. Через некоторое время чжурчжэни утратили власть в тибетских районах. Этим быстро воспользовались тангуты. В 1136 г. войска Си Ся заняли Синин и Лэчжоу¹¹¹. На следующий год чжурчжэни продали тангутам два других соседних с Синином округа — Кочжоу и Цзиши¹¹² и дали согласие на присоединение к Си Ся ранее занятого тангутами округа Лэчжоу. Таким образом, в состав Си Ся вошли четыре новых округа, некогда составлявших ядро владений восточнотибетского государства Цзюесыло. Плодородная долина Синина, где хорошо произрастал рис, вскоре стала одним из важнейших сельскохозяйственных районов Ся. После 1137 г. тангутское государство не увеличивало свою территорию.

В 1138 г. Си Ся предпринимает первые шаги к установлению торговых отношений с Цзинь. К этому времени государство Ци было ликвидировано Цзинь, и чжурчжэни стали непосредственным соседом Си Ся на востоке и юге тангутского государства. Между двумя государствами постепенно стали складываться добрососедские отношения. Период длительных, почти непрерывных войн тангутов с соседями закончился.

---

¹⁰⁶ См. СШ, гл. 492, стр. 3839; ССЦ, гл. 22, стр. 26.

¹⁰⁷ См. ССШШ, гл. 31, стр. 17а.

¹⁰⁸ См. ССЦ, гл. 22, стр. 6а.

¹⁰⁹ См. там же, стр. 19а.

¹¹⁰ См. «История дома Цзинь...», стр. 112а.

¹¹¹ См. ССШШ, гл. 34, стр. 16а—166.

¹¹² См. ЦШ, гл. 78, стр. 501, ССЦ, гл. 23, стр. 176—18а.

В четвертый день шестого месяца 1139 г. скончался Цянь-шунь. Более пятидесяти лет находился он на тангутском престоле. За это время он неоднократно менял девизы лет правления: Тянь-и-чжи-нин — четыре года, Тянь-ю-минь-ань — восемь лет, Юн-ань — три года, Чжэн-гуань — тринадцать лет, Юн-нин — пять лет, Юань-дэ — восемь лет, Чжэн-дэ — восемь лет и Да-дэ — пять лет. Ему было дано посмертное имя Шэн-вэнь, храмовое имя Чун-цзун, могила его была названа Сянь-лин ¹¹³.

Полувековое правление Цянь-шуня было периодом постепенного подъема тангутского государства. Новому усилению Си Ся способствовали укрепление власти государя внутри страны и изменение международной обстановки на Дальнем Востоке в первой половине XII в. Начиная с 1140 г. Си Ся вступает в наиболее благоприятный период своей истории. Вторая половина XII в., несмотря на отдельные внутренние потрясения, которые пришлось пережить тангутскому государству, была временем наибольшего расцвета культуры и экономики Си Ся.

---

¹¹³ СШ, гл. 486, стр. 3795.

Г Л А В А VII

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

ВОССТАНИЕ ХЭДА. НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 1143 г.

Новый государь тангутов Жэнь-сяо родился в девятом месяце (9 октября — 7 ноября) 1124 г. Его мать из дома Цао в 1120 г. 14-летней девушкой попала во дворец. По совету приближенных государь Си Ся взял ее в жены¹. Став государем Ся, Жэнь-сяо дал своей матери почетный титул — «мать государства». В конце 1139 г. он женился на девушке из рода Ван.

В первые годы правления Жэнь-сяо в стране возникли беспорядки. Смену власти использовал для осуществления своих честолюбивых замыслов правитель Сячжоу киданин Хэда. Хэда происходил из знатнейшей в Ляо фамилии Сяо. Впервые он прибыл в Си Ся со свитой киданьской принцессы Чэнь-ань. Хэда был искусным оратором, храбрым воином и хорошим стрелком из лука. Цянь-шуню понравился этот молодой, талантливый киданьский сановник, и он оставил его при своем дворе. Вскоре Хэда отличился в войне с Сун и был назначен правителем округа Сячжоу. Хэда усердно служил тангутскому престолу вплоть до гибели Ляо. В те трагические для киданей дни он оказался одним из самых видных сторонников активного вмешательства Си Ся в войну против чжурчженей. Постепенно идея восстановления былого могущества Ляо целиком завладела Хэда. Он вел переговоры с Елюй Даши, а когда и здесь потерпел неудачу, задумал объединить киданьские племена в Си Ся, поднять их на восстание и утвердить прежнюю власть киданей.

Удобный для восстания момент настал после смерти Цянь-шуна. В 1140 г. Хэда овладел Сячжоу, ликвидировал там тангутские органы управления и поднял на восстание киданьские племена. Вначале восставшие добились значительных успехов. Отряды Хэда подошли к Линчжоу и начали осаду этого важнейшего центра тангутского государства. Восставшие киданьские старшины приняли решение о восстановлении государства Ляо.

¹ ССШЦ, гл. 33, стр. 76

Осаждавшая Линчжоу армия киданей насчитывала несколько десятков тысяч человек. Осада Линчжоу затянулась, и, пользуясь этим, тангутский двор сумел подтянуть войска для подавления мятежа. Тогда Хэда снял часть армии из-под стен Линчжоу и принял решение овладеть более мелкими городами восточных областей Ся. Осенью 1140 г. восставшие кидане взяли Яньчжоу и разграбили большие запасы соли, сосредоточенные в этом городе. Пастбища вокруг Яньчжоу были разорены. Летучие отряды киданей переправлялись через Хуанхэ и доходили до гор Хэланьшань.

Одновременно Хэда послал своих лазутчиков с крупными денежными суммами ко многим сановникам и влиятельным старшинам Си Ся, преимущественно нетангутского происхождения, и пытался убедить их примкнуть к восставшим. Но здесь он сразу потерпел неудачу. Большинство лазутчиков Хэда были схвачены и выданы тангутским властям. Лишь некий Жэнь Дэ-цзинь², китаец, состоящий на службе у тангутов, согласился примкнуть к восставшим. Очень скоро выведав все планы Хэда и получив полную информацию о состоянии его войск, Жэнь Дэ-цзинь представил Жэнь-сяо план подавления мятежа. Этот план был одобрен двором.

Пятитысячный отряд конницы, руководимый Жэнь Дэ-цинем, совершил внезапный рейд к Сячжоу и, застав врасплох противника, овладел городом. Жена и дети Хэда попали в плен. Жэнь Дэ-цзинь открыл государственные кладовые, роздал хлеб народу и тем самым сразу добился симпатий населения округа. Не прошло и нескольких дней, как в самом сердце восстания — в Сячжоу все сторонники Хэда были обезоружены и арестованы. Получив известие о падении Сячжоу, Хэда вынужден был спешно снять осаду Линчжоу. Киданьские войска устремились в Яньчжоу для защиты этого важного центра соледобычи в Си Ся. Известие о поражении с быстротой молнии облетело восставших. Многие отряды повстанцев тотчас же распались. Люди разбежались по своим домам и кочевьям. Вернулись на свои кочевья и

---

² Жэнь Дэ-цзинь происходил из семьи судейских чиновников старинного китайского города Сиань. Когда в 1126 г. тангутские войска, действовавшие в союзе с чжурчжэнями против Сун, овладели городом, Жэнь Дэ-цзинь вместе с местным гарнизоном сдался тангутам. Цянь-шунь отдал приказ о назначении его на должность управляющего делами округа. В 1136 г. Жэнь Дэ-цзинь подарил уже далеко не молодому Цянь-шуню свою семнадцатилетнюю дочь. Цянь-шунь принял подарок и вскоре сделал девушку своей супругой. Жэнь Дэ-цзинь, ставший родственником государя, получил щедрую награду и был определен на должность командующего обороной в город Цзинчжоу. С этого момента и началась бурная карьера бывшего судейского чиновника, задумавшего основать свое государство.

В 1138 г. Цянь-шунь возвел свою новую жену, китаянку, в ранг императрицы. Немало потрудился для этого сам Жэнь Дэ-цзинь, раздававший взятки дворцовой знати и родственникам Цянь-шуня. Дочь Жэнь Дэ-цзиня стала императрицей, а сам он — главнокомандующим войсками округа Цзинчжоу (ССШШ, гл. 15, стр. 16—2а).

киданьские племена, составлявшие ядро армии Хэда. На подступах к Яньчжоу остатки повстанческой армии столкнулись с правительственными войсками. Армия Хэда была разбита и рассеяна. Сам Хэда с несколькими спутниками бежал на север. Беглецы не сумели переправиться через Хуанхэ. Тогда спутники Хэда, чтобы вымолить себе прощение, отрубили голову своему предводителю и представили ее в дар двору³. Восстание было подавлено. За разгром восстания Хэда Жэнь Дэ-цзинь в 1140 г. получил титул Сипин-гуна.

Несмотря на то что Хэда поднял восстание, движимый патриотическими чувствами, это было восстание сепаратистских сил тангутского государства, объективно наносившее большой ущерб Си Ся, и прежде всего сплоченности его народов в рамках единого государства. В условиях кочевого быта и феодальной разобщенности попытки родо-племенных старшин отделиться были вполне естественны. Такие тенденции наблюдались у некоторых тангутских старшин, не говоря уже об иноплеменных. Но эти выступления не были сколько-нибудь массовыми. Поднятое под лозунгом восстановления киданьского государства, поддержанным патриотически настроенными беженцами из Ляо⁴, восстание Хэда было тем не менее вредным для тангутского государства движением.

Вместе с тем у нас есть основания полагать, что в восстании принимали участие не только иноплеменные и тангутские старшины, обуреваемые сепаратистскими замыслами. К восстанию присоединилась и часть тангутской бедноты. В пользу этого предположения говорят некоторые действия Жэнь Дэ-цзиня, направленные на подавление восстания. По-видимому, именно этим восставшим был роздан хлеб в Сячжоу с целью «успокоить народ». Эта мера оттолкнула от движения ту часть восставших, которой были чужды его цели. Это поставило восстание под удар и способствовало его быстрому подавлению. После подавления восстания Жэнь-сяо принял почетный титул «Утверждающий справедливость, изгоняющий зло»⁵.

Молодому государю Си Ся вновь пришлось «утверждать справедливость и изгонять зло» уже на следующий год после принятия почетного титула. В 1142 г. в Си Ся был неурожай и начался голод, а в третьем месяце (18 марта — 16 апреля) 1143 г. тангутское государство сильно пострадало от землетрясения. «Из образовавшихся в земле трещин била фонтанами вода и выходил черный песок». Песчаные валы высотой в несколько метров

³ См. ССШШ, гл. 35, стр. 9а—11б.

⁴ Численность беженцев из Ляо, вероятно, была велика. Си Ся граничило с Ляо и было в момент гибели киданьского государства дружественной Ляо страной. Вспомним, что даже в Средней Азии киданей оказалось столько, что, опираясь на них, Елюй Даши смог утвердиться в Семиречье и создать империю кара-китаев.

⁵ СШ, гл. 486, стр. 3796.

тянулись вдоль трещин, напоминая плотины⁶. В районах землетрясения погибли все деревья, почти все жилища были разрушены. Землетрясение вызвало голод. Тысячи людей остались без крова. Чтобы предотвратить восстания, вызванные голодом, правительство спешно издало указ об освобождении пострадавших от землетрясения районов от налогов. Семьи, потерявшие во время землетрясения двух человек, освобождались от уплаты налога на три года. Семьи, потерявшие одного человека,— на два года. Семьи, в которых имелись раненые и увечные,— на один год. Местным управлениям было предписано оказывать помощь населению в восстановлении разрушенных жилищ⁷.

Однако меры, принятые правительством, не смогли предотвратить восстаний. По сведениям китайских источников, к седьмому месяцу (13 августа — 10 сентября) 1143 г. обстановка в стране была очень тяжелая, «у всех племен нечего было есть, народ начал грабить»⁸. Отряды восставших в округах Вэйчжоу и Динчжоу насчитывали 5—10 тыс. человек. Многочисленные отряды повстанцев атаковали окружные центры. Местные правительственные войска не смогли справиться с восстанием⁹.

Один из сановников Ся — Сучжили писал в своем докладе о восставших: «Это, по существу, хорошие люди. Лишь голод заставил их заниматься такими делами, и поэтому их нельзя равнять с разбойниками. Следует сейчас же помочь страдающим от голода и холода»¹⁰.

Голос Сучжили был услышан. Правительство приняло новое решение об оказании помощи голодающим. Были уточнены размеры бедствия, организовывались рынки по продаже продуктов питания¹¹. Принятые меры приостановили распространение восстаний. Для подчинения несдававшихся повстанцев прибыли карательные войска во главе с Жэнь Дэ-цинем. Специальные чиновники были разосланы в районы восстаний, для того чтобы успокоить народ и уговорить восставших сложить оружие. Руководителям повстанцев была объявлена амнистия. Отряды, не пожелавшие сложить оружия, жестоко истребляли. К концу 1143 г. восстания в стране были подавлены¹².

Восстания 1143 г.— единственное народное движение в тангутском государстве, о котором мы имеем какие-либо сведения. Это было антиправительственное выступление народных масс Си Ся, вызванное тяжким стихийным бедствием и жестоким голодом. Разрозненные отряды восставших были достаточно боль-

⁶ ССШШ, гл. 35, стр. 15а—15б.

⁷ См. там же.

⁸ Там же, стр. 15б.

⁹ См. там же.

¹⁰ Там же, стр. 15б—16а.

¹¹ См. там же, стр. 16а.

¹² См. там же.

шими. Численность отдельных отрядов достигла 10 тыс. и, возможно, была связана и с сохранением родо-племенной организации у тангутов-кочевников. Это подтверждается источниками. В округе Динчжоу, например, самое упорное сопротивление правительственным войскам, подавлявшим восстание, оказали роды Чилан и Фуэр, закрепившиеся в горах¹³. Выступление имело ярко выраженный антиправительственный характер. От голода пострадали в первую очередь бедные слои населения, и они главным образом составляли основную массу восставших. Восставшие нападали на правительственные учреждения. Государственные деятели Си Ся, как это видно из доклада Сучжили, отчетливо сознавали, что имеют дело с народным восстанием, а не с грабительскими налетами разбойничьих шаек. Поэтому они не только высылали против них войска, но и оказывали помощь голодающим.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЖЭНЬ-СЯО

После Юань-хао Жэнь-сяо оказался одним из самых деятельных и просвещенных правителей Си Ся. В середине XII в. ему удалось в широких масштабах развернуть просветительскую деятельность в стране. Он строил школы, поощрял конфуцианское образование и с 1146 г. официально ввел в Си Ся культ Конфуция¹⁴. Во всех областях страны было приказано соорудить храмы Конфуцию. При поклонении ему воздавались императорские почести¹⁵. В XII в. в Си Ся процветали искусство и литература. Время правления Жэнь-сяо стало временем расцвета буддизма в тангутском государстве. Сам Жэнь-сяо, по-видимому, занимал один из высших постов в буддийской церкви и был полудуховным правителем. Среди имеющихся в коллекции ЛО ИНА сутр на тангутском языке очень многие содержат указание, что они были переведены на тангутский язык в годы его правления и даже отредактированы лично Жэнь-сяо.

Жэнь-сяо стал активно претворять в жизнь свои планы широкого внедрения в Си Ся конфуцианского образования. В 1145 г. двор пожаловал высокие титулы и большие награды ведущим ученым, работавшим в конфуцианских школах¹⁶. Специальным постановлением предписывалось, чтобы при выборе кандидатов на ученые должности применялся метод поименного отбора¹⁷, т. е. чтобы люди знающие, но не имеющие связей и богатства, получили возможность занять высокую должность. В 1148 г. была учреждена «внутренняя школа», которой руководили лучшие конфуцианцы страны¹⁸.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

¹⁵ См. ССШШ, гл. 36, стр. За.

¹⁶ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. там же.

Нововведения проводились во всех сферах культурной жизни государства. Мы знаем, что при жизни Жэнь-сяо в 1148 г. были созданы и введены в употребление новые музыкальные гаммы, в 1162 г. была организована тангутская академия наук, начаты работы над составлением истории тангутского государства, осуществлен перевод отдельных произведений китайской классики, создано управление по отливке монеты и т. д. Именно в эти годы тангутское государство стало одним из процветающих и культурных государств Дальнего Востока и Центральной Азии.

Мы, к сожалению, почти ничего не знаем о внутренней политике Жэнь-сяо в области экономики и управления. После того как Си Ся перестало граничить с Сун, китайцы меньше знали о внутренней жизни тангутского государства, да и меньше интересовались ею. Поэтому в сохранившихся источниках мы имеем крайне мало сведений о тангутском государстве в XII в. А сохранившиеся тангутские источники еще недостаточно изучены.

В эти годы государство Си Ся неуклонно крепло. В 1157 г. возвратившиеся от тангутского двора чжурчжэньские послы докладывали императору Цзинь: «В государстве Си Ся много талантливых людей. Оно очень усилилось по сравнению с прежними временами»¹⁹. Тремя годами ранее уйгуры, «видя, что Си Ся день ото дня крепнет, послали послов с подарками»²⁰.

Крепла экономика тангутского государства, расширялись его торговые связи с соседними странами. В правление Жэнь-сяо был составлен хранящийся в коллекции ЛО ИНА двадцатитомный «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания» (1149—1170), в котором были собраны основы тангутского законодательства. На эти же годы приходится большинство ксилографических изданий тангутской коллекции института. Все эти факты свидетельствуют о расцвете культуры тангутского государства в XII в.

ПОЛИТИКА ЖЭНЬ ДЭ-ЦИНЬ РАСКОЛОТЬ ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Жэнь Дэ-цинью, окрыленный успехами при подавлении мятежа Хэда и восстаний 1143 г., решил попытаться создать собственную династию, стать Тай-цзу. Он считал, что прежде всего следует опереться на нетангутские племена, китайских и других иноплеменных чиновников и полководцев на тангутской службе.

Поэтому после подавления восстаний 1143 г. Жэнь Дэ-цинью всячески старался добиться места при дворе. В 1147 г. он с этой целью просит аудиенции у Жэнь-сяо. Жэнь-сяо уже был намерен допустить ко двору родственника правящего дома, но столкнулся с вескими возражениями со стороны тангутских сановников.

¹⁹ ССШЦ, гл. 36, стр. 116—12а.

²⁰ Там же, стр. 9а.

Один из них, Жэла Гунци, в беседе с Жэнь-сяо сказал: «На мой взгляд, сановник Жэнь Дэ-цинь, родственник [императора], прося разрешения допустить его ко двору, имеет намерение узурпировать власть. С древних времен, как только родственники со стороны матери (государыни.— *Е. К.*) захватывали власть, в государстве возникали беспорядки. Хотя Жэнь Дэ-цинь принадлежит к числу добродетельных людей, он не одного с нами рода (т. е. нетангут.— *Е. К.*) и необходимо остерегаться, как бы у него не было намерений отделиться»²¹.

Веские доводы Жэла Гунци, напомнившего Жэнь-сяо о печальных страницах в истории Си Ся, оказали воздействие на государя. Жэнь-сяо отказал Жэнь Дэ-циню в аудиенции и повелел ему оставаться на своей должности.

В 1148 г. Жэнь Дэ-цинь несколько раз заставлял свою дочь добиться для него придворного титула. Все ее попытки повлиять на Жэнь-сяо заканчивались неудачей, благодаря контрмерам тангутских сановников, возглавляемых Пу ваном (князь удела Пу) Жэнь-чжуном²².

В конце 1148 г. Жэнь-чжун скончался. Как только Жэнь Дэ-цинь получил извещение о его смерти, он постарался использовать все средства, чтобы оказаться при дворе. Осенью 1149 г. благодаря большой взятке золотом и жемчугом, данной Жэнь Дэ-цинем дяде государя Цзинь-вану Чагэ, он был призван ко двору и получил одну из высших государственных должностей, пост шаншулина. Через год его назначили на должность чжуншулина, и он стал во главе управления всеми гражданскими делами Ся²³.

Жэнь Дэ-цинь сумел так организовать работу управлений, руководимых чжуншу, что скоро завоевал безграничное доверие Жэнь-сяо. В 1156 г. Жэнь Дэ-циня назначают на высшую должность в стране. Он становится всесильным визирем-госяном. По сведениям У Гуан-чэна, источник которых, к сожалению, неизвестен, «он со дня на день все больше захватывал власть в свои руки. Своим быстрым продвижением он вызывал зависть придворных»²⁴.

С этого времени Жэнь Дэ-цинь начал энергично претворять в жизнь свои планы по созданию независимого государства. Он выдвинул и назначил на высшие должности государства своих сторонников и родственников. В 1157 г. управляющим столицей Си Ся был назначен младший брат Жэнь Дэ-циня Жэнь Дэ-хун²⁵.

В 1160 г. под предлогом экономии средств Жэнь Дэ-цинь просил ликвидировать школы конфуцианского образования, мно-

²¹ Там же, гл. 36, стр. 36—4а.

²² См. там же, стр. 5б.

²³ См. там же, стр. 5б—6а, 7а.

²⁴ См. там же, стр. 11а—11б.

²⁵ См. там же, стр. 12а.

гие выпускники которых были его врагами и претендентами на должности, приберегаемые Жэнь Дэ-цзинем для его родственников и друзей. В своем докладе Жэнь-сяо по этому вопросу Жэнь Дэ-цзинь писал: «Мудрость управления государством заключается в бережливости, в соразмерении доходов и расходов. Наше государство невелико и находится на территории иноземцев. Земли его малопродуктивны, народ беден, урожаи очень плохие. Сейчас на службу взяли много чиновников. Занимая должности и получая жалованье, они едят даром хлеб. Как возместить такие расходы? Хотя эти китайские порядки и введены в нашем государстве, соблаговолите, Ваше Величество, полностью ликвидировать их»²⁶.

Жэнь-сяо уклонился от ответа. Однако в том же году он даровал своему госяну титул вана Чу и тем самым юридическое право иметь свой небольшой двор и удел. В своем доме Жэнь Дэ-цзинь тотчас же установил церемониал, очень похожий на церемониал, существовавший при дворе государей Ся²⁷. Ставкой Жэнь Дэ-цзиня стал город Сипинфу, древний Линчжоу. В 1165 г. в Сипинфу силами выполняющих трудовую повинность был воздвигнут богатый дворец²⁸. В Линчжоу отныне сосредоточивались все силы, оппозиционные тангутскому двору.

Жэнь Дэ-цзинь стремился найти поддержку за пределами Си Ся. В 1167 г. он вступил в переговоры с сунскими властями в Сычуани. Одновременно гонцы Жэнь Дэ-цзиня зачастили ко двору государя Цзинь. Сунский двор мог бы оказать Жэнь Дэ-цзиню в случае нужды поддержку войсками, а признание Цзинь сразу же придало бы юридическое основание притязаниям Жэнь Дэ-цзиня на право самостоятельного государства.

В пятом дополнительном месяце (16 июня — 15 июля) 1170 г. Жэнь Дэ-цзинь создает свое независимое государство Чу с центром в Линчжоу²⁹. Жэнь Дэ-цзинь не только вынудил Жэнь-сяо временно пойти на такой шаг, но заставил его послать послов к чжурчжэням и просить утвердить права Жэнь Дэ-цзиня на самостоятельное владение. Принимая послов Ся, император Цзинь сказал: «Как может государь, владеющий государством, безо всякой на то причины делить свое государство и раздавать его людям?! Безусловно, к этому его принудил всесильный сановник. Конечно же, это не личное желание вана Ся. Много лет государство Ся называлось вассалом. И вот в один прекрасный день оно оказалось под пятой мятежного сановника! Мы — государь великой державы. Как можно допустить такое зло?! Уж если ты сам не в состоянии справиться с ним, то тогда возьми войска, разгромай его и казни. Такое нельзя допускать!»³⁰.

²⁶ Там же, стр. 14а—14б.

²⁷ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

²⁸ См. ССШШ, гл. 37, стр. 5б.

²⁹ См. ЦШ, гл. 134, стр. 826.

³⁰ Там же.

Чжурчжэни отказали Жэнь Дэ-цзиню во всякой поддержке, по-видимому, по двум причинам: в его действиях они справедливо усмотрели нарушение священного для тех времен порядка взаимоотношений между вассалом и сюзереном и, с другой стороны, опять-таки справедливо полагали, что появление государства Чу усилило бы позиции главного врага Цзинь — сунского Китая.

Существование единого тангутского государства, у которого были дружеские отношения с чжурчжэнями, гораздо лучше обеспечивало безопасность юго-западных границ Цзинь. К тому же дурной пример мог стать заразительным. На службе у чжурчжэней было немало китайских сановников, пользовавшихся большим влиянием на местах.

Исходя, вероятно, из таких соображений, император Цзинь не принял тангутских подарков и отослал послов обратно с письмом Жэнь-сяо, в котором говорилось: «С тех пор, как моя держава укрепилась на Центральной равнине, мы всегда опекали западные земли. Мы установили границу с твоим отцом и дали право на титул тебе самому. Наши милости и щедрость — это только одна сторона дела. Кроме того, попораны приличия вассала. Следует свято оберегать дело, переданное нам предками. Теперь вот ты просишь приказ [на право существования Чу]. Дело это весьма необычайное. Не зная истинного источника такого распоряжения, мы решили послать к тебе посла и разузнать лично от тебя, в чем же дело. Присланную тобою дань уже распорядились отослать обратно»³¹.

Отказ чжурчжэней поддержать Жэнь Дэ-цзиня позволил Жэнь-сяо предпринять решительные действия. Жэнь Дэ-цзинь после провала своих расчетов на Цзинь теперь полагался во всем только на помощь Сун и вел тайные переговоры с китайским двором. Сунские агенты с письмом китайского двора Жэнь Дэ-цзиню были схвачены тангутскими дозорными. Обнародование текста письма дискредитировало Жэнь Дэ-цзиня в глазах многих старшин и сановников Ся, поддержкой которых он ранее пользовался.

Они поняли, что осуществление планов Жэнь Дэ-цзиня угрожало существованию тангутского государства. Подчиненные ему войска также отказались поддержать его. На основании перехваченного письма Жэнь-сяо, почувствовавший, что сила на его стороне, обвинил Жэнь Дэ-цзиня в государственной измене и в восьмом месяце (12 сентября — 11 октября) 1170 г. казнил его³². Расправиться с остальными сторонниками Жэнь Дэ-цзиня, деморализованными гибелью руководителя, оказалось нетрудно. Жэнь-сяо быстро восстановил порядок в стране. Визирем (сяном) государства Си Ся был назначен один из самых видных

³¹ Там же.

³² См. там же.

тангутских просветителей, известный переводчик китайских классических книг — Ва Дао-чун.

В благодарственном письме императору Цзинь Жэнь-сяо писал: «Как только Жэнь Дэ-цзинь получил пожалованные ему земли, он сразу послал гонца к Вашему двору, требуя себе титула. Ваш двор любит справедливость, и его обращение не было принято. Государство Ся даже не в состоянии выразить чувства своей благодарности. Мы безрассудно докучали Вашему двору, дерзко просили титула для мятежного сановника и тем самым нарушили все приличия. Поскольку теперь мятежный сановник уже казнен, великий двор не станет посылать посла для выяснения обстоятельств дела. Земли, которые были выделены Жэнь Дэ-цзиню, граничат с Вашей областью Сицинь. Опасаясь, что со времени отделения этих земель на границах могли возникнуть особые недоразумения, мы ввели там еще более строгий порядок и ограничения и просим Вас также ввести более строгие правила»³³. Последние строки письма содержали завуалированную просьбу не позволять бежавшим сторонникам Жэнь Дэ-цзиня переходить границы Цзинь.

Так бесславно кончился тщательно подготовленный и уже начавшийся осуществляться план Жэнь Дэ-цзиня. Попытка Жэнь Дэ-цзиня расколоть тангутское государство — примечательный эпизод в жизни Си Ся. Он помогает глубже понять жизнь страны. Предпосылкой такого раскола были феодальный характер тангутского государства, многоплеменный состав его населения, наличие кочевого уклада с постоянными стремлениями части родовых старшин отделиться, относительно независимое положение местной государственной власти и отдельных военных округов от центра. Внешним условием успеха всякого рода попыток отделиться была поддержка со стороны более могущественных соседей Си Ся. При этих условиях, существовавших почти с момента появления тангутского государства, в любой благоприятный момент, связанный с внутренними или внешними затруднениями тангутского государства, могла быть предпринята попытка к его расколу. Относительную независимость тангутских старшин и чиновников часто использовали китайцы, понуждая их к отделению и переходу на службу Сун.

Попытку узурпации власти и смены династии предпринимали родственники императриц Моцзан Эпан, братья Лян. Именно этой категории сановников, занимавших самые высокие посты в государстве, удавалось сконцентрировать вокруг себя всех недовольных. А многие тангутские сановники самоуправно вели себя во вверенных им округах и своих уделах. Поэтому попытка Жэнь Дэ-цзиня образовать самостоятельное государство была крупной и даже относительно успешной акцией по реализации всех вышеперечисленных условий. Как и всякое феодальное государство,

³³ Там же.

Си Ся имело в недрах своей экономической и государственной системы элементы сепаратизма и децентрализации, усиливаемые особенностями социальной организации тангутского общества (сохранение родо-племенных отношений) и сдерживаемые лишь сильной деспотической властью в центре и общностью политических и экономических интересов ядра государства — тангутских племен, сложившихся к XII в. в единую тангутскую народность. В многоплеменном тангутском государстве центробежные тенденции ярко проявлялись даже в период его наивысшего расцвета, но сепаратистские силы не были способны одержать верх без поддержки извне; поэтому тангутское государство просуществовало как единое целое вплоть до монгольского нашествия.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИ СЯ И ЮЖНОЙ СУН В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЖЭНЬ-СЯО

После образования цзиньского государства Си Ся перестало граничить с сунским Китаем. Лишь северные области провинции Сычуань очень близко подходили к юго-западным границам Си Ся. Обмен посольствами между тангутским и сунским дворами был редким и нерегулярным. Основной целью сунов в этот период стало стремление добиться совместных выступлений с Си Ся против чжурчжэней.

Слабые связи между Си Ся и Сун привели к резкому сокращению сведений о Си Ся в китайских источниках. История тангутского государства, начиная с гибели Северной Сун, освещена в них слабо и фрагментарно.

Жэнь-сяо был просвещенным государем и страстным почитателем конфуцианства. Поэтому он с симпатией относился к Китаю и не раз принимал меры к укреплению ослабевших связей с южным сунским двором.

В 1140 г. сунский двор поручил шэньсийскому сюаньфуши Ху Ши-цзяну начать с тангутами переговоры о присылке даров.

После того как Цянь-шунь признал себя зависимым от Цзинь, тангуты прекратили всякую посылку даров сунскому двору. И вот в 1140 г. по приказу двора Ху Ши-цзян отправил посольство в Синцин. Посольство должно было урегулировать вопрос об обмене дарами и о церемониале представления послов. Жэнь-сяо, только что взошедший на престол и боявшийся чжурчжэней, не дал послам никакого ответа³⁴, и отношения между Си Ся и Сун были порваны окончательно.

В 1143 г. сунский пограничный чиновник У Линь захватил три области чжурчжэней. Шесть или семь раз он посылал в Си Ся своих людей, призывая тангутов к совместной борьбе с чжурчжэнями. И снова тангуты ничего не ответили китайским послам. В Си Ся проходили восстания. Сильные чжурчжэньские

³⁴ См. СШ, гл. 29, стр. 213.

гарнизоны стояли рядом, и ссориться с ними было нельзя. Поэтому в конце 1143 г., когда чжурчжэни напали на границы Сун, тангуты выслали свои войска и захватили сунский город Хуйчжоу³⁵.

Тангуты не отвечали китайским послам из страха перед Цзинь, а нападали на сунские границы не только по принуждению чжурчжэней, но и из желания поживиться.

В первой половине 1144 г., как бы принося извинения за нападения в прошлом году, Жэнь-сяо отправил посольство с дарами к сунскому двору (послы с дарами из государства Ся не были в Китае уже двадцать лет).

На этот раз тангуты прислали южносунскому двору «мелкий жемчуг, пояс из золота, ткани и десять лошадей»³⁶. Китайцы с радостью приняли послов из Си Ся. Сведений о взаимоотношениях Сун с Си Ся до 1159 г. у нас никаких нет.

В 1159 г. перебежавший к сунам чиновник Ли Цзинь-жунь обратился к императору с письмом, в котором говорил: «Тангутский фуши Цзюйи два раза посылал послов к южному двору, считая, что используемые там одежды, головные уборы, церемониал и музыка не имеют себе равных ни в одной другой стране. Тангуты очень озлоблены тем, что чжурчжэни изменили союзу и захватили те земли, которые дали им прежде. В этом году, в месяц под циклическими знаками Жэнь-цзы Нянхьянь собрал войска в Юньчжун и рассчитывает захватить Сычуань. Узнав о его замыслах, тангуты укрепили свои границы и ждут его подхода. Если послать к ним сейчас для ведения переговоров искусного дипломата, то государство Си Ся беспрепятственно вышлет войска, вполне достаточные для восстановления власти в северном Китае»³⁷.

Одновременно Ли Цзинь-жунь предлагал заключить против чжурчжэней союз с татарами, у которых цзиньские эмиссары постоянно выменивали лошадей для армии³⁸.

Оба его письма остались без ответа.

В 1161—1162 гг. чжурчжэни вели новую войну с Сун, на этот раз малоуспешную. Цзиньские войска выступили из Кайфына, возглавлял их сам государь, Ваньянь Лян. Вместо победного шествия цзиньских армий «офицеры и солдаты, неохотно идя на войну, убегали с дороги и возвращались в дома»³⁹. Воспользовавшись случаем, тангуты оккупировали некоторые территории Цзинь⁴⁰. У Линь снова обратился к тангутам, побуждая их совместными силами отразить чжурчжэней⁴¹. Он разработал

³⁵ См. ССЦ, гл. 24, стр. 76.

³⁶ Юйвэнь Мао-чжао, *Да Цзинь го чжи*, [б. м.], 1798, гл. 11, стр. 66.

³⁷ СШ, гл. 486, стр. 3796.

³⁸ См. СШСГЧЦЧ, гл. 13, стр. 136.

³⁹ «История дома Цзинь...», стр. 1566.

⁴⁰ См. ЦШ, гл. 134, стр. 826.

⁴¹ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

план широких военных действий против Цзинь и направил письма к киданям, в Гаоли, к бохайцам и татарам с предложением начать борьбу против общего врага ⁴².

В 1161 г. группа чжурчжэнских полководцев убила Ваньянь Ляна и императором Цзинь стал внук Агуды Улу (Ши-цзун). Цзиньские войска так и не смогли форсировать Янцзы. В 1165 г. между Сун и Цзинь был заключен мир. Сунский император писал Ши-цзуну, что «он, как племянник своему дяде, униженно подносит доклад императору великого царства Цзинь и обещается ежегодно представлять двести тысяч концов шелковых тканей и двести тысяч ланов серебра» ⁴³.

Тангуты еще до заключения мира между Сун и Цзинь вывели свои войска из занятых ими районов ⁴⁴. В 1163 г. сунский сановник Чэнь Кан-бо послал письмо государю Ся, в котором предлагал установить дружеские отношения между странами. Что ответили тангуты китайцам неизвестно.

Последние сведения об отношениях Си Ся с Сун при Жэнь-сяо относятся к 1186 г. В это время сунским двором были получены сведения, что киданин Даши Ялинь просил у тангутского двора разрешения пройти с войсками через территорию Си Ся для войны с Цзинь. Китайский двор срочно отдал приказ чиновникам У Тину и Лю Чжэну начать с ним переговоры при посредстве тангутов, с которыми У Тину было приказано вступить в контакт. Однако, по словам составителей «Сун ши», «чем закончились тогда эти переговоры, приняли ли тангуты китайские предложения или отказались от них — неизвестно, так как все это не было записано историками» ⁴⁵.

Таким образом, между Си Ся и Южной Сун при правлении Жэнь-сяо не было постоянного контакта. Южный сунский двор стремился добиться союза с Си Ся для борьбы с чжурчжэнями. Тангуты, которые, возможно, были и не прочь завязать мирные, дружеские отношения с Сун, из-за боязни перед Цзинь, не только не могли отвечать на китайские предложения, но и вынуждены были иногда поддерживать чжурчжэней в их нападениях на Сун. Однако они явно делали это по принуждению чжурчжэней, так как в противном случае китайцы не стремились бы так упорно добиваться союза с тангутами, не рассчитывая найти у них поддержки и зная об их враждебном отношении к себе.

Возможно, что через Си Ся сунцы вели переговоры с Западным Ляо. Тангуты были в постоянном контакте с татаро-монгольскими племенами и уйгурами. Это неизбежно, ибо они имели с ними общую границу большой протяженности.

К сожалению, в доступных нам источниках мы встречаем лишь туманные намеки на эти отношения. Для нас в настоящее

⁴² См. СШСГЧЦЧ, гл. 13, стр. 16а.

⁴³ «История дома Цзинь...», стр. 180б.

⁴⁴ См. ЦШ, гл. 134, стр. 826.

⁴⁵ СШ, гл. 486, стр. 3796.

время вся история международных отношений Ся повернута только на восток. Интереснейшие связи тангутов с западом, несомненно простиравшиеся до владений Хорезм-шахов, остаются тайной, которая сможет быть раскрыта только при условии привлечения новых источников.

СИ СЯ И ЦЗИНЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЖЭНЬ-СЯО

Между Си Ся и Цзинь в годы правления Жэнь-сяо установились мирные, даже порой дружеские отношения. К этому времени кончился период завоевательных войн чжурчжэней. Все усилия цзиньской дипломатии были направлены на установление и урегулирование отношений с сунским государством. Зависимое от Цзинь тангутское государство вынуждено было поддерживать чжурчжэньскую политику по отношению к Сун.

Си Ся не представляло для чжурчжэней большого интереса как объект завоевания. К тому же силы чжурчжэней были уже истрачены на освобождение из-под власти киданей и на завоевание богатых областей Северного Китая.

С 1141 г. между Си Ся и Цзинь начали устанавливаться торговые отношения. Тангуты регулярно посылали к цзиньскому двору посольство с поздравлениями к новому году и ко дню рождения императора. Чжурчжэньских послов тангутский государь после долгих споров о церемониале стал принимать стоя. В первый раз Жэнь-сяо принял чжурчжэньского посла Ванахая по тому же церемониалу, по которому раньше принимались в Си Ся киданьские послы.

Ванахай не согласился с таким приемом и заявил: «Отношения между киданями и Ся были подобны отношениям племянника и дяди. Поэтому ван государства Си Ся принимал послов (Ляо) сидя. Теперь отношения Великой Цзинь и государства Си Ся — подобны отношениям господина и его вассала. И принимать послов великого государства нужно по подобающему церемониалу»⁴⁶. Спор длился несколько дней. В конце концов государь Си Ся стал принимать послов Цзинь стоя.

Как только послы Цзинь вступали на территорию Си Ся, государь Си Ся посылал им подарки. Посланные встречать посольство люди должны были узнавать, сколько послы везут докладов и предписаний. При переписке с Цзинь тангуты пользовались цзиньскими девизами лет правления⁴⁷.

К 1146 г. по просьбе тангутов чжурчжэни отдали им пограничные территории в районе Дэвэйчэн и Динбяньцзюнь⁴⁸. В полученных областях Жэнь-сяо разместил свои войска и создал свою администрацию. Присылая подарки к новому,

⁴⁶ ЦШ, гл. 134, стр. 825.

⁴⁷ См. ССЦ, гл. 27, стр. 86.

⁴⁸ См. ЦШ, гл. 26, стр. 187.

1147 г., он отправил цзиньскому императору доклад с благодарностью⁴⁹.

В 1149 г. цзиньский император Си-цзун был убит и престол занял один из заговорщиков, Ваньянь Лян. Когда послы Цзинь с поздравлениями к новому году прибыли к границам Си Ся, тангуты остановили посольство и спросили, как и почему был убит их император.

Чжурчжэньские послы не смогли дать вразумительного ответа, и тангуты объявили, что, поскольку они не получили объяснений, они не могут принять посольства. Находящиеся в это время в дороге тангутские послы с новогодними подарками были возвращены с половины пути. По-видимому, с таким приемом чжурчжэньские послы столкнулись не только в Си Ся. Весной 1150 г. Ваньянь Лян направил послов в Сун, Си Ся и Гаоли с объяснением причин, «по коим свергнул с престола Си-цзуна и сам вступил на оный»⁵⁰. Принимая чужеземных послов, Ваньянь Лян наградил их всех богатыми подарками и отменил запрет на торговлю железом на границе с Си Ся⁵¹. Этими мерами он хотел добиться, чтобы его признали государем, и пресечь излишние разговоры за пределами Цзинь о массовых казнях, которые он провел в стране.

В 1155 г. тангуты напали на Тайюань, чтобы отомстить местным племенам, управляемым домом Чжэ, которые не раз совершали набеги на Си Ся. Чжурчжэни выслали войска для защиты подвластных им племен, а затем, во избежание раздоров в будущем, решили переселить их в Цинчжоу⁵². На чжурчжэньско-тангутской границе в 1156 г. чжурчжэни расставили сигнально-сторожевые посты, чтобы быть наготове в случае нападения тангутов⁵³. В 1160 г., принимая послов Си Ся, Ваньянь Лян, решивший напасть на Сун, предложил тангутам готовить войска для войны с Китаем. В 1161 г. чжурчжэньские войска напали на Сун; тангуты воспользовались удобным моментом и заняли несколько цзиньских областей. В том же году Ваньянь Лян был убит. Когда на престол взошел Ши-цзун, тангуты вывели свои войска из оккупированных ранее районов, но не вернули захваченное имущество, скот и пленных⁵⁴.

В 1166—1170 гг. в отношениях между Ся и Цзинь появилась некоторая настороженность из-за беспорядков на тангутско-тибетской границе. Тибетские племена, проживавшие на территории присоединенных в 1136 г. к Си Ся четырех округов, не все признали власть тангутов. В 1166 г. тангуты были вынуждены послать войска для подчинения кланов Чуйчжэ и Мицзан племени

⁴⁹ См. ССШШ, гл. 36, стр. 36.

⁵⁰ «История дома Цзинь...», стр. 134б.

⁵¹ См. ССЦ, гл. 24, стр. 12а.

⁵² См. там же, гл. 128, стр. 792.

⁵³ Там же, гл. 26, стр. 187.

⁵⁴ См. там же, гл. 134, стр. 826.

Чжуанлан. Два других клана этого племени — Лунбу и Панпай признали свою зависимость от рода Цяоцзя, хотя все племя Чжуанлан [джярунг] считалось вассалом Ся.

Род Цяоцзя поручил управление кланами Лунбу и Панпай старшине Цзешэцзюе, сыну Шичана, правнука знаменитого Дунчжана. Когда чжурчжэни вышли к границам тибетских племен Шичан, отец Цзешэцзюе подчинился Цзинь и за это был убит своими соплеменниками. Чжурчжэни выслали карательный отряд, казнили убийц Шичана, а на его место назначили его старшего сына Тегэ.

В 1164 г. сунские войска напали на ставку Тегэ — город Таочжоу и разрушили его. Мать Тегэ вместе с его младшим братом нашла приют в роде Цяоцзя. Старшины рода Цяоцзя и старшины родов Мупо, Бинли и кланов Лунбу и Панпай племени Чжуанлан признали потомка Дунчжана Цзешэцзюе своим главой и дали ему титул Ван цзы — сын вана.

Вскоре Цзешэцзюе вместе со всеми признававшими его власть родами перешел на сторону Цзинь. Тем самым два клана племени Чжуанлан, давнего вассала тангутов, оказались подданными чжурчжэней. Жэнь-сяо послал послов в Цзинь и заявил, что он вышлет войска и истребит племя Чжуанлан. Чжурчжэни, в свою очередь, решили присоединить земли тибетцев к территории Цзинь. Все это привело к конфликту между Си Ся и Цзинь.

В 1169 г. Цзешэцзюе приехал в ставку племени Чжуанлан, где жила его мать. Тангуты узнали об этом через шпионов и послали войска. Цзешэцзюе с трудом удалось бежать. В бою он потерял руку. Его мать попала к тангутам в плен. Вскоре Цзешэцзюе скончался от ран.

В последующие десять лет между Си Ся и Цзинь установились очень дружественные отношения. Жэнь-сяо был благодарен Ши-цзуну за поддержку во время попытки Жэнь Дэ-цзиня расколоть Си Ся. Ши-цзун, один из самых просвещенных и деятельных государей Цзинь, проводил миролюбивую внешнюю политику и поддерживал хорошие отношения с соседями. Оба государства регулярно обменивались посольствами и вели взаимовыгодную торговлю. Обычно перед прибытием своего посольства тангуты ставили в известность чжурчжэньское учреждение, именуемое синшэн, в функции которого входило обслуживание посольств. Специально посланный чиновник встречал посольство на границе с письмом от имени государя. Когда посольство вступало на территорию Цзинь, то впереди его следовала группа встречающих чжурчжэней, заботившаяся о столе и ночлеге послов. Прибыв в столицу Цзинь, послы отправлялись с визитом в синшэн. На следующий день для них устраивали пир, а затем следовали официальные приемы и аудиенции⁵⁵.

⁵⁵ См. ЦШ, гл. 38, стр. 246.

В 1171 г. из-за сильных дождей и грязи у тангутов заболело много коней и верблюдов. Чжурчжэни спешно выслали им из столицы ветеринара⁵⁶. В 1177 г. Жэнь-сяо прислал в дар Ши-цзуну громадную юрту, вмещающую сто человек⁵⁷.

Но вскоре, особенно после смерти Ши-цзуна, отношения Си Ся и Цзинь ухудшились в результате ограничений в торговле, введенных на границе чжурчжэнями. В 1178 г. тангуты захватили и разграбили город Линьчжоу⁵⁸. В 1190 г. они снова напали на границы Цзинь⁵⁹. Чжурчжэньский командующий пограничными войсками Алудай выступил с большим отрядом. Трехтысячный отряд тангутов устроил засаду в районе местечка Цзяньчжун. Чжурчжэни были наголову разбиты, а сам Алудай убит⁶⁰. Тангуты забрали с собой его лук и доспехи и отступили. Этот инцидент очень испортил отношения Си Ся и Цзинь. По требованию чжурчжэней тангутское правительство вынуждено было сослать на каторгу, а затем и казнить убийц Алудая.

Установить прежние дружественные отношения между Си Ся и Цзинь так и не удалось. А в первой четверти XIII в. перед самым нашествием монголов между Си Ся и Цзинь вспыхнула война, сильно ослабившая обе страны.

Жэнь-сяо скончался осенью 1193 г. на семидесятом году жизни. Он дольше всех государей Си Ся (пятьдесят пять лет) находился на престоле. Задолго до его смерти скончались обе его супруги, императрица Ван в 1165 г. и императрица Жэнь, дочь Жэнь Дэ-цзиня, в 1170 г. Вдовствующей осталась императрица Ло. Она вела свой род от китайца, сдавшегося тангутам, и была матерью наследника престола Чунь-ю.

Жэнь-сяо было дано посмертное имя императора Шэн-дэ, храмовое имя Жэнь-цзун. Могила его получила наименование Шоулин. Сын Жэнь-сяо Чунь-ю продолжил внутреннюю и внешнюю политику своего покойного отца.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРОЦВЕТАНИЯ. ПРАВЛЕНИЕ ЧУНЬ-Ю

Правление Чунь-ю, пожалуй, менее всего освещено в имеющихся в нашем распоряжении источниках. В 1194 г. чжурчжэни прислали Чунь-ю грамоту на титул вана государства Си Ся. В 1195 г. тангутское посольство с традиционными дарами — лошадьми — было отослано чжурчжэнями обратно. До этого Си Ся ежегодно посылало Цзинь восемьсот коней. Кроме тангутов такие же дары представляли все кочевые народы северо-запада, признававшие верховенство Цзинь. В 1195 г. чжурчжэньский управляющий северо-западными областями Ваньянь Цзун-дао

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ Там же, гл. 134, стр. 826.

⁵⁸ См. ССЦ, гл. 25, стр. 146.

⁵⁹ См. там же, стр. 216.

⁶⁰ ЦШ, гл. 134, стр. 826.

просил двор отменить эту повинность и получил согласие двора. Вероятно, эта мера была как-то связана с происходившими в то время в монгольской степи войнами Чингисхана. Чунь-ю послал послов с выражениями благодарности⁶¹.

С 1196 г. послы Си Ся на аудиенции у государя Цзинь должны были подавать письменные доклады. Отношения тангутов и чжурчжэней до конца XII в. оставались хорошими.

В 1200 г. заболела мать Чунь-ю императрица Ло. Чунь-ю просил чжурчжэней прислать опытного врача. Врачи Цзинь издавна пользовались доверием в Си Ся. Еще Жэнь Дэ-цзинь, желая вступить в контакт с чжурчжэньским двором, просил прислать ему врача из Цзинь и добился этого. И на этот раз чжурчжэни два раза посылали врача и лекарства матери Чунь-ю⁶².

В 1201 г. в Цзинь начались внутренние беспорядки. Опасаясь, что восставшие могут вступить в контакт с племенами севера и запада, государь Цзинь приказал вдоль северных и западных границ Цзинь вырыть рвы и создать военные поселения. Это крайне обидело тангутов. Чунь-ю расценил эту меру как враждебный акт по отношению к Си Ся. На запрос тангутского двора чжурчжэни предпочли уклониться от ответа⁶³. С этого момента дружеские отношения Си Ся и Цзинь были нарушены. И нарушены как раз в тот момент, когда дружба и взаимная помощь двух государств могла стать единственным источником их спасения.

В 1205 г. Си Ся впервые подверглось нашествию монголов. Тангуты, южные соседи татаро-монгольских племен, издавна находились в тесном контакте с ними. Тангутское государство не раз подвергалось грабительским набегам своих беспокойных северных соседей. Первые упоминания о монголах в китайских источниках встречаются еще во времена династии Тан (618—907 гг.). Среди племен шивэй, заселявших местности к югу от Байкала, было одно по имени мэнва (монголы)⁶⁴. В этом же районе на древней карте владений Ляо, помещенной в «Цидань го чжи», указана гора Мэншань (гора монголов). В описании народов севера, приведенном в «Цидань го чжи», названы и монголы (мэнгули). По имеющемуся здесь описанию, племена мэнгули «не имеют для управления начальников и не знают хлебопашества; живут только охотой, не имеют постоянного местожительства и кочуют все четыре времени года. Питаются только мясом и кумысом. С киданями не воюют, а поставляют для них быков, баранов, верблюдов, лошадей и шерсть»⁶⁵. О том, что упоминаемые в танское время мэнва (вариант мэнъу), тот же народ, что и мэнгули при киданях, говорится в другом источни-

⁶¹ См. ЦШ, гл. 73, стр. 472.

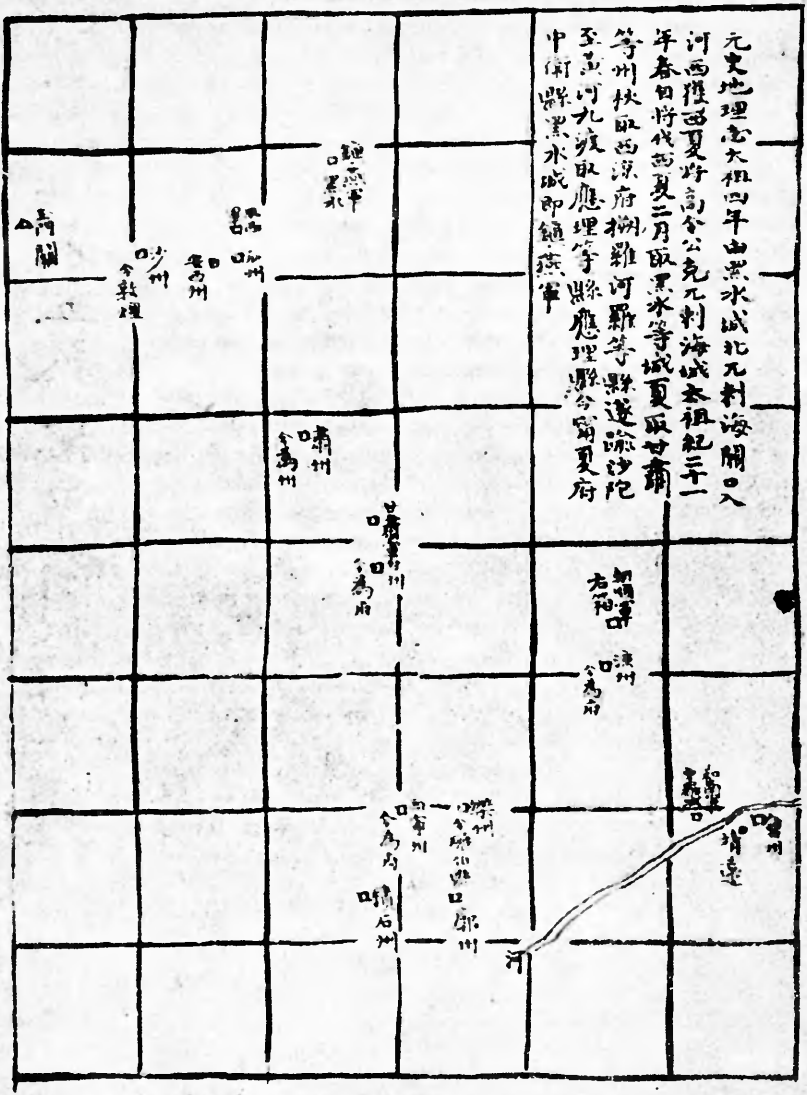
⁶² Там же, гл. 134, стр. 826.

⁶³ См. ССШШ, гл. 39, стр. 6а—б.

⁶⁴ См. СТШ, гл. 119, стр. 1671.

⁶⁵ ЦГЧ, гл. 22, стр. 66.

元史地理志大祖四年由黑水城北元利海關。入
 河西獲西夏好高公克元利海城太祖紀三十一
 年春旬將伐西夏三月取黑水等城夏取甘肅
 等州秋取西涼府鞏州河羅等縣遼詠沙陀
 至黑河九族取應理等縣應理縣今甯夏府
 中衛縣黑水城即鎮燕軍

ТЕРРИТОРИЯ СИ СЯ В XII в.
 (Левая половина)

西夏疆域總圖

每方四百里

舊圖川威福軍於州東
北疆鎮軍於州北鎮惠軍
於肅州北而九史地理志則謂
亦集乃路在甘州北一千五百
里漢西海郡居延故城夏國
嘗立威福軍則似威福軍在
夏之西北不在東北然不應三
軍俱置在西北而東北
鄰契丹之地及宜位 威福軍
元史述得軍多誤今
仍以舊圖為正或可威
福軍之地在九亦居不集
乃路也

舊鎮軍
白馬口

威福寺軍舊圖
本無細距里數今
特約略圖之

宋史夏國傳河外九州
有南威州而舊圖未列
唐末於鳴沙置威州宋
時混於西夏或仍為威
州然如南字似於鳴沙
之南別置南威州今不
可攷

ТЕРРИТОРИЯ СИ СЯ В XII в.
(правая половина)

ке XII в., «Сунмо цзивэнь». Здесь же сообщается, что местожительство монголов только рекой отделено от чжурчжэней. Монголы часто переправляются на южный берег и грабят⁶⁶.

О набегах народа мэнгусы на границы Цзинь сообщается в найденной в провинции Гири стеле первой половины XII в., посвященной создателю чжурчжэньского письма Ваньянь Сииню⁶⁷.

Наконец, описание монголов мы находим в «Да Цзинь го чжи». «Мэнгуцзы,— сообщается в этом источнике,— это народ, о котором кидане говорили „Владение Мэнгу“. Эти люди ростом в 8 чи. Они ловят диких оленей и питаются ими. Очень зорки, видят на расстоянии в несколько десятков ли. Видят все, вплоть до волоса. Они потому так зорки, что не едят вареной пищи»⁶⁸.

Таким образом, судя по сообщениям китайских источников, до XIII в. монголы жили на северо-западных границах Цзинь. Это была одна из групп племен, известных больше в китайских источниках этого периода под именем дада (татары) и цзубу.

Невольными участниками событий, происходивших на территории Монголии, тангуты впервые стали в 1193 г., когда хан племени керейтов Ван-хан, глава многочисленного народа, обитавшего по берегам Орхона и Толы, был разбит своим дядей Гур-ханом, восставшим против племянника найманов.

Ван-хан едва спасся с сотней всадников и просил помощи у Есугая, отца Чингисхана. Есугай выступил против Гур-хана, разбил его и принудил бежать в Си Ся⁶⁹. Позднее, когда между Чингисханом и Ван-ханом возникла вражда, Чингисхан напомнил об этом событии в своем послании Ван-хану:

«О мой отец хан, когда ты подвергся преследованиям со стороны твоего дяди Гур-хана за то, что ты похитил верховную власть после смерти его брата Бугорука и погубил двоих из твоих братьев, ты спасся в Каравун Каб-джал, где ты был окружен и осажден. Кто исторгнул тебя из этого места, как не мой отец? Он дал тебе помощь, с которой ты возвратился, ты нашел Гур-хана в Курбан-Беласут, ты обратил его в бегство, и он вынужден был искать спасения в сопровождении только двадцати или тридцати человек в стране Хашин (т. е. Си Ся.— *Е. К.*), откуда он более уже не появлялся»⁷⁰.

Во второй половине XII в. соседние татаро-монгольские племена находились в близких взаимоотношениях с тангутами. Не случайно некоторые монгольские ханы носили тангутские титулы. Например, брат керейтского Ван-хана Керандай больше

---

⁶⁶ Хун Хао, *Сунмо цзи вэнь*, серия «Ляохай цуншу», [б. м.], 1933—1934, т. 1, бэнь 7, гл. 1, стр. 5а—10б.

⁶⁷ Сюй Бин-чан, *Цзяо Цзинь Ваньянь Сиинь шэнь дао бэй шу хоу*, — «Шисюе цзикань», 1936, № 1, стр. 17.

⁶⁸ Юйвэнь Мао-Чжао, *Да Цзинь го чжи*, гл. 20, стр. 26.

⁶⁹ К. Д. Оссон, *История монголов*, т. 1, Иркутск, 1937, стр. 55; И. Бичурин, *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, СПб., 1829, стр. 14—15.

⁷⁰ К. Д. Оссон, *История монголов*, т. 1, стр. 65.

был известен «под тангутским титулом Джагамбу»⁷¹. Видимо, и у Гур-хана были основания искать спасения в Си Ся. Как известно, керейты были христианами несторианского толка, а в пограничном с монгольской степью городе Хара-Хото найдены документы, свидетельствующие о наличии там христианских общин.

В 1203 г. Ван-хан был разбит Чингисханом и убит. Сын Ван-хана Илха (Илько-Сингун) бежал в Си Ся (по данным мусульманских источников, в Бури-Тибет)⁷² и занялся там грабежами. Тогда тангуты выслали войска и вытеснили Илху и его людей во владения уйгуров (Гуйцы)⁷³.

В 1204 г. Чингисхан разгромил найманов и стал полновластным правителем монгольских степей. С этого времени начинаются большие организованные походы монголов против соседних государств. В 1205 г. монгольские войска вторглись в западные районы Си Ся, опустошили округа Гуачжоу и Шачжоу и ушли обратно, увея с собой много пленных и угнав большие стада скота⁷⁴. Нападение монголов произвело в Си Ся ошеломляющее впечатление. Давно не воевавшие тангуты не сумели дать им должного отпора.

После ухода монголов Чунь-ю приказал восстановить разрушенные врагом крепости и селения, провел амнистию в стране и в знак избавления государства от бедствия переименовал столицу Си Ся Синцин в Чжунсин (Возрождение)⁷⁵.

⁷¹ Там же, стр. 60.

⁷² См. там же, стр. 69.

⁷³ И. Бичурин, *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, стр. 31; ЮШ, гл. I, стр. 30.

⁷⁴ См. ЮШ, гл. I, стр. 30. Монголами были взяты и разграблены крепость Лицзили и город Лосы. Рашид-ад-дин следующим образом описывает поход монголов 1205 г. на Ся: «Чингис-хан соизволил привести свое войско в порядок и выступил в поход против области Кашин, которую называют Тангут. Когда они вступили в эту область, то прежде [всего] они достигли крепости [кал'э], называемой Лигили, а место это чрезвычайно укрепленное. Они ее окружили и в короткое время взяли, они разрушили все! И ее стены, и фундамент. Оттуда они пошли на город, название которого Киин-Лоши, а он был очень крупным городом, его они взяли и разграбили. [Затем] захватили некоторые другие области Тангута и разграбили [их], а скот, найденный ими в тех пределах, они весь угнали [с собою]. [Затем] с многочисленной военной добычей и бесчисленным [количеством] верблюдов и скота они [монгольские отряды] повернули назад и явились с выражением рабской покорности Чингис-хану. И все» (Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, стр. 149—150).

⁷⁵ ССШЦ, гл. 39, стр. 106—11а. Чунь-ю пытался принять меры для борьбы с монголами. В конце 1205 г. тангуты получили известие о том, что монголы напали на Цзинь. Чунь-ю отдал приказ тангутским полководцам вступить в союз с цзиньскими войсками в Хэдун и начать совместные военные действия против монголов. Тангутская армия выступила в поход и несколько дней двигалась по степи, так и не встретив противника. Тангуты на практике столкнулись с той тактикой, которую они сами неоднократно применяли против своих врагов. В это время шпионы донесли, что монголы разбили чжурчжэней и основные силы монгольской армии возвращаются обратно. Тангутские полководцы, которые рассчитывали как раз на то, что часть монгольской армии будет воевать с чжурчжэнями и они встретятся с ослабленным противником, испугались и повернули войска обратно (ССШЦ, стр. 11б.)

Внешнеполитическими трудностями Си Ся и растерянностью двора перед лицом новой угрозы воспользовался Чжэньцизюнь ван Ань-цюань, двоюродный брат Чунь-ю.

Отец Ань-цюаня Юе ван Жэнь-ю был младшим братом Жэнь-сяо. Он оказал Жэнь-сяо большую помощь при ликвидации мятежа Жэнь Дэ-цизия и получил за эту услугу титул Юе вана. Когда в 1196 г. Жэнь-ю скончался, его сын Ань-цюань, человек грубый и жестокий, подал Чунь-ю доклад, в котором просил разрешить ему наследовать титул отца. Чунь-ю отклонил просьбу Ань-цюаня и дал ему менее почетный титул Чжэньцизюнь вана (князь области Чжэнь). Ань-цюань, обиженный отказом, затаил в душе злобу против Чунь-ю⁷⁶. С этих пор он стал противником всех мероприятий Чунь-ю и, по мнению тангутских сановников, «постепенно пробирался к власти»⁷⁷.

К 1204 г. относится сообщение У Гуан-чэна о чудесном явлении, якобы происходившем в Сячжоу⁷⁸, после чего Ань-цюань еще активнее приступил к разработке планов захвата власти⁷⁹.

Первое монгольское нашествие оказалось тяжелым испытанием для тангутского государства. Видимо, многие видные сановники Си Ся считали, что Чунь-ю не способен управлять страной в столь грозное для нее время. В их числе была и мать государя императрица Ло. Во всяком случае, пользуясь поддержкой придворных кругов, в 1206 г. Ань-цюань совершил государственный переворот и сверг Чунь-ю с престола. Через несколько месяцев Чунь-ю внезапно умер в изгнании⁸⁰. Сразу же после переворота мать Чунь-ю императрица Ло послала людей к цзиньскому двору с докладом, в котором сообщила о перевороте и требовала пожалования Ань-цюаню свидетельства на титул. «Чунь-ю,— говорилось в письме государыни Ло,— не мог сохранить унаследованного престола. С главными сановниками [мы] договорились возвести на престол Ань-цюаня и сделать его ваном...»⁸¹.

После некоторых колебаний и расспросов послов чжурчжэни в конце 1206 г. дали Ань-цюаню свидетельство на титул вана Си Ся⁸².

Первое нашествие монголов на Си Ся и государственный переворот Ань-цюаня знаменовали собой конец процветания тангутского государства и начало периода его быстрого упадка и гибели.

---

⁷⁶ См. там же, стр. 26.

⁷⁷ Там же, стр. 36.

⁷⁸ Об этом см. стр. 77 настоящего издания.

⁷⁹ См. ССШШ, стр. 86.

⁸⁰ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

⁸¹ ЦШ, гл. 134, стр. 826.

⁸² Там же.

Г Л А В А VIII

КУЛЬТУРА СИ СЯ

ПИСЬМЕННОСТЬ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, МУЗЫКА, ЖИВОПИСЬ

За 250 лет существования государства Си Ся тангутский народ создал высокую культуру, достигшую расцвета в XII в. Тангутская цивилизация сложилась под влиянием китайской, тибетской, уйгурской и киданьской культур. Важнейшим этапом в формировании культуры Си Ся было создание в 1036 г. оригинальной тангутской письменности, которая не только сыграла огромную роль в духовной жизни тангутского народа, но и позволила сохранить его культурные достижения до наших дней и сделать их достоянием современной науки.

Сведения китайских источников о создателе тангутской письменности можно разбить на три группы. Одни источники сообщают, что творцом тангутской письменности был Дэ-мин, создавший 12 цзюаней тангутского письма. Изобретенные им знаки походили на китайское письмо стиля чжуань¹ (древний китайский стиль письма, употребляемый для печатей и т. п.; образцы тангутского письма стиля чжуань приводятся в статье Ло Фучана)². Другая, самая большая группа источников, приписывает изобретение письма Юань-хао, который в 1036 г. передал его для упрощения и введения в употребление Ели Жэнь-юну³ —

¹ См. ЛШ, гл. 115, стр. 420.

² Ло Фучан, *Си Ся го шу люе шо*, серия «Дайшисюань цункань», Шанхай, 1937.

³ См. СШ, гл. 485, стр. 3786. «Юань-хао сам создал тангутское письмо и приказал Ели Жэнь-юну упорядочить его. Всего было составлено 12 цзюаней. По форме письменные знаки представляли собой правильный квадрат и классифицировались по 8 разделам. Но написание письменных знаков было очень сложным. Все государственные служащие для ведения дел были обучены пользоваться тангутским письмом».

В «Лунпин цзи» сообщается: «Юань-хао сам создал 12 цзюаней тангутского письма. Это письмо походило на китайское письмо стиля чжуань. Он открыл тангутские школы и послал туда учиться детей и младших братьев тангутских чиновников» (ЛПЦ, гл. 20, стр. 5а). Здесь не упоминается о том, что Юань-хао передал изобретенное им письмо для доработки Жэнь-юну.

своему сановнику. Наконец, третья группа источников приписывает создание тангутского письма тангутскому чиновнику Ели Юй-ци⁴.

Если о первой и третьей версиях нет иных упоминаний, то вторая неоднократно подтверждается сунской историей. В 1039 г., принимая императорский титул, Юань-хао направил сунскому двору письмо, в котором заявил: «Я из запутанных узоров неожиданно создал малое тангутское письмо»⁵. О том, что Юань-хао изобрел письмо, упоминалось и в его титуле: «Основоположник династии, изобретатель письма, полководец, создатель законов, учредитель церемониала, человеколюбивый и отцепочительный император»⁶.

Однако, с другой стороны, в той же сунской истории сообщается, что в 1162 г. создателю тангутского письма, ученому Ели Жэнь-юну, был посмертно пожалован титул Гуанхуй вана⁷.

Таким образом, китайские источники создание тангутского письма приписывают и Дэ-мину, и Юань-хао, и Ели Юй-ци, и Ели Жэнь-юну. Кто же из них создал письмо?

Очень сомнительно, чтобы Дэ-мин был создателем тангутского письма. Об этом упоминается только в «Ляо ши», где описание государства Си Ся составлено сбивчиво и несистематично. В «Ляо ши» вообще почти все реформы Юань-хао приписаны Дэ-мину. Вероятнее всего, в «Ляо ши» допущена ошибка. Все остальные авторы относят создание письма именно ко времени правления Юань-хао. Правда, Дэ-мин был грамотным человеком, он мог знать тибетский и китайский языки. О Юань-хао сообщается, что он знал фаньское и китайское письмо. Под фаньским письмом в данном случае следует понимать письмо тибетское, а не тангутское⁸. В противном случае источникам сунской эпохи, современным Си Ся, которые единодушно связывают создание тангутского письма с именем Юань-хао, не было бы нужды особо сообщать о создании тангутского письма и указывать одинаковую дату — 1036 г. Сатоси Накадзима полагал, что тангутская письменность была изобретена Юань-хао и упорядочена Ели Жэнь-юном, как и указано в «Сун ши». Факт посмертного пожалования Ели Жэнь-юну, как создателю письма, почетного титула считает лишь подтверждением этой версии, ибо, по его словам, этот факт «является достаточным для подтверждения правильности записи, содержащейся в „Сун ши“ (Ся го чжу-

⁴ «Юань-хао взбунтовался. Его последователь Юй-ци еще до этого создал тангутское письмо. Несколько лет он одиноко прожил в башне и лишь к этому моменту (1036 г.) завершил составление письма. В это время он подарил изобретенное письмо Юань-хао» (МЦБТ, стр. 163—164).

⁵ СШ, гл. 485, стр. 3786.

⁶ Там же, стр. 3787.

⁷ См. там же, гл. 486, стр. 3796.

⁸ Сатоси Накадзима полагал, что это могло быть уйгурское или тибетское письмо. (См. Сатоси Накадзима, *Сэйка-ни окэру сэйкёку-но суйи то бунка*, стр. 717).

ань), относительно того, что письмо было создано Юань-хао и упорядочено Ели Жэнь-юном»⁹. Но маловероятно, чтобы Юань-хао лично создал тангутскую письменность. Хотя он и был человеком образованным, но большую часть времени он тратил на государственные дела и далекие походы.

Как выдающийся деятель тангутского государства Юань-хао, по-видимому, отлично понимал необходимость создания для тангутов собственной письменности, которая явилась бы важной ступенью в окончательном оформлении их государственного аппарата и одним из существенных условий их независимости. Поэтому не исключено, что идея создания тангутского письма принадлежала ему и именно по его распоряжению и под его наблюдением велась работа над разработкой новой системы письма. Вероятнее всего, что эта работа была выполнена тангутскими учеными Ели Жэнь-юном или Ели Юй-ци. А Юань-хао, талантливому полководцу, просвещенному государю, принимавшему живейшее участие в работе ученых, первоначально приписывалось создание письма.

Авторство создания письма Ели Жэнь-юном или Ели Юй-ци подтверждается и найденной Н. А. Невским одой в честь изобретателя тангутской письменности «учителя Ири»¹⁰, где тангутское Ири несомненно соответствует Ели в китайском произношении и указывает на старинный тангутский род Ели, упоминаемый в танской истории¹¹. По сведениям Н. А. Невского, некоторые китайские ученые отождествляют Юй-ци с Жэнь-юном¹².

Сатоси Накадзима также полагал, что Шэнь Ко в своем труде «Мэнци би тань» ошибочно вместо подлинного имени Жэнь-юн писал Юй-ци. В действительности это был один и тот же человек¹³. Эта же точка зрения была высказана в 1924 г. в китайской печати А. И. Ивановым, который полагал, что «Ели Юй-ци имел прозвание Жэнь-юн»¹⁴. Однако К. К. Флуг¹⁵, а затем Н. А. Невский, предполагавший, что тангутская ода в честь создателя письменности была написана в 1162 г. по случаю дарования Жэнь-юну посмертного титула Гуанхуй вана, высказались за то, что имя создателя письменности было Жэнь-юн¹⁶.

Мы полностью присоединяемся к мнению, высказанному К. К. Флугом и Н. А. Невским, и позволим себе привести дополнительные аргументы для подкрепления их предположения.

⁹ Там же, стр. 717.

¹⁰ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 80.

¹¹ См. ЦТШ, гл. 198, стр. 1651.

¹² См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 80.

¹³ Сатоси Накадзима, *Сэйка-ни окэру сэйкёку-но суйи то бунка*, стр. 718.

¹⁴ Цит. по кн.: К. К. Флуг, *По поводу китайских, текстов, изданных в Си Ся*, — «Библиография Востока», вып. 2—4, 1933, стр. 158.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 81.

Никакого отождествления имен Ели Жэнь-юна и Ели Юй-ци не может быть. Оба они жили в одно время с Юань-хао и были родственниками императрицы из древнейшего тангутского рода Ели. Ели Жэнь-юн скончался в пятом месяце (22 мая — 19 июня) 1042 г. Юань-хао очень любил и ценил своего прозвещенного¹⁷ советника и сподвижника и, как сообщает источник, после смерти Ели Жэнь-юна три раза навещил гроб с его телом и каждый раз, рыдая, говорил: «Как скоро я лишился своего самого близкого помощника». Он приказал устроить Ели Жэнь-юну пышные похороны и дал ему посмертно титул князя Фупин¹⁸.

Ели Юй-ци, постоянно занимавший пост командующего войсками, расквартированными в горах Тяньдушань, был оклеветан китайцами во время войны Си Ся и Сун в 1040—1044 гг. и казнен в 1042 г. по приказу Юань-хао¹⁹. Юй-ци, посвятивший себя военному делу, не мог быть создателем тангутского письма.

Другое дело Жэнь-юн — ученый, хорошо знавший китайскую литературу и классиков, верный и постоянный советник Юань-хао. Он создал тангутскую письменность, вероятно, по инициативе или указанию Юань-хао, даже, возможно, при его участии, но честь создателя письма была приписана государю, которому он служил. И только через сто с лишним лет, в 1162 г., второй из самых просвещенных тангутских государей венчает лаврами истинного создателя письма Ели Жэнь-юна, которому посмертно жалуетесь высокий титул вана. Понятно, что правителю Жэнь-сяо хорошо было известно имя подлинного создателя письма и он недаром предпринял этот важный шаг. Как предполагал Н. А. Невский, тангутская ода в честь создателя письма действительно могла быть написана именно в 1162 г.

Таким образом, можно полагать, что создателем тангутского письма, введенного в употребление в государстве Си Ся в 1036 г., был тангутский ученый Ели (Ири) Жэнь-юн.

Создание тангутской письменности было вызвано внутренними потребностями тангутского общества, необходимостью подготовки собственных кадров чиновников и ученых, способных обеспечить работу хозяйственных и административных органов. С созданием тангутской письменности появились условия для формирования общетангутского литературного языка. Тангутский язык стал языком государственным, употребляемым не только в Си Ся, но и в дипломатических документах, иногда даже в письмах к сунскому и киданьскому (позднее цзиньскому) дворам.

Создание тангутской письменности было колоссальным сдвигом в духовной жизни тангутского народа. Именно с этого момента мы можем говорить о появлении тангутской культуры. Тан-

¹⁷ Ели Жэнь-юн «был ученым и хорошо знал [китайских] классиков» (ССШЦ, гл. 16, стр. 1а).

¹⁸ Там же, стр. 2а.

¹⁹ См. ССЦ, гл. 9, стр. 76—8а, 106, 14а—14б.

гутская письменность позволила сохранить культурные достижения тангутов до наших дней и сделать их достоянием современной науки. Письмо Си Ся, очевидно, было создано в основном по образцу китайской иероглифической письменности²⁰, с некоторым влиянием графических средств не только китайского, но и киданьского письма. Однако в целом начертательные средства тангутской письменности настолько самостоятельны, что ее резкое отличие от китайской и киданьской письменностей ясно и для неопытного глаза. Графические средства тангутской письменности оказали влияние на формирование чжурчжэньского письма²¹.

Впервые с тангутской письменностью европейские ученые познакомились в конце XIX в. Г. Девериа, исследуя текст тангутско-китайской стелы из Лянчжоу, предположил, что тангутское письмо было слоговым²². В 1904 г. М. Г. Морис, изучавший тангутский текст «Лotosовой сутры», выразил сомнение в правильности выводов Г. Девериа и высказался за то, что тангуты позаимствовали «принципы своей системы письма» у китайцев²³.

Открытие в мае 1909 г. русским путешественником по Центральной Азии П. К. Козловым целой тангутской библиотеки в Хара-Хото, в том числе фрагментов тангутско-китайского словаря «Перл в руке» (1190 г.), пролили некоторый свет на тайну тангутского письма. В 1914 г. китайский ученый Ло Фу-чан пришел к выводу, что «источником создания системы письма Си Ся послужили способы образования китайских иероглифов»²⁴. Ло Фу-чан выделил более двух десятков детерминативов, напоминавших по своему характеру ключи китайской иероглифики. К аналогичному выводу пришли немецкие ученые А. Бернхарди и Э. фон Цах²⁵.

Особый интерес к культуре государства Си Ся в России появился более пятидесяти лет назад, после экспедиции П. К. Козлова. Коллекция П. К. Козлова, составляющая ныне тангутский фонд рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, начиная с 1909 г. стала объектом изучения русских и зарубежных ученых.

²⁰ См. M. G. Morisse, *Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hia*, — «Mem. pres. div. sav.», Paris, 1904, t. XI, 2 partie, p. 350; Ло Фу-чан, *Си Ся го шу люешо*, стр. 10а.

²¹ См. Е. И. Кычанов, *Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР*, — «Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 240—242; Е. И. Кычанов, *К изучению структуры тангутской письменности*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 68, 1964, стр. 126—150.

²² G. Devéria, *L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout*, pp. 26—28.

²³ См. M. G. Morisse, *Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hia*, p. 350.

²⁴ Ло Фу-чан, *Си Ся го шу люешо*, стр. 10а.

²⁵ См. A. Bernhardt und E. von Zach, *Einige Bemerkungen über Si-Hia Schrift und Sprache*, — «Ostasiatische Zeitschrift», Heft 3/4, 1918—1919, S. 233—234.

Вслед за А. И. Ивановым, который первым взялся за изучение памятников, написанных письмом Си Ся, к работе над тангутскими рукописями и ксилографами в начале 20-х годов приступил Н. А. Невский, проживавший в то время в Японии. В 1929 г. Н. А. Невский приехал в Ленинград и начал систематическое исследование тангутской коллекции. Работы Н. А. Невского, опубликованные в СССР и за рубежом, являются одним из лучших достижений мировой востоковедной науки в области тангутоведения. Путем сопоставления текстов, переведенных на тангутский язык с китайского и тибетского, Н. А. Невскому удалось дешифровать значения и дать приблизительные чтения большого числа тангутских письменных знаков и подготовить первый в мире словарь тангутской письменности²⁶. Невский не оставил трудов о системе тангутского письма, но он, как и его предшественники, считал письменность Си Ся идеографической.

На какие же традиции опирались тангуты, вырабатывая свою оригинальную систему графических средств? Тангуты не заимствовали тибетское и уйгурское письмо. Это очевидно. Другими соседями тангутов с высокоразвитой письменностью были китайцы и кидане, создавшие свое письмо на основе китайской графики в первой половине X в. Г. Девериа предположил, что тангутское письмо было создано на базе киданьского²⁷. В его время не было достаточного числа памятников ни киданьского, ни тангутского письма. В 20-е годы было обнаружено несколько киданьско-китайских стел-билингв. Сопоставление киданьских письменных знаков с тангутскими идеографами показывает, что тангуты могли заимствовать отдельные графические элементы киданьского письма, которые, правда, в свою очередь, восходят к китайской иероглифике.

Более плодотворным оказалось сопоставление системы тангутских графических средств с китайской иероглификой. Между отдельными элементами тангутского письма и китайскими иероглифами устанавливается не только внешняя графическая, но и внутренняя семантическая связь. Полученные результаты уже опубликованы в специальной статье, к которой мы и отсылаем читателя²⁸.

Однако элементы тангутского письма, происхождение которых из китайского или киданьского письма можно установить без особого труда, составляют незначительное количество общего числа идеографообразующих, значимых и несущих определенную фонетическую нагрузку элементов тангутского письма. Они позволяют лишь установить в общей форме, что при выработке графических средств своего письма тангуты опирались прежде всего на китайскую иероглифическую письменность.

²⁶ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, кн. 2.

²⁷ G. Devéria, *L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout*, p. 26.

²⁸ См. Е. И. Кычанов, *К изучению структуры тангутской письменности*, стр. 126—150.

Анализ показывает, что создание идеографообразующих элементов тангутского письма производилось по определенной системе. Очевидно, в процессе сложения письма каждому идеографообразующему элементу присваивалось строго определенное смысловое значение и, вероятно во многих случаях, чтение.

Создание по определенной системе идеографообразующих элементов и формирование из них идеографов, затем образование на базе уже имеющихся идеографов новых раскрывают перед нами важнейшую черту тангутского письма — наличие семантико-фонетических групп идеографов, связанных общностью происхождения на основе смыслового или фонетического сходства.

Таковым, вероятно, был наиболее распространенный путь образования большинства тангутских идеографов. Следовательно, создавая свою письменность, тангуты в первую очередь ориентировались на принципы построения хорошо разработанного, имеющего длительную традицию развития китайского письма. А это предполагает глубокое знакомство его создателей с китайской филологической наукой того времени. По своему характеру тангутское письмо было морфемно-слоговым, т. е. каждый отдельно взятый знак тангутского письма передавал или морфему, или слог, или слово тангутского языка²⁹.

Появление тангутской письменности создало прочную основу для закрепления и дальнейшего развития достижений духовной культуры тангутского народа. Оно явилось толчком для развития просвещения в Си Ся и открыло тангутскому народу путь к знакомству на родном языке с достижениями культуры соседних стран.

Начало тангутской системе образования было положено государем Юань-хао. Через год после создания тангутского письма, в 1037 г. для подготовки кадров, хорошо владеющих тангутским и китайским языками, он учредил тангутскую и китайскую школы. В тангутской школе обучали тангутскому языку и письму двух стилей — стилю, который по-китайски назывался чжуань, и обычному деловому почерку, который по-китайски назывался ли. В китайской школе обучали как стандартному письму, так и скорописи. Доклады, направляемые в Китай, писались по-китайски, но рядом тот же текст приводился по-тангутски. Тангутское письмо употреблялось при переписке с тибетцами, уйгурами и другими соседними народами, но обычно рядом помещался текст на языке каждого из этих народов, при этом тангутский, как основной, размещался справа³⁰.

Созданная школа, по-видимому, не удовлетворяла потребностей нового государственного аппарата. В 1039 г. правительство создало новые тангутские училища. Было открыто центральное

²⁹ Подробнее о тангутской письменности см. Нисида Тацуо, *Сейка гоно кёнкю*, Токио, т. I, 1964, т. II, 1966.

³⁰ См. ССШШ, гл. 12, стр. 136—14а.

тангутское училище, во главе которого Юань-хао назначил создателя тангутской письменности Ели Жэнь-юна. В эту школу направлялись наиболее талантливые дети и родственники тангутских и китайских чиновников. Закончив курс обучения, они сдавали выпускной экзамен и в зависимости от уровня знаний получали должности. Было приказано создать тангутские школы во всех округах страны и набрать для обучения в них учеников³¹. Преподавание в школах было организовано по китайскому образцу, на тангутский язык с этой целью были переведены «Сяо-цзин», «Эръя». «Сы янь цзацзы»³².

В 1001 г. государь Цянь-шунь создал «государственную школу» (го сюе), набрал для учебы в ней 300 учеников, а всем преподавателям гарантировал государственное содержание³³. В 1143 г. государь Жэнь-сяо открыл школу при дворце. Все дети и внуки родственников государя от 7 до 15 лет были обязаны посещать эту школу. Для работы в школе были отобраны лучшие преподаватели, и иногда уроки давали сам государь с государыней из дома Ван³⁴. В том же году Жэнь-сяо открыл школы во всех областях страны. Число учеников достигло 3 тыс.³⁵. Жэнь-сяо поощрял конфуцианское образование. Он лично отбирал отличившихся учеников и жаловал им различные ранги³⁶. В 1148 г. была создана «внутренняя школа» (нэй сюе). Для преподавания в ней были отобраны известные конфуцианцы, им увеличили жалование. Эта школа получила наименование «Дин синь» — «Обновление»³⁷. В 1162 г. тангуты создали академию наук (Хань-линь сюеши юань) и поручили ученым Цзяо Цзинь-яню и Ван Цзяню отредактировать свои исторические хроники³⁸.

Для обучения в школах тангуты составили учебники и словари, образцами которых мы располагаем. К числу учебников в первую очередь должно быть отнесено сочинение «Вновь собранные крупинки золота на ладони». Эта книга в стихах, состоящих из тысячи идеографов, каждый из которых встречается в тексте только один раз, представляет собой тангутское подражание китайскому «Цянь цзы вэнь». Книга служила пособием для первоначального обучения тангутскому письму. В Тангутском фонде ЛО ИНА есть несколько черновиков, содержащих упражнения в написании тангутских знаков.

³¹ См. там же, гл. 13, стр. 36—14а.

³² См. там же. Что за сочинение упоминается в «Сун ши» под названием «Сы янь цзацзы», точно не установлено. Дэн Лун высказал предположение, что в данном случае речь идет, очевидно, о хорошо известном тангутско-китайском словаре «Перл в руке» (см. Дэн Лун, *Си Ся и мяо фа лян хуа цзин илу*. Рукопись Пекинской библиотеки, сун 291/9254, без пагинации).

³³ См. СШ, гл. 486, стр. 3794.

³⁴ См. там же, стр. 3796; ССЦ, гл. 24, стр. 7а—7б; ССШШ, гл. 35, стр. 17а.

³⁵ ССШШ, гл. 35, стр. 17а.

³⁶ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

³⁷ Там же.

³⁸ См. там же. Образцы тангутских исторических записей типа китайских «шилу» хранятся в настоящее время в Тангутском фонде ЛО ИНА.

К числу учебных пособий можно отнести и словари «Идеографическая смесь», состоящие из списков обиходных тангутских слов, расположенных «по материям». Три больших раздела словаря — Небо, Земля и Человек, делятся на многие подразделы — земля, горы, реки и моря, драгоценности, ткани, мужская одежда, женская одежда, деревья, овощи, травы, злаки, лошадь, верблюд, корова, козы, птицы, дикие животные, пресмыкающиеся, насекомые, тангутские фамилии, тангутские имена, китайские фамилии, термины родства, части человеческого тела, жилища, продукты питания, утварь, военная подготовка, календарь и т. д. Это, по-видимому, было второе (после «Крупинок золота на ладони») пособие, введившее ученика в круг тангутской лексики и расширявшее запас знаков тангутского письма.

Целям обучения китайскому языку отвечал оригинальный словарь «Собрание необходимого», фрагментом которого мы также располагаем. Это своеобразный тангутско-китайский словарь, составленный также «по материям», но выполненный только тангутским письмом. Здесь каждое тангутское слово поясняется соответствующим китайским, однако записанным не китайским иероглифом, а в тангутской транскрипции тангутскими знаками. По-видимому, это было пособие для изучения прежде всего устной китайской речи.

Таким образом, просвещение в тангутском государстве было организовано на высоком по тем временам уровне, и не удивительно, что тангуты сумели создать достаточно своеобразную музыку, литературу и живопись, признанные современниками.

В государстве Си Ся успешно развивалась музыка и изобразительное искусство, преимущественно религиозного содержания. Музыкальные инструменты типа лютни — «пипа»³⁹ и барабана были известны дансянам в VII в. Дансяны очень любили песни, и, когда они в X в. приезжали к китайскому двору, император Мин-цзун (династия Поздняя Тан — 926—934 гг.) любил слушать их пение. Супруга Юань-хао из дома Со «целыми днями пела песни и слушала музыку»⁴⁰. Вероятно, любовь к музыке и танцам была широко распространена среди тангутского народа. На иконе бодисатвы Гуань-инь из города Хара-Хото (коллекция Государственного Эрмитажа № X.2439.) изображена бытовая сцена, в которой показаны «два музыканта, играющие на поперечной флейте и лире (кунхоу), пляшущий человек и человек, хлопающий в ладоши. В стороне два коня. Все четверо в простых зеленых куртках и шароварах, с косами на затылке»⁴¹. Музыка

³⁹ Пипа — «этот инструмент считался китайцами иноземным, происходящим якобы от народов Центральной Азии — хюнну, юечжи, цянов и сяньби» (С. М. Зубер, *Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото*. Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока, т. 1, Л., 1940, стр. 333).

⁴⁰ См. ССЦ, гл. 6, стр. 96.

⁴¹ С. М. Зубер, *Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото*, стр. 330. По мнению С. М. Зубер, «по всей вероятности, здесь изображены тангуты, играющие на музыкальных инструментах, бытовавших среди тангут-

не только широко бытовала среди народа, она имела и государственное значение, занимая важное место в торжественных обрядах и церемониях, как светских, так и религиозных. В IX в. танский император Си-цзун (874—889 гг.) подарил Тоба Сыгуну духовые инструменты и барабаны. Музыка тангутов «была выразительной, манера игры чиста и строга»⁴².

Когда Дэ-мин заключил мир с Сун, обряды, церемонии и праздничная музыка были те же, что и при сунском дворе. Премник Дэ-мина Юань-хао, обращаясь к Ели Жэнь-юну, говорил: «Истинный правитель, утверждая порядок церемониала и музыку, должен следовать местным народным обычаям... Что касается сунских и танских празднеств и музыки то они очень сложны. Я не принимаю их»⁴³. С этих пор на тангутских свадьбах и праздниках, при приеме гостей, жертвоприношениях, поклонении предкам и на пирах вместо девяти коленопреклонений совершалось лишь три, а в сопровождавшую этот церемониал музыку были внесены изменения⁴⁴. Эти нововведения Юань-хао в официальную музыку Си Ся более 100 лет не претерпевали никаких изменений. Новые правила были введены в 1148 г. государем Жэнь-сяо. Он послал известного в Си Ся музыканта Ли Юань-жу собрать все китайские книги по музыке, изучить их и обновить музыкальную систему страны. Новая система была разработана и введена в действие под названием «Синь люй» («Новая музыка, или гаммы»). В разработке новой музыкальной системы участвовал не только Ли Юань-жу, но и другие чиновники⁴⁵. Музыка Си Ся пользовалась большим успехом у соседних народов. Знаменательным является тот факт, что, когда Чингисхан выбирал музыку для своего двора, он остановился именно на тангутской⁴⁶.

Среди тангутских рукописей фонда ЛО ИНА обнаружен любопытный фрагмент чертежа для изготовления струнного музыкального инструмента. Судя по рисунку верхнего грифа, инструмент, по-видимому, должен был быть двухструнным. Чертеж

ского народа», стр. 331). Она справедливо ссылается на то место «Сун ши», где сказано, что простым тангутам предписывалось носить одежды зеленого цвета. Таким образом, материалы живописи из Хара-Хото подтверждают данные китайских источников.

⁴² ССШШ, гл. 12, стр. 13а. Китайские источники сообщают, что тангуты пользовались барабаном, гонгом и духовыми инструментами. Среди музыкальных инструментов, изображенных на иконах из Хара-Хото, встречаются свирель, поперечная флейта, флейта «худи» — «иноземная», поперечная флейта с отогнутой вверх головой дракона, флейта Пана, губной орган, лютя, китайская лира, кастаньеты, тарелки или цимбалы, набор звучащих камней. «Все эти инструменты во время существования Хара-Хото, т. е. в XII—XIII вв., были широко распространены в Китае и также приняты у тангутов» (см. С. М. Зубер, *Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото*, стр. 332—333).

⁴³ ССШШ, гл. 12, стр. 13б.

⁴⁴ См. там же.

⁴⁵ См. ССШШ, гл. 36, стр. 5а.

⁴⁶ См. ЮШ, гл. 68, стр. 523.

корпуса инструмента дан в двух вариантах различной степени завершенности. На чертеже указаны размеры деталей инструмента в вершках. Здесь же приложены рисунки образцов гвоздей и скобок для крепления и даны краткие пояснения скорописью.

В настоящее время обнаружены и фрагменты музыкальных записей. Тангутские нотные знаки были похожи на китайские, известные по материалам из Дуньхуана.

Широкое распространение буддизма в Си Ся вызвало расцвет религиозной живописи. Современная наука располагает блестящими образцами иконописи из города Хара-Хото, часть которых определено принадлежала кисти тангутских иконописцев. Крупнейший специалист по буддизму академик С. Ф. Ольденбург выделил из всех икон, найденных в Хара-Хото, иконы тибетского письма⁴⁷. Как установлено последними исследованиями сотрудников Государственного Эрмитажа, эти иконы по своим художественно-стилистическим особенностям близки к иконографии буддийской школы важдраяна, распространенной в Восточной Индии, Непале и Тибете⁴⁸. Исследователи считают, что «может быть поставлен вопрос о наличии внутри группы так называемых „тибетских“ икон отдельных художественных школ, отражающих религиозный синкретизм и тем самым культурные и политические взаимоотношения государства Си Ся с их соседями на Юге и Востоке, а также элементы, которые могут быть охарактеризованы как черты самобытной тангутской художественной школы»⁴⁹. Около трети икон выполнено в традициях дальневосточной буддийской иконографии, одна из групп может быть связана с художественной школой, известной по памятникам, найденным в Наланде (Бенгалия). Иконография «дальневосточной» группы икон связана с традициями живописи Дуньхуана⁵⁰. Часть икон была выполнена тангутскими художниками, и поэтому вполне справедливо будет отметить некоторые особенности стиля и техники исполнения буддийской живописи Хара-Хото как особенности, в какой-то мере отражающие состояние тангутского изобразительного искусства вообще.

«Уже в начале XI в. в тангутском царстве занимались живописью»⁵¹. Тангутские художники пользовались «больше всего бумажными тканями, которых поверхность покрывали лаком»⁵².

---

⁴⁷ См. С. Ф. Ольденбург, *Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образца тибетского письма)*, — «Материалы по этнографии России», т. 2, СПб., 1914, стр. 75.

⁴⁸ См. Т. В. Грек, Н. В. Дьяконова, М. Н. Кречетова, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова, *Изучение памятников тангутской культуры из г. Хара-Хото в Эрмитаже*, — «Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, октябрь 1964», Л., 1964, стр. 60.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. там же, стр. 60, 61.

⁵¹ С. Ф. Ольденбург, *Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото...* стр. 74.

⁵² Там же.

Все иконы тибетской школы резко отличаются от китайского письма и, по мнению С. Ф. Ольденбурга, свидетельствуют о том влиянии, которое «индийская живопись имела на древнетибетскую, а вместе с нею и на тангутскую, если в Тангутском царстве существовала своя самостоятельная школа живописи или иконописи»⁵³.

Образá писались так: при помощи трафарета на грунт наносился контур (холст загрунтовывался, вероятно, мелом с клеем). Затем рисунок раскрашивался. Краски икон из Хара-Хото отличаются большой прочностью, так как на многих иконах они до сих пор сохранили свой блеск и свежесть. Образ окаймлялся рамкой. «Есть основание полагать,— писал С. Ф. Ольденбург,— что и в старинной тибетской или тангутской живописи существовал уже обычай окружать образ тремя цветными каймами: красною, желтою, синею, символизирующими радугу»⁵⁴.

Композиция образов такая же, как в современной тибетской живописи,— в центре Будда или бодисатва, а по бокам от центральной фигуры две другие поменьше — будд, бодисатв, божеств или монахов⁵⁵.

Некоторые образá очень оригинальны смешением различных стилей⁵⁶. Например, в изображении будды Дипамкары «будда, его престол — почти совершенно тибетско-индийские, монахи, скала — китайские; золотой фон — своеобразный, по-видимому, тангутский»⁵⁷. Некоторые иконы позволяют предполагать уйгурское влияние⁵⁸. Это совершенно справедливо, так как из китайских источников хорошо известна роль уйгурских монахов, которую они сыграли в деле распространения буддизма в Си Ся. «Оригинальная трактовка лиц, особенно носов»⁵⁹, — отмеченная С. Ф. Ольденбургом, возможно, отражает некоторые характерные черты физического типа самих тангутов.

Таким образом, замечательная тибетская живопись, выросшая под индийским влиянием, нашла плодотворную почву в

⁵³ Там же, стр. 75.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См. там же. Образцы икон имеются в книге С. Ф. Ольденбурга. Большое число их представлено на выставке в Государственном Эрмитаже. Авторы доклада «Изучение памятников тангутской культуры из г. Хара-Хото в Эрмитаже» отмечают, что «наряду с устойчивой иконографией центральных персонажей [Будды и бодисатвы] существенно своеобразие трактовки второстепенных [стражи мира]» («Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, октябрь 1964», стр. 60.)

⁵⁶ На некоторых иконах из Хара-Хото изображены божества планет. По мнению С. М. Кочетовой, «в синкретическом облике божеств планет в иконографии Хара-Хото мы видим, что содержание образов некоторых светил явно греческое, а внешний облик либо китайский, либо индийский, либо смешанный» (С. М. Кочетова, *Божества светил в живописи Хара-Хото*, — «Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока», т. IV, Л., 1947, стр. 501).

⁵⁷ С. Ф. Ольденбург, *Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото*, стр. 35.

⁵⁸ Там же, стр. 40, 71.

⁵⁹ Там же, стр. 21.

тангутском государстве, где она не только процветала, но и обогатилась своеобразным влиянием тангутского и других (например, уйгурского) стилей письма. Поэтому мы вправе рассматривать ее как составную часть культурного достояния всего тангутского народа.

Свидетельством высокой степени развития изобразительного искусства в Си Ся являются гравюры, приложенные ко многим сутрам на тангутском языке. Несмотря на то что большая часть гравюр написана на религиозные сюжеты, в некоторых их фрагментах запечатлены яркие картины народной жизни. Тангутские художники, разрабатывавшие религиозные сюжеты, связанные с темой той или иной сутры, стремились приблизить облик изображаемых лиц к облику своих соплеменников. Такова, например, замечательная по своей выразительности сценка «Мясники» на одной из гравюр коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии. На гравюре изображены круглолицые, со вздернутыми носами люди, с пышными усами и бородой. Очень реалистично выглядят туши баранов, курицы, утки. Живые сценки мы видим и на других гравюрах — женщин, моющих и расчесывающих волосы, дом представителя знати, колодников, конвоируемых стражником с копьем, сцену казни.

Изобразительное искусство Си Ся заслуживает специально изучения. Коллекция Государственного Эрмитажа, дополненная гравюрами из ксилографического тангутского фонда Ленинградского отделения, дает возможность специалисту-искусствоведу изучить богатый материал по изобразительному искусству Си Ся. Такого рода исследование позволит выявить как влияние, которому подверглось тангутское изобразительное искусство, так и специфические черты, которые были характерны для существовавшей в Центральной Азии в XI—XIII вв. тангутской школы живописи и гравюры.

Прикладное тангутское искусство представлено в Государственном Эрмитаже несколькими образцами предметов буддийского культа довольно грубой работы. Любопытна расцветка тангутских тканей. Орнамент простой, цветочный, звездочки, ромбики на синем, голубом, золотистом, коричневом фоне. Зафиксированы образцы тканей с надписями. Предпринятая в настоящее время сотрудниками Эрмитажа работа над коллекцией из Хара-Хото позволяет надеяться, что в ближайшие годы мы сумеем значительно расширить свои представления о тангутском искусстве, важнейшей составной части культуры Си Ся.

ПАМЯТНИКИ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Вместе с тангутским письмом родилась и тангутская книга. Поскольку в то время бумага широко была распространена на Дальнем Востоке, секретом бумажного производства владели и тангуты. В «Измененном и заново утвержденном кодексе за-

конов» среди прочих органов управления Си Ся упоминаются ведомства по производству бумаги и книгопечатанию.

Тангутская бумага была весьма разнообразна. Анализ ее образцов, произведенный Всесоюзным научно-исследовательским институтом целлюлозно-бумажной промышленности, показал, что основным продуктом для ее производства служило хлопчатобумажное и льняное тряпье.

Буддийские произведения писались на хорошей светлой плотной бумаге. Деловая корреспонденция велась на мятой, серой низкосортной бумаге. Ксилография, как правило, производилась на достаточно мягкой сероватой бумаге среднего качества.

С искусством ксилографии тангуты, естественно, познакомились в Китае, где оно широко распространено было во второй половине X в. Поэтому метод книгопечатания у тангутов, по-видимому, практически был такой же, как и у китайцев. Об этом свидетельствуют и образцы досок для печатания книг, хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже. Тангутская печать отличалась четкостью и мастерством исполнения. По мнению большого знатока древней китайской книги советского ученого К. К. Флуга, большинство ксилографов из Си Ся по своему исполнению не уступало лучшим сунским изданиям, считавшимся образцом непревзойденного мастерства⁶⁰.

Самая ранняя датированная печатная книга в тангутском фонде ЛО ИНА относится к 1085 г.⁶¹ Наиболее поздний из памятников фонда датирован 1212 г.⁶² Внешне тангутские книги очень похожи на современные им китайские⁶³. Большинство книг светского содержания брошюровались «бабочкой»⁶⁴. Буддийские произведения представлены в свитках или книгах «гармониках». Но много книг буддийского содержания брошюровались, как тибетские книги, т. е. способом, заимствованным из Индии и известным под названием «потхи». Книги «потхи» в то время в Сунском Китае, по-видимому, не были распространены. Во всяком случае, К. К. Флуг не упоминает их в своей «Истории китайской печатной книги сунской эпохи».

Книги в Си Ся печатались массовыми тиражами. Особенно это относится к изданиям буддийской литературы. Большими тиражами печатались и светские издания. Выходило много и объемных книг. Так, «Измененный и заново утвержденный кодекс законов» состоял из 20 томов по 100 страниц (европейских) каждый и зафиксирован в коллекции ЛО ИНА в двух

⁶⁰ См. К. К. Флуг, *По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся*, — «Библиография Востока», вып. 2—4, 1933, стр. 164.

⁶¹ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4773.

⁶² См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 86.

⁶³ См. К. К. Флуг, *История китайской печатной книги сунской эпохи (X—XIII вв.)*, Л., 1959, стр. 26—56.

⁶⁴ К. К. Флуг, *Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII вв.)*, — «Советское востоковедение», 1940, № 1, стр. 87.

изданиях. Тангутско-китайский словарь «Перл в руке» представлен тремя разными изданиями. По меньшей мере двумя изданиями представлен словарь «Омофоны». Все это свидетельствует о широком распространении грамотности в тангутском государстве.

На тангутский язык было переведено много произведений китайской классической литературы. Китайские источники не раз упоминают о том, что тангуты просили продать или передать им те или иные книги и переводили их на родной язык. Сунское правительство всегда охотно выполняло эти просьбы, так как идеям и их воздействию оно доверяло не меньше, если даже не больше, чем своим солдатам.

В 1055 г. тангутские послы просили продать собрание биографий из династийных хроник и буддийские каноны. Тангутов интересовали сведения по истории своего народа, имеющиеся в китайских историях. Получили они лишь буддийские книги, так как у китайских властей в данный момент в наличии были лишь истории Восточной Цзинь и Юань Вэй и «среди записанных там событий нельзя было найти [описаний] иноземцев»⁶⁵. В 1062 г. тангуты прислали сунскому двору в дар лошадей и просили в обмен стихи, написанные рукой императора Тай-цзуня, эстампы письма стилем «лишу», девять классических книг, историю династии Тан, энциклопедию «Цэ фу юань гуй» и сочинение «Сун чжэн чжи чао хэ и»⁶⁶. Девять классических книг были получены тангутами в 1063 г., кроме того, тангуты получили сочинение «Чжэн и Мэн-цзы», а также медицинский трактат. Все эти книги были специально отпечатаны в Китае по заказу тангутов⁶⁷.

Конфуцианство сыграло большую роль в духовной жизни не только Китая, но и многих других народов Дальнего Востока. В некоторых соседних с Китаем странах конфуцианство нашло для себя почву и стало важнейшей составной частью отдельных дальневосточных культур. В домонгольскую эпоху конфуцианское мировоззрение проникло в кочевую степь, завоевав умы представителей господствующего класса народов, создавших свои государства на северо-западных и западных границах Китая. Кочевая степь являлась естественным барьером, преграждающим распространение конфуцианства. Нужны были особые условия, чтобы кочевые и полукочевые в прошлом народы восприняли конфуцианство как идеологическую основу управления.

---

⁶⁵ ССЦ, гл. 12, стр. 10а.

⁶⁶ Там же, гл. 13, стр. 5а. Государь Лян-цзо построил специальное книгохранилище (см. ССЦШБМ, гл. 20, стр. 4а).

⁶⁷ ССЦ, гл. 13, стр. 9а. Упоминаемые в «Сун ши» сочинения «Тай и цзинь цзянь» и «Е чжань гэ», а также сочиненная Жэнь-сяо песня «Лин чжи гэ» рассматриваются в «Си Ся и вэнь чжи» как произведения тангутской литературы (см. «Си Ся и вэнь чжи», серия «Шисюе цуншу», [б. м.], 1904, стр. 2а).

Такие специфические условия существовали на окраинах сунской империи в период создания государств киданей, тангутов, чжурчженей. Главными предпосылками распространения конфуцианства в этих странах было значительное китайское влияние на верхушку общества, принятие китайских форм правления наряду с сохранением своих, наличие большего или меньшего для различных стран китайского компонента и связанного с ним присутствия значительного числа китайских чиновников и ученых-конфуцианцев на государственной службе. В таких случаях постоянное освоение китайских методов управления, феодализация родо-племенной знати сопровождалась распространением конфуцианства, т. е. той идеологии, которая наиболее тонко и в наиболее завуалированной форме обосновывала эти изменения.

Среди известных переводчиков китайской классики на тангутский язык упоминается Ва Дао-чун. В сочинении Юй Цзи «Дао юань сюе гу лу» в предисловии, датированном 1346 г., сохранились следующие сведения о Ва Дао-чуне: «Князь (гун) носил фамилию дома Ва, его предки жили в Линьэ и вслед за государями Ся переехали в Синчжоу. Из поколения в поколение они являлись составителями истории государства Ся. Посмертное имя князя Дао-чун, а прозвание Цзун-шэн. Восьми лет он постиг „Шан шу“, подростком проник [в тайны] пяти канон и стал наставником тангутского [фань] и китайского языков и литератур. Перевел на [тангутский язык] „Лунь-юй“ и особо прокомментировал его, написав [к тексту] „Разъяснения“ („Цзе и“) в 20 цзюанях. [Сочинение] называлось „Лунь юй сяо и“. Кроме того, он составил суждения о гаданиях на панцире черепах и стеблях трав из „И цзина“ (Чжоу и), записал их письмом своего государства и распространил в стране. Они сохранились вплоть до наших дней. По службе он достиг должности чжуншу цзайсяна своей страны и скончался. Жители Ся постоянно чтити Кун-цзы и объявили его Чжэ шэн вэнь сюань хуанди — мудрейшим императором, распространителем просвещения. Вот почему они нарисовали портреты князя и вменили в правило приносить жертвы и ему вместе с прочими жертвоприношениями в школах уездов и областей их страны. Они так и поступали, руководствуясь этим правилом»⁶⁸. Портрет Ва Дао-чуна сохранился в Лянчжоу после гибели Си Ся. Его видел потомок Ва Дао-чуна юаньский лянфанши Мин Дао в одном из полуразрушенных дворцов Лянчжоу. Мин Дао «плакал навзрыд и никак не мог оттуда уйти, требовал рабочих, чтобы скопировать портрет и хранить его в семье». Портрет погиб в годы правления Янь-ю (1314—1320), когда дворец был отремонтирован. Другой потомок Ва Дао-чуна, известный юаньский

---

⁶⁸ Юй Цзи, *Дао юань сюе гу лу*, [б. м.], [б. г.], гл. 4, стр. 46.

поэт Ва Юйлуьнду, внук Мин Дао, написал славословие в честь своего далекого предка:

Когда процветало Си ся,
То поклонялись и служили Кун-цзы.
И так сильно его почитали и любили,
Что поставили ему алтарь в императорском храме.
Вот тогда-то и появился некий сановник-конфуцианец,
Который рано постиг поучения и заповеди
древних мудрецов ⁶⁹,
Проник в тайны канонов, написанных
одним и тем же письмом ⁷⁰,
И преподавал их в столице своего государства,
Вследствие чего стал сяном у своего государя.
Ему были пожалованы одежды и знаки отличия,
Он заботился о храмах науки,
И портрет покойного там сохранялся.
Государство опустошено, и люди ушли далеко,
И из людей редко кто знает [о нем].
Разрушенные дворцы перестраиваются,
И не известны золотые нити.
Но не забывают своего родственника
Ныне живущие мудрые внуки,
Подновили картину красной и синей краской
И приобрели доказательства славного прошлого ⁷¹.

Усиленное распространение в Си Ся конфуцианской морали, как правильно определил проф. Н. А. Невский, имело своей главной целью «научить правителей править государством, а подданных — подчиняться» ⁷².

О том, насколько широко были распространены в Си Ся переводы китайских классиков, свидетельствуют материалы тангутской библиотеки из Хара-Хото (Эдзина). Хотя лишь 12,5% рукописей и ксилографов этой библиотеки, замурованной в субургане, составляют книги небуддийского содержания — переводы китайских произведений, словари, памятники тангутской литературы, тем не менее здесь имеются фрагменты тангутских переводов «Лунь-юя», «Сяо-цзина» и два варианта

⁶⁹ 典言莫 — намек на «Шу-цзин», где имеется два раздела «дянь» — «Яо дянь» и «Шунь дянь» и три раздела «мо» — «Да Юй мо», «Гао Тао мо» и «И Цзи мо». В целом термин означает поучения и наставления древних мудрецов (см. Морохаси Тэцудзи, *Дай кан-ва дзитэн*, Токио, 1955—1960, стр. 1185).

⁷⁰ 同文 — одинаковое письмо. Выражение из «Чжун-юн», один из символов единства страны: «Теперь в Поднебесной ездят в колесницах с одинаковой колеей, пишут одним и тем же письмом, исполняют одни и те же морально-этические правила». В данном случае это выражение означает, что Ва Дао-чун постиг каноны именно на китайском языке.

⁷¹ Юй Цзи, *Дао юань сюе гу лу*, гл. 4, стр. 46.

⁷² Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 85.

переводов «Мэн-цзы»⁷³. Кроме того, здесь обнаружены фрагменты книги, содержащей переводы цитат из самых разнообразных китайских классических сочинений — «Ли-цзи», «Цзо-чжуань», «Чжоу-шу», «Ши-цзин» и др.

Весьма любопытны комментарии к тангутским переводам «Лунь-юя» и «Мэн-цзы». Они не совпадают с известными китайскими комментариями и принадлежат, очевидно, кисти тангутских ученых. На тангутский язык переводились не только классические произведения. Мы уже упоминали о большом интересе тангутов к китайской военной теоретической мысли. Кроме перевода трактата «Сунь-цзы» мы располагаем тангутским переводом «Трех тактик» Хуан Ши-гуна с комментариями и «Шести секретов» («Лю тао») без комментариев. Как сообщил нам научный сотрудник Британского музея Э. Гринстэд, среди памятников тангутской коллекции музея ему удалось обнаружить небольшой фрагмент перевода военного трактата «Синь-шу», приписываемого Чжу Гэ-ляну.

Большой интерес представляет десяти томное энциклопедическое издание «Лес категорий», отпечатанное в августе 1181 г. управлением печати Си Ся. Это своеобразный свод биографий знаменитых людей Древнего Китая. Биографии распределены по разделам: доблестные, верноподданные, мудрые чиновники, верные жены, чародеи, врачеватели, писатели, гуляки, знатные и богатые, неимущие, благородные бедняки, искусные стрелки из лука, актеры, богатыри, уроды, счастливицы и др. Оригинал этого произведения в Китае, вероятно, не сохранился. К. К. Флуг предположил, что эта энциклопедия биографий была составлена в чжурчжэньском государстве Цзинь⁷⁴.

Мы уже отмечали, что тангуты весьма интересовались китайскими историческими сочинениями. До наших дней в переводе на тангутский язык дошли большие фрагменты из «Чжэнь-гуань чжэн яо», представляющего запись бесед танского императора Тай-цзуна со своими приближенными в годы правления Чжэнь-гуань (627—649), т. е. именно в тот период, когда дом Тоба установил первые контакты с танским двором, и из сочинения «Двенадцать царств» — собрания различных эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю. Н. А. Невский предполагал, что это сочинение, возможно, является переводом сунской книги «Ши эр го люе ши» («Краткой истории двенадцати царств»)⁷⁵.

Тангутские переводы китайских художественных произведений пока неизвестны. Но следует учесть, что мы располагаем лишь частью библиотеки монастыря из Хара-Хото — одного из

⁷³ См. «Китайская классика в тангутском переводе (Лунь Юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова («Памятники письменности Востока», IV, М., 1966).

⁷⁴ См. Архив ЛО ИНА, Материалы К. К. Флуга.

⁷⁵ См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 86.

обычных городов Си Ся, к тому же расположенного довольно далеко от жизненно важных центров тангутского государства. Но и то, что сохранилось, свидетельствует о глубоком знании тангутами китайской литературы и о высоком мастерстве тангутов-переводчиков.

Тангуты не только переводили на родной язык произведения литературы соседнего Китая, но и имели собственную литературу. Это блестяще доказал Н. А. Невский — один из первых исследователей тангутской коллекции ЛО ИНА, не имевший себе равных в знании тангутского языка и культуры. Уже в начале 30-х годов он обнаружил в фонде сборник тангутской поэзии и дал блестящие образцы переводов тангутских придворных од⁷⁶. Позднее был обнаружен впервые упоминаемый еще А. А. Драгуновым⁷⁷ сборник тангутских литературных произведений в стихах и прозе, озаглавленный «Собрание светлых слов, принадлежавших трем поколениям». Собранные в нем произведения преимущественно религиозно-нравоучительного содержания, разных жанров, иногда с комментариями. Составителями его были два монаха, «принявшие обет чистой веры», Хуй Мин и Дао Хуй. В сборнике представлены оды, повествования, новеллы, критические рассуждения, славословия и официальные донесения. Все эти жанры заимствованы из китайской литературы. Вероятно, китайская поэзия имела влияние на тангутскую. Это отмечал в своих трудах Н. А. Невский: «Тангуты в своей поэзии,— писал он,— обильно пользовались китаизмами, употребляли китайские слова и находились под значительным влиянием китайской конфуцианской идеологии... Наряду с китайской идеологией, находим и идеологию буддийскую...»⁷⁸. Образцы тангутской поэзии известны уже по переводам А. Н. Невского⁷⁹. Приведем оду из сборника «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям».

*Ода в честь собственного пути
и обычаев царства Ся*

Слух о наших победах больших
Перешел границы страны,
Спала с глаз у чужих пелена,
И о нас узнали они.
Не иссякает источник,
Ученых мужей порождающий,
Сыновья их придут на смену им в будущем.
Наши обычаи и нравы, утвердившись,

⁷⁶ См. там же, стр. 90—91.

⁷⁷ См. «Bulletin of the National Library of Peiping», vol. IV, may—june, 1930 (issued in January, 1932), № 3, p. 376.

⁷⁸ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 90.

⁷⁹ См. там же, стр. 80—81, 90—91.

Вознеслись подобно взлету павлина.
Коль летнее солнце жарко печет,
Где воздух прохладен и чист?
В снежных ущельях, в наших горах
Непреренно прохладу найдешь.
А коль сумрак спустился, в небе ночном
Яркая светит луна,
И где еще, кроме нашей страны,
Есть столь белые облака?
Ночное облако в небе плывет,
Лунный воздух прохладен и чист,
А под пологом трав, в ночной тишине
Фениксы бродят и львы.
Если в наши леса и горы пойдешь,
Тигров, барсов далеко разносится рев,
А коль с черным драконом встретишься вдруг,
Храбрым воином станешь навек ⁸⁰.

В тангутских стихах много подражания, но многие из них проникнуты неподдельным чувством глубочайшей любви к своему отечеству и культуре. И потому так естественно вписываются иногда в тангутский текст павлины, фениксы и драконы, образы, заимствованные из китайской поэзии, но ставшие средством выражения больших патриотических чувств в тангутском стихе.

Подлинным памятником самобытной тангутской культуры является сборник тангутских изречений. Сборник был составлен во второй половине XII в. (издан в 1186 г.) Лян Дэ-яном. Образцы переводов из этого памятника имеются в трудах Н. А. Невского ⁸¹. Эта книга — сокровищница живой мысли и искрящегося юмора тангутского народа.

Распространены в тангутском государстве были и различные произведения морально-этического содержания буддийского и конфуцианского характера. Образцами их являются произведения из коллекции ЛО ИНА: «Сборник вдохновенной мудрости» — сочинение монаха Бао Юаня (издано в 1188 г.), содержащее «различного рода моральные проповеди о вреде пьянства, блуда, о женщинах-мирянках и пр.» ⁸², «Сборник доблестного поведения», «Вновь собранные записки о любви и сыновней почтительности», произведения компилятивного характера, содержащие конфуцианские истории, сентенции и проповеди. Такого

⁸⁰ Тангутский фонд ЛО ИНА, «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям», № 4166, стр. 106.

⁸¹ См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 92—93. См. также Е. И. Кычанов, *Тангутские пословицы (проблемы перевода и исследования)*, — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, Тезисы докладов I годичной научной сессии ЛО ИНА, март 1965 г.», Л., 1965, стр. 44—46.

⁸² Там же, стр. 83.

рода литература пользовалась наибольшим спросом среди учебного сословия, буддийского духовенства и обычно ими создавалась.

Большой интерес представляют сохранившиеся во фрагментах три книги многоотомной своеобразной тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми». В пятнадцати главах энциклопедии можно найти всевозможные сведения — от кратких заметок по астрономии до трактовки различных моральных категорий.

Даже то незначительное количество произведений, которыми мы располагаем, свидетельствует о существовании в тангутском государстве большой, многообразной и широко распространенной литературы. Литература, конечно, была в первую очередь достоянием ученого и служилого сословий и тангутской знати. Но ценно то, что наряду с рассуждениями на морально-этические темы, в духе буддизма или конфуцианства, в тангутской литературе были сильны самобытные патриотические мотивы, содержащие яркие поэтические гимны родной природе, произведения, полные гордости за свою маленькую, но независимую и просвещенную страну.

Тангуты с большой любовью относились к разработке и распространению своего письма и языка. «Особенно должно отметить в нашей коллекции,— писал Н. А. Невский,— обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью»⁸³. Действительно, разнообразие лексикографической тангутской литературы поражает. Все имеющиеся в коллекции ЛО ИНА словари составлены, по-видимому, в XII в.

Тангутская словарная литература свидетельствует о хорошем знании тангутами достижений китайской лингвистической науки. Словарь «Море письмен» был составлен по образцу китайского словаря «Гуан юнь». Это отмечал еще А. И. Иванов⁸⁴. Конечно, специфика тангутского языка и письма потребовала от тангутов внесения некоторых дополнений. Они вынуждены были дополнительно пояснить происхождение каждого знака, составить приложение к словарю, в котором были выделены слова, начинающиеся на префикс и ликвидную инициаль (словарь «Смешанные категории моря письмен»)⁸⁵.

В 1132 г. тангуты выпустили в свет словарь омонимов своего языка (словарь, известный в литературе как «Гомофоны»). В предисловии к словарю говорилось: «Иероглифы составляют

⁸³ Там же, стр. 93.

⁸⁴ См. А. И. Иванов, *Памятники тангутского письма*, — «Известия Российской академии наук», 1918, стр. 800.

⁸⁵ Здесь мы не даем подробного описания словарей, так как эта работа уже осуществлена Н. А. Невским (см. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. I, стр. 95—106).

слова и выражения; благодаря своим звукам они образуют великую сокровищницу знаний и являются основой просвещения народа»⁸⁶. Далее в предисловии, которое разбирал Н. А. Невский, по его словам, «следует утверждение, что отыскание иероглифов во всех предшествующих словарях (т. е. в рифмических словарях „Море письмен“.— Е. К.) было сопряжено с большими трудностями и что „настоящий метод“ был известен только тем, кто обладал знаниями»⁸⁷. Словарь омонимов был большим достижением тангутских ученых-лингвистов и свидетельствовал об их упорной работе над своим языком и письмом. По-видимому, позднее была предпринята весьма удачная попытка объединить словарь омонимов и словарь «Море письмен». В коллекции ЛО ИНА есть рукописные фрагменты такого словаря. Объединенный словарь содержит самую подробную характеристику тангутского идеографа — его происхождение, точнее способ образования, значение, чтение по системе фаньце, его рифму, наиболее употребительное сочетание, в котором встречается данный идеограф, его тон⁸⁸.

По-видимому, одновременно во второй половине XII в. были составлены и тангутские фонетические таблицы. Один из рукописных экземпляров таблиц датирован 1173 г. Тангутские фонетические таблицы были составлены по образцу китайских фонетических таблиц Сыма Гуана. Однако тангутский язык не походил на китайский, и тангуты, естественно, были вынуждены внести в таблицы некоторые дополнения. Они ввели четыре медиальных ряда и специальную группу для ликвидных. Приведенные в таблице знаки представляли группу слов, увязанных с их рифмой первого или второго тона. Один из экземпляров таблиц содержит вклейки с полным списком данных знаков по словарю «Море письмен». Таким образом, словари и фонетические таблицы представляли собой единую связанную систему, характеризующую всесторонне язык и письменность Си Ся⁸⁹.

Стремясь поддерживать связи с соседними государствами, тангуты составили тангутско-китайский словарь «Перл в руке» (мы располагаем изданием 1190 г.). Словарь, как об этом говорится в его предисловии, должен был служить сближению двух культур.

Тангуты часто посещали соседние страны и безусловно оставили описания их. Об одном из таких трудов мы встречаем упоминание в китайских источниках. Некий Ли Ши-ло, два раза участвовавший в посольствах к чжурчжэням, «хорошо знал их обычай и нравы и написал путевой дневник объемом в

⁸⁶ Там же, стр. 96.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4153.

⁸⁹ В тангутской коллекции ЛО ИНА имеется также словарь синонимов тангутского языка (№ 2539). Словарь датирован 1189 г.

3 цзюаня»⁹⁰. Тангуты аккуратно вели запись собственной истории. Мы уже упоминали о семье Ва, представители которой из поколения в поколение были придворными историографами, об ученых Цзяо Цзинь-яне и Ван Цзяне, которым в 1162 г. было поручено составлять историю Си Ся. Историю Си Ся составлял придворный историк Доэрцзи (Дорчжи), а в последние годы существования Си Ся ее писал Ло Ши-чан. К сожалению, эти истории до нас не дошли. Упорно сопротивлявшееся тангутское государство было предано огню и мечу, и в огне пожаращ погибли ценные архивы и библиотеки. Монгольские воины «хватали мальчиков и девочек, золото и парчу. Лишь Елюй Чу-цай взял оставшиеся книги и лекарственный ремень»⁹¹. Но таких, как он, по-видимому, было немного. И ценные истории Си Ся либо погибли безвозвратно, либо погребены в песках.

Мы ничего не знаем о развитии начатков естественнонаучных знаний в Си Ся. В народной медицине определенно существовали некоторые элементы научных знаний о природе. Известно, что тангуты выписывали из Китая медицинские книги, среди тангутских книг ЛО ИНА СССР есть и медицинские сочинения, например описание пилюль из *Aster tartaricus* и способы их применения, небольшой фрагмент по акупунктуре, книги с рецептами лечения лошадей и т. п.⁹².

В источниках нет сведений о том, каким календарем пользовались тангуты — своим или китайским⁹³.

Тангутские рукописи обычно датировались годом, который обозначался соответствующим годом девиза лет правления и циклическими знаками, имевшими соответствия в двенадцатилетнем животном цикле. Центральноеазиатский животный цикл широко употреблялся в Си Ся, и мы располагаем рукописями, датированными знаками животного цикла. На одной рукописи дата «год мыши» обозначена по-тангутски, по-уйгурски и по-китайски циклическим знаком, соответствующим году мыши в животном цикле. В коллекции ЛО ИНА имеются фрагменты тангутских календарей. Судя по первому знакомству, составлены они по образцу китайских календарей, в некоторых экземплярах даже часть текста записана по-китайски. Исследование этих фрагментов позволит поближе познакомиться с календарем, употреблявшемся в Ся.

⁹⁰ ССЦ, гл. 25, стр. 3а—3б.

⁹¹ Там же, гл. 28, стр. 11б.

⁹² Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 89.

⁹³ Тангуты постоянно получали календарь от китайцев. Однако это не значит, что они пользовались только китайским календарем. Пожалование календаря просто было символом признания тангутами старшинства Сун. Тангуты получали из Китая календарь в 1007 г. (ССЦ, гл. 4, стр. 19а), в 1045 г. (ССЦ, гл. 11, стр. 3б), в 1087 г. (ССЦ, гл. 18, стр. 11б) и в 1101 г. (ССЦШБМ, гл. 29, стр. 6а). После того как тангуты, пользуясь наступлением чжурчженей, захватили ряд китайских крепостей, в 1131 г. посылка календаря в Си Ся была прекращена. Получали ли тангуты календарь из Цзинь, неизвестно.

Из краткого анализа духовной культуры Си Ся можно заключить, что тангутское государство являлось одним из культурнейших государств Центральной Азии XI—XII вв. Тангутская культура сложилась под влиянием двух больших восточных культур — китайской и тибетской. Вместе с тем тангуты сумели сохранить свою самобытность, развить свои традиции и, творчески восприняв многие достижения соседей, сформировать свою собственную культуру. Именно эта своеобразная культура позволяла автору тангутско-китайского словаря «Перл в руке» Гулэ Маоцаю надеяться, что его труд поможет созданию более тесных контактов между Си Ся и Сун. Он сетовал по поводу того, что «тангутские мудрецы не почитают китайских, а китайские ученые не уважают тангутских. И все это происходит из-за незнания языков»⁹⁴. Видимо, Гулэ Маоцай имел основания полагать, что ученым великого Китая будет небезынтересно ознакомиться с трудами их тангутских коллег.

Современный китайский историк Ван Чжун рассматривает возникновение тангутского государства как следствие постоянного стремления родо-племенных вождей после краха туфаньской державы восстановить свое бывшее могущество и славу и получить в свои руки надежное средство «нападать на ханьские границы и возвратить древние фаньские земли»⁹⁵. Ван Чжун считает органы управления и военную организацию тангутов прямым продолжением этих же институтов туфаньской державы и подчеркивает стремление тангутских государей (Юань-хао) и одеваться и поступать так же, как тибетские государи. «И хотя,— пишет он,— империю Си Ся более 160 лет отделяло от краха туфаньской империи, и духовно и по системе своих институтов она была самой прямой ее наследницей»⁹⁶.

Ван Чжун прав, подчеркивая духовную и культурную близость тибетцев и тангутов. Прав он и тогда, когда указывает, что старшинская родовая верхушка нуждалась в сильной государственной власти. Однако у нас пока нет никаких конкретных данных, подтверждающих, что именно тангуты считали себя наследниками и целеустремленными преемниками туфаньской державы. Развитие дансянско (тангутско)-тибетских отношений свидетельствует о том, что тангуты всегда отделяли себя от тибетцев (как, кстати, в свою очередь, и тибетцы), а на их органы управления несомненно преобладающее влияние оказал Китай. Да и по его могуществу и влиянию считать тангутское государство прямым наследником туфаньской державы, к сожалению, не представляется возможным. Против данной точки зрения Ван Чжуна приходится возражать еще и потому, что он, объявив тангутов единокровными наследниками тибетцев,

⁹⁴ Предисловие к словарю «Перл в руке», — Тангутский фонд ЛО ИНА, № 224.

⁹⁵ Ван Чжун, *Лунь Си Ся ды синцы*, стр. 21.

⁹⁶ Там же, стр. 22.

делает неприемлемый для нас вывод об отсутствии у тангутов собственной культуры. «Империя Си Ся,— пишет он,— имела собственное письмо, однако не имела созданной ею, систематизированной коренной национальной культуры. Ее культура происходила частью из культуры Туфань, а в значительной своей части из китайской культуры»⁹⁷. Современная наука еще далека от полного исследования памятников письменности и материальной культуры тангутов, но даже то, что мы знаем, в корне противоречит этому несправедливому заключению. Мы вправе говорить о сильном китайском и тибетском влиянии (прежде всего, в сфере буддизма), но все, о чем мы говорили выше, заставляет нас высказаться за то, что самобытная тангутская культура существовала и даже оставила свой след в далеком прошлом Центральной Азии. О судьбах тангутской культуры мы расскажем в заключительной главе, так как этот вопрос тесно связан с проблемой исчезновения самого тангутского народа.

Тангутская культура во многом была культурой буддийской. Без рассмотрения вопроса об истории буддизма в Си Ся и без учета этой специфики тангутской культуры всякое хоть сколько-нибудь серьезное исследование ее проблем невозможно. Буддизм был составной частью духовной культуры тангутов, самой господствующей в Си Ся идеологией и пронизывал все стороны жизни тангутского государства. Поэтому к рассмотрению некоторых вопросов, связанных с историей буддизма в Си Ся, мы и обратимся.

ИЗ ИСТОРИИ БУДДИЗМА В СИ СЯ. КУЛЬТ ПРЕДКОВ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ТАНГУТОВ

Государственной религией Си Ся был буддизм. Трудно установить, когда буддийское учение начало проникать к тангутам. В X в. в областях, где позднее возникло тангутское государство, буддизм был широко распространен в среде господствующего класса тангутского общества. К этому же веку относится начало его распространения среди простого народа, у которого он стал вытеснять местные верования. Процесс этот затонул надолго и продолжался в XI в.

Откуда тангуты познакомились с буддизмом — с востока от китайцев или с запада от тибетцев или уйгуров? Как известно, в Тибете буддизм начал утверждаться в VII в. Распространение его встретило противодействие не только среди народа, но и некоторой части господствующего класса, во главе с сановником Машанг⁹⁸. Однако в конце VIII в. буддизм утвердился

⁹⁷ Там же, стр. 31.

⁹⁸ G. N. Roerich, *The Blue Annals, part one. The Royal Asiatic Society of Bengal. Monograph series, vol. VII, pp. 40—44.*

в Тибете, и монашеские общины появились даже в таких отдаленных областях, как Кам.

В IX в. начались преследования сторонников учения Будды в Тибете. Буддийские общины могли свободно существовать только в районах, отдаленных от столицы. Гонения не коснулись лишь общин в Каме⁹⁹ и Амдо¹⁰⁰. Тибетские хроники сообщают, что, когда начались гонения, три монаха со священными книгами бежали на запад, а оттуда через страну хоруйгуров — в Амдо. Управляющий этой областью сановник решил стать монахом и вступил в одну из общин. Желая глубже изучить веру, он отправился на север в страну миняг. Затем он последовал в Нижний Кам проповедовать учение Будды¹⁰¹.

Все эти события происходили в конце IX — начале X в. Как уже отмечалось, страной миняг тибетцы называли области, населенные тангутами. Таким образом, к началу X в. в стране тангутов было уже известно учение Будды, и тибетские проповедники даже укрывались там от гонений. Этого факта недостаточно для того, чтобы судить о степени распространения буддизма, но он подтверждает, что в X в. буддийское учение было уже известно в стране тангутов. Тем не менее еще не совсем ясен вопрос о корнях тангутского буддизма.

Дансяны могли познакомиться с буддизмом и из Китая, в северо-западную часть которого они переселились в VII в. А в Китае в V—VI вв. буддизм был уже широко распространен. Поскольку распространяли буддизм проповедники различных сект из разных частей Индии и Центральной Азии, то в VII в. в Китае появилось определенное стремление к унификации буддийского учения.

Так, была разработана система поклонения Будде Амитабе, которого особенно почитала секта «Цзи ту цзяо» («Учения чистой земли»), главными организаторами и идеологами которой были наставники Шань Дао и Фа Чжао¹⁰². В середине VIII в. наступил подлинный расцвет китайского буддизма. Столица Китая Чанъань и монастыри Утайшаня в провинции Шаньси становятся религиозными центрами страны. В IX в. культ Амитабы проник из Китая в Корею и Японию. Поскольку дансянские племена жили по соседству с религиозными центрами Китая и, особенно в IX в., поддерживали довольно тесные политические и торговые отношения с Китаем, буддийское учение, в особенности культ Амитабы, мог проникнуть к ним из Китая.

Кроме того, близ западной границы расселения дансянских племен (в X в. дансяны проникли в глубь Ганьсу до реки

---

⁹⁹ Н. Е. Richardson, *A tibetan Inscription from Royal Iba-khan, a Note on tibetan Chronology from a.d. 841 to a.d. 1042*, — JRAS, pt 1, 1957, p. 57.

¹⁰⁰ G. N. Roerich, *The Blue Annals.*, p. 64.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² См. Zenryu Tzukamoto, *Chinese Buddhism in the Middle Period of the T'ang Dynasty*, Kyoto, 1933, p. 2.

Эдзин-гол) находился известный центр буддизма — пещерные храмы Цяньфодун в Дуньхуане. Культ Амидабы, особенно укorenившийся в танском Китае, был широко представлен и в Дуньхуане, где найдено много рукописей о Фа Чжао и его учении, а среди настенных росписей сохранились изображения гор Утайшань и храма Фа Чжао Дачжулиньсы¹⁰³. Поскольку, как подтверждают материалы иконописи Хара-Хото, культ Амидабы был широко распространен в Си Ся¹⁰⁴, можно думать, что он проник туда из Китая. Китайский буддизм оказал в свое время большое влияние на народы Центральной Азии.

В IX в., когда буддизм преследовался в Центральном Тибете, он процветал на его окраинах, в Дуньхуане, где преобладание китайского буддизма было бесспорным. Возможно, для тех, кто не знал китайского языка, но знал тибетский, китайские сутры снабжались тибетской транскрипцией или просто писались в тибетской транскрипции¹⁰⁵. Поскольку переписчик одного из таких фрагментов был выходцем из княжеского дома страны Киргиз¹⁰⁶, можно думать, что такие транскрипции предназначались для иноплеменников, которые не знали китайского письма, но могли овладеть более простым тибетским и читать написанные им китайские священные тексты, возможно, и не понимая их смысла. К таким племенам вполне могли относиться тангуты, которые не имели тогда своей письменности.

Китайские источники ничего не сообщают о времени появления буддизма у тангутов. Однако одно косвенное упоминание, относящееся к концу X в., подтверждает указания тибетских источников о знакомстве тангутов с буддийским учением в это время. В 996 г., когда китайцы, предприняв экспедицию в глубь пустыни, нанесли поражение Цзи-цянью и их войска достигли ставки Цзи-цяня, тангуты зарыли в песок всех старых и слабых, которых не смогли взять с собой при отступлении. Пленные сообщили китайцам, что более половины закопанных в песок людей, несмотря на то, что их головы были оставлены снаружи, погибли, и они (по неясным из текста причинам) «не смогут перевоплотиться». Источник добавляет, что, «по словам иноземцев (т. е. тангутов.— *Е. К.*), жизнь является перевоплоще-

---

¹⁰³ См. *Ibid.*, p. 7.

¹⁰⁴ См. С. Ф. Ольденбург, *Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото*. В коллективном докладе сотрудники Государственного Эрмитажа также отмечают, что в наборе образов тангутских икон «наблюдается отражение сложного религиозного синкретизма с преобладанием культа Амиды, астральных божеств и Гуань Инь...» («Изучение памятников тангутской культуры из Хара-Хото в Эрмитаже», стр. 61).

¹⁰⁵ См. F. W. Thomas and G. L. M. Clauson, *A chinese Buddhist text in Tibetan Characters*, — *JRAS*, 1927, April, pp. 282—283.

¹⁰⁶ F. W. Thomas and G.L.M. Clauson, *A Sesond chinese Buddhist text in Tibetan Characters*, — *JRAS*, 1927, April, pp. 282—283.

нием»¹⁰⁷. Видимо, к концу X в. буддийское учение приобрело уже довольно много адептов в среде тангутов, во всяком случае, в среде господствующего класса, так как речь идет о ставке Цзи-цяня, где жили его родственники и приближенные.

Таким образом, буддийское учение было известно тангутам уже в конце IX — начале X в. Мы не имеем никаких данных о непосредственном знакомстве тангутов с буддизмом от китайцев. Хотя нам неизвестны тангутско-тибетские связи, но факт поездки одного из видных тибетских буддистов в страну миняг говорит об их существовании, и мы вправе предположить, что тангуты впервые познакомились с буддийским учением от родственников им тибетцев, но одновременно получили первое сведение об учении Будды из Китая, о чем свидетельствует широкое распространение в Си Ся культа Амитабы. Определенное влияние на тангутов имел и уйгурский буддизм. Уйгурские монахи в XI в. составляли важный контингент переводчиков сутр на тангутский язык, а уйгурские мотивы отмечены исследователями в иконописи Хара-Хото, о чем уже упоминалось выше.

Роль буддизма в жизни тангутского общества резко возросла после создания независимого тангутского государства. Буддийское учение быстро распространялось сначала среди тангутской знати, а потом и среди народа.

Дэ-мин еще в детстве «изучил буддийские книги»¹⁰⁸, знатоком буддизма был и его сын Юань-хао, родившийся в начале XI в.¹⁰⁹ Тангутские государи стали успешно насаждать буддизм среди своих подданных. Китайские буддийские святые пользовались у тангутов большим почетом. В 1007 г., когда умерла мать Дэ-мина, он во время похорон просил сунский двор позволить ему сделать подношения десяти храмам в горах Утайшань¹¹⁰. В 1029 г. Дэ-мин послал сунскому двору 70 лошадей и просил прислать ему буддийские сутры. Китайский двор удовлетворил его просьбу¹¹¹.

Впервые вся Трипитака была отпечатана в 972—983 гг. в Сычуани¹¹². Возможно, в конце X в. были кайфынские издания Трипитаки, тридцать один цзюань из которой найдены, но исследователи предполагают, что они, вероятно, были отпечатаны с досок, привезенных в столицу из Сычуани¹¹³. Таким образом, в 1029 г. тангуты, по-видимому, получили сутры, отпечатанные с досок сычуаньского издания, тем более, что другие издания XI в. в Китае неизвестны¹¹⁴. Корейские первое и второе изда-

¹⁰⁷ ССЦ, гл. 2, стр. 15а.

¹⁰⁸ Там же, гл. 4, стр. 1а.

¹⁰⁹ См. ДДШЛ, гл. 127, стр. 3а.

¹¹⁰ См. СШ, гл. 485, стр. 815.

¹¹¹ См. ССЯЦ, ч. I, стр. 2.

¹¹² См. там же, ч. II, стр. XIII.

¹¹³ См. Kenneth Chen, *Notes on the Sung and Yuan Tripitaka*, — HJAS, June, 1951, vol. 14, n. 1—2, p. 209.

¹¹⁴ См. Ibid.

ния XI в. и киданьское издание XI в. были выполнены с китайских сычуаньских образцов¹¹⁵. Поэтому все тангутские переводы Трипитаки в XI в. были сделаны, по всей вероятности, именно с этого китайского издания.

Начиная с 1029 г. на всем протяжении XI в. тангутский двор не раз получал из Китая печатные сутры. Постоянное обращение тангутов к Китаю за каноническими текстами Н. А. Невский объяснял тем, что к этому времени там имелись уже переводы почти всей Трипитаки¹¹⁶.

Нам кажется, что к этому следует добавить и то обстоятельство, что войны тангутов с уйгурами и восточнотибетскими племенами испортили тангутско-тибетские отношения, а это, естественно, препятствовало получению сутр из Тибета. Переводы буддийских текстов с тибетского имели место уже в XII в. В рукописном фонде ЛО ИНА хранится коллекция сутр, переведенных, по определению Н. А. Невского, непосредственно с тибетского¹¹⁷. Сведения о получении тангутами тибетских канонов просто не нашли должного отражения в дошедших до нас источниках.

Наибольшего расцвета в Си Ся буддизм достиг при Юань-хао и его преемниках. В 1034 г. Юань-хао обменял у китайских властей 50 коней на буддийские сутры¹¹⁸. В 1038 г. большое тангутское посольство посетило храмы в горах Утайшань и совершило там жертвоприношения¹¹⁹. В 1045 г. мы имеем новое сообщение о прибытии в Китай тангутских монахов с целью поблагодарить сунский двор за подаренные Си Ся сутры. К этому времени в Си Ся уже были построены свои монастыри и храмы. Наиболее известным был расположенный близ столицы монастырь Цзетансы.

В 1047 г. в столичном округе был построен монастырь — Гаотай. В нем тангутское правительство собрало все пожалованные китайцами сутры. По сохранившимся описаниям в этом монастыре все статуи богов буддийского пантеона были высотой в несколько десятков чжан¹²⁰. При монастыре жило много уйгурских монахов, которые обрабатывали присланные китайцами сутры и готовили их для перевода на тангутский язык. Одновременно в том же 1047 г. был издан указ, предписывавший всем чиновникам и народу праздновать первый день первого месяца каждого из четырех времен года и в эти дни совершать буддийские обряды и молиться Будде¹²¹. Таким образом, мы имеем прямое свидетельство о насильственном распространении буддизма государством.

¹¹⁵ ССЯЦ, ч. II, стр. XIV.

¹¹⁶ См. Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 81.

¹¹⁷ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 1, 28, 32, 40, 43 и др.

¹¹⁸ См. ССЦ, гл. 6, стр. 7а.

¹¹⁹ См. там же, стр. 17а.

¹²⁰ При династии Тан (618—907 гг.) один чжан был равен 3,11 м.

¹²¹ См. ССЦ, гл. 11, стр. 9а.

Уйгуры сыграли большую роль при распространении буддизма в Си Ся. В 1035 г. Юань-хао завоевал принадлежавшие уйгурам области Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Буддизм был очень широко распространен среди уйгуров. В 982 г. китайский путешественник Ван Янь-дэ писал: «В столице их находится больше 50 храмов, посвященных индийским богам, с библиотекою, содержащею в себе буддийские книги»¹²². По-видимому, буддийские храмы уйгуров продолжали функционировать и при тангутском управлении, а ученые уйгурские монахи занимались распространением нового учения среди тангутских племен. К. Виттфогель и Фэн Цзя-шэн, не подвергая сомнению китайское происхождение буддизма в Ляо, считают, что позднее к киданям «религиозные элементы проникали от уйгуров и еще позднее от их соседней Си Ся»¹²³.

Со второй половины XI в. буддизм прочно утвердился в тангутском государстве. В 1055 г. тангуты получили очередную партию текстов буддийских канонов из Китая¹²⁴. Около столицы появился новый монастырь Чэнтяньсы. Эти сутры были отданы на хранение новому монастырю. Представители правящего дома Моцзан и малолетний государь Лян-цзо часто посещали монастырь. Уйгурские монахи усаживались на возвышение и вслух декламировали для них сутры¹²⁵. Лян-цзо был ревностным буддистом. В 1058 г. тангуты снова послали выкуп за заказанные в Китае сутры. Сутры еще не были отпечатаны, и китайское правительство просило подождать нового, 1059 г.¹²⁶ В 1062 г. тангутский двор опять заказал в Китае сутру. Сунский двор в ответном послании известил государя Си Ся, что приказ отпечатать сутру уже отдан и для этого выделены старинная бумага и краска. Вся работа будет стоить 50 лошадей, и сутра будет отпечатана к 1066 г.¹²⁷ В 1067 г. тангутский двор подарил киданьскому двору буддийские реликвии¹²⁸.

По справедливому, на наш взгляд, мнению Ван Цзин-жу, до конца царствования Лян-цзо (1068 г.) буддийские сутры еще не печатали письмом Си Ся, во всяком случае, в настоя-

---

¹²² Д. Позднеев, *Исторический очерк уйгуров по китайским источникам*, стр. 130.

¹²³ К. Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese Society Liao*, p. 294. Сатоси Накадзима отмечал в своей работе, что, поскольку через Си Ся проходили пути с запада на восток, «буддизм в Си Ся, естественно, подвергся сильному западному влиянию» (Сатоси Накадзима, *Сэйка ни окэ-ру сэкёку но суйи то бунка*, стр. 729).

¹²⁴ См. ССЦ, гл. 12, стр. 109.

¹²⁵ См. ССШШ, гл. 19, стр. 116. В XIV в. от этого монастыря осталась лишь одна ступа (ССЦ, гл. 12, стр. 12а).

¹²⁶ См. ССЦ, гл. 12, стр. 186—19а. При этом упоминается, что стоимость отпечатка одной сутры в обложках была равна стоимости 70 лошадей.

¹²⁷ ССЦ, гл. 13, стр. 5б.

¹²⁸ К. Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese Society Liao*, p. 294.

щее время такие тексты еще не найдены¹²⁹. В 1072 г. при новом государе Бин-чане тангуты снова получили сутры из Китая¹³⁰. Бин-чан вместе со своей матерью сам переводил сутры с китайского на тангутский язык. Современная наука располагает образцами выполненных ими переводов¹³¹. Переводами сутр занимался и следующий тангутский государь — Цянь-шунь (1087—1139 гг.). Он вместе со своей матерью сделал перевод сутры «Го цюй чжуан янь цзе цянь фо мин цзин»¹³². В тангутской коллекции ЛО ИНА много сутр, переведенных государями Лян и их сыновьями.

Если X в. можно назвать веком проникновения буддизма к тангутам, то XI в. был веком утверждения буддизма в Си Ся. О том, как это утверждение происходило, мы можем косвенным образом узнать из знаменитой тангутско-китайской стелы-билингвы из Лянчжоу, воздвигнутой в 1093—1094 гг. В тексте стелы сообщается, что «учение Будды исповедуется по всей стране», и жители Си Ся «соблюдают внимательно каноны из Индии... [У них] внутренняя вера превзошла ее внешние проявления»¹³³.

В надписи отмечается отсутствие единства в толковании учения Будды: «Будда покинул землю во времена очень отдаленные; его религии не хватает единства; каждый может чтить его по-своему, но тем не менее среди его адептов нет никого кто бы глубоко не уважал его»¹³⁴. Текст надписи свидетельствует о том, что и в Си Ся не было единства между буддийскими сектами (иначе зачем было бы в надписи упоминать об отсутствии единства в толковании учения Будды и оговаривать, что, несмотря на различие точек зрения, все буддисты одинаково чтут Будду), что, на наш взгляд, объясняется различными (тибетско-китайско-уйгурскими) корнями тангутского буддизма.

Но текст стелы свидетельствует о том, что и в конце XI в. часть тангутов продолжала придерживаться старых тангутских верований и не очень-то чтит Будду. Не случайно авторы

---

¹²⁹ ССЯЦ, ч. I, стр. 7. Найденный в китайской части коллекции из Хара-Хото комментарий на сутру «Цзинган цзин», датированный 1016 г., судя по колофону, был отпечатан не в Си Ся. «Отсюда, — считает Л. Н. Меньшиков, занимавшийся китайскими раннепечатными изданиями из Хара-Хото, — можно сделать вывод, что наиболее ранние книги на китайском языке в библиотеке Хара-Хото привезены из Китая и не были отпечатаны в тангутском государстве» (Л. Н. Меньшиков, *Раннепечатные издания из Хара-Хото* (Китайская часть фонда П. К. Козлова, Института народов Азии Академии наук СССР), — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. VII, стр. 144.

¹³⁰ См. ССЦ, гл. 15, стр. 116.

¹³¹ См. ССЯЦ, ч. 1, стр. 283.

¹³² См. там же, стр. 107.

¹³³ G. Deveria, *L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout*, p. 13.

¹³⁴ Ibid., p. 10.

надписи с горечью замечали: «Увы! Имеются люди, которые упорствуют во зле и живут в состоянии невежества»¹³⁵.

Буддизм в Си Ся бесспорно распространялся в упорной борьбе со старыми народными верованиями, близкими к тибетской религии Бон. Это и нашло отражение в тексте стелы. Но и в XII в. — веке процветания буддизма в Си Ся, тангутские государи воздвигали стелы с обращениями «ко всем духам» и принесли им жертвы.

В 1176 г. была воздвигнута стела, текст которой очень интересен. Приведем его целиком:

«Заклинание, обращенное ко всем духам реки Хэйшуй.

Заклинаю всех владык воды и земли, тайных и явных, всех проживающих в верхнем и нижнем течении реки Хэйшуй, в пределах области Чжэньцзюнь. Слушайте все духи гор, духи вод, духи-драконы, все духи земли. Я, Сяньцзюе шэнгуан пуса, крайне опечален. На этой реке из года в год внезапно поднимается вода и затопляет людей и скот. Поэтому [я, являя] великое милосердие, возвел этот мост, с тем чтобы все могли ездить по нему туда и обратно, и если есть какое дело, не терпели бедствий во время переправы через реку вброд, а все имели бы счастье спокойно переправляться. Это поистине выгодно для государства и великое благо для народа.

Я ранее уже лично осмотрел этот мост и одобрил заслуги мудрых и проникательных, возведших его.

Как и прежде, я лично чистосердечно и искренне принес жертвы вам, всем духам. С этого времени сразу же прекратились наводнения, из чего твердо можно заключить, что все духи остались довольны. Мое самое сокровенное желание и в дальнейшем поддерживать и еще строже оберегать то, что уже достигнуто.

Ныне, еще раз выражая свое удовлетворение и радость, я надеюсь, что все вы, многочисленные духи, станете еще более милосердными, еще более добродетельными по отношению к переправляющимся через реку, удвойте свои божественные силы, с тем чтобы тайно содействовать перевозкам. Можно будет надеяться, что наводнения исчезнут навсегда, дорога через мост будет существовать долго. А это позволит всем, кто имеет какое-либо дело, каждый раз пользоваться ею с выгодой для себя, это будет благоприятствовать моему государству. Разве это не отвечает и вашим желаниям, духи, а также является и моим самым большим желанием. Предостерегаю вас, духи, не нарушайте моего приказа»¹³⁶.

Таким образом, старые верования продолжали существовать. Они враждовали с буддизмом, но значительная часть их уживалась с ним и даже была включена в буддийский ритуал.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Ло Фу-и, *Си Ся вэнь цунь*, [б. м.], 1934, стр. 21а—21б

На примере Тибета мы знаем, что ряд бонских божеств почитается ламаизмом. Таковы домашний бог Нанглха (ср. с тангутским духом дома), бог очага Тхаблха, «Владелец Фундамента», Шидаг, которого имеет каждый ламаистский храм и которому до сих пор приносятся кровавые жертвы, и др.¹³⁷

Распространение буддизма в Си Ся сопровождалось подавлением и поглощением местных культов, пополнением заимствованными из них обрядами и божествами. Описание одного из таких обрядов мы находим у Марко Поло¹³⁸. Поэтому буддизм в Си Ся определенно имел ряд своих специфических черт, обусловленных этими местными верованиями.

XII в. был золотым веком тангутского буддизма. На тангутском языке печатались буддийские произведения; строились новые монастыри. Самым крупным из них был монастырь Вофосы, построенный в 1103 г. По легенде, на месте будущего монастыря по ночам постоянно был виден свет. Когда там произвели раскопки, то нашли три древние опрокинутые буддийские статуи. Статуи были подарены государю Цянь-шуню. Он приказал построить для них монастырь, который и получил имя Вофосы — «Лежащих будд»¹³⁹. Палладий Кафаров в своем комментарии на путешествие Марко Поло отождествлял этот монастырь с храмом, виденным Поло в Канпичионе (Ганьчжоу)¹⁴⁰. Тангуты продолжали получать буддийские каноны из других стран. Так, осенью 1153 г. они просили цзиньский двор прислать им буддийские книги¹⁴¹.

К середине XII в., к годам правления государя Жэнь-сяо (1139—1194), были отпечатаны основные буддийские трактаты на тангутском языке. Печатались большей частью отрывки из сутр или отдельные сутры¹⁴². Жэнь-сяо не только организовал печатание канонов, но и сам лично редактировал сутры и писал к ним предисловия.

В послесловии к изданной в Си Ся на китайском языке сутре «Фо шо шэн фо му баньжо боломидо цзин» рассказывается, что она была переведена с санскрита (или пали) ланьшаньским шраманой Дэ Хуй по приказу Жэнь-сяо и отредактирована самим государем. Перевод выполнялся под покровительством императрицы Чжоу. Сутра после перевода была отпечатана с досок на тангутском и китайском языках тиражом в 20 000 цзюаней и роздана чиновникам и народу. Видным ученым монахам

¹³⁷ Von Rene v. Nebesky-Wojkowitz, *Die tibetische Bön-Religion*, *Archiv für Völkerkunde*, Bd II, 1947, SS. 36, 53.

¹³⁸ Н. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*, стр. 74; Е. И. Кычанов, *Об одном обряде религии Бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов*, — «Краткие сообщения Института этнографии», т. X, 1960.

¹³⁹ ССШШ, гл. 31, стр. 166—17а.

¹⁴⁰ Палладий Кафаров, *Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по северному Китаю*, СПб., 1902, стр. 12—13.

¹⁴¹ См. ЦШ, гл. 60, стр. 390.

¹⁴² ССЯЦ, ч. I, стр. 7.

было приказано организовать чтение сутры вслух. Послесловие датировано 1167 г.

Из послесловий к сутрам, изданным в Си Ся, мы узнаем, что сутры часто читались на торжественных религиозных собраниях на трех языках — тангутском, китайском и тибетском. Сутры печатались тиражами в несколько десятков тысяч экземпляров.

Н. А. Невский считал, что в XII в. сами тангутские государи «были, по-видимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора „гуманным царем бодисатвой“ и даже „буддой — сыном Неба“»¹⁴³. Н. А. Невский полагал, что на тангутский язык была переведена китайская Трипитака, если не вся, то большая ее часть¹⁴⁴. П. Пельо прямо заявлял, что Трипитака на тангутском языке была напечатана полностью. В подтверждение он ссылается на «Юань ши» (цз. 18, стр. 4), где рассказывается о покупке в XIII в. Трипитаки в Хэси (т. е. бывшем государстве Си Ся)¹⁴⁵.

В середине XII в. функционировала знаменитая школа тангутских переводчиков сутр в Ланьшане, местности, очевидно находившейся близ столицы. Она часто упоминается в заставках сутр из Хара-Хото.

Тангуты переводили сутры с китайского, тибетского, санскрита, пали, а также, возможно, уйгурского. Исследуя тангутские фрагменты буддийских произведений, хранящихся в библиотеке Тэнри, один из самых видных знатоков тангутского языка в наши дни — Нисида Тацуо отметил, что при переводе тангуты использовали оригиналы на нескольких языках. Так, переводя с тибетского, они постоянно обращались и делали отсылки к китайскому тексту¹⁴⁶. Нам известны имена некоторых монахов-переводчиков из Си Ся, например Чжи Цзи-сянь, Жи Ми, Цзинь Цзун-чи, Жи Чэн¹⁴⁷.

После смерти Жэнь-сяо, по-видимому, большое внимание книгопечатанию уделила одна из его жен — императрица Ло. Под покровительством и на средства государыни Ло издавались буддийские произведения и в последние годы жизни Жэнь-сяо. Большинство из них датировано 1189 г. Большая партия изданий, выпущенных после смерти Жэнь-сяо и в его память, датируется 1195 г. В них, как правило, есть послесловия, повествующие о заслугах и добродетелях покойного государя¹⁴⁸.

Так, в послесловии к сутре «Да фан гуан фо хуа янь цзин шу сянь син юань пин» сказано, что вдовствующая императри-

¹⁴³ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 82.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ P. Pelliot, *Les documents chinois trouvés par la mission Koslov à Khara-Khoto*, — J. A., 1914, mai—juni, p. 20.

¹⁴⁶ Нисида Тацуо, *Тэнри тосёкан сёдзо Сэйка го бунсё цуйтэ*, — «Бибуриа», 1957, № 9, стр. 15.

¹⁴⁷ «Си Ся и вэнь чжи», стр. 2а.

¹⁴⁸ Л. Н. Меньшиков, *Раннепечатные издания из Хара-Хото*, стр. 145.

па Ло скорбит о покойном императоре. В память о нем она распорядилась издать, читать и раздавать сутры, повысить в ранге три тысячи тибетских, тангутских и китайских монахов, освободить от строгих обетов 35 590 монахов, раздать священные знамена, 16 088 связок жемчуга, освободить 52 преступника, провести амнистию в стране, раздать 70 779 баранов и т. д.

Как справедливо отметил Л. Н. Меньшиков, «буддийские тексты, изданные в тангутском государстве, отличаются некоторыми особенностями, придающими им особую ценность. Первая из этих особенностей — это то, что все они сопровождаются приложениями, расположенными как в начале, так и в конце сутры. Так, издания „Цзиньган цзин“ вначале сопровождаются восьмью небольшими (от одной до восьми строк) молениями, которые, очевидно, читались перед тем, как приступали к чтению сутры. Ни одно из этих молений в каталогах не числится и в „Трипитаку“ не входит... Издания, осуществленные при участии императрицы Ло, сопровождаются гравюрами, фронтисписами... наличие фронтисписов представляет собой вторую особенность тангутских изданий»¹⁴⁹.

В настоящее время в тангутской части коллекции из Хара-Хото зафиксировано более 350 наименований буддийских сочинений, в китайской части этой же коллекции — 57. В подавляющем большинстве это издания середины и второй половины XII в., переведенные с китайского и тибетского языков¹⁵⁰.

Сведения о тангутской буддийской литературе имеются как в европейских, так и китайских статьях и работах, посвященных тангутоведению.

Наряду с переводной в Си Ся возникла и оригинальная тангутская буддийская литература. Образцы ее имеются в тангутском фонде ЛО ИНА. Тангутские оригинальные произведения были мистического созерцательного или проповеднического характера, и написаны они под сильным тибетским влиянием¹⁵¹. Среди этих сочинений можно назвать трактаты «Высочайшая добродетель бездеятельности», «Все добродетели великого милосердного сердца», «Рассуждения о добре и зле» и т. п.¹⁵². Если принять во внимание, что мы располагаем лишь частью монастырской библиотеки одного из рядовых городов Си Ся, то какие литературные богатства должны быть храниться в книгохранилищах императорского дворца, столицы и столичных монастырей и храмов!

И после гибели Си Ся его территория оставалась одним из оазисов буддизма. По сведениям юаньского автора Ван Юня, в Хэси большая часть населения области состояла из членов

¹⁴⁹ Там же, стр. 146.

¹⁵⁰ См. «Тангутские рукописи и ксилографы», Составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963.

¹⁵¹ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 83.

¹⁵² Тангутский фонд ЛО ИНА, № 4116, 5607, 5194, 4361.

буддийских монашеских братств (сэнчжи)¹⁵³. Монголы, которые стремились использовать буддизм для обуздания подчиненных ими народов, издавали много буддийской литературы, в том числе и на тангутском языке.

Хотя буддизм занимал большое место в духовной жизни тангутского общества и играл ведущую роль в его идеологии, тем не менее на основании сведений, сохранившихся в китайских источниках, можно заключить, что в Си Ся кроме буддизма были распространены поклонение душам предков, даосизм и конфуцианство.

Вряд ли поклонение душам предков первоначально было связано у тангутов с конфуцианским мировоззрением. Скорее, оно уходило своими корнями к древнему дансянскому культу небесных духов. Храмы предков и поклонения их душам особенно часто упоминаются в первые десятилетия существования государства. Деды и прадеды Цзи-цяня уже в X в. ввели культ своих предков на территории подвластных им округов¹⁵⁴. Бежавший в полупустынные степи Цзи-цянь собирал вокруг себя старшин, показывал им изображение своего предка И-сина, «при этом все тангуты вставали на колени и плакали»¹⁵⁵. В письме к сунскому императору Цзи-цянь писал: «Я оберегаю души умерших предков и забочусь об их могилах»¹⁵⁶.

Когда Цзи-цянь овладел городом Сячжоу, его первой заботой было восстановление храма предков¹⁵⁷. В 1003 г. младший брат Цзи-цяня, возражая против перенесения столицы из Сячжоу в Сипинфу (Линчжоу), мотивировал свое возражение тем, что «Иньчжоу и Сячжоу веками управлялись нашими предками и там находятся их души»¹⁵⁸. А когда столица была перенесена, младший брат Цзи-цяня Цзи-хуань и полководец Ли Чжи-бо были назначены «надзирать за тем, как строится храм предков»¹⁵⁹. Храм предков сразу же был сооружен и в городе Хуайюань (Синцин), куда Дэ-мин перенес столицу государства¹⁶⁰.

Государь Юань-хао почитал старые верования и обычаи тангутов и сам не раз совершал поклонения душам предков. В 1038 г. с этой целью он специально отправился в город Силян¹⁶¹. В тексте клятвенного договора (1044 г.) Юань-хао писал сунскому двору, что если он или его потомки нарушат этот договор, то «пусть вечно прекратятся жертвоприношения

¹⁵³ Цит. по: Сатоси Накадзима, *Сэйка-ни окэру сэйкёку-но суйи то бунка*, стр. 732.

¹⁵⁴ ССЦ, гл. 1, стр. 1а.

¹⁵⁵ Там же, гл. 1, стр. 5б—6а.

¹⁵⁶ Там же, гл. 2, стр. 6б.

¹⁵⁷ Там же, гл. 3, стр. 16а.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же, стр. 16б.

¹⁶⁰ Там же, гл. 5, стр. 15б.

¹⁶¹ Там же, гл. 6, стр. 20а.

в храме предков тангутских государей, а дети и внуки их будут бедствовать»¹⁶².

Ко времени правления государя Юань-хао относятся и первые сведения о даосизме в Си Ся. Старший сын Юань-хао Нинмин «был красивым и умным человеком, хорошо учился, знал все обряды и был очень мягким и добрым, не любил славы и корысти. Он постоянно проводил время с даосскими монахами в горах Динсяньшань, учился строгому посту и целыми днями бездельничал»¹⁶³. Юань-хао был недоволен этим увлечением сына и отстранил его от себя. Нинмин был очень огорчен и напуган. В 1042 г., «обучаясь правилам даосов, он долго не принимал пищи и умер»¹⁶⁴.

В Си Ся были даосские храмы и даосские монахи, возможно, и из числа самих тангутов. В 1081 г. во время войны с Китаем в городе Линчжоу после эвакуации населения осталось лишь несколько сот буддийских и даосских монахов¹⁶⁵. Даосские монахи упоминаются и в следующем, 1082 г., когда тангуты начали большое вторжение на китайскую территорию¹⁶⁶. Однако даосизм не мог соперничать с буддизмом и безусловно играл подчиненную роль в религиозной жизни страны. Китайское происхождение даосизма в Си Ся не подлежит никакому сомнению. На наш взгляд, даосизм был распространен главным образом среди китайской части населения тангутского государства и был предметом увлечения немногих представителей тангутской знати.

Как уже упоминалось, в середине XII в. в Си Ся официально был введен культ Конфуция. В 1146 г. государь Жэнь-сяо дал Конфуцию почетный титул императора Вэнь-сюань. Во всех областях, округах и уездах было приказано соорудить храмы в честь Конфуция и совершать в них поклонения. Жэнь-сяо, время правления которого было временем наивысшего расцвета тангутского государства, прославился как большой почитатель и последователь идей Конфуция. Конфуцианское учение наиболее широко было распространено в среде ученых людей в Си Ся, и культ Конфуция вряд ли выходил за пределы этого сравнительно узкого круга.

Несомненно, что ни даосизм, ни культ Конфуция не могли соперничать с буддизмом. Единственным его соперником могли быть старые народные верования, о которых, к сожалению, пока мало известно. Поклонение различным духам, верования анимистско-шаманского толка были, по-видимому, очень широко распространены. В составе государственных органов Си Ся мы находим «ведомство по избавлению от демонов». В тангут-

¹⁶² СШ, гл. 485, стр. 3787.

¹⁶³ ССЦ, гл. 8, стр. 16а.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, гл. 16, стр. 14а, 14б.

¹⁶⁶ Там же, гл. 17, стр. 6а.

ской коллекции ЛО ИНА много заклинательных и гадательных текстов, среди них такие значительные по объему сочинения, как «Поучение относительно избавления от демонов»¹⁶⁷, составленное одним из ланьшаньских монахов. Большого распространения в тангутском государстве достиг культ небесных светил, о чем свидетельствуют тангутские письменные памятники и материалы Эрмитажа. Среди икон из Хара-Хото четко выделяются иконы божеств астрологического культа. Блестящее описание одного из обрядов астрологического культа дал в свое время Н. А. Невский¹⁶⁸. По его заключению, дошедшие до нас астрологические тангутские произведения носят ярко выраженное влияние китайской астрологии¹⁶⁹.

Астрологические культы, как и многие народные верования бонского толка, тесно переплетались и срастались с буддизмом. Тангутская духовная культура развивалась под решающим воздействием двух идеологий — буддизма и конфуцианства и была буддийской по преимуществу.

Значительный интерес представляет вопрос о существовании в Си Ся христианских общин. Как известно, несториане довольно рано проникли в Китай. В 781 г. была сооружена знаменитая сяньская стела — один из самых выдающихся памятников деятельности христиан в Китае и Центральной Азии¹⁷⁰. Проникнув в Китай, христианство несторианского толка приспособлялось к местным традиционным религиям, таким, как буддизм и культ предков. Из буддизма была позаимствована некоторая терминология при передаче догм христианства на китайском языке. По мнению Н. В. Пигулевской, не исключено, «что священные и литургические книги — во всяком случае, какой-то минимум христианского Канона — должны были быть переведены на тюркские языки. Фрагмент сиротюркской рукописи, найденный во время раскопок в Хара-Хото, указывает на то, что такая литература существовала»¹⁷¹.

Были ли христианские колонии в Си Ся до гибели тангутского государства — неизвестно. Но мы твердо знаем, что они были весьма многочисленны после гибели Ся. Около 1278 г. два монаха-несторианца, уйгуры по происхождению, пустились

¹⁶⁷ Тангутский фонд ЛО ИНА, № 815.

¹⁶⁸ Н. А. Невский, *Тангутская филология...*, кн. 1, стр. 52—73.

¹⁶⁹ Там же, кн. 2, стр. 59.

¹⁷⁰ См. P. Y. Saeki, *The Nestorian Monument in China*, London, 1928. Полагают, что несториане появились в Китае приблизительно в 505 г. (см. F. V. Holm, *The Nestorian Monument*, Chicago, 1909, p. 39). Прибывший в конце XIII в. в Рим несторианский священник раббан Саума рассказывал римскому кардиналам: «Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрков и китайцев и проповедовали. Теперь многие монголы христиане...» (см. «История Мар Ябалахи III и раббан Саумы, Исследование», перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской, М., 1958, стр. 13).

¹⁷¹ «История Мар Ябалахи III и раббан Саумы», стр. 7; см. также Н. В. Пигулевская, *Сирийские и сиротюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана*, — «Советское востоковедение», 1940, № 1, стр. 213.

в далекий путь из Пекина к святыням Иерусалима. Когда они достигли города Тангута, то «...услышали жители этого города, что раббан Саума и раббан Маркос пришли, чтобы отправиться дальше в Иерусалим, и они все поспешно вышли им навстречу — мужчины и женщины, молодые и отроки, юноши и дети, ибо весьма горяча вера тангутов и чист их помысел. Они почтили их всякими подарками и получили благословения. Их сопровождала толпа, плача и говоря: „Господь наш, который избрал вас для чести служения ему, да будет с вами, Аминь“»¹⁷². Позднее, когда Маркоса должны были избрать патриархом в далекий Багдад, на выборы приехал и митрополит Тангута¹⁷³. Вместе с некоторыми другими митрополитами он стал интриговать против Маркоса, ставшего уже католиком Мар Ябалахой, за что и был лишен сана и отставлен от церковного служения¹⁷⁴.

После завоевания Си Ся монголами на территории тангутского государства произошли значительные изменения в составе населения. Возможно, что в это время произошел приток в города Тангута христианского населения. Но то обстоятельство, что, как это мы видим из «Истории Мар Ябалаха III и раббан Саумы», христианские колонии в Тангуте были многочисленны и процветали, а этот же источник дает нам сведения о том, что христианские колонии функционировали в Северном Китае и до монгольского нашествия (оба паломника были из старых христианских, уйгурских по этнической принадлежности, семей), заставляет нас думать, что христианские общины могли быть в тангутском государстве и в период процветания Си Ся. Во всяком случае, это обстоятельство никоим образом не следует упускать из виду при исследовании памятников культуры Си Ся.

---

¹⁷² «История Мар Ябалахи III и раббан Саумы», стр. 66—67.

¹⁷³ Там же, стр. 74.

¹⁷⁴ Там же, стр. 76, 78, 79.

Г Л А В А IX

ГИБЕЛЬ СИ СЯ

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

С 1205 г. начались регулярные нападения монголов на Си Ся. Си Ся было первым государством, на которое напали монголы, добыча была велика и заманчива.

Осенью 1207 г. монгольские войска снова появились у границ Си Ся. «Осенью, — описывает этот поход Рашид-ад-дин, — так как [племена] области Тангут постоянно бунтовали, не платили дани (мал) и не выказывали должного уважения, Чингисхан вторично выступил на войну против них и в ту пору покорил всю ту область и вернулся назад победителем»¹. На этот раз монголы овладели городом Валохай (Уйрака)² и, закрепившись в нем, грабили пограничные области Си Ся до весны 1208 г. Ань-цюань собрал войска и блокировал занятые монголами районы. Монголы, в свою очередь, не решались атаковать

---

¹ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, стр. 151. Вряд ли тангуты обязывались после нападения 1205 г. платить дань монголам. Они еще были сильны и думали о сопротивлении.

² Наименование крепости Валохай совпадает с наименованием столицы Си Ся в мусульманских источниках, в «Сокровенном сказании» и у Марко Поло. Однако мы знаем, что во время похода 1207—1208 гг. монголы не захватывали столицы Си Ся. Видимо, была взята крепость того же или очень похожего наименования. Об этом писал Палладий Кафаров в комментарии на путешествие Марко Поло: «С Еригаем не надобно смешивать Урахай, часто упоминаемый в истории войн Чингис-хана с тангутским королевском. Урахай была крепость при одном горном проходе в Алашаньских горах... в них существует более 40 тесных проходов, ведущих в область Нинся. Самый просторный и удобный из них нами называется Чимукоу. Он не более 80 футов в ширину, может быть, при этом дефилее и существовала крепость Урахай» ([Палладий Кафаров], *Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю*, стр. 21—22). Аналогичную точку зрения высказывал и Ту Цзи. По его мнению, Улахай — «древний город, находился в монгольском Алашане, на границе с Ганьчжоуским уездом Шаньсянь, монгольское название Алакэла» (см. Ван Го-вэй, *Шэн у цинь чжэнь лу цзяо чжу*, изд. «Хайнин Ван ши цзэн дин цзай бань», [б. м.], [б. г.], стр. 47а).

большую тангутскую армию и ограничивались мелкими нападениями. В пятом месяце (15 июня — 14 июля) 1208 г. из-за жары и нехватки продовольствия монголы покинули территорию Си Ся³.

Полностью завоевать тангутское государство, как об этом пишет Рашид-ад-дин («покорил всю ту область»), монголы тогда еще не смогли.

В 1207 г. чжурчжэни приказали выкупить всех рабов-тангутов, находящихся в Цзинь, и позволить им возвратиться в Си Ся. Это распоряжение, отданное еще до второго похода монголов на Си Ся, возможно, является следствием каких-то переговоров между двумя странами о совместной борьбе с монголами. Во всяком случае, и чжурчжэни явно тревожились за свою судьбу, так как после курултая 1206 г. Чингисхан даже формально перестал признавать себя зависимым от Цзинь.

Весной 1209 г. монгольские войска снова вторглись в Си Ся. Тангутская армия, возглавляемая наследником престола, приняла бой с монгольскими войсками и была разбита. Помощник наследника, главнокомандующий Гао Лин-гун был взят монголами в плен⁴. В четвертом месяце монголы вторично взяли город Валохай. Несмотря на упорное сопротивление тангутского гарнизона, которым командовал полководец Сиби, город пал⁵. После этого монголы двинули свои войска к столице Си Ся и вскоре овладели заставой Имынь, защищавшей подступы к городу. Застава Имынь находилась в узком горном проходе и служила местом дислокации одного из 12 военно-административных округов Си Ся. Этот горный проход оборонялся 50-тысячной армией. Когда монгольские войска подошли к проходу, тангуты атаковали их и нанесли монголам поражение. Монголы отступили и стали собирать силы для нового удара. Два месяца обе армии стояли друг против друга. Но тангуты, как всегда, ничего не сделали для закрепления и развития первого успеха. Они выжидали. Через два месяца легкая монгольская конница атаковала лагерь тангутов. Тангуты отразили атаку монголов и начали преследование бегущего противника. И тут они неожиданно попали в засаду, заранее устроенную монголами. Армия Си Ся была разгромлена, многие тангутские полководцы были взяты в плен⁶.

Осенью 1209 г. монгольские отряды впервые появились у стен Чжунсина — столицы Си Ся. На городскую стену для обороны города поднялся сам государь. Стены Чжунсина оказались достаточно прочными, чтобы выдержать длительную осаду. В то же время у монголов еще не было опыта по взятию больших

³ ЮШ, гл. 1, стр. 30; И. Бичурин, *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, СПб., 1829, стр. 40.

⁴ См. ЮШ, гл. 1, стр. 30.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; ССШЦ, гл. 40, стр. 2а—2б.

городов, мастерства осады, которым они овладели позднее, после знакомства с китайской осадной техникой. Стояла глубокая осень. Начались сильные дожди. Монголы решили запрудить протекавшую вблизи реку и затопить город. По приказу Чингисхана была возведена большая плотина. Потоки воды хлынули в город. Много жителей столицы Си Ся утонуло.

Ань-цюань послал посольство к чжурчжэням, прося их срочно отправить войска для оказания помощи осажденной столице. Наиболее благоразумные из цзиньских сановников предлагали императору Цзинь оказать тангутам помощь. «Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас,— говорил один из них.— Лучше уж совместно с Си Ся атаковать их»⁷. Однако Вэй Шао ван, новый государь Цзинь, вступивший на престол в 1209 г., был настроен против тангутов. «Моему государству выгодно,— заявил он в ответ,— когда враги его нападают друг на друга. О чем же [нам] беспокоиться?»⁸ Неразумная политика чжурчжэней впоследствии дорого обошлась им и миллионам людей разных стран. Отказ императора Цзинь поддержать тангутов расстроил возможный союз Си Ся и Цзинь, который при условии его неукоснительного соблюдения мог бы еще в то время сдержать монголов.

Пока шли эти переговоры, вода в запруженной реке из-за непрерывных дождей все прибывала. В Чжунсине начали рушиться подмытые водой дома. Вода угрожала стенам города. Вместе с тем напор воды неожиданно спас столицу Си Ся. В двенадцатом месяце (29 декабря 1209 г.— 26 января 1210 г.) бурный поток прорвал сооруженную монголами плотину. Монголы были вынуждены снять осаду и начали переговоры о мире. В «Сокровенном сказании» сохранилось красочное описание переговоров Ань-цюаня (Бурхана, как государь Си Ся именуется в монгольских источниках) с представителем монгольской армии Эда. Бурхан предложил быть правой рукой Чингисхана. Кроме того, он сообщил: «Ужасались мы слухам о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоей правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко (т. е. живем оседло), а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоём,
Явно врага не нагнать нам.
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно...»⁹.

⁷ ССШШ, гл. 40, стр. 26.

⁸ Там же.

⁹ «Сокровенное сказание...», стр. 181.

И поэтому тангуты просили разрешить им поставлять монголам верблюдов, охотничьих соколов и т. п., т. е. платить дань, но не участвовать в их завоевательных походах. Ань-цюань согласился признать себя зависимым от Чингисхана и отдать ему в жены свою дочь¹⁰. Тангутская принцесса, известная в источниках по имени Чахэ, стала третьей женой Чингисхана. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы оставили в Си Ся наместника (правителя шихнэ) и гарнизоны¹¹. Монголы вернули обратно тангутского полководца Лин-гуна, плененного в 1209 г.

Поход 1209 г. был первым большим успехом Чингисхана за пределами монгольских степей. Добившись от тангутов признания зависимости, он мог рассчитывать на осуществление своих дальнейших завоеваний. Победа над Си Ся резко возвысила в глазах соседей представление о силе монголов и деморализовала многих их будущих противников. Важнейшим последствием войны явилось и то обстоятельство, что чжурчжэни не поддержали в трудный час своих соседей. После поражения тангутов такой союз стал невозможен. Более того, монголы вскоре вынудили Си Ся начать войну с Цзинь. Война с Ся действительно была «грандиозным маневром»¹², и, поскольку репетиция удалась, монголы приступили к осуществлению своей более важной задачи — сокрушению могущества чжурчжэней, от которых они так долго зависели.

ТАНГУТСКО-ЧЖУРЧЖЭНЬСКАЯ ВОЙНА 1214—1224 гг.

После походов на Си Ся Чингисхан в марте 1211 г. собрал новый большой совет на берегах Керулена. Обсуждался один вопрос — о войне с чжурчжэнями. На этот раз монголы обещали себе тылы и фланги и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы потягаться с Алтан-ханами. По мнению Груссе, Рашид-ад-дин рисует подготовку войны против чжурчжэней «как грандиозный реванш за все старые обиды, причиненные древним монголам древними чжурчжэнями»¹³, ибо в данный момент Чингисхан выступал даже в роли «мстителя за древних владетелей Пекина — китаев (киданей. — Е. К.)»¹⁴. С 1211 г. монгольские войска начали регулярные нападения на Цзинь.

В конце лета 1211 г. тангуты второй раз решили искать спасения от монголов в смене государя. Ань-цюань, очевидно, не без настойчивых требований окружавших его сановников, отрекся от престола и через месяц на 42-м году жизни скоро-

¹⁰ См. ЮШ, гл. 1, стр. 30.

¹¹ См. Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 144.

¹² René Grousset, *L'empire mongol*, — «Histoire du Monde», t. VIII, Paris, 1941, p. 215.

¹³ Ibid., p. 216.

¹⁴ Ibid., p. 217.

постижно скончался. Ему было дано посмертное имя императора Цзинь-му и храмовое имя Сян-цзун.

Несмотря на то что у Ань-цюаня был родной сын Чэн-чжэнь, на престол был посажен Цзунь-сян — ставленник группировки, осуществившей переворот, сын Ци го чжун у вана Янь-цзуна¹⁵. Новому государю Си Ся уже было около пятидесяти лет. Раньше он много занимался науками, имел степень цзиньши и даже занял первое место на столичных экзаменах. В 1212 г. Цзунь-сян получил от чжурчжэней грамоту на титул Ся го вана. Чжурчжэни в это время находились в крайне затруднительном положении. Их император был вынужден покинуть среднюю столицу Чжунду (Пекин). Монголы овладели важнейшими центрами Цзинь. Тангуты, выполняя союзные обязательства перед монголами, продолжали пограничные налеты на Цзинь. Они мстили чжурчжэням за отказ Цзинь помочь им в трудную минуту и не скрывали этого. В то же время эти налеты приносили им большую добычу.

И все же связи между Си Ся и Цзинь еще полностью не прекратились. Чжурчжэни надеялись на благоразумие тангутов и поэтому прислали Цзунь-сяну грамоту на титул. В свою очередь, в Си Ся имелось достаточно много людей, считавших войну с Цзинь гибельной для тангутов. Именно благодаря их энергии нападения тангутов на Цзинь ограничивались пограничными набегами.

В 1213 г. чжурчжэньский полководец Хушаху убил своего государя Вэйо Шао вана и занял престол. Новый государь Цзинь (Сюань-цзун) ценой громадных усилий в 1214 г. добился заключения мира с монголами. Северные районы Цзинь были оккупированы монгольскими войсками. Новый император избрал своей резиденцией город Кайфын¹⁶. По некоторым данным, в этом же 1214 г. монголы три раза вторгались на территорию Си Ся¹⁷.

Но и после заключения мира с чжурчжэнями монголы продолжали грабить их территории. Тангуты также совершали набеги на границы Цзинь.

С 1214 г. началась война между Си Ся и Цзинь, причинившая большой ущерб обеим воюющим сторонам. Постепенно в войну с Цзинь стало втягиваться и южносунское государство. Си Ся через тибетских монахов вело переговоры с китайскими властями в Сычуани о совместных нападениях на Цзинь¹⁸. Тангуты оказали поддержку восставшему цзиньскому чиновнику из Ланьчжоу Чэн Чэнь-сэну¹⁹. Однако вскоре они потерпели два больших поражения, и тангутский цзайсян прислал подарки.

¹⁵ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

¹⁶ См. «История дома Цзинь...», стр. 333а.

¹⁷ См. ССЦ, гл. 27, стр. 5а.

¹⁸ См. СШ, гл. 39, стр. 277.

¹⁹ См. ЦШ, гл. 134, стр. 827.

ко двору Цзинь²⁰. Это не улучшило взаимоотношений Си Ся и Цзинь. Тангутско-чжурчжэньская война затянулась до второй половины 1224 г., и можно смело сказать, что она значительно ускорила уничтожение обоих государств монголами.

В 1216 г. чжурчжэни предприняли большой поход на Си Ся, который в конце года возглавил сам государь Цзинь. Чжурчжэньские войска осадили Яньчжоу, Ючжоу, Сячжоу, Вэйчжоу, Линчжоу и другие важные центры восточных районов Си Ся²¹. Поход не принес цзиньским войскам большого успеха, тем более что, пока чжурчжэни осаждали города Си Ся, тангуты в союзе с монголами вторглись в западные области Цзинь²².

Чжурчжэньские армии спешно возвратились на свои исходные рубежи. На следующий год Сюань-цзунь, чувствуя невозможность организовать новый поход против Си Ся, предложил заключить мир²³. Но местные военачальники докладывали, что «тангуты категорически не желают заключить мир»²⁴. Чжурчжэни не отправили свое посольство в Си Ся. Через некоторое время чжурчжэням удалось поймать тангутского шпиона, который во время допроса заявил: «Как только Цзунь-сян услышал, что Великая Цзинь желает вести переговоры о мире, он тотчас запретил пограничным чиновникам нападать на ее западные окраины»²⁵. Чжурчжэням осталось лишь сожалеть, что они не отправили посольства. На этот раз они ограничились тем, что отдали приказ своим войскам не нападать на Си Ся²⁶.

После вторичной осады монголами столицы Си Ся в 1217 г. некоторые тангутские государственные деятели активно выступили за заключение мира с чжурчжэнями. Один из руководителей шуми — Су Янь-синь настаивал на немедленном мире с Цзинь и заключении союза с чжурчжэнями для совместной борьбы против монголов²⁷, последнее нападение которых ясно показало, что они не оставят Си Ся в покое. Первоначально этой придворной группировке удалось добиться некоторого успеха. В 1218 г. в Баоань, Суйдэ и Цзячжоу были получены письма из Си Ся, в которых тангуты просили открыть пограничные рынки и установить прежние отношения между странами.

По мнению цзиньских сановников, эта инициатива исходила от самого Цзунь-сяня²⁸. Склонялись к миру и чжурчжэни. Однако, когда в первой половине 1219 г. цзиньский двор рассматривал мирные предложения тангутов, он расценил их как

²⁰ См. там же.

²¹ См. там же.

²² См. там же, гл. 14, стр. 106.

²³ См. там же, гл. 108, стр. 678.

²⁴ Там же, гл. 134, стр. 827.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ См. ССШШ, гл. 41, стр. 1а.

²⁸ См. ЦШ, гл. 134, стр. 827.

попытку усыпить бдительность чжурчжэньских войск на границах Си Ся. Удобный момент для союза против монголов был упущен. С 1218 г. основные силы монголов были заняты войной на западе. Союз Ся и Цзинь и дружное выступление против монголов с тыла могли бы поставить Чингисхана в трудное положение. Но взаимная вражда тангутов и чжурчжэней, подогретая пятилетней войной, и страх перед монголами, понуждавшими тангутов к этой опасной для них войне, брали верх над благоразумными доводами тех немногих, кто и при тангутском и при цзиньском дворе понимал всю пагубность этой войны.

Поскольку война не прекращалась, тангуты решили искать себе союзника. В 1218 г. во владения Сун пробрались два буддийских монаха с секретным письмом из Си Ся, в котором тангуты выражали желание «вместе с китайцами обдумать план операций против чжурчжэней, чтобы возвратить захваченные ими земли»²⁹.

В 1219 г. между тангутами и чжурчжэнями происходили непрерывные военные столкновения. Источники упоминают о том, что в этом году чжурчжэни думали предпринять попытку возвратить Ланьчжоу, который, по-видимому, ранее был занят тангутами. Но от этой попытки они вскоре отказались, сославшись на дальность и тяжесть пути³⁰.

В 1220 г. тангуты овладели рядом новых пограничных областей Цзинь в Шэньси. Как раз в этот момент чжурчжэни приняли решение перенести столицу в Чанъань и поэтому расквартировали большие воинские силы в городе Гунчжоу, одновременно направив в Си Ся письмо с предложением о мире³¹. Наличие больших армий Цзинь на границе с Си Ся встревожило тангутов. Цзунь-сян спешно послал своих послов в Сычуань. Один из командующих китайскими войсками — Не Цзы-шу приказал привести в боевую готовность пограничные гарнизоны. К концу года между тангутами и китайцами была достигнута договоренность о совместном выступлении. Решили, что сунские войска будут штурмовать города, а тангутские — действовать в открытом поле. Осада Гунчжоу союзными войсками кончилась их поражением. Город не был взят, а тангуты и китайцы потеряли более 10 тыс. человек³². Это сразу охладило пыл союзников. В дальнейшем они так больше и не смогли договориться о совместных действиях. Помешали этому и возвратившиеся с запада монголы, которые принудили тангутов сопровождать их отряды в походах на Цзинь.

Коварство монголов и то крайне тяжелое положение, в котором оказалось тангутское государство из-за длительных войн

²⁹ СШ, гл. 486, стр. 3796.

³⁰ См. ЦШ, гл. 113, стр. 712.

³¹ См. СШ, гл. 486, стр. 3796.

³² Там же, гл. 40, стр. 281.

с Цзинь и грабительских набегов монгольских орд, вновь и вновь заставляло государственных деятелей Си Ся выступать с предложениями о мире с чжурчжэнями.

В 1223 г. Цзунь-сян собрал войска всех 12 военных округов, намереваясь снова напасть на Гунчжоу. Один из видных чиновников цензората, Лян Дэ-и, подал по этому случаю доклад государю, в котором писал:

«Страна воюет уже более десяти лет. Поля ее опустели, народ оказался в тяжелом положении. Хотя даже женщины и дети знают, что государство находится на краю гибели, сановники во дворце распевают хвалебные песни, а по ночам устраивают пиры. У них связаны языки, а рты как будто зажаты клещами. Сам наследник престола печалится о своем отце и алтаре предков. Он предложил широкий план действий. Но его правдивые слова не были услышаны. В одно прекрасное время престол будет уничтожен, а [его обладатели] сами позорно изгнаны и заключены в тюрьму. Разве небо ежегодно не предвещает несчастья? Я надеюсь, что Вы, государь, окажете помощь народу и восстановите мир с соседними странами. Призываю вернуться в Голубой дворец³³ и пополнить его запасы. Тогда вскоре и сановники и народ с охотой повинуются, и опасности будут преодолены»³⁴. За этот смелый доклад Лян Дэ-и уволили со службы и последние годы жизни он провел в изгнании.

Однако силы оппозиции были уже настолько значительны, что в конце 1223 г. Цзунь-сян был вынужден отречься от престола в пользу своего второго сына Дэ-вана, а сам принял титул Верховного императора.

Первый сын Цзунь-сяна Дэ-жэн незадолго до этого отказался от права на престол. В начале 1223 г. Цзунь-сян отправлял Дэ-жэна в поход против Цзинь. Дэ-жэн был противником продолжения войны с чжурчжэнями и в ответ на распоряжение отца сказал: «Войска противника очень сильны. Не лучше ли заключить с ним мирный договор?» Цзунь-сян ответил смеясь: «Это не тебе знать. Они потеряли Ланьчжоу и так и не смогли вернуть его. Какая же у них сила?!» Дэ-жэн еще более настойчиво стал уговаривать его не предпринимать похода. Однако Цзунь-сян не захотел даже его слушать. Тогда Дэ-жэн просил лишить его прав наследника престола и решил стать монахом. Цзунь-сян разгневался и сослал Дэ-жэна в Линчжоу. Засуха и неурожай, однако, все равно заставили государя Ся отказаться от похода, а затем и от престола в пользу своего второго сына Дэ-вана³⁵. Приняв титул Верховного императора, Цзунь-сян удалился вслед за сосланным первым сыном в Линчжоу. По

³³ Голубой дворец (Цин гун) — образное название дворца наследника престола и часто его самого. Лян Дэ-и призывал Цзунь-сяна вернуться к рассмотрению и осуществлению планов наследника престола Дэ-жэна.

³⁴ ССШШ, гл. 41, стр. 166—17а.

³⁵ ЦШ, гл. 134, стр. 827—828.

этому случаю город Линчжоу был объявлен западной столицей Си Ся, а город Чжунсин (Синчжоу) — восточной³⁶.

Немногим более чем через два года Цзунь-сян скончался, на 64-м году жизни. Его посмертное имя — император Ин-вэнь, храмовое имя — Шэнь-цзун³⁷.

Дэ-ван пришел к власти уже в преклонном возрасте. Однако он сразу проявил себя решительным и энергичным государственным деятелем и спешно принял самые неотложные меры для обеспечения безопасности Си Ся. Дэ-ван немедленно предложил чжурчжэням заключить мир и приложил много стараний для повышения боеспособности тангутской армии.

В конце 1224 г. между Си Ся и Цзинь был заключен мирный договор. Отныне Цзинь стало именоваться старшим братом, а Си Ся — младшим. В переписке каждая из сторон пользовалась своим девизом лет правления. Тангуты пытались выторговать для себя ежегодные выплаты, но их попытки не увенчались успехом³⁸. Долгожданный мир облегчил положение Си Ся, но не принес спасения тангутскому государству. Война Си Ся с Цзинь, продолжавшаяся более десяти лет, принесла обоим государствам десятки тысяч загубленных жизней, голод и разорение. Пока Си Ся и Цзинь истощали друг друга в этой ненужной войне, монголы атаковали тех и других, не встречая должного сопротивления.

И Ань-цюань, и Цзунь-сян не смогли мобилизовать все силы тангутского государства для борьбы с монгольской опасностью. Борьба за власть при дворе, отсутствие единой политической линии приносили большой ущерб обороноспособности страны. Пример тому — бесславная десятилетняя война с чжурчжэнями.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА СИ СЯ. ГИБЕЛЬ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как уже упоминалось, монголы заставили тангутов выступить в поход вместе с ними против Цзинь. Первый такой поход состоялся в конце 1216 г. Тангуты условились с монголами о нападении на район Яньани. Они напали на заставу Тунгуань и взяли ее³⁹.

А через год коварные союзники во второй раз напали на столицу Си Ся. Очевидно, монголы рассчитывали покончить с тангутским государством накануне великого похода на запад. Их притязания к своим невольным союзникам были так велики и провокационны, что тангуты просто были не в состоянии выполнить все требования монголов. В таких условиях монголам

³⁶ См. Гу Цзу-юй, *Ду ши фан юй цзи ло*, гл. 8, стр. 381.

³⁷ См. ЦШ, гл. 486, стр. 3796.

³⁸ См. ЦШ, гл. 134, стр. 828.

³⁹ См. ЦШ, гл. 14, стр. 106.

нетрудно было отыскать благовидный предлог для нападения на Си Ся.

В 1217 г. монгольские войска форсировали Хуанхэ и осадили Чжунсин, предварительно захватив и разграбив города, встретившиеся на их пути. Цзунь-сян струсил, отказался лично возглавить оборону. Он приказал наследнику престола, своему старшему сыну Дэ-жэну, оставаться в столице и защищать ее, а сам уехал в Силян. Оттуда он выслал к монголам посольство просить мира и заранее был готов принять любые их условия⁴⁰. Цзунь-сян возвратился в столицу только тогда, когда монгольские войска отступили.

Поскольку монголам сразу не удалось овладеть столицей Ся, а повторение столь же длительной осады не входило в их расчеты, они согласились на заключение мира.

Прежде всего монголы потребовали, чтобы тангуты приняли участие в их походе на запад против государства Хорезм-шахов. По сведениям «Сокровенного сказания», посол Чингисхана обратился к тангутскому государю со следующим требованием: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды».

Тангуты категорически отказались участвовать в походе. По словам «Сказания», «не успел еще Бурхан (т. е. Цзунь-сян — Е. К.) дать ответ, как Аша-гамбу и говорит: „Не иметь силы, так незачем и ханом быть!“ И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом». Оскорбленный отказом, Чингисхан пообещал расправиться с тангутами после возвращения из Западного похода. «Мыслимо ли стерпеть такое оскорбление от Аша-гамбу? — сказал он. — За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но оставить это сейчас, когда на очереди другие задачи. И пусть сбудется это тогда, когда с помощью Вечного Неба я ворочусь, крепко держа золотые бразды»⁴¹.

В то время когда монгольские армии сражались в оазисах Хорезма, на берегах Инда и в далеких степях южной России, оставшийся наместник в современном Пекине монгольский полководец Мухали продолжал войну с Цзинь. Хотя тангуты и отказались участвовать в походе на запад, у них не хватило решимости совершенно порвать с монголами. В 1221 г. Мухали обратился к тангутам за разрешением провести войска через территорию Си Ся для нападения на цзиньский округ Цзячжоу. Тангуты пропустили монгольскую армию.

Кроме того, Цзунь-сян выслал 50-тысячный корпус, который присоединился к монголам. Монголы овладели Цзячжоу и решили оставить в городе гарнизон, так как Цзячжоу являлся

⁴⁰ См. ЮШ, гл. 1, стр. 31; ЦШ, гл. 15, стр. 111.

⁴¹ «Сокровенное сказание...», стр. 186—187.

важным стратегическим пунктом на тангутско-чжурчжэньской границе. Это известие взволновало Цзунь-сяна, который понимал, сколь опасным было такое соседство для него. Тангутский посол Мину обратился к Мухали с запросом. Во время приема встал вопрос о церемониале. Мухали заявил Мину: «Ты смотришь снизу вверх на своего государя, твой государь — на моего государя — вот таков церемониал!» Мину ответил: «Я не могу совершить коленопреклонения, не получив на то приказа». Он уехал, и тангутские войска покинули монгольский лагерь. Чтобы припугнуть тангутов, Мухали напал на Яньань. Тогда тангутский посол преподнес в дар монгольскому полководцу коня и совершил коленопреклонение⁴².

В последние дни 1221 г. тангуты вместе с монголами напали на крепость Аньсайбао, но были разбиты чжурчжэнями⁴³. В этом же году на службу к монголам перешел тангутский полководец Ебу-ганьбу⁴⁴.

Летом следующего, 1222 г. тангуты опять вместе с монголами напали на Цзинь⁴⁵. Цзунь-сян выполнял все указания монголов. Монголы почти совсем перестали считаться с ним. В 1223 г. они обвинили тангутов за неудачу в одной из битв с чжурчжэнями и напали на тангутский округ Цзиши (район Кукунора). Десять дней монгольские отряды грабили и убивали местное население. Получив известие о том, что чжурчжэни приняли решение атаковать их с тыла, монголы отступили⁴⁶.

В это время Цзунь-сян отрекся от престола. Сменивший его Дэ-ван приложил все силы для укрепления обороноспособности страны. Узнав о смене правителя Си Ся, происшедшей без их ведома и не в их пользу, монголы выслали войска для устрашения тангутов с заданием опустошить центральный горный район Си Ся — Хэланьшань. На этот раз монголам пришлось столкнуться с тангутскими войсками. Они не смогли нанести им поражение и впервые были вынуждены удалиться ни с чем. К тому же командовавший монгольскими войсками Ши Тянь-сян был тяжело ранен стрелой в голову⁴⁷.

Весной 1224 г. Дэ-ван открыто порвал отношения с монголами. Он принял все меры, чтобы прекратить войну с Цзинь. Ко всем племенам к «северу от песков» (Гоби) он отправил тангутские посольства с предложением заключить союз против монголов. Тангутам удалось добиться согласия отдельных племен поддержать их в борьбе против монголов. В ответ на это монголы совершили два новых нападения на территорию тангутов. Они осадили Шачжоу, но месячная осада города не при-

⁴² См. ЮШ, гл. 119, стр. 892; гл. 149, стр. 1071; ССЦ, гл. 27, стр. 21а—21б.

⁴³ См. ЦШ, гл. 112, стр. 707.

⁴⁴ См. ЮШ, гл. 132, стр. 920.

⁴⁵ См. там же, гл. 149, стр. 1071.

⁴⁶ См. ССШШ, гл. 41, стр. 16а—16б.

⁴⁷ См. ЮШ, гл. 147, стр. 1059.

несла им победы. Подкоп, который они подвели под городскую стену, был обнаружен тангутами и по приказу их командующего Цзипа Сыи «заброшен огнем». Много монголов погибло, и они были вынуждены снять осаду⁴⁸.

Вторая группа монгольских войск осенью 1224 г. атаквала Иньчжоу. Тангутский полководец Тахай вывел свои войска на встречу монголам и принял бой. Сражение было упорным, и в нем участвовали с той и с другой стороны довольно большие армии. Монголы, предводительствуемые Болу и Лю Хэй-ма, разбили тангутов, которые потеряли в этом сражении убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек. Иньчжоу был взят монголами и разграблен. Возвращаясь, монголы угнали с собой несколько сот тысяч голов скота, захваченного у окрестных кочевников⁴⁹. В это время поступило известие о скором возвращении монгольских армий из похода на запад. Все северные союзники Си Ся моментально отказались от прежнего союза и рассеялись по степи.

Дэ-ван решил вступить в переговоры с Чингисханом. В феврале 1225 г. Чингисхан вернулся в свою орду. Одной из причин его быстрого возвращения были перемены, происшедшие в Си Ся. «Чингисхан,— сообщает Джувеини,— решил возвратиться из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного возвращения его было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали между подчиненными смуту и мятежи»⁵⁰.

Известие о неверности тангутов привело Чингисхана в негодование. В марте монгольский посол прибыл в Си Ся и потребовал от Дэ-вана, чтобы тот послал к Чингисхану в качестве заложника своего сына. Тангутский двор был в растерянности. Отказать монголам — значит дать им повод для нового нападения. Об этом говорил на заседании совета шумиши Ли Юань-цзи: «Своим отказом мы сами дадим им повод для войны. Положение Цзинь катастрофическое. Они (чжурчжэни) сами не в состоянии обороняться. Разве они смогут помочь нам?» Он и другие сановники предлагали послать наследника престола заложником к Чингисхану. Но Дэ-ван отказался преследовать их совету. «Я только что восстановил мир с Цзинь,— сказал он,— и надеюсь общими силами устоять против северного врага. Жэн — мой единственный сын. Послать его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться. Зачем спешить!»⁵¹. И он отказал монгольскому послу. Кроме того, Дэ-ван принял врага Чингисхана — Чилагэсякуня⁵². Этим самым он открыто бросил ему вызов.

⁴⁸ См. ССШШ, гл. 42, стр. 1а—1б.

⁴⁹ См. ЮШ, гл. 119, стр. 893; гл. 149, стр. 1068. Между прочим, крайне любопытно, что в биографии Лю Хэй-ма тангуты названы Си Ся тан-у — сяские тангуты.

⁵⁰ Ata-Malik Juvaini, *The History of the World 9 Conqueror*, p. 139.

⁵¹ ССШШ, гл. 42, стр. 3а.

⁵² ЮШ, гл. 1, стр. 32.

Вся страна готовилась к обороне. Сторонники войны с монголами обращались к Дэ-вану с различными проектами спасения родины. Нам известен текст доклада чиновника цензората Чжан Гун-пу. В семи пунктах доклада излагалась обширная программа укрепления государства. Чжан Гун-пу предлагал:

1. Собрать всех разбежавшихся во время голода и войн людей. Всем возвратившимся на старое местожительство дать жилье, продовольствие и одежду.

2. Послать посольство к монголам и дать Чингисхану в заложники наследника престола, чтобы у монголов не было повода немедленно начать войну.

3. Восстановить разрушенные города и водоемы и подготовиться к обороне. «Все крепости, построенные на путях в Хэси, которые граничат с противником на протяжении 1000 ли, или испорчены, или не существуют», как можно скорее привести в боевую готовность

4. Научиться оборонительному бою. При этом Чжан Гун-пу самые большие надежды возлагал на «цзянов из Суйчжоу и Ючжоу, на которых опирались при создании государства и которые из поколения в поколение выступали против Сун и Цзинь».

5. Создать систему сигнализации между Си Ся и Цзинь. «Обе страны должны установить на границе сигнальные огни и организовать разведку. Если одна сторона предприняла поход, то другая откликнулась бы на него, если одна сторона оказалась бы в трудном положении, то другая пришла бы ей на помощь. Тогда у наших войск будет высокий боевой дух и на нас никто не осмелится напасть».

6. Ввести строгую экономию, чтобы обеспечить создание запасов для армии. «На страну обрушились бедствия войны. Народ беспоконен, не имеет времени для обработки земли и ткачества. При этом казна истощается. Сейчас во дворце и управлениях [чиновники] проматывают средства. Заслуженные сановники и родственники государя получают высокие награды. Следует прекратить расточительство и ввести строгую экономию, чтобы снабдить армию средствами для походов. Войско укрепитя, если будет достаточно продовольствия».

7. Выждать удобный момент и нанести удар по противнику⁵³.

Проведя эти мероприятия, Чжан Гун-пу надеялся вывести страну из создавшегося положения.

Основной задачей он справедливо считал разгром монголов. Для этого в качестве первого шага Чжан Гун-пу предлагал создание мощной армии и укрепление обороны страны. Вторым этапом он считал нападение на противника, т. е. поход против монголов. Основными условиями выполнения этого плана пред-

⁵³ См. ССШШ, гл. 42, стр. 36—5а.

полагались подъем экономики страны, временный мир с монголами, союз с Цзинь и опора на коренное тангутское население страны.

Последнее из условий выполнения плана представляет особый интерес. По-видимому, после гибели Ляо и разгрома Северной Сун в Си Ся было очень много перебежчиков из этих государств.

Возможно, это в какой-то мере даже ослабило Си Ся, пришельцы чаще и быстрее выражали недовольство, и им гораздо легче было сменить одного покровителя на другого. Этим, на наш взгляд, и может быть объяснено особое выделение Чжан Гун-пу роли коренных тангутских племен в усилении обороноспособности государства. Полное осуществление планов Чжан Гун-пу и других подобных проектов, возможно, дало бы некоторые результаты.

Но для этого у тангутов не оказалось времени. В конце 1225 г. Чингисхан лично встал во главе монгольских войск и выступил в поход на Си Ся. Перед походом Чингисхан отправил Дэ-вану письмо следующего содержания: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, совершив сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета»⁵⁴.

Вся сила первого удара монгольских войск обрушилась на Хэйшуй (Эдзина, Хара-Хото). Весной 1226 г. город Хара-Хото оказался в руках монголов⁵⁵. В боях за Хэйшуй тангуты потеряли несколько десятков тысяч человек.

Летние месяцы монголы, спасаясь от жары, провели в горах Хунчуйшань. Отсюда они совершали грабительские набеги на окрестные районы Си Ся. В начале лета 1226 г. монголы овладели Сучжоу. Город оказал им упорное сопротивление. Чингисхан, разгневанный тем, что город долго не сдается, приказал, как только город падет, вырезать всех его жителей. После взятия Сучжоу монголами гибели избежало лишь сто шесть семей⁵⁶. Большой цветущий город превратился в деревню.

Овладев Сучжоу, монгольские войска повернули на восток, к сердцу тангутского государства. На их пути стоял большой город Ганьчжоу. Осада Ганьчжоу длилась недолго. Город пал, его населению была дарована жизнь. Это необычное для

⁵⁴ «Сокровенное сказание...», стр. 189—190.

⁵⁵ См. ЮШ, гл. 1, стр. 32.

⁵⁶ Там же, гл. 1, стр. 32; гл. 122, стр. 916.

монголов решение было вызвано следующим обстоятельством. У командующего гарнизоном Ганьчжоу Цзюйе Целюй была некогда любимая наложница, которая родила ему сына. Не желая делать ее первой женой, он удалил ее от себя. Когда мальчик, которого называли Чахань, подрос, мать рассказала ему о своем изгнании и сообщила, что у его отца от его первой жены тоже есть сын, младший брат Чаханя. В детстве Чахань как-то раз пас скот в степи. Играя, он втыкал в землю палку, вешал на палку шапку и совершал перед ней коленипоклонения, пел песни и танцевал. За этим занятием его и застал однажды во время охоты Чингисхан. Пораженный столь необычным поведением мальчика, он спросил Чаханя, почему тот кланяется шапке. Чахань ответил, что, если он один, он поклоняется шапке, если же с ним есть кто-нибудь, то он почитает старшего. Ответ настолько понравился Чингисхану, что тот взял Чаханя к себе в услужение — Чахань участвовал во многих походах монголов и к моменту войны с Си Ся служил тысячником в монгольской армии. Во время осады Ганьчжоу Чахань привязал к стреле письмо, в котором объявил своему отцу, командовавшему обороной Ганьчжоу, о своем присутствии в монгольских войсках, уговаривал его подчиниться и просил показать ему младшего брата. Цзюйе Целюй был склонен подчиниться монголам. Он принял прибывшего для переговоров монгольского посла и показал Чаханю с городской стены его младшего брата. Одновременно он готовил город к капитуляции.

Группа патриотически настроенных горожан, возглавляемая Ачжо — помощником Цзюйе Целюя, приняла решение обороняться до конца. Ачжо и его сторонники убили Цзюйе Целюя и его сына, а вместе с ними прикончили и монгольского посла. Несмотря на все усилия горожан, Ганьчжоу не выдержал длительной осады и пал. Ачжо и все его люди погибли в бою. Чингисхан решил истребить всех жителей Ганьчжоу, а город сравнять с землей. Лишь слезные мольбы Чаханя спасли городское население от истребления, а город — от полного разрушения⁵⁷.

Бедствия, причиняемые монгольским нашествием, были усугублены страшной засухой, обрушившейся на Си Ся летом 1226 г. «Во всех городах Хэси травы и деревья пожелтели от засухи. Населению нечего было есть»⁵⁸.

В начале осени 1226 г. монгольские войска подошли к Лянчжоу. Командующий гарнизоном Ва Чжацзэ сдал город монголам без сопротивления⁵⁹. Вскоре смежные с Лянчжоу области Си Ся также были захвачены монголами.

⁵⁷ См. ЮШ, гл. 120, стр. 899; Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 144—145.

⁵⁸ ССШШ, гл. 42, стр. 86.

⁵⁹ См. ЮШ, гл. 1, стр. 32; гл. 146, стр. 1054.

В это время скончался Дэ-ван, предпоследний государь Си Ся, отчетливо понимавший, что его государство и династия находятся на краю гибели. На тангутский престол взошел один из тангутских князей — Наньпин ван Сянь (Шидурку — в монгольских и мусульманских источниках)⁶⁰.

Осенью 1226 г. монгольские армии в девяти местах форсировали Хуанхэ и заняли уезд Инли, граничивший с округом Ланьчжоу⁶¹. В конце года монголы осадили Линчжоу. Стотысячная армия Ся под командованием Вэймин Лингуна дала генеральное сражение монголам под стенами этого города. Подробности этой грандиозной битвы неизвестны. Завершилась она полным разгромом тангутской армии. Линчжоу пал. Перед монгольскими войсками был открыт путь к столице Си Ся. В одиннадцатом месяце 1226 г. (21 ноября — 20 декабря) монголы в третий раз осадили Чжунсин⁶². Последняя осада столицы тангутского государства длилась около года. Весной 1227 г. Чингисхан покинул монгольский лагерь под Чжунсином с намерением подчинить еще не находящиеся под властью монголов крайне западные и южные области Си Ся. Ускоренным маршем монгольские отряды двинулись к тибето-тангутской границе и овладели городом Цзиши⁶³. Оттуда Чингисхан повернул свои войска вновь на север и овладел Шачжоу⁶⁴. В боях за Шачжоу монгольские войска понесли большие потери и даже едва избежали поражения, попав в устроенную тангутами засаду.

После взятия монголами Шачжоу в основном все области Си Ся оказались под властью Чингисхана. Только столица еще продолжала оказывать сопротивление. Население Ся «зарывалось в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел» монголов⁶⁵. Но спаслись лишь один-два человека из ста. «Белые кости покрыли степь»⁶⁶. В течение года тангутское государство было, по существу, стерто с лица земли. Его столица была обречена на скорую гибель. Жаркое лето отсрочило падение Чжунсина. Чингисхан укрылся от жары в горах Люпаньшань.

Сянь начал с монголами переговоры о капитуляции. Тангутский государь объявил монголам: «Если [Чингисхан] даст мне отсрочку, согласится считать меня сыном и в этом поклянется, то я выйду [к нему]»⁶⁷. Монголы согласились дать тангутам месячный срок для подготовки к капитуляции.

⁶⁰ См. СШ, гл. 486, стр. 3796. По мнению П. Поуха, Шидурку является монгольским переложением тангутского титула «Tho-se» (тибетское Dro-gje) — «блестящий», великопленный, который соответствовал монгольскому титулу хап (даи) (P. Poucha, *Mongolischen Miscellen*, — CAJ, vol. 1, № 4, p. 285).

⁶¹ См. ЮШ, гл. 1, стр. 32.

⁶² См. там же, гл. 120, стр. 899.

⁶³ См. там же.

⁶⁴ См. там же, гл. 122, стр. 916.

⁶⁵ ССЦ, гл. 28, стр. 116.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Рашид-ад-ин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 144.

В это время Чингисхан сильно заболел. Умирая, он приказал никому не говорить о его смерти и убить государя Си Ся, как только он явится в монгольскую ставку для переговоров. По сведениям одних источников (Рашид-ад-дин), Чингисхан умер до капитуляции Си Ся. По другим данным («Сокровенное сказание»), он умер вскоре после падения Чжунсина. Во всяком случае, когда Сянь со своей свитой прибыл в ставку Чингисхана, он немедленно был умерщвлен.

Монголы овладели столицей Си Ся и подвергли ее страшному опустошению. Падение Чжунсина совпало с сильным землетрясением, которое разрушило до основания и без того истерзанный долгой осадой город. Государство Си Ся перестало существовать⁶⁸.

Население тангутского государства подверглось поголовно-му избиению. Особая ненависть монголов к тангутам была вызвана тем, что они оказывали монгольским войскам долгое упорное сопротивление, и тем, что именно на тангутской земле нашел свою гибель Чингисхан. В «Сокровенном сказании» в уста Чингисхана вкладываются следующие слова, якобы сказанные им после уничтожения Си Ся: «Так как я истребил тангутов до потомков их и даже до последнего раба — Мухули-мусхули-угай-болган, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: „Мухули-мусхули-угай“»⁶⁹.

Возможно, и не говорил Чингисхан этих страшных слов, но бесспорно, в «Сокровенном сказании», героическом эпосе, посвященном памяти Чингисхана и составленном после его смерти, нашла отражение та жестокая расправа, которую монголы учинили над населением Си Ся. Мрачный кортеж мчался мимо разрушенных и сожженных городов тангутского государства, убивали всякого встречного — человека и зверя на земле, птицу в воздухе, рыбу в воде. Так везли прах великого полководца в его родную Монголию.

О жестоком истреблении тангутов сообщают и более поздние источники. Джувейни в «Истории завоевателя мира», которая была написана им в 1252—1253 гг., так повествует о завоевании Си Ся: «Когда Чингисхан возвратился из земель запада в свой старый лагерь на востоке, он выполнил свое намерение против Тангута. И после этого целый район был очищен от злобы его врагов и они все были завоеваны и порабощены...»⁷⁰.

Юаньский автор, Юй Цзи, писал: «Ся погигло». Области и уезды опустошены войсками. Храмы и школы разрушены до основания. Только в Ганьчжоу остались от них незначительные следы. В Синчжоу есть доска от ворот храма императоров да

⁶⁸ См. ССШШ, гл. 42, стр. 14а.

⁶⁹ «Сокровенное сказание», стр. 191.

⁷⁰ *Ata-Malik Juvaino, The History of the World 9 Conqueror*, p. 180.

вырезанный на камне текст песни „Линчжи“⁷¹, сочиненной государем Ся. В Лянчжоу есть дворец и крытая галерея»⁷².

Так трагически кровью тангутского народа была вписана последняя страница в историю Си Ся.

Тангутское государство первым приняло на себя удар монголов. Вражда Си Ся и Цзинь, которую монголы ловко использовали, помешала в первые годы монгольских завоеваний организации единых антимонгольских действий на Дальнем Востоке.

Тем не менее война с Си Ся и Цзинь потребовала от монголов больших усилий. Попытки покончить с тангутами и чжурчжэнями до похода на запад окончились неудачей. И Си Ся, и Цзинь оказали монголам более упорное сопротивление, чем Кучлук, овладевший тронem кара-китайских гурханов, чем войска Хорезм-шаха, чем правители Ирана. Как раз в то время, когда монгольские войска вышли в южнорусские степи и происходила знаменитая битва при Калке, Чингисхан получил известие о подготовке тангутов к войне, об их попытках, отчасти успешных, создать антимонгольскую коалицию в степях самой Монголии, наконец, известие о столь нежелательном для него мире между Си Ся и Цзинь. Именно поэтому монголы были вынуждены приостановить военные действия на западе. Дальнейшее завоевание Си Ся, а затем и Цзинь (в 1234 г.) задержало монголов на Дальнем Востоке. Поэтому мы считаем себя вправе указать на то, что упорное сопротивление, которое оказали тангуты и чжурчжэни монголам, примерно на десять лет отсрочило вторжение монголов в Восточную Европу.

Именно на этом трагическом этапе его истории судьбы тангутского народа оказались тесно связанными с судьбами многих племен и народов Азии и Европы, над которыми нависла угроза монгольского завоевания.

О СУДЬБАХ ТАНГУТОВ И ИХ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СЯ

Итак, в начале сентября 1227 г. монгольские конники ворвались в сдавшуюся на милость победителей столицу Си Ся — город Чжунсин. Почти все население тангутской столицы было уничтожено. Ее храмы, дворцы и библиотеки обращены в развалины. Некогда цветущие оазисы опустели. Многие города лежали в развалинах. Часть из них, даже такие многонаселенные в прошлом, как Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу и Шичжоу и др., так и не были восстановлены после монгольского нашествия. На месте процветавшего Белого Высокого государства

⁷¹ Линчжи — грибовидное растение, которое, по преданию, вырастает в тех случаях, когда государь чтит старцев и заветы старины. Символ благоденствия и долголетия.

⁷² Юй Ци, *Дао юань сюэ гу лу*, гл. 4, стр. 46.

Ся на карте Азии появилась область Тангут⁷³, территория которой после завоевания монголами всего Китая была поделена между провинциями Ганьсу и Шэньси.

Чтобы побежденные помнили о покорности, а победители — о славе оружия предков, в 1287 г. столичный округ Си Ся получил название Нинся, что означало по-китайски «усмиренное Ся»⁷⁴. Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), труд которого был закончен в 1311 г., сообщает, что первоначально монголы называли территорию Ся Кашин, от китайского Хэси, земли к западу от реки Хуанхэ. «Когда Кашин, сын Угедэй каана и отец Кайду, скончался, имя Кашин стало запретным (курук). С этого времени снова называют эту страну Тангут, и ныне (т. е. на рубеже XIII—XIV вв.—Е. К.) ее также именуют этим названием»⁷⁵.

В течение всего XIII в., несмотря на уничтожение тангутского государства, входившие в него ранее области продолжали рассматриваться как единое целое. Марко Поло, посетивший эти края между 1271—1274 гг., проехал всю территорию Си Ся с запада на восток. И всюду при описании виденных им городов он указывает на их принадлежность к «стране Тангут», «Тангутской большой области», «области Тангут»⁷⁶.

Не раз упоминают о Тангуте совершившие то же путешествие, что и Марко Поло, в одно с ним время, только в обратном направлении христианские монахи — уйгуры Саума и Маркос⁷⁷.

Очень долго это название сохранялось у монголов за территорией, лежащей между Ордосом и Хамийским оазисом с востока на запад и между пустыней Гоби и горами Наньшань с севера на юг.

Марко Поло впервые подробно ознакомил Европу с географией Азии. Но на одной из первых средневековых европейских карт Азии, составленной на основе сведений Марко Поло в 1375 г., область Тангут не обозначена. Указан лишь самый большой город области — Ганьчжоу. Вероятно, при составлении карты были учтены более поздние сведения Одорика, посетившего Китай в 1327—1329 гг. и указавшего бывшую территорию Си Ся под китайским названием — Ганьсу⁷⁸. Был ли

---

⁷³ «Как проедешь тридцать дней по той степи, о которой я говорил, тут город великого хана Сасион, страна зовется Тангутом» («Путешествие Марко Поло», стр. 74). Сасион — город Шачжоу.

⁷⁴ ЮШ, гл. 60, стр. 456.

⁷⁵ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 143. Уже в середине XIII в. (в 1252—1253 гг.) Ата Малик Джувейни писал о Си Ся как о стране Тангут

⁷⁶ «Путешествие Марко Поло», стр. 74—96.

⁷⁷ См. «История Мар Ябалаха III и раббан Саума».

⁷⁸ H. Cordier, *L'Extrême Orient dans l'Atlas catalan de Charles V roi de France*, Paris, 1895, p. 19; его же, *Les voyageurs en Asie au XIV-e siècle du Bienheureux frère Odoric de Pardenone*, Paris, 1896, pp. 434, 445—446.

указан Тангут на «карте монгольской Азии», полученной в 1318 г. папой Иоаном XXIII, нам неизвестно⁷⁹.

В зависимости от источника информации — монгольского или китайского, данная местность и именовалась в европейских источниках то Тангут, то Ганьсу.

Название Тангут встречается на первых русских картах Сибири и Северного Китая, составленных во второй половине XVII в. Так, на одной из первых карт Сибири, составленной в 1667 г. в Tobольске под руководством воеводы Петра Годунова, мы встречаем упоминание о «земле тангутской». «Земля тангутская» указана на карте между «мугальцами» с запада и «царством китайским» с востока.

Данная карта была составлена в самом Tobольске, а приложенное к ней описание основывалось на показаниях «тобольских служилых людей, приезжих бухарцев и служилых татар»⁸⁰. Упоминается область Тангут и на другой карте Сибири, известной как чертеж А. А. Виниуса и датируемой 70—80-ми годами XVII в. Среди указанных на карте местностей обозначена «земля Тангутска, в сей орде всего 32 города»⁸¹. Русские карты Сибири XVII в. составлялись по показаниям местных татар и приезжих купцов, торговавших с Монголией и Китаем. Основные сведения о Китае были сообщены монголами, среди которых бывшая территория Си-Ся и даже Тибет долгое время были известны прежде всего под именем Тангут⁸², по названию того народа, с которым монголы столкнулись здесь впервые.

Мирза Хайдар, который писал свою историю в Кашмире в 1544—1547 гг., упоминает Тангут как южную границу первоначального местожительства татар. Он уже счел необходимым пояснить, что такое Тангут: «Имя Тангут часто упоминается в могульских историях. В начале завоеваний Чингисхана он послал туда армию.

Уктай-каан также, когда приводил в порядок свои владения, послал несколько лиц в Тангут среди прочих мест; и из того, как о нем говорят историки, очевидно, что это была очень важная провинция. К тому времени король этой страны носил имя Шидарку. Большинство историков считают, что их армия насчитывала 800 тыс. человек. Однако в настоящее время даже неизвестно, где он (т. е. Тангут. — Е. К.) был»⁸³.

⁷⁹ Н. Bernard, *Aux Portes de la Chine. Les Missionnaires des Seizième siècle, 1514—1580*, Tientsin, 1933, p. 6.

⁸⁰ А. И. Андреев, *Очерки по источниковедению Сибири, выпуск первый, XVII век*, М.—Л., 1960, стр. 40—41.

⁸¹ Там же, стр. 54.

⁸² «В древности Сицзан назывался Туфань. При династиях Юань и Мин он стал называться Усыцзан. Другие называли его Тангут, а также Тубот» («Шэн у цзи», «Сы бу бэй яо», т. 5, стр. 103).

⁸³ Mirza Muhammad Haidar Dughlat, *The Tarikh-i Rashidi, A History of the Moghuls of Central Asia*, transl. E. Denison Ross, London, 1895, pp. 360.

Португальцы, первые из европейцев, прибывшие в Китай морским путем в 1514 г., как и все купцы и миссионеры, следовавшие за ними, сразу знакомились с основными провинциями собственно Китая. Для них бывшая территория Си Ся была прежде всего далекой провинцией Ганьсу. Так она и обозначена на первых современных картах Китая, начиная с XVIII в., например, в атласе Дюгальда.

Название Тангут сохранилось за тибетоязычными племенами Ганьсу и Кукунора как в европейской, так и, главным образом, в русской литературе XIX в., где мы встречаем его, например, у Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлова и других путешественников. В данном случае и западноевропейские и русские авторы опирались на монгольскую традицию, не лишённую, в свою очередь, реальных исторических оснований, как будет показано в дальнейшем.

История человечества изобилует фактами уничтожения целых государств и народов. В этом смысле судьба тангутов Си Ся не представляет собой чего-то особенного. Но гибель целого народа, редко истребляемого поголовно, никогда не была единовременной. Всегда это был более или менее длительный процесс вымирания и ассимилирования, процесс, своеобразный для каждого народа. И пути исчезновения тангутского народа и затухания культуры Си Ся сложились по-своему.

Во время многократных походов монголов на Си Ся и особенно во время похода 1226—1227 гг., значительная часть населения Си Ся была уничтожена. Тем не менее через 30—50 лет после гибели Си Ся европейские путешественники пишут об области Тангут как о процветающем районе монгольской империи. По сведениям В. Рубрука, относящимся к 1253—1255 гг., тангуты «храбрые люди», у которых «водятся очень сильные быки (яки.—*Е. К.*) и которые пользуются своим письмом»⁸⁴. Марко Поло сообщает, что в Тангуте «городов и замков тут довольно», народ занимается земледелием, ремеслами и торговлей⁸⁵.

Поэтому, казалось бы, существует некоторое противоречие между сведениями источников об истреблении тангутов и последующими наблюдениями путешественников, побывавших в этой стране. На наш взгляд, это кажущееся противоречие можно объяснить следующим образом.

Во-первых, несмотря на проявленную монголами жестокость, часть населения Си Ся уцелела. Более того, через 30 лет оставшиеся в живых тангуты оказались в монгольском

⁸⁴ Иоанн де Плано Карпини, *История монголов*. Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Перевод Маленина, СПб., 1910, стр. 109, 110, 155.

⁸⁵ «Путешествие Марко Поло», стр. 74—96.

государстве даже в привилегированном положении, попав позднее в высшую категорию покоренного населения Китая — сэму. В Тангуте сложились, таким образом, более благоприятные жизненные условия для тангутов и мусульман, составивших вместе с монголами большинство городского населения бывшей территории Си Ся. Приток населения из Монголии и областей Запада был как раз второй причиной расцвета городов Тангута. Тангут оказался в центре великого караванного пути, связывающего восточную и западную части монгольской империи. Возрождение этих городов происходило, таким образом, на новой экономической и даже этнической основе и было связано со значительной заменой состава их населения.

Однако еще более значительные сдвиги происходили в составе сельского населения, в среде тангутских кочевников и земледельцев, составлявших основу тангутского народа. Монголы вытеснили тангутов с самых удобных кочевий и, прежде всего, заселили плодородные степи и полупустыни Ордоса и Алашаня. Тангутские скотоводы, оставшиеся в этих районах после гибели Си Ся, вскоре также были вынуждены откочевать на юг — юго-запад, в Амдо и горы Наньшань, куда уже до этого бежало много их соплеменников.

Соседний Тибет, с его родственным тангутам населением, был главным и естественным приютом беженцев из Си Ся.

Как известно, тангуты заселили Ордос, а затем и Алашань после переселения в эти районы в VII в. из области между речья верховьев Янцзыцзяна и Хуанхэ. Как в монгольскую эпоху, так и в наши дни среди минягского населения Амдо имелись и имеются потомки древнего минягско-дансянского населения, из среды которого вышли тангуты Си Ся, и одновременно потомки тангутов, бежавших на юг в XIII в. Возможно, что первые проживают в основном в северо-западных районах Сычуани, вторые — в верховьях Хуанхэ, близ озера Кукунор.

Наличие минягского населения в Амдо и связь его с бывшим населением Си Ся отмечают многими авторами, и все они соглашаются с возможным его происхождением из двух указанных выше источников. Французский тибетолог Р. Штейн справедливо задавал вопрос: «Не вызвано ли расположение миняг в современном Сикане, подтверждаемое по меньшей мере до XVIII столетия, перселением населения севера на юго-запад, после уничтожения королевства Ся Чингисханом»⁸⁶.

Думается, что мы вправе ответить на этот вопрос утвердительно. Наличие племен миняг в районе Кукунора подтверждается наблюдениями Г. Ц. Цыбикова. Миняг он лично встречал в районе озера Дабусун-нур, монголы-олоты сообще-

---

⁸⁶ R. Stein, *Mi-nags et Si-Hia...*, p. 227.

ли ему о племенах миняг, живущих на севере Кукунора⁸⁷. Н. В. Кюннер в свое время в работе «Описание Тибета» писал: «Районом скрещивания... различных рас является Кукунор и прилегающая часть Ганьсу на севере и востоке; здесь монголы отчасти вытеснили, отчасти ассимилировали коренных жителей средневекового тибетского (тангутского) королевства Си Ся (X—XIII вв.) и вместе с дунганами, бывшими тюрками образовали закваску в последующем процессе смешения племен»⁸⁸.

Подобные высказывания исходят из наличия в Амдо племен миняг и оправданного предположения о переселении в Амдо части тангутских племен после гибели Си Ся. В тибетских источниках мы обнаруживаем прямые указания на переселение тангутов. В некоторых тибетских хрониках сохранилась генеалогия государей Си Ся. По мнению Р. Штейна, исследовавшего эту генеалогию, «нет сомнений, что генеалогия, данная тибетским текстом под названием миняг, подразумевает королей Си Ся, по меньшей мере в первой ее части»⁸⁹.

Всего в генеалогии указано 17 государей, из них 8 — после последнего государя Си Ся, убитого Чингисханом. В хронике отмечается, что после гибели Си Ся государи тангутского рода, бежавшие в Тибет, утвердились в качестве владетелей одного княжества, находящегося в Западном Тибете, неподалеку от Сиккима. И самое интересное, что короли Сиккима «также претендуют на то, чтобы их рассматривали в качестве потомков миняг»⁹⁰. Это единственно известное нам прямое свидетельство о переселении тангутов в Тибет после гибели Си Ся.

В китайских источниках население китайско-тибетской границы еще с сунской эпохи именуется сифань⁹¹. Очень любопытно, что этот же термин мы встречаем в ксилографированных изданиях Си Ся на китайском языке. В послесловиях к сутрам не раз указывается, что та или иная сутра читалась на языках сифань, фань и китайском. При этом под языком сифань в данном случае в Си Ся подразумевался тибетский язык. (Сами себя, как мы помним, по-китайски тангуты называли фань, на родном языке — ми).

После гибели Си Ся название сифань было перенесено китайскими авторами и на тангутское население Си Ся. Встречается термин сифань и в «Мин ши»: «Сифань, т. е. си цян (западные цяны), состоят из многих племен. Они живут вдоль

---

⁸⁷ См. Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломник у святынь Тибета*, Пг., 1919, стр. 60, 431.

⁸⁸ Н. В. Кюннер, *Описание Тибета*, ч. II, стр. 23.

⁸⁹ R. Stein, *Mi-nag et Si-Hia...*, p. 236.

⁹⁰ *Ibid.*, pp. 236—237.

⁹¹ См. F. W. Thomas, *Nam. An ancient language of the Sino-Tibetan Borderland*, London, 1948, pp. 64—68.

всей западной границы от Шэньси через Сычуань до Юньнань»⁹². В монгольском языке для населения Северо-восточного Тибета закрепляется наименование тангуты, в тибетском — собирательное амдова. Об одной из групп населения этого района Г. Ц. Цыбиков писал: «Тангут называют этих людей монголы. Сами они называют себя или бо(д) ба, т. е. тибетец, или амдо-ва (амдосец), или еще по более частному названию своего племени, например, миньяг»⁹³. В языках различных народов племени северо-восточного Тибета получили разное наименование. Но все эти имена, как справедливо объяснил В. Рокхиллю один тибетский лама, были «взаимозаменяемыми»⁹⁴ и обозначали в конечном счете одну и ту же группу племен. Племена этой группы смешивались между собой, в их среду проникали и инородные, в частности монгольские, элементы. И мы можем полагать, что немалую роль в процессе этого смешения сыграли тангуты Си Ся, покинувшие свою родину после нашествия монголов. Таким образом, исчезновение значительной части тангутского народа, как народа самостоятельного, связано с растворением его в общей массе родственных тибетоязычных племен Амдо. Не случайно многие авторы указывают на возможную связь языков и диалектов Амдо с исчезнувшим языком Си Ся — сопоставление, которое действительно в какой-то мере должно помочь исследованию тангутского языка⁹⁵.

Вторым путем исчезновения населения Си Ся была ассимиляция его монголами. За четверть века войн с Си Ся монголы много раз уводили с собой на север большие группы пленных, которые оставались в Монголии и постепенно там ассимилировались. В биографии мастера-лучника Долотая, тангута по происхождению, рассказывается, что его дед Сячоу после покорения Чингисханом Си Ся был вывезен в Монголию. В Монголии Сячоу дали имя Цеяньулань и назначили сотником мастеров-лучников. Сячоу скончался в Каракоруме (Хэлинь). Изготовлением луков занимались все потомки Сячоу — сын Тархутай, внуки Коко и Долотай⁹⁶. Одновременно в монгольскую армию включаются тангутские отряды⁹⁷.

⁹² «Мин ши», гл. 330, стр. 2333.

⁹³ Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломник у святынь Тибета*, стр. 57.

⁹⁴ W. W. Rockhill, *The Origin of the word «Tangutan»*, p. 278.

⁹⁵ Gorges de Roerich, *Le parler de l'Amdo, étude d'un dialecte Archaïque du Tibet*, — «Serie orientale Roma», XVIII, Roma, 1958, p. 6.

⁹⁶ ЮШ, гл. 134, стр. 952; В «Алтан дебтере», в песне, которая поется при поднесении кобыльего молока тенгриям весной в связи с культом Чингисхана в Ордосе есть следующее место: «Доля четырех детей верных мастеров, отдавших силы государевой службе: ордосского Сира, китайского Вана, сартаульского Кенгуя и тангутского Балбу. Они начиная с государя всем делали панцири и доспехи, сокрушали заклятых хвастливых врагов. У этих мастеров крепость серого камня, они всей правдой служили великому государю». (Цыбэн Жамцарано, *Кульг Чингиса в Ордосе. Из путешествия в южную Монголию в 1910 г.* — САЖ, vol. VI, 1961, № 3, p. 223).

⁹⁷ ЮШ, гл. 122, стр. 916.

По свидетельству Рашид-ад-дина «из племени тангут было множество эмиров»⁹⁸ при юаньском дворе. К их числу относился Учуган-нойон, командир главной тысячи Чингиса, а затем при Угедэе командующий всеми монгольскими войсками на границе Китая. Старшим эмиром большой орды жены Чингисхана был тангут Бурэ-нойон⁹⁹. Мы находим тангутских полководцев в войсках Бату-хана в России (Сили кяньбу)¹⁰⁰ и в монгольских гарнизонах Ирана¹⁰¹.

Биографии многих юаньских полководцев, тангутов по происхождению, помещены в «Юань ши». Один из них, Ли Хэн, происходил из правящего тангутского дома Вэймин (Юйми, в транскрипции «Юань ши»). Вэй-чжун, отец Ли Хэна, был внуком последнего государя Си Ся. Семилетний Вэй-чжун просил, чтобы и его убили вместе с отцом.

Однако один из монгольских князей взял Вэй-чжуна в свой дом. Вэй-чжун служил в монгольской армии и отличился во время завоевания Китая. Его сын Ли Хэн в 1270 г. стал темником, а в 1278 г. был назначен командующим монгольскими войсками на юге Китая, в Гуандуне, и овладел Гуанчжоу (Кантоном). В 1282 г. Ли Хэн вышел в отставку, но вскоре получил приказ императора сопровождать наследника престола в походе во Вьетнам. Здесь Ли Хэн и погиб в возрасте 50 лет, достигнутый отравленной стрелой. Один из его сыновей служил темником в монгольской армии¹⁰².

Аньбо — монгольский полководец-тангут отличился в войне с мятежным князем Найянем и за свои заслуги был назначен Хубилаем командующим тангутским сторожевым отрядом при дворе государя. После смерти Аньбо был пожалован титул гуна области Нинся¹⁰³. Из правящего дома Си Ся происходил и полководец Буянь Тэмур. Он отличился во время подавления восстаний местных племен на юге Китая (1352 г., провинция Хугуан)¹⁰⁴. Важные посты на юге Китая занимал тангут Синцзи, предки которого, начиная с прадеда Доцзи, служили монгольским ханам¹⁰⁵. Тангут Фу Шоу был знатоком китайских классиков и служил президентом министерства финансов. При последнем императоре Юань Шунь-ди (1333—1368 гг.) он участвовал в подавлении восстания племен мяо на юге Китая. Погиб при взятии минскими войсками одного из городов Южного Китая¹⁰⁶.

⁹⁸ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, стр. 145.

⁹⁹ См. там же.

¹⁰⁰ См. ЮШ, гл. 122, стр. 916.

¹⁰¹ См. Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, стр. 145.

¹⁰² См. ЮШ, гл. 129, стр. 959—960.

¹⁰³ См. там же, гл. 133, стр. 984.

¹⁰⁴ См. там же, гл. 144, стр. 1044.

¹⁰⁵ См. там же, гл. 144, стр. 1044—1045.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 1045—1046.

Кроме того, видными монгольскими полководцами, тангутами по происхождению, были Епу-ганьбу¹⁰⁷ и его внук Цзяо-хуади¹⁰⁸, а также Ли Чжэнь (Вочэнь)¹⁰⁹, Лайабачи¹¹⁰ и многие другие. Все эти наиболее известные деятели монгольской армии из числа тангутов были окружены своими родственниками и соплеменниками. Родовые связи в среде тангутов были всегда весьма сильны.

Поэтому мы вправе считать, что часть тангутов была ассимилирована монголами. Об этом свидетельствует и наличие монгольских племен тангут в современной Монголии. «Тангуты, уведенные в качестве пленных в Монголию,— писал Г. Е. Грум-Гржимайло,— образовали там отдельную этническую группу, о чем свидетельствуют роды „тангут“ „тангыстут“ и др. среди халхасцев в хошуне Ушин и др. Они кочевали, по-видимому, в Хангайских горах»¹¹¹.

Цыбэн Жамцарано писал об ордосских монголах: «По племennому составу ордосцы составляют такую же пеструю картину, как и чахары.

Наряду с уйшин, далат, хангин встречаются херейты (керейты), чахары, тангуты, уйгурчины и пр.»¹¹². Интересно, что и в Советском Союзе (Иркутская обл.) до сих пор есть бурятский хошун Тангут¹¹³.

Ассимиляция тангутов монголами несомненно имела место и среди тангутского кочевого населения, оставшегося на бывшей территории Си Ся. Ордос и Алашань очень быстро были целиком заселены монголами, и оставшееся там тангутское население было ассимилировано ими или откочевало на юг.

Итак, вторым не менее важным фактором в исчезновении тангутского народа была ассимиляция тангутов монголами.

Третья группа тангутов, главным образом ученое сословие и городское население Ся, была китаизирована.

Первым свидетельством этого являются сведения о переселении части тангутов после гибели Ся в Южный Китай. Так, например, в первой половине XIV в. в городе Чжэньцзян проживало три семьи тангутов, состоящих из 35 человек, и 19 тангутов-одиночек¹¹⁴.

¹⁰⁷ См. там же, гл. 132, стр. 977.

¹⁰⁸ См. там же.

¹⁰⁹ См. там же, гл. 124, стр. 917.

¹¹⁰ См. там же, гл. 129, стр. 955.

¹¹¹ Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, *Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии*, Л., 1926, стр. 597.

¹¹² Цыбэн Жамцарано, *Культ Чингиса в Ордосе...*, стр. 194.

¹¹³ Эти сведения были сообщены автору заведующим кафедрой монгольской филологии ЛГУ Д. А. Алексеевым и старшим научным сотрудником Бурятского комплексного научно-исследовательского института Г. А. Туденовым, за что автор, пользуясь случаем, выражает им свою благодарность.

¹¹⁴ См. А. С. Moule, *Christians in China before the year 1550*, London, 1930, pp. 161—162.

Тангутские ученые в период существования государства Ся, как правило, владели китайским языком и хорошо знали китайскую литературу. Китайский язык был для них вторым языком, и, естественно, что после гибели Си Ся избежавшие гибели или перебравшиеся в Южный Китай тангуты вскоре заняли видное место среди ученых юаньского Китая.

Для характеристики деятельности тангутских конфуцианцев при династии Юань, людей, блестяще образованных и в результате некийтайского происхождения пользующихся особым доверием монголов, характерна карьера Гао Чжи-яо. Семья его из поколения в поколение давала государям Си Ся ученых служилых людей. Сам Гао Чжи-яо получил степень цзиньши. После гибели тангутского государства он укрылся в горах Хэланьшань близ столицы Си Ся. Однажды Угедэй потребовал представить ко двору способных людей из старых знатных семейств Си Ся (Хэси). В числе других к нему был отправлен и Гао Чжи-яо. Угедэй принял его на государственную службу. В лице Гао Чжи-яо конфуцианские ученые Китая приобрели при монгольском дворе стойкого защитника их интересов. В 1237 г. он выступил в защиту своих соотечественников, конфуцианских ученых Лянчжоу, притесняемых вторым сыном Угедэя Кодуанем (Годаном). Гао Чжи-яо предложил возобновить при юаньском дворе систему государственных экзаменов, чтобы отделить конфуцианцев от общей массы покоренного населения и позволить им служить монголам в качестве чиновников, учителей, ученых. В 1238 г. его предложение было принято и монголы начали брать на государственную службу конфуцианцев. В 1251 г. Гао Чжи-яо добился от Мункэ освобождения конфуцианцев от трудовой повинности. Когда некоторые ученые-конфуцианцы юга Китая при завоевании его монголами были обращены в рабство, Гао Чжи-яо добился от Хубилая их освобождения.

Гао Чжи-яо был ученым академии Ханьлинь, созданной при юаньском дворе. В 1237 г. по его предложению в юаньском государстве был учрежден традиционный китайский орган управления — цензорат (юйшитай). Гао Чжи-яо убеждал монгольских чиновников, укрепившихся на китайской земле, во всем следовать китайским законам. Некоторое время Гао Чжи-яо занимал высокие посты по управлению бывшей территорией Си Ся¹¹⁵. По мнению известного американского синоведа Л. К. Гудрича, Гао Чжи-яо был «одним из самых выдающихся конфуцианских ученых тринадцатого столетия». Л. К. Гудрич считает, что именно деятельность Гао Чжи-яо помогает нам объяснить резко возросший интерес монгольского двора к образованию в последние годы правления Хубилая¹¹⁶. В 1288 г.

¹¹⁵ См. ЮШ, гл. 125, стр. 933—934.

¹¹⁶ L. K. Goodrich, *Westerners and Central Asians in Yuan China*, — «Oriental Poliano». Studie conferenze tenute all'Is. M. E. O. in Occasione de VII centenario della nascita di Marco Polo, Roma, 1957, p. 3.

в юаньской империи было уже 24 тыс. ученых-конфуцианцев и 143 частные академии¹¹⁷. Сын Гао Чжи-яо Жуй, как и его отец, работал в академии Ханьлинь и одно время занимал должность помощника командующего тангутскими военными отрядами¹¹⁸.

Другим видным ученым юаньской эпохи, тангутом по происхождению, был Юй Цюэ. Его предки из поколения в поколение были военачальниками Си Ся. Сам Юй Цюэ с детства проявил большие способности к литературе. В 1333 г. он получил степень цзиньши и поступил на государственную службу, а затем работал в академии Ханьлинь. В это время он принимал активное участие в работе комитета Токто по составлению истории династий Ляо, Цзинь и Сун. Последние годы жизни Юй Цюэ провел на юге Кигая, где командовал войсками, подавлявшими восстание местных племен мяо и яо. Как и Ли Хэн, он скончался от ран, и ему посмертно был пожалован княжеский титул. При династии Мин на месте его погребения был воздвигнут храм¹¹⁹.

Нам известна также судьба тангутского ученого Дорчи. Представители рода, из которого происходил Дорчи (рода Ва, судя по имени отца Ва Чжанцзэ), неизменно служили историографами при тангутском дворе. Гао Чжи-яо помог Дорчи сохранить имя и титул предков. В 15-летнем возрасте Дорчи уже прекрасно знал китайскую классику — «Лунь-юй», «Мэн-цзы», «Шу-цзин» и другие и отлично разбирался в комментаторской литературе. В его биографии упоминается любопытный факт. Хубилай, «принимая во внимание, что сыновья и младшие братья (бывших государственных деятелей.— Е. К.) Си Ся талантливы, пожелал устроить для них экзамен и взять на службу [тех, кто его выдержит]». Дорчи удачно выдержал этот экзамен и был направлен на службу на родину, в Тангут. Он добился согласия монгольского двора на устройство в Тангуте военно-земледельческих поселений. Благодаря его трудам началось восстановление ирригационных сооружений страны. Последние годы своей жизни Дорчи служил в Юньнани, там же продолжали жить и служить его потомки¹²⁰.

Как знаток и умелый комментатор китайских классиков прославился и тангут Иляньчжэнь Бань. Вначале он служил в личной охране императора Жэнь-цзуна (1312—1321 гг.), а с 1319 г. перешел в академию Ханьлинь. С 1322 г. он — командир тангутского отряда императорской стражи, затем эконоом наследника престола и один из высших чиновников Ганьсу. Одно время ему было поручено командование русским сторожевым отрядом в императорской резиденции. Иляньчжэнь Бань скончался в 1354 г. в Центральном Китае. Ему посмертно был пожалован княже-

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ ЮШ гл. 125, стр. 934.

¹¹⁹ Там же, гл. 143, стр. 1041—1042.

¹²⁰ Там же, гл. 134, стр. 990.

ский титул. Его сын Пудашили был придворным историографом ¹²¹.

Из «Юань ши» мы также знаем о тангутском ученом Ян Дорчжи, с которым император обсуждал китайских классиков и танское сочинение «Чжэнь-гуань чжэн яо». Ян Дорчжи был женат на китайке. После смерти ему был пожалован титул гуна государства Си Ся. Сын Ян Дорчжи пошел по стопам отца и трудился в академии Ханьлинь ¹²². Другие тангутские ученые и сановники тоже прочно оседали в Китае. В Сычуани жел и служил тангут по происхождению Тохудань ¹²³. Тангут Гуаньбиньду был уже уроженцем округа Синьчжоу (современный уезд Синьсин, Гуандун). В 1327 г. он получил степень цзиньши и стал правителем департамента Гуйдэ (пров. Хэнань) ¹²⁴.

Таким образом, в юаньском Китае было довольно много выходцев из Си Ся и их потомков, которые занимали высокие административные посты и славились своей ученостью ¹²⁵.

Тангуты имели то преимущество, что они, пожалуй, единственные из народностей группы сэму, были прекрасными знатоками конфуцианства и одновременно пользовались доверием монголов. И когда такие люди потребовались монголам, овладевшим всем Китаем, они нашли их в тангутском ученом сословии. Как свидетельствует несколько вышеприведенных биографий, тангуты-чиновники были рассеяны по всему Китаю. После гибели династии Юань в 1367 г. они, наполовину окитаившиеся до этого (смешанные браки, употребление главным образом китайского языка, чисто китайское образование), при династии Мин постепенно были совершенно ассимилированы китайцами. «После гибели империи Си Ся,— пишет Ван Чжун,— правящий род и часть фаней (тангутов) слились с китайцами, большинство остальных фаней (тангутов) приняли китайскую культуру, на центральные районы Си Ся полностью распространилась китайская культура и к концу династии Юань они уже ничем не отличались от внутренних областей (Китая)» ¹²⁶.

¹²¹ См. там же, гл. 145, стр. 1047.

¹²² См. там же, гл. 179, стр. 1261.

¹²³ См. там же, гл. 134, стр. 993.

¹²⁴ См. там же, гл. 192, стр. 1334.

¹²⁵ При жертвоприношениях Чингисхану, когда происходил разлив вина и раздел мяса жертвенных животных, монголы всегда вспоминали и тангутских сановников, которые служили их предкам. Ц. Жамцарано писал, что раздел порций имел глубокий смысл «как воспоминание заслуг, оказанных разными лицами и племенами в деле создания монгольского государства... Во время таких разделов выделялась также доля детей мудрых советников, послуживших верой и правдой: первого советника Оджеу, Уйгурского Сармана, Тангутского Гоо и татарского Гохо, известных своей честностью. А о будущих делах они узнавали от государя, непосредственно напоминали ему о мнениях Совета и охраняли государственную безопасность» (Цыбэн Жамцарано, *Культ Чингиса в Ордосе...*, стр. 222).

¹²⁶ Ван Чжун, *Лунь Си Ся ды синци*, стр. 31.

Таков был третий путь исчезновения тангутского народа.

Сохранились ли непосредственные потомки тангутов Ся? По мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, прямые потомки тангутов Ся в настоящее время «населяют только Наньшань и северное подгорье последнего»¹²⁷. Позднее мнение Г. Е. Грум-Гржимайло разделял Ю. Н. Рерих, так же как и Г. Е. Грум-Гржимайло, лично посетивший Ганьсу и смежные районы Тибета. Он считал, что для исследования языка и письменности Си Ся в первую очередь нужно было бы обследовать «язык северных миньяков, кочующих в горах Наньшань к северу от Хохо-нура (Кукунора.— Е. К.), этих прямых потомков тангутов, основателей царства Си Ся. Интересно провести обследование группы сифаней Тоба, которые в настоящее время почти перешли на китайский язык, но сохранили песни на тибетском наречии миньяков»¹²⁸. Эти исключительно важные свидетельства двух русских ученых-путешественников, лично посетивших указанные районы, позволяют думать, что и в настоящее время среди тибетских племен Ганьсуйского и Сикан-тибетского автономных районов Китая могут быть обнаружены прямые потомки тангутов Си Ся. Ю. Н. Рерих считал, что после гибели династии Юань сифани Тоба постепенно утрачивали свой язык и все больше и больше китаизировались.

Вместе с тангутским народом исчезла и тангутская культура. Тангутская культура как часть культуры тибетоязычных народов сыграла свою роль в истории культуры Центральной Азии.

Культурное влияние тангутов на монголов было, по-видимому, значительным. На раннем этапе истории монгольского государства это сказалось в заимствовании монголами некоторых элементов культуры Си Ся, в частности в принятии при монгольском дворе тангутской церемониальной музыки¹²⁹, в использовании тангутских ремесленников, например лучников, о чем говорилось выше, и т. п. Позднее оно проявилось в широком привлечении монголами на службу тангутских ученых. Тангутские ученые внесли немалый вклад в сохранение традиций китайской культуры при юаньском дворе.

Среди дошедших до наших дней культурных памятников династии Юань есть и работы, принадлежащие кисти тангутов.

Мы уже упоминали о том, что тангут Юй Цюэ, писатель и государственный деятель Юань участвовал в составлении историй династий Ляо, Цзинь и Сун. Собрание его сочинений существует и поныне под названием «Цинян шань фан цзи».

---

¹²⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 670.

¹²⁸ Ю. Н. Рерих, *Основные проблемы тибетского языкознания*, — «Советское востоковедение», 1958, № 4, стр. 111—112.

¹²⁹ См. ЮШ, гл. 68, стр. 523.

В «Сы ку цюань шу цзун му ти яо» Юй Цюэ характеризуется как представитель своеобразного направления в поэзии¹³⁰. Среди составителей истории династии Сун был и поэт-каллиграф тангут Ва Юй луньду. Его стихи также сохранились до наших дней и включаются в сборники юаньской поэзии¹³¹. К. К. Флуг, собравший сведения о тангутах — писателях юаньской династии, называет еще Мэн Фана и Чжан Сюн-вэя — тангутов, писавших свои сочинения также на китайском языке¹³². Деятельность этих ученых в какой-то мере была продолжением тех замечательных успехов, которых добилась тангутская культура в XII в. Мы уже упоминали о том, что после гибели тангутского государства монголы заняли обширные степные и полупустынные районы Си Ся. Здесь они вплотную столкнулись с буддийской культурой тангутов и уйгуров Ганьсу, проживающих в Си Ся. Благодаря этому контакту тангутская культура, и в первую очередь буддизм, стали широко проникать в монгольскую среду.

В 1244 г. к монгольскому хану Годану прибыл известный вероучитель Тибета Сакья-Пандита. По мнению Ю. Н. Рериха, «постройка буддийских монастырей при ставке Годана показывает, что ко времени прибытия Сакья-Пандиты влияние буддизма было значительным и что через тангутское царство монголы времен империи были хорошо знакомы с тибетской культурой»¹³³. Мы можем полагать, что буддийская культура Ся широко заимствовалась монголами и сыграла видную роль в принятии монголами буддизма. Благодаря буддизму при Юань продолжало употребляться тангутское письмо, на котором существовала обширнейшая буддийская литература. Тангутский язык — один из шести языков знаменитой буддийской надписи 1345 г. из Цзюйюань¹³⁴. Более того, в XIV в. монгольское правительство неоднократно переиздавало буддийские каноны на тангутском языке. Приказ о подготовке к изданию Трипитаки на тангутском и китайском языках был отдан первоначально Хубилаем. С приходом к власти Тэмюра издание было приостановлено, однако вскоре возобновлено. В 1302 г. готовые отпечатанные тексты были разосланы во все тангутские монастыри. Судя по колофону одной из сутр этого издания, оно было подготовлено Гуаньчжуба. Кроме того, известно об издании сутр на тангутском языке в 1307, 1310, 1312, 1315 гг.¹³⁵

¹³⁰ «Цинь дин сы ку цюань шу цзун му ти яо», [б. м.], 1910, цз. 167, стр. 67.

¹³¹ См. К. К. Флуг, *По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся*, — «Библиография востока», вып. 2—4, 1933, стр. 160.

¹³² См. там же.

¹³³ Ю. Н. Рерих, *Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв.*, — «Филология и история монгольских народов», 1958, стр. 340.

¹³⁴ См. Prince Roland Bonaparte, *Documents de l'époque mongol de XIII et XIV-e siècle*, Paris, 1985.

¹³⁵ См. ЮШ, гл. 18, стр. 147; ССЯЦ, вып. 1, стр. 4—7; 13.

Поскольку стела из Цзюйюань датирована 1345 г., мы можем утверждать, что тангутская письменность продолжала оставаться в широком употреблении на всем протяжении существования династии Юань. Правда, сфера ее применения была резко ограничена только буддийскими произведениями. Но не исключено, что она была в ходу и в частной переписке между тангутами, продолжавшими, несомненно, хранить и свою старую литературу времен Си Ся.

Тангутская письменность изредка употреблялась и для написания легенд на монетах. Так, зафиксирована монета, легенда которой одновременно написана письмом пхагс-па, по-тангутски и по-персидски ¹³⁶.

С установлением династии Мин тангутская письменность постепенно начинает совсем выходить из употребления. Из буддийской литературы ее активно вытесняет тибетский язык. Все это было связано, прежде всего, с исчезновением самой тангутской народности, ассимилируемой тибетцами, монголами и китайцами. Однако еще и в минскую эпоху мы имеем сведения об употреблении тангутского письма. В монастырях было еще много сутр на языке Си Ся, изданных в юаньское время.

Еще в последние годы правления династии Мин были люди, знавшие письмо Си Ся. В Берлинской государственной библиотеке хранится тибетская рукопись Ганьчжура, датированная годами правления Вань-ли (1573—1620). Знакомясь с этим текстом, китайский ученый Чэнь Янь-кэ обнаружил на полях приписку по-тангутски ¹³⁷. Очевидно, она могла быть сделана сразу после выхода в свет данного текста Ганьчжура, т. е., во всяком случае, не ранее конца XVI в. В то время знание тангутского языка, вероятно, было достоянием весьма немногих ученых и буддийских монахов. Примерно к концу минской династии относится и сообщение одного из китайских источников, что у некоего Ли Сы-коу из Цинъян (Ганьсу) имелось сочинение «Си Ся ши лу»; возможно, что это был даже первоисточник на тангутском языке. По мнению Чэнь Янь-кэ, «в годы правления минского императора Шэнь-цзуна (1573—1620) книг на языке Си Ся... у жителей Северо-запада должно было быть немало» ¹³⁸. Этому же мнению придерживался Ван Цзин-жу, считавший, что «во внутренних землях Китая при Мин и даже, возможно, при Цин были люди, знавшие тангутскую письменность» ¹³⁹.

Следовательно, не исключено, что по крайней мере до начала XVII в. были люди, знавшие письменность Си Ся и умев-

---

¹³⁶ Ван Цзин-жу, *Ши дин хай фан ши со цзан сы ти цзы чжи юань тун бао цянь вэнь*, отд. оттиск.

¹³⁷ ССЯЦ, вып. 1, стр. VII.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ «Си Ся вэнь чжуань хао», 1932, № 3, стр. 5.

шие читать памятники, написанные этим письмом. В последующие столетия письмо Си было забыто.

Разрозненные сведения различных источников о судьбах тангутского народа и затухании культуры Си Си недостаточны для того, чтобы можно было сделать твердые и далеко идущие выводы. Тем не менее анализ их свидетельствует о следующем:

1. Большая часть населения Си Си была уничтожена во время гибели тангутского государства. Однако тангуты исчезли далеко не сразу и в юаньское время они представляли значительную группу населения провинций Ганьсу и Шэньси.

2. В памяти соседних народов о бывшей территории Си Си надолго сохранилось представление как о стране Тангут. Название Тангут было перенесено монголами на соседние северо-восточные районы Тибета и их население и именно в этой интерпретации проникло в русскую и западноевропейскую литературу.

3. В годы правления монголов в Китае и последующие столетия происходил активный процесс ассимиляции тангутского народа тибетцами, монголами и китайцами. Наиболее быстро и полно этот процесс охватил те группы тангутов, которые были заброшены монгольским нашествием в Северо-восточный Тибет, Монголию и Внутренний Китай. Процесс ассимиляции тангутов, вероятней всего, завершился в минскую эпоху.

4. Не исключено, что и в настоящее время непосредственные потомки тангутов Си Си сохранились в горах Наньшань, к северу от Кукунора.

5. Тангутская культура оказала воздействие на культуру монголов, а тангутские ученые и государственные деятели занимали видное место в культурной и политической жизни юаньского Китая и немало сделали для пропаганды китайской культуры среди завоевателей.

6. Последнее представление о бытовании тангутской культуры может быть связано с употреблением тангутского письма. Тангутская письменность вышла из широкого употребления после гибели династии Юань и была совершенно забыта на рубеже XVI—XVII вв. Ее исчезновение может быть связано с исчезновением тангутского народа. Вопрос о том, насколько предполагаемые прямые потомки тангутов Си Си в горах Наньшань сохранили свою самобытность, требует специального исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Около двух с половиной веков существовало тангутское государство Си Ся в самом центре Азии. Его появление было результатом закономерного развития дансянских племен от постепенного разложения первобытнообщинного строя, возникновения классов и до создания собственной государственности.

На территории современного Китая с древнейших времен жили различные народы. На определенных исторических этапах они создавали свои государства с интересными и самобытными культурами. Таковыми были, например, государства гуннов и тугухунь, древних тюрок и уйгуров, тибетское государство и государство Наньчао, позднее государство киданей, чжурчженей. Появление тангутского государства было также неизбежным итогом развития тангутского народа, а созданная тангутами культура явилась ценным вкладом в сокровищницу культур народов Центральной Азии.

Создание самобытной тангутской культуры проявилось в закреплении, очень часто в государственном порядке, собственных нравов и обычаев, в великом творческом акте изобретения собственного письма, в появлении тангутской письменной светской, буддийской и конфуцианской литературы. Тщательная разработка фонетики и лексики родного языка явилась результатом больших успехов тангутской филологической науки. Мы можем говорить о самобытной тангутской музыке и своеобразной тангутской школе буддийской живописи. И, наконец, грамотность не была в тангутском государстве привилегией незначительной прослойки чиновников и буддийских монахов. Ибо не только для них в большом числе писались, переводились и издавались не малыми и для наших дней тиражами книги самого различного содержания. Тангутская книга была одной из лучших для своего времени, и поныне тангутское книгопечатание составляет определенный и зримый этап развития не только центральноазиатской, но и общечеловеческой культуры.

К сожалению, еще не прочитаны и не изучены очень многие ценные памятники тангутской письменности. Знакомство с ними расширит наши представления о тангутской литературе и тангутском праве (своды законов Си Ся). Ждут своего изу-

чения тангутская живопись и памятники материальной культуры тангутов, которые сохранили для нас от песков пустыни стены мертвого города Хара-Хото.

Тангутское государство играло важную политическую роль в истории Центральной Азии и Дальнего Востока домонгольского времени. При определении статута того или иного государства тех лет в указанном регионе всегда необходимо учитывать специфические формы взаимоотношений между государствами. Чисто внешне эти взаимоотношения, как правило, были облечены в покровы родственных отношений отца и сына, дяди и племянника, деда и внука и т. п., имея в виду старшинство первого и якобы второстепенную роль второго. Для этого необходимо было лишь признание старшинства одного из партнеров в переписке (и то не всегда) да засвидетельствование его символической присылкой даров. Эти формы и в те времена не воспринимались как реальное подчинение одних государств другим, тем более они не могут восприниматься так в наше время.

Именно это мы должны иметь в виду, когда речь идет и о тангутском государстве. Признавая формальное старшинство Сун, Ляо и Цзинь, Си Ся всегда на всем протяжении своей истории было государством независимым. И его политическая роль в истории Центральной Азии определяется той независимой политикой, которую оно проводило.

В течение двух с половиной веков тангутское государство было одним из трех самых могущественных государств Дальнего Востока — Сун, Ляо (позднее Цзинь) и Си Ся.

Существование тангутского государства повлияло на судьбы ряда народов Центральной Азии. В ходе полувековых войн тангуты уничтожили уйгурские ханства Ганьсу. После продолжительной борьбы они овладели некоторыми территориями восточнотибетских племен.

Появление тангутского государства резко ослабило связи сунского государства с западом. Перестали действовать древние сухопутные пути из Китая в Индию и Среднюю Азию. Неоднократные попытки китайцев открыть новый караванный путь через северо-восточный Тибет и Наньшань закончились неудачей. Это не могло не сказаться на экономике и политике Китая. В области внешней политики это выразилось в постоянном стремлении северосунских правителей уничтожить тангутское государство. В области экономики это привело в конечном счете к значительной переориентации китайской внешней торговли с сухопутной на морскую. Произошло существенное изменение торговых путей в этом районе Дальнего Востока. Выплата контрибуций Ляо и Си Ся, непрерывные войны с тангутами в XI в. стали источником финансовых и военных затруднений Сун и тем самым одной из косвенных причин знаменитых реформ Ван Ань-ши.

Тангутское государство, претендовавшее на земли восточнотибетских племен, совершенно очевидно помешало Северной Сун захватить эти территории еще в XI в. Упорное сопротивление тангутов объективно помогло многим народам мира в борьбе с монгольским нашествием.

Можно только сожалеть о том, что мы не имеем никаких сведений о взаимоотношениях Си Ся с караханидами и каракитаями, татаро-монгольскими и тюркскими племенами.

Современные китайские авторы дают очень односторонние оценки роли Си Ся. Так, Чжоу Лян-сяо в статье «О Чингис-хане» довольно безапелляционно заявил, что «двухсотлетняя экспансия Си Ся сыграла огромную разрушительную роль для китайской истории»¹. Поскольку несправедливость его оценки была совершенно очевидна, Ван Чжун, выступивший в следующем номере «Лиши яньцзю» со статьей «О возникновении Си Ся», значительно смягчил резкость такой формулировки и подчеркнул, что «возникновение Си Ся отнюдь не было полностью отрицательным и реакционно противоречащим ходу исторического развития»². Ошибка китайских авторов заключается в том, что они оценивают роль тангутского государства только с точки зрения собственно китайской истории.

В связи с этим необходимо сказать и о том влиянии, которое оказывали культуры соседних народов на культуру Си Ся. Тангутская культура развивалась под сложным влиянием китайской, тибетской и уйгурской культуры.

Китайское влияние было особенно заметным при формировании государственного управления, создании системы образования и на идеологию правящего класса. Гораздо менее оно ощущалось в организации вооруженных сил, материальной культуре, повседневном быте. Особенно сильно китайская культура оказывала влияние на господствующий класс тангутского общества. Это выражалось в хорошем знании китайского языка, являвшегося международным языком Дальнего Востока того времени, в принятии в какой-то мере системы китайского образования, основанной на изучении классических книг, в значительном влиянии конфуцианской идеологии. Конфуцианство было идеологическим оружием в руках тангутской знати для подчинения собственного народа.

Однако основная масса тангутского народа говорила на родном и только родном языке, писала своим письмом, носила одежды своего покроя и сохраняла древние тангутские обычаи. Народ был действительным хранителем самобытной культуры.

Тангутская правящая верхушка также не была заинтересована полностью воспринять китайскую культуру. Она заимствовала прежде всего то, что ее интересовало. Часть господству-

¹ «Лиши яньцзю», 1962, № 4, стр. 5.

² «Лиши яньцзю», 1962, № 5, стр. 32.

ющего класса никогда не отказывалась от собственной культуры.

Тибет влиял на тангутскую культуру прежде всего как мощный религиозный центр. Это сказывалось в переводе тибетских буддийских сочинений, в проникновении тантрического буддизма в тангутский буддизм, в сильном влиянии тибетской школы иконописи на тангутскую. Тибетское влияние могло быть значительным в повседневном быту и на народную культуру. Но при исследовании этих процессов (когда мы будем располагать соответствующими источниками) всегда следует помнить о том, что мы имеем дело с культурами различных, но родственных народов. Уйгуры способствовали распространению буддизма в Си Ся, уйгурское влияние ощутимо в тангутской иконописи. Наконец, очень вероятно, что тангуты позаимствовали у уйгуров опыт разведения верблюдов.

Под влиянием соседних культур и сложилась оригинальная тангутская цивилизация. Мы уже говорили о том, что самобытный характер тангутской культуры признавался современниками.

В своем «Очерке» на основании доступных нам источников мы постарались воссоздать историю тангутского государства, сыгравшего заметную роль в истории Центральной Азии и Дальнего Востока. Не все этапы истории тангутов и их государства удалось осветить равномерно. Многие еще требует проверки и переоценки. Многие ждут новых материалов. Была лишь сделана попытка воспользоваться тангутскими источниками. Но именно им и принадлежит будущее в деле изучения истории и культуры тангутского народа на новых материалах.

王國維，聖武親征錄校注，海甯王氏增訂再版 Ван Го-
вэй, Шэн у цинь чжэн лу цзяо чжэу, изд. «Хай нин ван ши цзэн дин
цзай бань», [б. м.], [б. г.].

王仁俊，西夏文綴，實學叢書，1904年 Ван Жэнь-
цзэнь, Си Ся вэнь чо, серия «Шисюе цуншу», [б. м.], 1904.

王靜如，釋定海方氏所藏四體字至元通寶錢文 Ван
Цзин-жу, Ши дин хай фан ши со цзан сы ти цзы «Чжи юань тун
бао» цинь вэнь, отд. отт.

王忠，論西夏的興起，《歷史研究》，1962年 №5
Ван Чжун, Лунь Си Ся ды синци, — «Лиши яньцзю», 1962, № 5.

《廣輿圖》，1799年 «Гуан юй ту», [б. м.], 1799.

戴裔煊，宋代鈔鹽制度，上海，1957年 Дай И-сю-
ань, Сун дай чао янь чжэиду, Шанхай, 1957.

鄧隆，西夏譯妙法蓮華經繹補 Дэн Лун, Си Ся и «Мяо фа
лянь хуа цзин» илу. Рукопись Пекинской библиотеки, сун 291/9254,
без пагинации.

鄧衍林，中國邊疆圖籍錄，上海，1958年 Дэн Янь-
линь, Чжунго бяньцзян ту цзи лу, Шанхай 1958.

А. I. Ivanov, 西夏國書說, 國學季刊, 1卷, №1 Иванов А. И., Си Ся
го шу шо, — «Го сюе цэн кань», т. 1, вып. 1.

李吉甫，元和郡縣圖志，叢書集成，上海，1936年 Ли
Цзи-фу, Юань-хэ цзюнь сянь ту чжэу, серия «Цун шу цзи чэн» Шанхай,
1936.

勵鶻，遼史拾遺，叢書集成，上海，1936年 Ли Э,
Ляо ши ши и, серия «Цун шу цзи чэн», Шанхай, 1936.

* В настоящий перечень работ не вошли работы, помещенные в Списке сокращений.

- 羅福頤，西夏文存，1934年 Ло Фу-и, *Си Ся вэн цунь*, [б. м.], 1934.
- 羅福萇，西夏國書略說，待時軒叢刊，上海，1937年 Ло Фу-чан, *Си Ся го шу люе шо*, серия «Дай ши сюань цун кань», Шанхай, 1937.
- 羅福成，西夏官印集存 Ло Фу-чан, *Си Ся гуань инь цзи цунь*, [б. м.], [б. г.].
- 柳超，西北畜牧業，上海，1955年 Лю Чао, *Си бэй сюй му е*, Шанхай, 1955.
- 明史，〈四部備要〉«Мин ши», СББЯ*.
- 諸橋轍次，大漢和辭典，東京，1955-1960年 Морохаси Тэпудзи, *Дай кан-ва дзитэн*, Токно, 1955—1960.
- 《納西族文學史》，昆明，1959年 «Наси цзу ваньсюэ ши», Куньмин, 1959.
- 西田龍雄，天理圖書館所藏西夏語文書についで，—《ヒブリア》，1957年，N 9，15頁 Нисида Тацуо, *Тэнри тосёкан сёдо Сэйка го бунсё цуйтэ*, «Бибурна», 1957, № 9.
- 西田龍雄，西夏語の研究，vol 1, 1964年，東京 Нисида Тацуо, *Сэйка го-но кэнкю*, т. 1, Токно, 1964.
- 長部和雄，西夏紀年考，—《史林》，18卷，1933年，N 3 Осабэ Кадзую, *Сэйка кинэн ко*, —«Сирин», т. 18, 1933, № 3.
- 岡崎精郎，西夏の李元昊と禿髮令，—《東方學報》第十九輯 Окадзакэ Сэйро, *Сэйка но ри Гэн-ко то токуха-цурэй*, —«Тохо гакухо», т. 19, 1961.
- 岡崎精郎，唐代に於け党項の發展，東方史論叢，1947年 Окадзакэ Сэйро, *Тодай ни окэру токо но хаттэн*, —«Тохоси ронсо», т. 1, [б. м.], 1947.
- 彭信威，中國貨幣史，上海，1954年 Пэн Синь-вэй, *Чжунго хоби ши*, Шанхай, 1954.

* Все династийные истории даются по изданию в серии «Сы бу бэй яо» (СББЯ), Шанхай, 1936.

中島敏，西夏に於ける政局の推移と文化，—《東方學報》，東京，1937年，№6 Сатоси Накадзима, *Сэйка ни окэру сэйкёку но суйи то бунка*, —《Тохо гакухо》，Токио, 1937, №6.

謝稚柳，敦煌藝術叙錄，圖版四二，上海，1957年 Се Чжи-лю, *Дуньхуан шу сюйлу, Тубань сыэр*, Шанхай, 1957.

《西夏藝文志》，一卷，實學叢書，1904年 «Си ся и вэнь чжи», серия «Шинсюэ цун шу», [б. м.], 1904.

《隋書》，魏徵，〈四部備要〉 «Суй шу», сост. Вэй Чжэн, СБВЯ.

山本澄子，唐代に於ける党項の移住に就いて，—《史觀》，第26—27冊 Сумико Ямамото, *Тодай-ни окэру токо но идзю ни цуйтэ*, —《Сикан》，т. 26—27.

熊克，中興小紀，4卷，〈叢書集成〉 Сюн Кэ, *Чжун-син сяо цзи*, серия «Цун шу цзи чэн», [б. м.], [б. г.].

徐炳昶，校金完顏希尹神道碑書後，—《史學集刊》，1936年，№1，17頁 Сюй Бин-чан, *Цзяо Цзинь Ваньянь Шинь шэнь дао бэй шу хоу*, —《Шинсюэ цзикань》，1936, №1.

《太平御覽》，北京，1960年 «Тайпин юй лань》，Пекин, 1960.

顧祖禹，讀史方輿紀要，上海，1955年 Гу Цзю-юй, *Ду ши фан юй цзи яо*, Шанхай, 1956.

洪皓，松漠記聞，〈遼海叢書〉，1933—1934年 Хун Хао, *Сунмо цзи вэнь*, серия «Ляохай цун шу», [б. м.], 1933—1934.

曾公亮等，武經總要，〈四庫全書〉，北平，1934年 Цэн Гун-лян и др., *У цзинцзун яо*, серия «Сыку цюань-шу》，Пекин, 1934.

《欽定四庫全書總目提要》，1901年 «Шинь дин сы ку цюань шу цзун му ти яо», [б. м.], 1910.

《勅脩甘肅通志》 «Чи сю Ганьсу тунчжи», [б. м.], [б. г.].

晁公武，昭德先生郡齋讀書志，《四部叢刊》，上海，
1934年 Чжао Гун-у, Чжао Дэ сяньшэн цючъ чжэй ду шу чжэй, —
«Сы бу цун кань», Шанхай, 1934.

周春，西夏書，嘉慶甲子 Чжоу Чунь, Си ся шу, предисловие да-
тировано 1796 г. Рукопись библиотеки Пекинского университета.

鄭剛中，西征道里記，上海，1936年 Чжэн Ган-чжун, Си
чжэн дао ли цзи, Шанхай, 1936.

陳師道，後山先生集，《四部備要》 Чэнь Ши-дао, Хоу
Шань сяньшэн цзи, серия «Сыбу бэйяо», СББЯ.

《聖武記》，《四部備要》 «Шэн у цзи», СББЯ.

《陝西通志》，臣次青崖謹撰《Шэнь-си тун чжэй》，изд. «Чэнь
цы цин яй цзинь чао», [б. м.], [б. г.].

榎一雄，王韶の熙河經路に就して，—《蒙古學報》，
第一卷，1944年 Эноки Кадзуо, О Ся но Ки ка кэйро ни
цуйтэ, — «Моко Гакухо», т. 1, 1944.

樂史，太平寰宇記，37卷，《叢書集成》，上海，
1936年 Юе ши, Тай-пин хуаньюй цзи, — «Цун шу цзи чэн», Шанхай,
1936.

宇文懋昭，大金國志，1798年 Юйвэнь Мао-чжао, Да
Цзинь го чжэй, [б. м.], 1798.

虞集，道園學古錄，《四部備要》 Юй Цзи, Дао юань
сюе гу лу, СББЯ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ПРИ ЦИТИРОВАНИИ И ССЫЛКАХ НА ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРУ

ДДШЛ—《東都事略》，王偁，乾隆乙卯年鐫 («Дун лу ши
люе», сост. Ван Чэн, [б. м.], 1787).

ЛПЦ—《隆平集》，曾鞏，康熙四七年 («Лунпин цзи», сост.
Цзэн Гун, [б. м.], 1708).

ЛШ 《遼史》，脱脱等 («Ляо ши», сост. Токто и др.).

МЦБТ—《夢溪筆談》，沈括，叢書集成，上海，1936年

(«Мэнди би тань», сост. Шэнь Ко, серия «Цун шу цзи чэн», Шанхай, 1936).

СББЯ — «四部備要», 中華書局, 上海, 1936 年
(«Сы бу бэн яо», изд. «Чжун хуа шуцзюй», Шанхай, 1936).

ССЦ — «西夏記», 戴錫章, 京華印書局刷印, 甲子歲朝
立春日 («Си Ся цзи», сост. Дай Си-чжан, изд. «Цзи хуа нинь шу
цзюй», Пекин, 1924).

ССЦШЕМ — «西夏紀事本末», 張鑑, 光緒年 («Си Ся
цзи ши бэнь мо», сост. Чжан Цзянь, изд. при Гуансюе, 1875—1908).

ССШЛ — «西夏事略», 王德, 靖康要錄, 五, 上海,
1938 年 («Си Ся ши люе», сост. Ван Чэн, изд. в кн. «Цзин-кан
яо лу», кн. 5, Шанхай, 1938).

ССШШ — «西夏書事», 吳廣成, 北平, 1934 年
(«Си Ся шу ши», сост. У Гуан-чэн, Бэйпин, 1934).

ССЯЦ — «西夏研究», 王靜如, 北平, 1931—1932
年 («Си Ся яньцзю», сост. Ван Цзин-жу, Бэйпин, т. I, 1931; т. II,
1932; т. III, 1932).

СУДШ — «新五代史», 歐陽修 («Синь у дай ши», сост.
Оуян Сюй).

СТШ — «新唐書», 歐陽修 («Синь Тан шу», сост. Оуян Сюй).

СШ — «宋史», 脫脫等 («Сун шу», сост. Токто н др.).

СШСГЧЦ — «宋史夏國傳集註», 羅福萇, 待時軒叢刊,
上海, 1937 年 («Сун ши Ся го чжуань цзи чжу», сост. Ло Фу-
чан, серия «Дай ши сянь цун кань», Шанхай 1937).

УДХЯ — «五代會要», 王溥, 上海, 1935 年 («У дай
хуйяо», сост. Ван Пу, Шанхай, 1935).

ЦДГЧ — «契丹國志», 葉隆禮, 乾隆癸丑孟夏刊
(«Цидань го чжи», сост. Е Луи-ли, изд. 1793).

ЦТШ — «舊唐書», 劉昫 («Цзю Тан шу», сост. Лю Ди).

ЦУДШ — «舊五代史», 薛居正 («Цзю у дай ши», сост. Сюе
Цзюй-чжэн).

ЦФЮГ — «冊府元龜», 王欽, 北京, 1960 年 («Цэ
фу юань гуй», сост. Ван Цинь, Пекин, 1960).

ЦТЦ — «資治通鑑», 司馬光 («Цзы чжи тун цзянь», сост.
Сыма Гуан, изд. СББЯ).

ЦШ--《金史》，脱脱等 (《Цзинь ши», сост. Токто и др.).

ЧБ--《續資治通鑑長編》，李燾，浙江書局，光緒七年
(«Сюи цзы чжи тун цзянь чан бянь», сост. Ли Гао, изд. «Чжэцзян шун-
зюй», 1881).

ЮШ--《元史》，宋濂 («Юань ши», сост. Сун Лянь).

BEFEO — Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient.

BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies.

CAJ — Central Asiatic Journal.

JA — Journal Asiatique.

JCBRAS — Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.

JWCBRS — Journal of West China Border Research Society.

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies.

Mém. pres. div. sav. — Mémoires présentés par divers savants à l'Académie
des Inscriptions et belles-lettres.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агуда 228, 248
 Аи см. Дэ-мин
 Алексеев В. М. 4
 Алексеев Д. А. 323
 Али 164, 167
 Алигу 194, 195
 Алудай 252
 Аньбо 322
 Ань Лу-шань 13
 Ань Цзун-цзун 19, 20
 Аньцзыло 138
 Ань-цюань (Сян-цзун, Цзинь-му) 77,
 163, 258, 298, 300—302, 306
 Аоки Бунке 21
 Арслан 50
 Ацзо 189
 Ачжо 312
 Аша-гамбу 67, 80, 307
 Аянь 103
 Байчжун Чачэнь 211
 Балбу 321
 Банбучжи 43
 Бао Юань 278
 Бату-хан 322
 Бернхарди А. 263
 Бильге-хан 106
 Бин-чан (Кан-цзин, Хуй-цзун) 6, 73,
 181—185, 187, 191, 193, 195, 196,
 203, 205, 207—209, 211, 213, 222—
 224, 289
 Бичурин Н. Я. 3, 7
 Болу 309
 Бугорук 256
 Бурэ-нойон 322
 Буянь Тэмур 322
 Бэйли Х. В. 22
 Ва Дао-чун (Цзун-шэи) 245, 274, 275
 Ван Ань-ши 5, 183, 184, 186, 187, 192,
 193, 322
 Ванахай 249
 Ван Вэнь-лянь 106
 Ван Вэнь-юй 206
 Ван Гун-чэнь 172
 Ванминэ 224
 Ван Сун 149, 150
 Ван Сянь 29
 Ван-хан 256, 257
 Ван Цзин-жу 53, 288, 329
 Ван Цзэ-минь 5
 Ван Цзянь 266, 281
 Ван Чао 38
 Ван Чжун 156, 282, 326, 333
 Ван Чжун-бао 148
 Ван Чжун-чжэн 197, 200, 201
 Ван Чэн 6
 Ван Шао 189, 191—193
 Ван Шу 231, 232
 Ваньцзы 48
 Ваньянь Лян 247, 248, 250
 Ваньянь Синь 256
 Ваньянь Цзун-дао 252
 Ван Юнь 293
 Ван Янь 147
 Ван Янь-дэ 288
 Ван Яо-чэнь 152
 Ватэла 78
 Ва Чжацзэ 312, 325
 Ва Юйлуьнду 5, 275, 328
 Виниус А. А. 317
 Виттфогель К. 288
 Владимирцов Б. Я. 102
 Восянци 167
 Вочэнь (Ли Чжэнь) 323
 Вэйбаомо 220
 Вэйгэ 168
 Вэйланьбу 168
 Вэйли см. Юань-хао
 Вэймин Ау 210, 212
 Вэймин Ланъюй 182
 Вэймин Лингун 75, 313
 Вэймин Тэкэци 211
 Вэймин Хуаньво 150
 Вэймин Цзи 204, 221
 Вэймин Цзиннай 181
 Вэймин Шань 180
 Вэймин Шаньли 215
 Вэй-чжун 322
 Вэйшандуй 169
 Вэй Шао 300, 302
 Вэнь Минтэ см. Гуань Минтэ
 Вэнь сюань хуанди см. Кун-цзы
 Гао Лин-гун 299, 301

Гао Хуай-чжэн 175
Гао Цзи-сюань 147
Гао-цзун (дин. Сун) 230
Гао-цзун (дин. Тан) 13
Гао Цзун-юй 180, 201, 202
Гао Чжи-яо 324
Годан см. Кодуань
Годунов П. И. 317
Го Куй 184, 185
Гоо 326
Гохо 326
Го Цзы-и 14
Го Энь 174
Гринстед Э. Д. 276
Грум-Гружимайло Г. Е. 63, 64, 106,
318, 323 327
Груссе Р. 301
Гуан-шэ см. Дэ-мин
Гуаньиньду 326
Гуань Миньэ (Вэнь Миньэ) 182
Гуаньчжуба 328
Гудрич Л. К. 324
Гуйчжан 193
Гулэ Маоцай 282
Гурбеджин 66
Гур-хан 256, 257
Гэсэр 136, 137

Дай Си-чжан 9, 32, 50, 57
Дамдинсүрэн Ц. 136
Дао Хуй 277
Девериа Г. 263, 264
Джувэйни 9, 309, 314
Ди Цин 148
Долоба 234
Долотай 321
Дорчжи см. Доэрцзи
Дорчи 325
Доцзи 322
Доэрцзи (Дорчжи) 281
Драгунов А. А. 277
Дуло Мавэй 182
Дуло Чжун 184
Ду Му 132
Дунчжань 137, 138, 189, 190, 192—195,
251
Дуньюй 191
Ду Фан 144
Дэ-ван 165, 305, 306, 308—313
Дэ-жэн 305, 307
Дэ-мин (Аи, Гуан-шэн) 26, 41, 43—
50, 77, 78, 81, 86, 93, 104, 108, 117,
122, 133, 134, 140, 213, 259, 260, 268,
286, 294
Дэн Лун 266
Дэ Хуй 291
Дюгальд Ж. Б. 318

Ебу-ганьбу (Епу-ганьбу) 308, 323
Ели Ван-мин 150

Ели Ван-юн 146, 147, 149, 150, 151
Ели Жэнь-юн 259—262, 265, 268
Ели Юй-ци 151, 164, 168, 260—262
Елогэ 49, 50, 77
Елюй Даши 233, 236, 238
Елюй Дигу 171
Елюй Жэнь-сянь 170
Елюй Тангу 94
Елюй Чуцай 83, 281
Ему Ланло 169
Епу-ганьбу см. Ебу-ганьбу
Есугай 256

Жамцарано Ц. 323, 326
Жи Ми 292
Жи Чэн 292
Жудин Додо 123
Жуй 325
Жэла Гунци 242
Жэн 309
Жэнь-ай 228, 231
Жэньдо Бао-чжун 212
Жэньдо Сянь-чжун 113
Жэньдо Эдин 200
Жэнь Дэ-хун 242
Жэнь Дэ-цзинь 86, 114, 237—239,
241—245, 251, 252, 253, 258
Жэнь-ли 224
Жэнь-сяо (Жэнь-цзун, Шэн-дэ) 73, 78,
96, 210, 236—238, 240—249, 251,
252, 258, 262, 266, 268, 273, 291,
292, 295
Жэнь Фу 145
Жэнь-цзун (дин. Сун) 145, 178
Жэнь-цзун (дин. Юань) 325
Жэнь-цзун см. Жэнь-сяо
Жэнь-чжун 65, 224, 242
Жэнь-ю 258

Зубер С. М. 267

Иванов А. И. 261, 263, 279
Илха (Илько Сингун) 257
Илько Сингун см. Илха
Илянчжэн Бан 325
Има Данчжэн 195
Ин-вэнь см. Цзунь-сян
Ин-цзун (дин. Сун) 180
Иоан XIII 317
И-цзун см. Лян-цзо
И-чэн 31

Кайду 316
Кан-цзин см. Бин-чан
Кафаров Палладий 291
Кашин 316
Кенгуй 321
Керандай 257
Кодуань (Годан) 324, 328
Козлов П. К. 4, 69, 263, 318

Коко 321
Конфуций см. Кун-цзы
Кочетова С. М. 27
Кракке Е. А. 109, 156
Кун-цзы (Вэнь сюань хуанди, Кон-
фуций) 223, 240, 274, 275, 295
Кунь Сы-лин 5
Кучлук 315
Кюнер Н. В. 22, 320

Лайбачи 323
Либачжань 193
Ли Вэнь-гуй 150
Ли Гуан-жуй 324
Ли Дао 5
Ли Дин 121
Ли Кэ-чжуань 185
Ли Кэ-юань 25
Ли Ли-цзунь 138
Линьбуби 192, 194
Ли Сипь 218
Ли Сы-коу 329
Ли Сянь 200
Ли Хэн 322, 325
Ли Цзи-лун 29, 35
Ли Цзинь-жунь 247
Ли Цзи-фу 12
Ли Цзи-хэ 37
Ли Цзи-чжоу 37
Ли Цин 182, 195
Ли Чжи-бо 294
Ли Чжэнь см. Вочэнь
Ли Ши-ло 280
Ли Шоу-гуй 174
Ли Эи 226
Ли Юань 68
Ли Юань-жу 268
Ли Юань-цзи 309
Лома 49, 50
Лоуши 230, 231
Ло Фу-чан 9, 259, 263
Ло Ши-чан 281
Лунцза (Чжао Хуан-дэ) 234
Лу Цзин 139
Лю Жэи-цянь 28
Лю Жэнь-сой 45
Лю Пин 116, 141, 142, 144
Лю Фа 227
Лю Хэй-ма 309
Лю Ци-чэ 141
Лю Цюань 132
Лю Чан-цзо 202, 204
Лю Чао 79
Лю Чжун-у 227
Лю Чжэн 248
Люйшэн 39
Лян Долян 227
Лян Дэ-и 305
Лян Дэ-яп 278
Лян Ибу 182, 207, 210—214, 217

Лян Имай (Лян Цимай) 87, 101,
131, 176, 181, 182, 191—197, 205,
207
Лян Уи 101
Лян-цзо (И-цзун, Чжао-ин) 6, 73, 90,
95, 111, 167—169, 172, 173, 175—
181, 183, 188—190, 209, 213, 222,
223, 273, 288
Лян Цимай см. Лян Имай

Мадоу Вэйцзи 123
Маньми 176
Мао Вэй-чан 175
Марков Г. Е. 82
Маркос (Мар Ябалаха) 297, 316
Мар Ябалаха см. Маркос
Махмуд Кашгарский 23
Ма Хуай-дэ 149
Мачжаныцзюе 138, 139
Машанг 283
Меньшиков Л. Н. 289, 293
Мин Дао 274, 275
Мину 308
Мин-цзун (дин. Поздняя Тан) 15,
267
Мирза Хайдар 317
Мисян Бокэ 169
Морис М. Г. 263
Моунин Кэжэнь 91
Моцзан Эпан 105, 106, 164, 167—
169, 173—176, 181, 189, 245
Мунке 324
Мухали 307, 308
Мэйин Доцзи 143
Мэн Фан 328

Найянь 322
Нансяо см. Юань-хао
Невский Н. А. 4, 53, 54, 61, 261, 264,
275—280, 287, 292
Не Цзы-шу 304
Нинлингэ (Ниннингэ, Нинлиншоу)
164, 167, 168
Нинлиншоу см. Нинлингэ
Нинмин 164, 167, 295
Ниннингэ см. Нинлингэ
Нисида Тацуо 292
Нисымэн Вупулин 135
Ноинь Шанду 168
Нуше Эцзи 135
Няньхань 233, 247

Оджеу 326
Окадзаки Сэйро 21, 72, 73, 75
Ольденбург С. Ф. 269, 270
Осабэ Кадзуо 57, 165
Оуан Сю 151

Пан Цзи 95, 147, 150, 151, 173—175
Пельо П. 292
Пигулевская Н. В. 296

- Поло Марко 56, 65, 66, 70, 74, 83, 89,
 90, 106, 291, 298, 316, 318
 Потанин Г. Н. 61, 69, 83, 318
 Поуха П. 313
 Пржевальский Н. М. 62, 65, 80, 318,
 Пудашили 326
 Пэй Цзи 39
 Пэн Синь-вэй 99
- Рашид-ад-дин** 56, 66, 70, 298, 299, 301,
 314, 316, 322
 Рерих Ю. Н. 327, 328
 Рокхил В. 22, 23, 321
 Рубрук В. 318
- Сакья-Пандита** 328
 Сан И 145
 Сарман 326
 Саса 191
 Сатоси Накадзима 51, 260, 261, 288
 Саума 296, 297, 316
 Сачжэнь 212
 Сели (Сили) 164
 Се Лян 231, 232
 Се Цзин-вэнь 217
 Сиби 299
 Сили см. Сели
 Синицын В. М. 63
 Син-цзун (дин. Ляо) 172
 Сир 321
 Сифын Булай 12
 Си-цзун (дин. Тан) 14, 268
 Си-цзун (дин. Цзинь) 250
 Сонг-цэн-гам-по 13
 Стейн А. 63
 Сунур 137
 Сунь Сюнь 6
 Сучжили 239, 240
 Су Шоу-синь 49
 Су Янь-синь 303
 Су Янь-сунь 114
 Сыдоду 43, 48
 Сыдуньпа 41
 Сыма Гуан 174, 179, 183, 203, 208,
 209, 213, 280
 Сюань-цзун (дин. Цзинь) 303
 Сюе Юань-ли 223
 Сюй Кан-цзун 69, 97
 Сян-цзун см. Ань-сюань
 Сянь (Шидарку, Шидурку) 313, 314,
 317
 Сяньшунь 50
 Сяо Далидэ 171
 Сяо Пуну 171
 Сяо Хой 160, 161, 170, 172
 Ся Сун 146
 Сячжань 138, 139
 Сячоу 321
- Тай-цзу см. Цзи-цянь
 Тай-цзун (дин. Сун) 29, 273
 Тай-цзун (дин. Тан) 12, 276
 Тай-цзун см. Дэ-мин
 Тай-цзун см. Уцимай
 Тамура 73
 Тархутай 321
 Тахай 309
 Тегэ 251
 Тоба Жэнь-фу 19
 Тоба И-син 20, 294
 Тоба И-чао, 19, 20, 116
 Тоба Кэ-жуй 20
 Тоба Нин-цун 12
 Тоба Сы-гун 14, 19, 24, 30, 134, 268
 Тоба Сы-лянь 19
 Тоба Сы-тоу 13
 Тоба Сы-чжун 24
 Тоба Цзи-пэн 20, 24, 25, 30—33
 Тоба Цзи-хуань 40, 294
 Тоба Цзи-юнь 20, 25
 Тоба Чи-цы 12, 13, 76
 Токто 325
 Толун Черби 67
 Тохуань 326
 Туденов Г. А. 323
 Ту Цзи 298
 Тэмур 328
 Тэрамото Онга 21
 Тянь Жэн-лан 29
 Тяньци ван 160
- Угедэй (Уктай)** 316, 317, 322, 325
 У Гуан-чэн 9, 46, 110, 242, 258
 Уктай см. Угедэй
 Уль см. Юань-хао
 У Линь 246, 247
 Улу (Ши-цзун) 78, 248, 250, 251, 252
 У Тин 248
 Уцимай (Тай-цзун) 230
 Учуган-нойон 322
- Фаньлочжи** 38, 40, 41, 43, 77, 136
 Фань Тин-гуань 20
 Фань Чжун-янь 144, 146, 147
 Фань Чунь 211
 Фа Чжао 284, 285
 Флуг К. К. 261, 272, 276, 328
 Фу Шоу 322
 Фэн Цзя-шэн 288
- Хань го ван 160
 Хань И 140
 Хань Ци 145, 147, 180
 Ховорс Х. 61
 Хуан Чао 14, 25
 Хубилай 322, 324, 325, 328
 Хуй Миш 277
 Хуй-цзун см. Бин-чан
 Хуй-цзун (дин. Сун) 224

- Ху Цяо 97
 Хушаху 302
 Ху Ши-цзян 246
 Хэда 236—238, 241
 Хэлянь-бобо 16, 52, 83, 121
- Цао Вэй** 44, 57
Цао Гуан-ши 28
Цао Цао 132
Цао Цун 148
Цах Е. 263
Цеяньулань 321
Цзешэцзюэ 251
Цзивэй Цифачжэн 163
Цзивэй Яйпай 135
Цзин-сы 224
Цзин-цзун см. Юань-хао
Цзинь-му см. Ань-цюань
Цзинь Цзун-чи 292
Цзипа Сьы 309
Цзи-пэн см. Тоба Цзи-пэн
Цзи-цянь (Тай-цзу, Чжао Бао-цзи, Шэнь-у) 20, 24—41, 43, 45, 47, 48, 81, 91—93, 101, 104, 116, 117, 120, 133, 134, 136, 155, 174, 213, 285, 286, 294
Цзи-чун 26
Цзун ван 229
Цзун Цзэ 232
Цзун-шэн (Ва Дао-чун)
Цзунь-сян (Ин-вэнь, Шэнь-цзун) 165, 302—308
Цзэн Гун 6, 41, 121, 132
Цзюесыло (Цинань линвэнь) 136—139, 142, 143, 175, 188, 189, 190, 233, 234
Цзюэ Целой 312
Цзюйи 247
Цзюхуа 323
Цзяо Цзипь-янь 266, 281
Цидон 174
Цинань Линвэнь см. Цзюесыло
Цыбиков Г. Ц. 319, 321
Цэмудоик 56, 106
Цюйби 52
Цянь-шунь (Чун-цзун, Шэн-вэнь) 68, 73, 165, 209—215, 218—224, 226, 228—231, 233, 235—237, 246, 266, 291
- Чагэ** 86, 114, 242
Чай Жун 29
Чао Гун-у 7
Чахань 312
Чэхэ 301
Чебоксаров Н. Н. 165
Чжан Гун-пу 310, 311
Чжап Ган 147
Чжан Пу 26, 28, 34, 41, 48, 49, 120
Чжапсаль 38
Чжан Сюн-вэй 328
- Чжан Цзун-дао** 178
Чжан Цзянь 9, 59
Чжао Бао-цзи см. Цзи-цянь
Чжао Бао-чжун см. Тоба Цзи-пэн
Чжао Ин см. Лян-цзо
Чжао Пу 31
Чжао Хуан-дэ см. Лунца
Чжао цзянь вэнь му 210
Чжао Чжэн 147
Чжао Юй-цинъ 185
Чжи-сянь 292
Чжоу Жэнь-мэй 38
Чжоу Лян-сяо 333
Чжоу Мэй 148
Чжу Гэ-ляп 276
Чжун-у см. Янь-цзун
Чжун Ши-хэн 149
Чжун Э 85, 90, 180, 186, 195—197, 201, 204
Чжэбууй лунбо 39
Чжэ-цзун (дин. Сун) 208, 220, 224
Чилагэсянкунь 309
Чингисхан (Чингис-хан) 4, 8, 66, 67, 80, 89, 91, 253, 256, 257, 268, 298—301, 304, 307, 309—313, 315, 317, 319—322, 326
Чун-цзун см. Цянь-шунь
Чуньюйгуй 28
Чунь-ю 252, 253, 257, 258
Чэн Кань 179
Чэн Линь 139
Чэнпу Кэчэн 123
Чэн-чжэнь 302
Чэн Чэнь-сэн 302
Чэнь-ань 228, 231, 236
Чэнь Вэй 37
Чэнь Кан-бо 248
Чэнь Сип 41
Чэнь Сы-лян 5
Чэнь Янь-кэ 329
- Шакэ Синдо** 211
Шанду Вочжа 123
Шань Дао 284
Шаньси 132, 133, 164
Шаньюй 140, 141
Шастина Н. П. 68
Шидарку см. Сянь
Шидурку см. Сянь
Шижо 48
Ши Тянь-сян 308
Ши-цзун см. Улу
Шичап 251
Штейн Р. А. 22, 54, 137, 319, 320
Шунь-ди (дин. Юань) 322
Шэн-вэнь см. Цянь-шунь
Шэн-дэ см. Жэнь-сяо
Шэнцюаньлун 139
Шэнь Ко 5, 6, 261
Шэнь-у см. Цзи-цянь

Шэнь-цзун (дин. Мин) 329
Шэнь-цзун (дин. Сун) 183, 208
Шэнь-цзун см. Цзунь-сян

Эда 300
Эквол Р. Б. 102
Эноки Кадзуо 193
Эпан см. Моцзан Эпан
Эсангэ см. Восянци
Эцзан Цюйхуай 133
Эюй 220

Юань-хао (Вэйли, Нансяо, Улэ, Цзин-цзун) 6, 26, 41, 46, 50—52, 57—59, 65, 68, 70—72, 76, 79, 89, 90, 92—95, 98, 104, 108, 110, 111, 113—115, 117, 121—124, 129, 132, 135—143, 145—147, 149—155, 157, 160—

171, 175, 177, 180, 182, 183, 188, 209, 223, 240, 259—262, 265, 267, 268, 282, 286, 287, 294, 295
Юйцан Хуама 189, 190
Юй Цзи 274, 314
Юй Цюэ 5, 325, 327
Юй Чун 197

Ямамото Сумико 13
Ян Вэнь-гун 54
Ян Гань 205
Ян-ди (дин. Суй) 205
Ян Дин 180—183
Ян Дорчжи 326
Ян Сюань-гань 205
Ян Цзе 147
Ян Шоу-су 132
Янь Синь 28, 33
Янь-цзун (Чжун-у) 75, 302

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агань 139
Айшань 84
Алакээла 298
Алашань см. Хэланьшань
Алашань 14, 16, 48, 51, 59, 61, 62, 64, 67, 79, 80, 81, 89, 92, 134, 298, 319, 323
Алтай 22, 23
Амдо 22, 284, 319—321
Амур 227
Аньдинбао 206
Аньпин (Аньпинчжай) 95, 162
Аньсайбао см. Чжэньдун
Аньси 63, 65, 71
Аньцзян 213, 215, 218
Аньчуху 228
Аньэр 138
Аньюань 143, 144, 184
Аоцзышань 46
- Багдад 297
Байбаоань 122
Байкал 253
Байцаопин 201
Байшуй 53, 54
Байюйшань 62
Баоань (Баоаньцзюнь) 94—96, 98, 155, 162, 163, 175, 180, 196, 206, 217, 303
Баотоу 61
Баоцзинь 59
Баркуль 61
Бенгалия 269
Бинчжоу 94
Бобао 144
Большой Хинганский хребет 63
Боро-балгасун 69
Бури-Тибет 257
Бэйшань 61—63
- Валохай (Уйрака, Улахай, Урахай) 298, 299
Вантингуань 30
Вантинчжэнь 167
Верхняя столица Ляо см. Линьхуан
Вофосы 291
Вьетнам (Цзяочжи) 226, 322
- Вэйхэ 17, 54, 61, 145, 185
Вэйцин 122
Вэйчжоу 98, 122, 145, 147, 149, 219, 239, 303
- Ганьгу 131
Ганьсу 12, 13, 18, 23, 51, 58, 60, 62, 65, 67, 80, 82, 87, 93, 103, 134, 148, 191, 284, 316—318, 320, 325, 327, 328, 330, 332
Ганьчжоу см. Чжанье
Гаоли см. Корея
Гаопин 155
Гаотай 104, 287
Гаочан см. Хами
Гималаи 63
Гири 256
Гоби 51, 61, 62, 228, 230, 316
Гуандун 322, 326
Гуанчжоу (Кантон) 322
Гуачжоу 50, 58, 59, 81, 83, 122, 136, 138, 169, 203, 257, 288
Гувэй 191
Гугулун 227
Гуйдэ 326
Гуйцы 257
Гуйчжоу 12
Гумбольта хребет 61
Гунчжоу 234, 304, 305
Гуюань 162
- Дабусун-нур 319
Дайсинли 138
Дайчжоу 94
Данхэ 61, 63
Датун 29, 61
Датунхэ 63
Дацзянлу 22
Дачжулиньсы 285
Дашунь (Дашуньчэн) 147, 149, 179—181
Даянь 205
Динбянь (Динбяньцзюнь) 232, 249
Диннань 14, 28, 30, 35, 36, 44, 45, 59, 135
Динсы 203
Динсяньшань 295

- Динцянь 193
 Динчжоу 37, 59, 81, 239, 240
 Динъюань 226
 Дициньцзэ 26, 28
 Дуншэн 96
 Дуньхуань 54, 60, 63, 72, 269, 285
 Дэвэйчэн 249
 Дэшунь 98
- Егрегайя см. Иньчуань
 Ергинул см. Увэй
 Еригай см. Иньчуань
- Жоуланьшань 122
 Жэньдоцюань 227
- И**ерусалим 297
 Имынь 299
 Инд 307
 Индийский океан 63
 Индия 269, 270, 284, 289, 332
 Инли 313
 Иньсин 95, 173
 Иньчжоу 13, 14, 16, 24—29, 31—34, 36, 37, 40, 58, 59, 72, 79, 81, 117, 142, 180, 186, 201, 309, 315
 Иньчуань (Егрегайя, Еригай, Иргай, Иргай, Иркай, Нинся, Синцин, Синчжоу, Урахай, Хуайюань, Чжунсин, Эрихай, Ятоу) 37, 46, 55, 56, 59, 62, 68, 70, 83, 84, 102, 104, 108, 120, 122, 123, 149, 157, 163, 171, 185, 195, 197, 200, 201, 219, 231, 232, 246, 257, 274, 294, 299, 300, 306, 307, 313—316, 322
 Иньчуань см. Юнлэ
 Иран 315, 322
 Иргай см. Иньчуань
 Иригай см. Иньчуань
 Иркай см. Иньчуань
 Иркутская обл. 323
 Иу см. Тибет
 Ихэ см. Ихэчжэнь
 Ихэчжэнь 218
 Ицзинай см. Хара-Хото
 Ишуй 228
- Кайфын 43, 143, 148, 162, 201, 215, 217, 232, 247, 302
 Калка 315
 Кам 66, 284
 Канпичион см. Чжанъе
 Кантон см. Гуанчжоу
 Каньгу 214
 Каолао 153, 163
 Каравун-кабджал 256
 Каракорум 121, 321
 Кашин см. Хэси
 Кашмир 317
 Керулен 301
 Киргиз 285
- Клин-Лоши см. Лосы
 Корея (Гаоли) 121, 226, 232, 233, 248, 250, 284
 Кочжоу 59, 234
 Кукунор (Хохо-нур) 11, 13, 58, 61, 64, 65, 67, 80, 136, 137, 143, 189, 191, 233, 308, 318—320, 327, 330
 Курбан-Беласут 256
 Куэньлунь 63
- Ланьчжоу 62, 69, 83, 96, 137, 138, 177, 182, 189, 190, 191, 195, 200, 202, 206—208, 213—215, 217, 221, 222, 230, 234, 302, 304, 305, 313
 Ланьшань 292
 Лигили см. Лицили
 Линчжоу см. Линъю
 Линъю (Линчжоу, Сипинфу) 13, 15, 18, 32—41, 44—46, 58—60, 68, 81, 84, 92, 104, 106, 116, 117, 122, 123; 142, 197, 200—204, 208, 218, 219, 232, 236, 237, 243, 274, 294, 295, 303, 305, 306, 313
 Линьтань 12
 Линьфу 90, 142, 144, 146, 197
 Линьхуань (Верхняя столица Ляо) 70, 97
 Линьхэ 227
 Линьчжоу 15, 29, 31, 37, 60, 148, 173, 188, 201, 252
 Лихэ 62
 Лицили (Лигили) 257
 Лицзин 139
 Лоло 122
 Лосы (Клин-Лоши) 257
 Лоу 186
 Лохэ 62, 185
 Лочжоу 234
 Лу 205
 Лунси 61, 191
 Лунхун 59
 Лунчжоу 59
 Лэчжоу (Мяочуань) 59, 139, 193, 195, 234
 Люгу (Шесть долин) 38, 40, 50
 Люлиань 63
 Люпаньшань 62, 145, 313
 Люциай 202
 Лянчэхэ 168
 Лянчжоу см. Увэй
 Ляньдао 153, 163
- М**алин 16
 Маонючэн 137
 Минша 59, 60
 Миньчжоу 26, 192
 Миньшань 53
 Минто 90, 122, 144
 Мичжи 60, 201, 204, 213, 215
 Монголия 256, 317, 319, 321, 330

- Мэншань 253
 Мяочуань см. Лэчжоу
 Мяочуань 138
- Найванцзин** 201
 Наланд 269
 Нанкин (Цзиньлин) 43
 Наньан 153
 Наньвэй 59, 60
 Наньмоу 105, 203
 Наньцзунбао 233
 Наньчжао 331
 Наньшань 38, 51, 61—63, 80, 92, 148, 191, 193, 316, 319, 327, 330, 332
 Наозбао 185
 Непал 269
 Ниися см. Иньчуань
 Нинчжоу 15
 Нинюаньчжай 146
 Нонни 227
 Няньбо 138, 139
- Ордос** 13—17, 26, 29, 53, 58, 59, 61, 69, 79, 80, 83, 89, 92, 93, 135, 139, 316, 319, 321, 323
 Орхон 256
- Пекин** (Чжунду, Янь) 29, 78, 297, 301, 302, 307
 Пешавар 309
 Пинся 77, 93, 123, 125, 219
 Пиншуй 62
 Принаньшанье 50, 59, 83, 104
- Рихтгофена хребет** 61
 Россия 307, 322
- Саймынь** 143, 144, 147, 184, 204, 213, 217, 218
 Саньгуаньчжай 203
 Саньцзучжай 18
 Саньцзюечуань 171
 Саньчуанькоу 143
 Сасион см. Шачжоу
 Сатам 136, 137
 Сианьчэн 104, 231, 237
 Сибирь 317
 Сижун см. Цинъян
 Сикан 319
 Сикким 320
 Силян см. Увэй
 Синин (Цинтан, город) 22, 49, 58—60, 63, 80, 83, 137, 138, 189, 194, 207, 214, 227, 234
 Синин (река) 54, 90
 Синцин см. Иньчуань
 Синчжоу см. Иньчуань
 Синьсин 326
 Синьцзян 134, 148, 189, 233
 Сипинфу см. Линьфу
- Сихэ 189, 192, 219
 Сицзан см. Тибет
 Сицинь 59, 245
 Сиши (Сишоу) 177, 189, 190
 Сишоу см. Сиши
 Суйдэ (Суйчжоу) 14, 16, 27, 32, 33, 36, 40, 46, 58, 59, 86, 87, 96, 142, 180, 184—187, 197, 201, 204, 206, 221, 222, 303, 310
 Суйчжоу см. Суйдэ
 Сулахэ 63
 Сунгари 227, 228
 Сучжоу см. Цзюцюань
 Сычуань 11, 12, 14, 53, 243, 246, 247, 286, 302, 304, 319, 321
 Сюаньвэй 77
 Сюаньхуафу 59
 Сюйчжоу 12
 Сюндацзэ 122
 Сячжоу 13—20, 24—31, 33—37, 40, 41, 46, 52, 58, 59, 64, 72, 77, 79, 84—86, 90, 92, 94, 104, 117, 122, 142, 144, 146, 167, 172, 186, 197, 200—203, 208, 236—238, 258, 294, 306, 315, 326
 Сячуань 201
- Тайюань** 20, 250
 Тангут 56, 66, 80, 89, 257, 297, 298, 314, 316—318, 325, 330
 Танлунчжэнь 170, 172
 Танлянь 84
 Танчжоу 192
 Таохэ 189, 191, 192
 Таочжоу 192, 234
 Тибет (Иу, Сицзан, Тубот, Тэбүдэ, Уй) 80, 107, 122, 169, 190, 233, 251, 269, 283—185, 287, 291, 317, 319—321, 327, 330, 332, 334
 Тихий океан 63
 Тобольск 317
 Тола 256
 Тотокоу 92
 Тоувэйхэ 62
 Тубот см. Тибет
 Тунваньчэн 16
 Тунгуань 306
 Турфан 61, 134
 Тханг-сруд 21
 Тэбүдэ см. Тибет
 Тяньду (Тяньдушань) 44, 105, 122, 200, 203, 214, 219, 262
 Тяньдэ 228—231
 Тяньшань 233
- Убао** 20, 204
 Убочи 35, 94
 Увэй (Ергинул, Лянчжоу, Силян) 17, 38, 40, 41, 43, 45, 48—50, 56—59, 64, 65, 79, 83, 86, 87, 91, 99,

- 105, 134, 136, 137, 139, 171, 189,
192, 200, 203, 263, 274, 289, 294,
307, 312, 315, 324
- Удинхэ 16, 24, 62, 186, 201
Удинчуань 201
Уй см. Тибет
Уйрака см. Валохай
Улахай см. Валохай
Улэжошань 122
Урахай см. Валохай.
Урахай см. Иньчуань
Урумчи 61
Утайшань 140, 284, 285—287
Ушэн (Чжэнтаоцзюнь) 192
Уянь 204
- Фаньхэцзюнь 59
Футу 204, 213, 215
Фучжоу 15, 31, 34—37, 122, 140,
143, 146—148, 188, 232
Фуянь 122, 141, 147, 174, 197, 201,
218, 219, 232
Фынчжоу (древний город в Сычуани)
12
Фынчжоу (Ордос) 15, 16, 139, 146,
160, 188
- Хами (Гаочан) 50, 51, 58, 61, 63, 137,
316
Хангай 323
Ханьбо 84
Ханьюань 84
Хаошуйхэ 219
Хара-Хото (Ицзинай, Эдзина) 4, 51,
56, 59, 69, 73, 84, 90, 122, 257, 263,
267—269, 276, 185, 286, 289, 292,
293, 296, 311, 332
Харугун-хан 66
Хашин см. Хэси
Хорезм 307
Хотан (Юйтянь) 194, 205, 217, 218
Хоуцяо 193
Хохо-нур см. Кукунор
Хуайдэ 231
Хуайхэ 230
Хуайчжоу 59, 197
Хуайюань см. Иньчуань
Хуанхэ 11, 14, 15, 22, 34, 37—40, 46,
51, 54, 58—64, 71, 81, 84, 90,
92, 104, 117, 122, 134, 142, 146, 147,
160, 170, 171, 190, 191, 200, 214, 230,
237, 238, 307, 313, 316, 319
Хуанчжоу 234
Хуаньсянь (Хуаньчжоу) 35, 37, 38,
55, 96, 98, 122, 131, 141, 185, 211,
216, 226, 227
Хуаньцзян 62
Хуаньцин 37, 141, 143, 147, 197
Хуачжоу 142
Хугуан 322
- Хуйчжоу 58, 59, 227, 247
Хунчжоу 59, 122, 142, 218
Хуньчуйшань 311
Хунхэ 202
Хэбэй 29, 142
Хэдун 90, 95, 257
Хэйшуй см. Эдзин-гол
Хэланьшань (Алашань) 38, 40, 43,
46, 61, 62, 74, 78, 121, 131, 170, 171,
216, 237, 324
Хэдун 13
Хэнань 326
Хэншань 62, 81, 86, 144, 179, 186, 201,
219
Хэси (Кашин, Хашин) 15, 37, 142,
256, 257, 292, 293, 310, 312, 316,
324
Хэцин 232
Хэцинцзюнь 70
Хэчжоу 137, 138, 189, 203, 233, 234
Хэчэнчжэнду 104
- Центральная Азия 63, 64, 69, 70, 78,
80, 97, 107, 116, 130, 132, 136, 166,
241, 282—285, 296, 327, 331, 332, 334
Цзандихэ (крепость) 227
Цзандихэ (река) 226
Цзе 98, 287
Цзетансы 168, 287
Цзечжоу 94
Цзи 202
Цзинчжоу 58, 237
Цзиньюань 141, 147, 214, 218, 232
Цзиньлин см. Нанкин
Цзиньминчжай 143, 218
Цзиньсу 160, 171, 232
Цзиньтан 185, 203
Цзиньчжоу 36
Цзиньчэн 213
Цзиши 59, 234, 308, 313
Цзосян 60
Цзунгэ (город) 49, 137, 138
Цзунгэ (река) 138
Цзычжоу 37
Цзюйхэ 87, 173, 175, 179
Цзюйчжоу 12
Цзюйюань 228, 328, 329
Цзюйянь 122
Цзюцюань (Сучжоу) 50, 58, 59, 64,
68, 83, 90, 105, 136, 218, 288, 311
Цзялу 204, 213, 215, 218
Цзяньчжун 252
Цзяохэ 134
Цзяочжи см. Вьетнам
Цзячжоу 303, 307
Цинтан см. Синин
Цинхай 61, 63
Цинцзянь 144, 149, 150
Цинцзяньхэ 62
Цинчжоу см. Цинъян

Циншилин 61
Циншуйхэ 227
Циньюаньцзюнь 37, 197, 201, 202
Цинъян (Сижун, Цинчжоу) 13—15,
33, 35, 37, 40, 98, 122, 143, 145,
149, 153, 179, 185, 201, 250, 329
Циньлиншань 63
Циньлун 141
Циньфын 147
Циньцзя 84
Циньчжоу 98, 147, 185
Цицзи 84
Цэданьсянь 122

Чанбайшань 227
Чангань 14, 284, 304
Чжанцзябао 145
Чжанье (Ганьчжоу, Канпичион) 45,
48—50, 57—59, 64, 68, 70, 77, 83,
106, 122, 136, 137, 143, 203, 207,
218, 288, 291, 298, 311, 312, 314
Чжигу 215
Чжолун 194
Чжошуй 62
Чжуаньюй 205
Чжунду см. Пекин
Чжунсин см. Иньчуань
Чжэлун 41
Чжэньжунцзюнь 48, 122, 162, 203,
214
Чжэньцизюнь 59
Чжэньтаоцзюнь см. Ушэн
Чжэньдун (Аньсайбао) 308
Чжэньцзян 323
Чжэньчжун 98
Чимукоу 298
Чиша 92
Чэнпин 153
Чэнтяньсы 288

Шаньси 29, 61, 230, 284
Шаньсянь 298
Шаньчжоу 138, 234
Шара-мурэн 27
Шахэ 188
Шачжоу (Сасион) 45, 50, 58, 59,
63, 64, 81, 83, 136, 138, 148, 169, 218,
257, 288, 308, 313, 316

Шесть долин см. Люгу
Шичжоу 16, 37, 59, 122, 142, 201, 315
Шофан 16, 19
Шуйхэ 62
Шуньнин 95, 218
Шэнвэйчэн 81
Шэнжу 215
Шэнсы 160
Шэнчжоу 58
Шэньси 15, 38, 52, 60, 80, 94—96, 98,
147, 160, 179, 203, 304, 316, 321, 330

Эдзина см. Хара-Хото
Эдзин-гол (Хэйшуй) 60, 62, 80, 285,
290
Эрихэй см. Иньчуань
Эрчжоу 58

Юаньчжоу 12, 37, 98
Юйлин (город) 16
Юйлин (река) 16
Юйлиньку 65, 71
Юйтянь см. Хотан
Юйчжи 84
Юнлэ (Иньчуань) 204, 209, 215, 225
Юнчжоу 37, 59
Юньнань 321, 325
Юньчжун 96, 231, 247
Ючжоу 16, 27, 33, 36, 40, 58, 59, 60,
102, 117, 122, 131, 142, 148, 155,
163, 185, 186, 201—204, 217, 218,
303, 310, 315

Ялуцзян 227
Янцзы 230, 248, 319
Янь см. Пекин
Яньань (Яньчжоу) 6, 15, 18, 19,
35—37, 94, 98, 106, 140, 143—145,
147, 149, 179, 203, 206, 213, 218,
225, 306, 308.
Яньчжоу см. Яньань
Яньчжоу (древний город Ордос) 16,
17, 41, 58, 59, 86, 122, 237, 238, 303
Яньчжоу (древний город Сычуань) 12
Яньшуй 62
Япония 284
Ятоу см. Иньчуань

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

Амдога 23, 321

Баоцзя 157

Басуму 212, 219

Бинли 251

Бод см. тибетцы

Бохайцы 162, 248

Буряты 323

Бухарцы 317

Ва 274, 281, 335

Ван 236, 252, 266, 321

Ванли 11

Ваньянь 228

Восточных гор племена 14

Вэймин (Юйми) 117, 182, 197, 210—
212, 222, 322

Вэйму 133, 164

Гунны (хюнну) 16, 27, 52, 56, 267,
331

Дада см. татары

Дадань см. татары

Дайэр 157

Далат 323

Дан 22

Дансян 11—26, 28—30, 32, 33, 36—
40, 44, 47, 48, 66, 67, 71, 72, 74, 75,
78, 79, 82, 88, 93, 99, 101, 102, 106,
133, 151, 157, 160, 161, 165, 171,
267, 282, 284, 294, 319, 331

Данчан 11

Джярунг 54

Дола см. Дуло

Дон 22, 54,

Дуло (Дола) 164

Дунгане 320

Дунху 27

Ели (Ири) 28, 133, 164, 167, 261, 262

Елидунэр 14

Елицюэлюй 14

Елюэюши 14

Елюй 30, 164

Есу 14

Ехай 14

Еци 14

Жэнь 252

Жэньдо 203

Ири см. Ели

Кара-китай см. кидане

Керенты (херейты) 256, 257, 323

Кидане (кара-китай, китан)
5, 8, 20, 27, 29, 30, 34—36, 39, 41,
43—45, 47, 50, 55, 69, 73, 76—78,
82, 87, 91, 94, 95, 97, 98, 114, 121,
122, 124, 125, 131—133, 136, 138,
141—144, 146, 148, 149, 151, 152,
154, 156, 157, 160—162, 169, 170—
172, 175, 186, 189, 194, 200, 203,
205, 207, 212—214, 216, 218—220,
222, 225—230, 233, 236, 237, 248,
249, 253, 256, 264, 274, 288, 301,
331, 333

Китай см. кидане

Ло 252, 253, 258, 292, 293

Лунбу 251

Лян 102, 176, 181—183, 185, 186,
195—197, 200, 202, 203, 206, 210—
212, 216, 218, 219, 222, 245, 289

Маньчжуры 72, 73

Ми 21

Мими 164, 167

Миньяк см. миняг

Миняг (миньяк) 21, 22, 54, 284, 286,
319, 320, 321, 327

Мицзан 250

Мицинь 11

Мои см. Моцзан

Монголы (мэнва, мэнгули, мэнгусы,
мэнгуцзы, мэнъу) 5, 8, 56, 58, 61,
66, 68, 78, 80—82, 91, 97, 98, 101,
107, 114, 121, 124, 157, 170, 246,
252, 253, 257, 281, 294, 296—313,
315—321, 323, 324, 326, 327, 329,
330, 333

Мосо 74

Мохэ 227

Моцзан (Мои) 164, 168, 174, 222, 288

Му 55

- Мугальцы 317
 Муно 251
 Мэнва см. монголы
 Мэнгули см. монголы
 Мэнгусы см. монголы
 Мэнгуцзы см. монголы
 Мэнъю см. монголы

Найманы 256, 257
 Нало 189
 Наси 74
 Нужэнь 74

Панпай 251
 Пинся 14
 Почао (Почоу) 11, 28
 Почоу см. Почао

Русские 325

Сартаулы 307, 311
 Си 27
 Сифань 23, 107, 320, 327
 Сифын 11
 Со 164, 267
 Сяньби 11, 27, 267
 Сяо 236
 Сяшань 157

Тангуцзюе 22
 Тангыстут 323
 Тата см. татары
 Татань см. татары
 Татары (дада, дадань, тата, татань, цзубу) 40, 134, 194, 207, 216, 247, 248, 256, 317
 Тибетцы (бодтуфань) 13, 22, 23, 38—41, 43, 47, 48, 56, 61, 64, 68, 74, 77, 78, 87, 134, 136—140, 143, 144, 155, 163, 165, 169, 183, 187—195, 200, 206, 207, 214, 221, 222, 250, 251, 265, 282—284, 286, 287, 293, 302, 321, 329, 330, 331
 Тоба 11—14, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 33, 40, 57, 79, 86, 101, 116, 117, 122, 179, 180, 276, 327
 Тугухунь 11—13, 19, 38, 64, 331
 Тунгусы 27
 Туфань см. тибетцы
 Турки 64, 296, 320, 331, 333

Уйгурчины 323
 Уйгуры 15, 19, 38, 39, 45, 48—51, 58, 61, 64, 65, 68, 70, 72, 84, 92, 104, 106, 136—138, 140, 143, 148, 155, 165, 188, 191, 194, 217, 232, 241, 248, 257, 265, 270, 271, 283, 284, 286—288, 296, 297, 328, 331, 334
 Уйшин 323
 Уни 18
 Ухуань 27

Фандан 11
 Фуэр 240
 Фэйтин 11

Хангин 323
 Херейты см. керейты
 Хуанме 18
 Хюноу см. гуны

Цао 236
 Цзанцалэ 139
 Цзехэ 193
 Цзубу см. татары
Цян (цяньжун) 11, 54, 82, 102, 121, 138, 139, 142, 146, 151, 179, 191, 204, 267, 310, 320
 Цянжун см. цян
 Цяоцзя 251

Чахары 323
 Чжалун 41, 43
 Чжоу 291
 Чжуанлан 39, 40, 251
 Чжурчжэни 5, 6, 8, 54, 61, 69, 72, 73, 76, 78, 82, 95—97, 107, 114, 124, 130, 162, 203, 227—234, 236, 237, 241, 244, 246—253, 257, 258, 274, 280, 281, 299, 300, 302—305, 308, 309, 315, 331
 Чжэ 232, 250
 Чжэпин 38
 Чилан 240
 Чуйчжэ 250

Шато 38
 Шивэй 253

Эрхуан 14

Юечжи 267
 Юйвэнь 27
 Юйми см. Вэймин

Яо 325

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3

Глава I

Тангутские племена до возникновения государства Си Ся

Предки тангутов	11
Дансянские племена в X в.	14
О наименовании «тангут»	21

Глава II

Возникновение независимого тангутского государства

Борьба за независимость. Уход в пустыню	24
Осада Линчжоу	32
Признание тангутского государства Сунским Китаем. Правление Дзэ-мина	43
Тангутско-уйгурские войны	48

Глава III

Государство Си Ся

О наименовании тангутского государства	52
Территория и географические условия Си Ся	57
Население Си Ся	64
Жилища, поселения, одежда. Обычай и обряды тангутов	67
Экономика Си Ся	79
Скотоводство	79
Земледелие	82
Ремесло и промыслы	88
Торговля и финансы	92
Социальный строй государства Си Ся	99
Государственный аппарат Си Ся	108
Тангутская армия. Военная организация Си Ся	115
Принятие Юань-хао титула императора	132

Глава IV

Политика тангутского государства в период правления Юань-хао

Тангутско-тибетская война. Начало борьбы за кукунорские степи	136
Тангутско-китайская война 1040—1044 гг.	140
Первая киданьско-тангутская война	156
Последние годы правления Юань-хао	162

Глава V

Ослабление центральной власти и войны Си Ся в середине XI в.

Переход власти в руки придворной группировки Моцзан Эпана	167
Вторая киданьско-тангутская война	170
Тангутско-китайские конфликты из-за пограничных земель	173
Борьба Лян-цзо за укрепление своей власти внутри страны и междуна- родного престижа Си Ся	177
Правление императрицы-регентши Лян	181
Тангутско-китайская война 1069—1072 гг. и тангутско-китайские отно- шения 1073—1080 гг.	183
Активизация китайской политики в Восточном Тибете и взаимоотношения Си Ся с восточнотибетскими племенами во второй половине XI в.	188
Отстранение Бин-чана от власти	195
Китайско-тангутская война 1081—1086 гг.	200

Глава VI

Тангутское государство на пути к новому подъёму (годы правления Цянь-шуня и Жэнь-сяо)

Крушение могущества дома Лян	210
Пограничные споры и войны Си Ся и Сун в конце XI в.	213
Тангутско-китайская война 1096—1099 гг.	217
Внутренняя политика Цянь-шуня	222
Тангутско-китайские отношения в первой четверти XII в.	224
Тангутское государство в период гибели Ляо и появления империи Цзинь. Присоединение к Си Ся района Синина	227

Глава VII

Тангутское государство во второй половине XII в.

Восстание Хэда. Народные выступления 1143 г.	236
Внутренняя политика Жэнь-сяо	240
Попытка Жэнь Дэ-цзиня расколоть тангутское государство	241
Взаимоотношения Си Ся и Южной Сун в период правления Жэнь-сяо	246
Си Ся и Цзинь в годы правления Жэнь-сяо	249
Тангутское государство в последние годы процветания. Правление Чунь-ю	252

Глава VIII

Культура Си Ся

Письменность. Просвещение, музыка, живопись	259
Памятники тангутской письменности	271
Из истории буддизма в Си Ся. Культ предков и некоторые другие ре- лигиозные верования тангутов	283

Глава IX

Гибель Си Ся

Первые походы монголов на тангутское государство	298
Тангутско-чжурчжэньская война 1214—1224 гг.	301
Последние походы монголов на Си Ся. Гибель тангутского государства	306
О судьбах тангутов и их культуры после гибели Ся	315
<i>Заключение</i>	331
Работы на китайском и японском языках	335
Список сокращений, принятых при цитировании и ссылок на источники и литературу	338
Именной указатель	341
Географический указатель	347
Указатель этнонимов	352

Евгений Иванович Кычанов

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *О. Л. Горбунова*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *В. В. Воловик* и *Л. Л. Родичев*

*

Сдано в набор 12/II 1968 г.
Подписано к печати 28/VI 1968 г.
А-01800. Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 22,25+0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 22,5. Уч. изд. л. 24,6
Тираж 1600 экз. Изд. № 1954
Зак. № 152. Цена 1 р. 65 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4